

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, проф.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакommunikации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2025

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2025. № 1. Январь – март

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Горбачевич О. А.</i> О СТИЛЕ МЕМУАРОВ ДЕКАБРИСТОВ: ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (КУРСИВ, КАВЫЧКИ, ЛАТИНСКИЙ ШРИФТ, «ВСТАВНЫЕ НОВЕЛЛЫ»	5
<i>Грачева Ж. В.</i> ПРОБЛЕМА ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕГОДНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. НАБОКОВА)	8
<i>Демидова К. Ю., Мельник О. Г.</i> ИНОМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ В ЭКВАДОРСКОЙ ПОЭЗИИ «ОБЕЗГЛАВЛЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»	14
<i>Заварзина Л. Э.</i> «ДНЕВНИК СЕМИНАРИСТА» И С. НИКИТИНА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ	20
<i>Карпенко Г. Ю., Пр. Мишра, Мунджал Г.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД НА ХИНДИ (ПОЭТИКА КАУЗАЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИЙ)	24
<i>Коваленко А. Г., Ху Цзяжуй.</i> МЕЖДУ УТОПИЕЙ И АНТИУТОПИЕЙ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ИСКАНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА	31
<i>Кольцова Л. М., Чигирева Е. М.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖУРНАЛА «ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	36
<i>Куйдина Е. П.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ИХТИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	41
<i>Меркулова И. А., Проценко Е. А.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	45
<i>Никонова Т. А., Соловьева О. А.</i> ПОВЕСТИ А. НОВИКОВА 1930-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ..	50
<i>Осьмухина О. Ю., Ахметова Д. Р.</i> СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТРИЛОГИИ С. СНЕГОВА «ЛЮДИ КАК БОГИ»	56
<i>Розенфельд М. Я., Пришельцева М. Л.</i> ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В МЕДИАСФЕРЕ: ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ОСТРОВСКОГО) ...	61
<i>Стрельникова Л. Ю., Тарасова И. И., Чернова Л. В.</i> ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА	65
<i>Удодов А. Б.</i> ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «РУССКОЙ КАРТИНЫ МИРА» В ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920–1930-Х ГГ.	70
<i>Фан Сяожань.</i> К ВОПРОСУ О КАРНАВАЛЬНОМ НАЧАЛЕ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»... 74	
<i>Фролова А. В., Комарова В. В.</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ «ВОЙНА И ДЕТИ» В ПРОЗЕ 1960-Х ГОДОВ .. 79	
<i>Чжэн Сяотин.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОВОРОТ НА ВОСТОК: «КИТАЙСКАЯ СКАЗКА» ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА	82
<i>Яровая Т. Ю.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНОМАСТИКОНА ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»	88

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аксенова О. Н., Швец Е. В.</i> ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ Е-СОМ И ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ РИТЕЙЛ-МЕДИ.....	94
<i>Амелин Д. В.</i> РЕПОРТАЖ И КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНРЫ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА	97
<i>Гаврилов В. В.</i> ОЦЕНКА УРОВНЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МЕДИАЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ЖУРНАЛИСТА.....	102
<i>Донских А. Г.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА Г. ТАГАНРОГА В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ.....	106
<i>Ермилова Ю. В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ «ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ»	110
<i>Землянский А. В., Кутнева Л. А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАСРЕДЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА.....	114
<i>Зулкифли М. Ю.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ЧИСТЫХ ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	120
<i>Игнатова И. Б.</i> КОМИКСНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	123
<i>Калинина М. В., Тишина Е. В.</i> МИШЕНИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	127
<i>Канайлова А. О.</i> КОНТЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ЧАСТНЫХ ГОРОДСКИХ НОВОСТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ Г. СОЧИ).....	131
<i>Кудрявцева М. Е.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ	135
<i>Малыгина Л. Е., Гурова А. С.</i> ФЕЙКНЬЮЗ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	141
<i>Новичихина М. Е., Минакова А. А.</i> О МЕСТЕ СЛОВ — СПОРТИВНЫХ НАЗВАНИЙ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	144
<i>Соломатин А. Н., Мириманов Д. А.</i> ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПЕРИОД УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА.....	147
<i>Хорольский В. В.</i> СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ В СМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОБЛЕМЫ (2010-Е — 2020-Е ГГ.).....	156
<i>Черкашина А. А.</i> РАЗВИТИЕ КЛЮЧЕВОГО ЖАНРОВОГО ПРОФИЛЯ ДЕЛОВОГО ЖУРНАЛА «ЭКСПЕРТ»	161
<i>Чжу Пэнсяо.</i> КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНОИСКУССТВЕ)	166
<i>Шашкова Е. В.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К РАЗВЛЕЧЕНИЮ	169
<i>Шульга М. С.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ, ЖАНРОВЫЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗДАНИЯ «КУЛЬТУРА» (1929–2023 ГГ.)	174
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	178

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2025. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Gorbatsevich O. A.</i> ON THE STYLE OF THE DECEMBRISTS' MEMOIRS: GRAPHIC MEANS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S POSITION (ITALICS, QUOTATION MARKS, LATIN FONT), "INSERT NOVELS"	5
<i>Gracheva Zh. V.</i> THE PROBLEM OF PUBLISHING AND TRANSLATING CLASSICAL LITERATURE TODAY (BASED ON THE WORKS OF V. V. NABOKOV)	8
<i>Demidova K. Yu., Melnik O. G.</i> THE INOMENTAL SPACE OF LOVE IN THE ECUADORIAN POETRY OF THE "DECAPITATED GENERATION"	14
<i>Zavarzina L. E.</i> "DIARY OF A SEMINARIAN" BY I. S. NIKITIN: THE POETICS OF THE TITLE	20
<i>Karpenko G. Yu., Mishra Pragya, Munjal Girish. I. A.</i> BUNIN'S POEM "THE UNQUENCHABLE LAMP": ORIGINAL AND TRANSLATION INTO HINDI (POETICS OF CAUSALITY AND STATES)	24
<i>Kovalenko A. G., Hu Jiarui.</i> BETWEEN UTOPIA AND DYSTOPIA: REVISITING V. PELEVIN'S GENRE QUEST	31
<i>Koltsova L. M., Chigireva E. M.</i> VALUE GUIDELINES OF THE MAGAZINE «READING ROOM OF THE PEOPLE'S SCHOOL» IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT	36
<i>Kuidina E. P.</i> INTERRELATION OF LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC FACTORS OF ICHTHYOLOGICAL VOCABULARY	41
<i>Merkulova I. A., Protsenko E. A.</i> FUNCTIONING OF SPECIAL VOCABULARY OF FOREIGN ORIGIN IN MODERN RUSSIAN ...	45
<i>Nikonova T. A., Soloveva O. A.</i> NOVIKOV'S NOVELLAS OF THE 1930S IN THE CONTEXT OF THE PUSHKIN TRADITION ...	50
<i>Osmukhina O. Yu., Akhmetova D. R.</i> SPECIFICS OF THE REFRACTION OF DYSTOPIAN TRADITION IN S. SNEGOV'S "PEOPLE AS GODS" TRILOGY	56
<i>Rozenfeld M. Ya., Prisheltseva M. L.</i> POPULARIZATION OF RELIGION IN THE MEDIA SPHERE: A LINGUO-PRAGMATIC STUDY (BASED ON THE TEXTS OF PRIEST PAVEL OSTROVSKY'S TELEGRAM CHANNEL)	61
<i>Strelnikova L. Yu., Tarasova I. I., Chernova L. V.</i> PHILOSOPHICAL ASPECT OF LANGUAGE IN THE WORKS OF V. V. NABOKOV	65
<i>Udodov A. B.</i> THE PHENOMENOLOGY OF THE "RUSSIAN WORLDVIEW" IN THE TOPOLOGICAL DYNAMICS OF THE LITERARY PROCESS OF THE 1920S-1930S	70
<i>Fang Xiaoran.</i> REVISITING THE ASPECT OF THE CARNIVAL BEGINNING IN N. V. GOGOL'S NOVELLA "NOTES OF A MADMAN"	74
<i>Frolova A. V., Komarova V. V.</i> EXISTENTIAL ASPECTS OF THE THEME "WAR AND CHILDREN" IN THE PROSE OF THE 1960S	79
<i>Zheng Xiaoting.</i> LITERARY TURN TO THE EAST: "A CHINESE FAIRY TALE" BY VICTOR PELEVIN	82
<i>Yarovaya T. Yu.</i> LINGUISTIC AND STYLISTIC ANALYSIS OF THE ONOMASTICON OF I. A. BUNIN'S NOVEL "MITYA'S LOVE" ...	88

JOURNALISM

<i>Aksenova O.N., Shvets E.V.</i> KEY TRENDS IN E-COM DEVELOPMENT AND INNOVATIONS IN THE RETAIL MEDIA SECTOR... 94	94
<i>Amelin D. V.</i> REPORTAGE AND COMMENTARY AS GENRES OF SPORTS DISCOURSE..... 97	97
<i>Gavrilov V. V.</i> ASSESSMENT OF THE MEDIA PERSONALITY SELF-IDENTIFICATION LEVEL OF A STUDENT JOURNALIST 102	102
<i>Donskikh A. G.</i> TRANSFORMATION IMAGE OF TAGANROG IN REGIONAL MASS MEDIA 106	106
<i>Ermilova Yu. V.</i> COMMUNICATION STRATEGIES OF «DIGITAL ABORIGINES» 110	110
<i>Zemlyanskiy A. V., Kutneva L. A.</i> TRANSFORMATION OF THE MEDIA LANDSCAPE DURING THE COVID-19 PANDEMIC... 114	114
<i>Zulkifli M. Y.</i> THE ROLE AND IMPORTANCE OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE FIELD OF CLEAN NUCLEAR TECHNOLOGIES..... 120	120
<i>Ignatova I. B.</i> COMICS JOURNALISM IN THE PRACTICE OF MODERN MEDIA CULTURE: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE..... 123	123
<i>Kalinina M. V., Tishina E. V.</i> TARGETS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE..... 127	127
<i>Kanailova A. O.</i> CONTENT MODELS OF PRIVATE CITY NEWS MEDIA (USING THE EXAMPLE OF SOCHI PUBLICATIONS) ... 131	131
<i>Kudryavtseva M. E.</i> METHODOLOGICAL PROBLEMS AND PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR THE EDUCATION OF PROFESSIONAL COMMUNICATORS IN THE MODERN ERA 135	135
<i>Malygina L. E., Gurova A. S.</i> FAKE NEWS IN ARMED CONFLICT (BASED ON THE EXAMPLE OF PUBLICATIONS IN TELEGRAM CHANNELS) 141	141
<i>Novichihina M. E., Minakova A. A.</i> ON THE PLACE OF SPORTS NAME IN ONOMASTIC SPACE 144	144
<i>Solomatin A. N., Mirimanov D. A.</i> PRACTICAL APPLICATION OF COMPREHENSIVE INFORMATION AGGRESSION AGAINST THE INTERESTS OF RUSSIA DURING THE UKRAINIAN CONFLICT 147	147
<i>Khorolsky V. V.</i> THE SEMANTIC VECTOR OF POLITICAL DISCOURSES ANALYSIS IN THE MEDIA: A METHODOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE PROBLEM (2010S – 2020S)..... 156	156
<i>Cherkashina A. A.</i> THE MAIN CHANGES IN KEY GENRES OF THE “EXPERT” MAGAZINE..... 161	161
<i>Zhu Pengxiao.</i> CHINESE CULTURE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF MEDIA COMMUNICATIONS (BASED ON THE MATERIAL OF MEDIA TEXTS ON MODERN LITERATURE AND CINEMA)..... 166	166
<i>Shashkova E. V.</i> HISTORICAL TELEVISION JOURNALISM: FROM EDUCATION TO ENTERTAINMENT 169	169
<i>Shulga M. S.</i> THEMATIC, GENRE, FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE PERIODICAL “KULTURA” (1929-2023) 174	174
SUBMISSION GUIDELINES..... 178	178

О СТИЛЕ МЕМУАРОВ ДЕКАБРИСТОВ: ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (КУРСИВ, КАВЫЧКИ, ЛАТИНСКИЙ ШРИФТ, «ВСТАВНЫЕ НОВЕЛЛЫ»

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется манера повествования в работах декабристов (Н. И. Лорера, А. Е. Розена). Яркой особенностью их стиля является использование французской лексики (на письме передано по-французски), акцентирование того или иного заявления с помощью курсива или кавычек. Пользуясь графическими средствами, авторы мемуаров осуществляют «смысловый нажим» (термин Л. Я. Гинзбург), что дает возможность исследователям понять нюансы позиции мемуаристов.
Ключевые слова: декабристы, фразеологическая позиция, субъектная сфера, «вставные новеллы».

Abstract: the article analyzes the manner of narration in the works of the Decembrists (N. I. Lorer, A. E. Rosen). A striking feature of their style is French vocabulary (written in French) and the use of italics or quotation marks to emphasize a particular statement. Using graphic means, the authors of the memoirs carry out "semantic pressure" (L. Y. Ginzburg's term), which makes it possible for researchers to understand the nuances of the memoirists' position.

Keywords: Decembrists, phraseological position, subject sphere, "insert stories".

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые *стилистические* аспекты воспоминаний декабристов. Связанные с данной категорией поэтики особенности сюжетно-композиционной системы (обусловленные индивидуальным авторским восприятием событий) исследованы в трудах М. К. Азадовского, В. С. Голубцова, С. С. Дмитриева, П. В. Ильина, М. В. Нечкиной, А. Г. Тартаковского, Н. Я. Эйдельмана.

Семантика кавычек, скобок, латинского шрифта, курсива (относительно художественных текстов) находилась в поле зрения таких ученых, как М. М. Бахтин, И. М. Борисова, Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, Анна А. Зализняк, Е. В. Падучева, Н. Н. Скатов, Б. А. Успенский, В. Шмид, Б. С. Шварцкопф, определивших роль указанных *знаков* в широком спектре значений (возникающих при цитировании «чужого» текста, в случаях использования иронии, введения дополнительной информации и пр.). Функции знаков препинания, видов шрифтов убедительно проанализированы на материале произведений Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. С. Токаревой, А. И. Слаповского и других, однако, как указывает один из исследователей, существуют различия при использовании упомянутых средств в «художественном и нехудожественном тексте» [9, 86]. Авторские стратегии, по нашим наблюдениям, действительно несхожи при применении курсива, латинского шрифта в романах И. С. Тургенева («Отцы

и дети», «Дым») и в литературе документальной (например, в «записках» декабристов А. Е. Розена и Н. И. Лорера). Художник слова стремится к расширению смысла образов, и графические средства играют важную роль в «формировании структуры нарративного текста» и «композиции» произведения в целом [5, 412].

Сотни страниц воспоминаний, написанных декабристами, являются результатом напряженной рефлексии (правомерно ли было выступление?), желания оставить потомкам правдивые, неискаженные пристрастным общественным мнением свидетельства. Знаток русской истории, Н. Я. Эйдельман, отметил, что эти «заметки» часто рождались как коллективное сочинение, составленное единомышленниками (хотя можно вспомнить и об их противоположных мнениях, несогласии): «...существует много примеров <...>, когда декабристы, делясь своими воспоминаниями с друзьями по каторге и ссылке, сначала вырабатывали устную версию мемуаров и только позже закрепляли ее в письме» [10, 341–342]. Бурное обсуждение отгремевших событий, споры привели к тому, что мемуары «мятежников» стали содержать массу красноречивых деталей. На многих страницах (например, созданных И. И. Горбачевским, Д. И. Завалишиным, Н. И. Лорером, А. Е. Розеном) повествуется о ярких личностях, эмоционально напряженных эпизодах, так как, по справедливому замечанию Л. Я. Гинзбург, «литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и "мыслей" ведет прямой

разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора» [2, 133].

Читая труды декабристов, можно заметить, что авторы довольно часто прибегают к использованию *курсива*, который Л. Я. Гинзбург назвала «смысловым нажимом» [3, 153]. К этому приему мемуаристы прибегают для того, чтобы точнее донести до читателя «собеседника» свои чувства.

Вчера еще свободные молодые дворяне, а сегодня уже узники, они немало удивлялись манере ведения следствия. Император Николай I во время «бесед» с хорошо знакомыми ему офицерами поражал их своим желанием оказать давление, например, Н. И. Лореру было сказано, что у него нет чести. Очевидно, что подобное обвинение было в высшей степени оскорбительно и вызвало у дворянина протест. Н. И. Лорер, видимо, в тот момент с трудом подавивший гнев, передает свой ответ следующим образом: «Тут я невольно вздрогнул, у меня захватило дыхание, и я невольно проговорил: — *Я в первый раз слышу это слово, государь...* Государь сейчас же вспомнил и уж гораздо мягче продолжал...» [4, 364]. Офицер имел в виду слово «честь», поместив его в тревожно иронический контекст. Провокационная фраза императора приводится Н. И. Лорером без кавычек и не выделена, свой же ответ, как более значимый и достаточно дерзкий, декабрист акцентировал курсивом.

Как видно, самые важные фразы (по мнению Н. И. Лорера) часто обрамлены кавычками, например ответ «одного <...> товарища» (его имя осталось неизвестным), неожиданно вызвавший смех у санных членов следственной комиссии. Декабрист представил его реплику так: «Господа, что вы кричите, если бы вы все были поручиками теперь, то непременно были бы членами тайного общества» [4, 376]. Держа ответ более пожилым А. Х. Бенкендорфу и А. И. Чернышову (отличившемуся особым рвением и верноподданничеством во время следствия), «товарищ» Н. И. Лорера напоминает о молодости декабристов (есть сведения, что самому старшему из них было всего лишь 42 года).

В тексте воспоминаний Н. И. Лорера приводятся точные даты, конкретные имена друзей и недругов, исторические справки, общеизвестные топонимы, но наряду с этим встречаются и *истории* (порой комические), которые в литературоведении называли бы «вставными новеллами» (например, в романе). «Вставные новеллы», как известно, не связаны фактологически с основным текстом, но расширяют его хромотоп, вводят новую информацию. Наиболее часто такой прием применяется в приключенческой литературе (или при создании авантюрного романа), но встречается и в классических реалистических произведениях. Примером могут послужить «История княгини Р.» в тургеневских «Отцах и детях», «Повесть о капитане Копейкине» в гоголевских «Мертвых душах». В рассматриваемых мемуарах можно видеть

очень примечательные сцены из жизни местных сибирских жителей (например, бурят), которые вполне могли бы украсить любую пикареску, но в данном случае это *происшествия*, реальность которых подтверждается многими свидетелями.

Мемуариста позабавил неожиданный проигрыш хорошего шахматиста С. П. Трубецкого коренному сибирскому жителю. Н. И. Лорер рассказывает о разных правилах популярной игры, европейских и азиатских: «...королева ходит, как наш конь, и вместо нашей туры у них слон» [4, 423]). Далее приводится совсем курьезный случай: «На другой день я искал этого славного игрока, чтобы снова с ним сразиться, и с огорчением узнал, что он лежит больной, получив за какой-то неважный поступок от своего хана пятьдесят плетей» [4, 423]. В художественном произведении экзекуция могла быть изображена «крупным планом», в «человеческом документе» (мемуарах) она лишь упоминается, так как здесь важно другое: показать круг общения декабристов, нравы местных жителей.

Очень экзотично выглядит сын местного хана, который вполне мог бы в театре играть роль сказочного царевича: «В коляске сидел мальчик в шелковой зеленой шубе, в шапочке, отороченной бобровым мехом и украшенной наверху голубыми шариками из стекляруса, вроде короны. На боку его болталась сабля с серебряным темляком, а на шее — золотая медаль на анненской ленте» [4, 422]. Юный наследник («мальчик»), командовавший настоящим войском (60 000 бурят), желая поразить европейцев, устроил представление, «приказав выпустить на равнине оленя и пустившись со своими за ним вдогонку». «Искусно пущенные стрелы свалили прекрасное животное, и оно попало к нам на кухню» [4, 422], — так мемуарист завершает вставной эпизод.

Ценную информацию, интересную современному читателю, получаем, анализируя «французский» текст (по замечанию Ю. М. Лотмана, «пароль аристократов») воспоминаний, причем он приводится как с переводом, так и без него (автор создает свои «записки», рассчитывая на людей своего круга — хорошо знающих этот «язык дворян»). Рассмотрим фрагмент из «заметок» декабриста А. Е. Розена, которому жена прислала записку, или же он ей написал письмо, что арестанту, конечно, запрещалось. А. Е. Розен не сообщает нам (становясь при этом *ненадежным* (unreliable narrator) [1, 159]), кто же на самом деле нарушил строгие правила и отправил послание, так как остерегается выдать либо себя самого, либо супругу, либо тех, кто им помогал.

Явно не обремененный правилами приличия некий «полковник Микулин», охранявший арестованного декабриста, при обыске нашел у А. Е. Розена письмо и даже, «по долгу службы», прочел его («Sois tranquille, cher ami, Dieu me soutient, ménages-toi» [6, 102]). Видимо, редакторы цитируемых «Мемуаров декабристов», а не сам А. Е. Розен (это было бы лишним, так

как его окружение говорило по-французски свободно), переводят это письмо (в конце страницы): «Будь спокоен, дорогой друг, Господь меня поддерживает, береги себя». Рьяный служака Микулин усомнился в том, что автор письма — женщина, супруга барона А. Е. Розена, и этот вывод был сделан исходя из правил французской грамматики. Полковник справедливо предположил, что это сам «дерзкий» А. Е. Розен (а не его жена) не соблюдает предписания и хочет передать весточку домой: «Помилуйте, да как же она пишет в мужском роде *tranquille* два *ll* и *e!*!» [6, 102]. В этот момент (весьма вовремя) появился В. А. Перовский, адъютант императора, и на французском языке сделал замечание бестактному «ученому грамматике»: «*Cessez donc, mon cher, vous dites des bêtises*» («Оставьте же, друг мой, вы говорите глупости», — даётся перевод, сделанный, скорее всего, редакторами данного издания). Автор мемуаров в рассмотренном случае прибегает к французскому языку органично, так как это соответствует этикету первой половины XIX века, но приведенные вставки выполняют не только узко коммуникативные функции. А. Е. Розен продемонстрировал, что адъютант царя (конечно, тоже заметивший нарушение грамматики при указании на род) владеет иностранным языком не хуже злобного охранника, но, желая разрядить напряженную ситуацию, он грешит против истины. Слова Микулина передаются прямой речью и косвенной, а реплики Перовского — только прямой речью и в кавычках — так акцентируется благородный поступок адъютанта. Очевидно, что анализируемый фрагмент выявил доминирующие черты всех персонажей «записок» (умного и осторожного «тактика» А. Е. Розена, мелочного Микулина, гуманного Перовского). При этом мы так никогда и не узнаем, кто же на самом деле является автором этой злополучной записки, наделавшей столько шума! И эта интрига, вероятно, создана ироничным А. Е. Розеном умышленно. Но в контексте художественного произведения такой финал указал бы на неопытность сочинителя в литературном ремесле, на его неумение поставить эффектную «точку».

Б. А. Успенский рассмотрел сходную ситуацию (слова Наполеона то по-русски, что в реальности не могло состояться, потому что Бонапарт наш язык не знал, то по-французски, что соответствовало действительному положению дел) в романе «Война и мир». Исследователь заключает, что Л. Н. Толстой таким образом использует языковую игру «для отсылки к тому или

иному индивидуальному сознанию» [7, 77], к определенной «фразеологической» позиции. Такой же вывод в целом можно сделать и о «французском» тексте рассмотренных мемуаров, но в приведенном нами случае добавляется еще и значимый *этический* элемент (поскольку описан реальный эпизод).

Итак, воспоминания декабристов, решившихся на экстремальный поступок, разрушивший их карьеру, а многим и жизнь, отличаются стилистическим разнообразием, что делает повествование в их трудах высоко информативным. Авторы показали себя тонкими аналитиками, психологами, философами, использовавшими различные средства «социально-психологической индивидуализации» [8, 85] для обозначения своих идеологической и этической позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Booth W. C. *The Rhetoric of Fiction* / Booth W. C. University of Chicago Press, 1961. — 572 p.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград: Художественная литература, 1976. — 448 с.
3. Гинзбург Л. Я. О старом и новом: статьи и очерки / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград: Советский писатель 1982. — 422 с.
4. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом / Н. И. Лорер // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 313–545.
5. Рабданова Л. Р. Графические средства выражения точки зрения в нарративном тексте (на материале современной прозы) Л. Р. Рабданова // Мир науки, культуры, образования. — № 1 (68). — 2018. — С. 411–413.
6. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 77–164.
7. Успенский Б. А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 360 с.
8. Шпилева Г. А. «Чужое слово» как средство социально-психологической индивидуализации в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» / Г. А. Шпилева // Содержательность форм в художественной литературе. — Куйбышев, 1989. — С. 85–89.
9. Щецова Т. Г. Прямая речь в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и особенности ее пунктуационно-графического выделения / Т. Г. Щецова // Проблемы современной науки и образования. 2014. — № 2. — С. 86–92.
10. Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков / Н. Я. Эйдельман. — М.: Высшая школа, 1993. — 493 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета

E-mail: goa696@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., applicant of the Department of Theory,
History and Methods of Teaching Russian Language and Literature
of the Humanities Faculty
E-mail: goa696@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕГОДНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. НАБОКОВА)

Ж. В. Грачева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются проблемы, связанные с особенностями издания и перевода русской литературы на иностранные языки, на основе материалов, относящихся к публикациям русскоязычных и переводных произведений В. В. Набокова, а также рассматриваются принципы подготовки и издания писателем собственных переводов.

Ключевые слова: В. В. Набоков, классическая литература, перевод, издание.

Abstract: the article analyzes the problems associated with the peculiarities of publishing and translating Russian literature into foreign languages, based on materials related to the publications of Russian-language and translated works by V. V. Nabokov, and also examines the principles of preparing and publishing the writer's own translations.

Keywords: V. V. Nabokov, classical literature, translation, edition.

Классическая литература представляет собой корпус произведений, считающихся совершенными, созданными признанными авторитетами. Как часть искусства, она являет собой смысловую и эстетический центр культурного поля, культурной матрицы, сотворенной избранными, представляющей высокий образец. Первым классическим автором считается Гомер. Эпопеи «Одиссея» и «Илиада» уже в классический период развития Греции (V в. до н.э.) стали недостижимой вершиной. С тех пор в узком смысле слова «классическая литература» связана с античной. В широком — понятие «классический» употребляется по отношению к любому произведению, представляющему некий канон. Классики постоянно присутствуют в контексте культуры либо в качестве прямых цитат, либо в виде разного рода реминисценций, им подражают, на основе их текстов рождаются устойчивые ценностные сентенции.

Таким образом, к основным чертам классики можно отнести совершенство формы и содержания, признание ее создателей общепризнанными авторитетами, образцовость и вневременное значение, причастность к вечности. Эти черты заведомо предполагают возможное обращение с классикой: признание ее неизменным авторитетом. Неизменность требует не просто бережного отношения к тексту, а возводит его в ранг неприкасаемых¹.

¹ Следует заметить: так как любое произведение уникально, поскольку отражает неповторимость авторского мышления, то вторжение в ранее опубликованный текст нарушает его неприкосновенность, что регулируется

Исходя из этого можно предположить, что издание классики всегда должно представлять собой точное повторение напечатанного ранее, как правило, при жизни писателя.

Однако не все так однозначно. В ряде случаев мы сталкиваемся с литературным редактированием классических произведений, и, прежде всего, определенную трудность испытывают издатели переводных текстов. Остановимся на некоторых литературных историях.

Одна из них, например, связана с изданием древнерусской литературы. Так, до сих пор идут споры о том, **как** следует печатать переводы «Слова о полку Игореве» с древнерусского на русский и другие языки. И дело не только в некоторых вольных стихотворных переводах (Василия Жуковского, Михаила Деларю, Аполлона Майкова, Константина Балмонта, Сергея Шервинского, Николая Заболоцкого, Игоря Шкляревского и других), но и в создании однозначного подстрочника: в тексте остается много темных мест, связанных и с гибелью подлинника, и со слитным написанием слов, затрудняющих порой возможность выделения лексем, и с семантической неясностью многих мест². Представляется, что такого рода тексты следует публиковать с научными комментариями лингвистов, обращая особое внимание

юридически с помощью авторского права. Однако до выхода текста в печать и большие мастера обращались к литературным редакторам, поскольку любому художнику необходим взгляд на его текст со стороны. Пушкин называл это «редко замеченным трудом отделки и отчетливости».

² Об этом пишет А. М. Ломов в монографии «Слово о полку Игореве» и вокруг него» [1].

на спорные места. При этом необходимо в качестве приложения использовать факсимиле.

Кроме того, говоря об издании текстов иных авторов, например сказок Пушкина для детей, сегодня следует снабжать их развернутым комментарием. Язык претерпевает серьезные изменения, и многие слова не понятны современным детям. Чтение его текстов необходимо предварять объяснением незнакомых им слов. В противном случае дети не получат наслаждения от пушкинского стиха, «спотыкаясь» о незнакомые слова. Однако подробно останавливаться на этой проблеме не будем, поскольку она требует серьезного изучения.

Рассуждая об издании классики мировой литературы, обратимся к произведениям В. В. Набокова, прежде всего, к переводам, созданным самим писателем, и к переводам его текстов другими, поскольку в этом случае мы имеем дело с зеркальными процессами, которые условно можно обозначить так: «я вглядываюсь в других» и «другие вглядываются в меня».

В известной фразе В. А. Жуковского «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник», слово «раб» предполагает слепое следование за текстом автора. Однако известно, насколько отличаются по стилю, да и по глубине, некоторые переводы. Мы словно читаем разные тексты.

Обратимся к переводу одного лишь названия романа В. В. Набокова «Ada, or Ardor: A Family Chronicle». Всего шесть слов, но так как это имя текста, который в определенной степени формируется вокруг этой номинации, то сделать это абсолютно точно, передав суть английского названия, оказалось для переводчиков непросто, что должно обратить на себя внимание издателей.

Анализируя значение двух английских слов названия, можно констатировать, что библейское женское имя Ada (А́да) восходит к древнееврейскому אָדָּה, что обозначает «украшение». Английское «ardor», восходящее, в свою очередь, к латинскому многозначному слову ardor, обозначает: 1) сильный жар, зной; 2) сверкание, огонь, пыл; 3) блеск, сияние;

4) горячее желание, сильная страсть, воодушевление; 5) беспокойство; 6) жар любви, пламенная любовь; 7) предмет страстной любви, возлюбленная [2].

Представляется очевидным, что В. В. Набоков в романе «играет» со значениями имени «Ada» и многозначным русским «ад»: 1) в религиозных представлениях: место, где души грешников после смерти предаются вечным мукам; 2) перен. Невыносимые условия, тяжелое состояние; хаос и ужас, царящие где-нибудь [3].

Ada есть Ardor, то есть соединение состояния-чувства: «жара, пламени любви», «сильной страсти», «воодушевления», «беспокойства» — и образного зрительно-чувственного образа возлюбленной: ее «блеска», «сверканья». Кроме того, в названии име-

ет место символическая звукопись: «Ada» эхом откликается в слове «Ardor».

Однако не исключено, что рождение стандартной ассоциации у В. В. Набокова может дать неожиданный сбой. Так, Борис Останин в книге «Догадки о Набокове» пишет: «Важно помнить, что для декадента Набокова в слове АДА нет ничего адского и негативного, скорее это отраженный в зеркале позитив ДА, дважды райский мир. Ада — всего лишь женское имя, короткое, симметричное, ни малейшего градуса пепла!» [4, 24]. Б. Останин отмечает также, что «о любовном и жизненном рае напоминает любовное женское имя РАЯ, но для ВН оно слишком очевидно, пошло, вместо него он — от обратного — использует АДА» [4, 24].

Итак, обратимся к переводам названия. Перевод романа на русский язык, опубликованный в 1995 году издательствами «Атика» (Киев) и «Кони-Велес» (Кишинев), принадлежит сразу трем лицам: Оксане Кириченко, А. Н. Гиривенко, А. В. Дранову и выходит под названием «Ада, или страсть. Хроника одной семьи» [5]. Слово «страсть» в заголовке выступает в роли приложения — второго имени — и поэтому отделено запятой, как и в английском тексте В. В. Набокова. Приложение представляет своего рода аппликацию, наложение определения «страсть» на главное словосочетание «Ада», но отнюдь не исчерпывает набоковской языковой игры.

Перевод названия «Ада, или радости страсти. Семейная хроника» Сергея Ильина (издательство «Симпозиум» в 1999 год), как видим, отличается от предшествующего: С. Ильин вносит дополнительную «краску» в имя текста, создавая словосочетание «радости страсти», главным словом в котором становится «радость» [6]. То есть Ада — это радость, порожденная страстью. При этом С. Ильин (или корректор) на странице-перевод-иллюстрации, якобы повторяющей американское издание 1969 года, «теряет» запятую, которая необходима, если мы имеем дело с приложением и понимаем наименование так: Ада = радость страсти. Если предположить, что запятая не поставлена намеренно, то союз *или* воспринимается как разделительный и смысл в таком случае может интерпретироваться как поставленный перед читателем выбор: с одной стороны — Ада, с другой — радости страсти. Эти явления в таком случае не накладываются, а разделяются. Однако сюжет романа В. В. Набокова, скорее всего, указывает на другое: автор отождествляет их.

Перевод названия Николая Мельникова 2020 года, который вышел в издательстве «АСТ», выглядит так: «Ада, или Эротиада». Сохраняется звукопись / рифма. Однако изменяется акцентуация: усиливается плотская, эротическая семантизация названия, но исчезает многослойность имени текста, его смысловое мерцание.

В переводе Андрея Бабикова 2022 года, вышедшем в издательстве «Corpus», роман В. В. Набокова назван «Ада, или Отрада». Автору, как и его предшественнику, удастся сохранить звуковую игру, рифмуя Ада/отрада. Однако название лишается страстного, «адового» отблеска, которого нет в русском слове «отрада», обозначающем «чувство удовольствия, радости, удовлетворения» или того, что «доставляет удовольствие, радость». Кроме того, представляется, что слово «отрада» имеет народные коннотации, отсылающие к чувствам не сжигающим, не испепеляющим, а согревающим сердце, чистым, нежным, теплым (Ср.: «Живет моя отрада высоко в терему»; «Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет» (С. Есенин); «И я любовь узнал душой // С ее небесною отрадой» (А. Пушкин)). Однако переводчик в одном из своих интервью отмечает, что «идеального переводческого решения для этой задачи нет» и что рабочее название с «отрадой» стало постоянным после того, как он заметил, что сам Набоков в переводе одного из своих стихотворений «отраду» перевел как «ardor» [7].

Как видим, ни один из переводов названия семантически недостаточен, поскольку не дает исчерпывающей актуализации набора всех сем, представленных в названии В. В. Набокова. У писателя оно явлено гораздо шире. Выходом в этой ситуации могло бы стать решение — оставить название без перевода, снабдив его лингвистическим комментарием, показав семантическую многослойность имени текста. Тем более что в практике наименования сам Набоков использует такой прием. Вспомним его *Bend Sinister* (англ.) — «Под знаком незаконнорожденных» — или последний русский роман писателя — незавершенную работу, состоящую из двух глав: «Ultima Thule» (лат. легендарный остров Туле — неофициальное название транснептунового объекта) и «Solus Rex» (лат. «одиноким король» (*rex solus*), — термин, используемый в шахматной композиции).

Однако не только перевод названия текста может стать камнем преткновения при издании переводных текстов В. В. Набокова. Представляется, что одной из трудных задач может оказаться отказ от использования лексики, нехарактерной для писателя. Так, обратившись к переводам Сергея Ильина, который является авторитетным переводчиком произведений В. Набокова, в частности к роману «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (в некоторых переводах «Подлинная...»), можно встретить слово «касаемо» семь раз, а в романе «Под знаком незаконнорожденных» — четыре раза. Это слово сегодня употребляется довольно часто и является нелитературным, ненормативным, в толковых словарях представлено с пометой «канцелярское, устаревшее», «просторечное, областное» или «разговорно-сниженное». Проверив все русскоязычные тексты В. В. Набокова, можно обнаружить, что такого слова ни в одном из них писа-

тель не употреблял. Для него, эстета и изысканного стилиста, оно было недопустимо. Хотя ему не чужда народная речь: известно, что каждый день он изучал одну страницу «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Это был своего рода лингвистический тренинг.

Подобные наблюдения позволяют сделать следующий вывод: при переводе текстов на русский язык писателя-билингва следует изучать его русскоязычный лексикон и не использовать слов (прежде всего, имеющих пометы «разговорно-сниженное», «просторечное, диалектное», «грубо-просторечное» и другие), которых нет в его текстах.

Еще одна чрезвычайно важная набоковская история взаимоотношения с текстом — это работа с разной читательской аудиторией. В. В. Набоков всегда учитывал этот факт, а именно то, представители какой ментальности будут читать произведение — русской, американской или иной. Поэтому, избегая недопонимания, писатель переводил свои тексты, осуществляя саморедактирование в соответствии с поставленными задачами.

Ярким примером этого стали три автобиографии В. В. Набокова: «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство») (написанное на английском языке), «Другие берега» (созданное на русском языке), «Speak, Memoir!» («Память, говори!») (представляющее своего рода перевод «Других берегов» на английский язык). В американском тексте «Убедительное доказательство» автор, по словам его биографа Брайна Бойда, «не слишком подробно описывал то, что связано с Россией и самим Владимиром Набоковым, полагая, что это не вызовет особого интереса» [8, 310]. Для русских эмигрантов, «хорошо помнивших В. Д. Набокова и Владимира Сирина и лелеявших любое воспоминание о России» [8, 310], писатель расширил русскую часть, сделав ее «еще более ностальгической» [8, 310] и дав ей название «Другие берега» (цитата из стихотворения Пушкина). Он написал абзац об И. Бунине, стилизуя текст под его прозу, а также «размыл» контуры некоторых глав. Переводя «Другие берега» в 60-е годы на английский язык, он признавался, что это был мучительный процесс, когда он «после пятнадцатилетнего перерыва... вновь болтался в горькой роскоши» своей «словесной мощи» [8, 311]. Это было переосмысление общения с американским читателем: автор решил «впустить» его в сокровенное пространство, в святая святых своей жизни — в русское прошлое.

Когда речь идет о переводе автором собственных произведений (в том числе романа «Лолита»), вопросов у издателей возникает немного. Иное дело перевод чужих текстов. В этом случае В. В. Набоков предлагает также связанный с учетом читательской аудитории вариант. Так, в молодые годы он делает перевод на русский язык романа Р. Роллана «Кола Брюньон», переименовывая его в «Николку Перси-

ка») и «Алисы в стране чудес», которая превращается в «Аню в стране чудес»). Уже в названии указывая, что русификация — основной подход в работе с текстом: замена английских идиом русскими, воспроизведение языковой игры через русские аналоги, замена хрестоматийных английских текстов (или пародий на них) эквивалентными. В «Алисе» можно наблюдать серию удивительных превращений: Алиса становится Аней, Мэгги — Асей, Пат — Петькой, Чеширский кот — Масленичным (потому что «не все коту масленица»), Вильгельм Завоеватель — Владимиром Мономахом; стихотворение-пародия «Twinkle, twinkle, little bat!» превращается в «Чижика-пыжика». И перечень таких метаморфоз можно продолжать.

Освещение оценок набоковского перевода сказки, вызывающего до сих пор полярные точки зрения, представлено в статье Е. В. Рябовой «Особенности перевода В. Набоковым сказки «Алиса в Стране чудес» на русский язык» [9]. В частности, автор указывает, что Дмитрий Урнов считает: «плохо Набоков перевел „Алису“»; Ольга Бухина отмечает, что это «какой-то очень странный подход к «высокому искусству» перевода», однако, вчитываясь, обращает внимание на кэрролловскую (и, безусловно, набоковскую) звонкость и задорность [9]; Григорий Кружков полагает, что перевод «совсем неплохой, главное — ясный, простой, простодушно разрубающий все узлы английских пазлов <...> для фанатов Кэрролла, безусловно, русский деликатес» [10].

Особое место в разговоре с читателем занимает набоковский перевод «Евгения Онегина» Пушкина, о котором писатель отозвался так: «Русские знают, что понятия «родина» и «Пушкин» неразделимы, и быть русским — значит любить Пушкина» [8, 382]. Как указывает С. Франк, имевший доступ к архивам В. В. Набокова, писатель в сопроводительной записке издателю заметит: «Теперь я навсегда закончил этот дьявольский труд. Чувствую, что сделал для Пушкина, по крайней мере, столько же, сколько он сделал для меня» [11, 320].

В. В. Набоков писал о своем переводе: «Мой метод, возможно, не верен, но это метод» [8, 381]. Фактически он создал новую теорию перевода и уникальный труд, практически не имеющий параллелей в истории литературы. Суть его в следующем. Прежде всего, В. В. Набоков считал, что его «Онегин» должен быть представлен «в триединой композиции: русский оригинал, транслитерация и перевод» (чего не произошло). Кроме того, полный перевод стихотворного текста был явлен читателю в **прозаической форме** с комментариями, которые воспроизводят «аллюзии и прочие объяснения по каждой строке» самого переводчика [8, 383] (курсив мой. — Ж. В. Грачева). Далеко не все филологи, придя в замешательство от скрупулезно-мельчайшей точности, приняли этот метод, назвав его безрифменным абсолютным буквализмом, «подобным гвоздю, цара-

пающему звукопись пушкинской словесной музыки» [8, 385]. Серьезный, но выполненный с безграничной любовью и трепетностью научный труд предполагал абсолютную верность оригиналу через поиск в английском языке совершенных и однозначных соответствий. Далее, В. В. Набоков стремится не потерять ни одного оттенка пушкинского смысла, утверждая, что «в искусстве, как и в науке, наслаждение кроется лишь в ощущении *деталей*... если эти детали не будут усвоены и закреплены в памяти, все «общие идеи» (которые так легко приобретаются и перепродаются) неизбежно останутся всего лишь паспортами, позволяющими их владельцам беспрепятственно путешествовать из одной области невежества в другую» [8, 409].

Как указывалось, основную часть текста (12 сотен страниц) составляет **комментарий**, ставший итогом обширных исследований, проведенных В. В. Набоковым с 1948 по 1958 годы. Переводчик не пропускал ничего, начиная с русского междометия «Ох» («непереводимого русского восклицания», «передающего усталость и горе») [11, 40] и заканчивая возможностью «увидеть» жесты русских людей («Русский жест «махнуть рукой» <...> подразумевает резкое движение руки сверху вниз с выражением усталого и торопливого отказа <...> рука бросает то, что держала или надеялась удержать, а голова отворачивается от сцены поражения или осуждения» [12, 410], а также переводом слова, которое не просто должно заполнить место в строке, а обязано включить изображение англоязычного читателя, соотнося его с сознанием русского. Обратимся к одному из примеров, связанных с попыткой проявить в английском тексте цепь ассоциаций, рождающихся в сознании русского читателя по произнесении слова «черемуха»: «В словарях «черемуха» переводится как «berd cherry» (буквально «птичья вишня»), значение этого слова расплывчато и практически ничего не объясняет <...>. Русское название с его пушистыми мечтательными созвучиями как нельзя лучше соответствует образу этого прекрасного дерева с характерными длинными кистями цветков, которые придают всему его облику в период цветения мягкую округлость. Будучи распространенной обитательницей русских лесов, черемуха одинаково уютно чувствует себя и на берегах рек по соседству с ольхой, и в сосновом бору; ее кремово-белые с мускусным запахом майские цветы ассоциируются в русской душе с поэтическими волнениями юности. У этой «птичьей вишни» нет точного видового английского названия (хотя есть несколько родовых, но названия эти либо не точны, либо омоним глупейших наименований, упорно перетаскиваемых вредоносными буквоедами из одного русско-английского словаря в другой. Одно время я полагался на обычно точный словарь Даля и называл дерево по-латыни Mahaleb, однако последнее оказалось совсем другим растением. Позднее я при-

думал термин «*tusk cherгу*» (буквально «мускусная вишня»), вполне созвучный названию «черемуха» и прекрасно передающий особенность ее аромата, но, увы, намекающий на вкус, совершенно не свойственный ее маленьким, круглым и черным плодам. Теперь же я употребляю научное название, благозвучное и простое «*gасетоса*» и пользуюсь им как существительным, рифмующимся с «*мимозой*» [12, 411].

Поскольку текст «Евгения Онегина» переведен прозой, то перед В. В. Набоковым возникает проблема: как приблизить англоязычного читателя к музыке пушкинского стиха. Писатель находит весьма своеобразный выход: он создает сравнительное исследование английской и русской просодий [12, 407] и через аналогию с английской поэзией дает почувствовать мелодию пушкинского текста, не отказывая себе в привлечении ассоциативного поля читателя: «Начальную стихотворную структуру (четкий звучный элегический катрен) и заключительную (двустипшие, напоминающее коду в октаве или шекспировском сонете) можно сравнить с рисунком, написанном на мячике или волчке, заметным в начале или конце кружения» [12, 408].

Возвращаясь к изданию собственно набоковских текстов, следует обратить внимание на то, что в некоторых случаях мы сталкиваемся с необходимостью перевода с «русского на русский». И проблема в этом случае связана с тем, что первая, эмигрантская часть книг автора, написанных под псевдонимом В. Сиринь, издавалась в старой орфографии, позднее несколько произведений переиздали в новой. Однако, как указывает Андрей Бабилов, «перевод» текста из прошлого в настоящее был сделан не вполне последовательно. Так, например, «свэтер» (в журнальной публикации еще более экзотический «суэтер») был изменен на современный «свитер», но при этом почему-то сохранено написание слов «итти», «чорт», «Хольмс» и т.д. [7]. По мнению А. Бабилова, мы не вправе лишать читателей «ощущения ушедшей эпохи, в которой жил и писал Набоков, представления о том, как звучала та или иная фраза, какие нормы были приняты, какие слова еще не имели устоявшегося написания» [7]. Поэтому он стремится сохранить черты набоковского русского слога, «лишь незначительно корректируя его в русле той эволюции, которую сам Набоков проделал, готовя свои русские книги в поздние годы» и сохраняя «диковинно звучащие теперь слова “Фузияма”, “джампер”, “шелопай”, “рукзак”» [7].

Обращает внимание А. Бабилов и на тот факт, что произведения, насыщенные иностранными терминами, В. В. Набоков публиковал без комментариев и предисловий: в образованной эмигрантской аудитории сочли бы разъяснение таких слов, как «акрошкеры», «каше», «лоден», «бульдегом», «жеран», «ноншалантность», «несцимус», «газоем», «томбола» и т.п. по меньшей мере странным. Совсем иначе обстоят дела в наше время: современный читатель,

отделенный от набоковской эпохи столетием другой культурной традиции, не владеет языками, не учил в школе латынь и не имеет привычки заглядывать в словарь В. И. Даля. А. Бабилов, обращает внимание не только на «антикварную» лексику, но и на непривычные русские выражения и обороты. Так, в романе «Отчаяние» Герман замечает, что его жена была суеверна, и прибавляет: «Сухо дерево». Современный читатель помнит обычай стучать по дереву против сглазу, но, скорее всего, не узнает старинную поговорку «Сухо дерево назад не пятится» [7].

Пунктуация русскоязычных произведений В. В. Набокова в процессе работы над текстом редактора также таит в себе немало сюрпризов, поскольку наблюдается нарушение пунктуационных норм (причем непоследовательное). Например, писатель в некоторых случаях не обособляет вводные слова и нарушает правило постановки знаков препинания при придаточных однородных предложениях. Возможно, такого рода процессы являются показателем становления русской пунктуации, в частности правила обособления вводных слов. Отсутствие такой постановки знаков препинания в современных изданиях В. В. Набокова следует исправлять (исключения, безусловно, составляют случаи авторской пунктуации).

Обратимся к примерам непоследовательно обособления вводных слов: «*Стрелка на стене указывала через улицу на мастерскую фотографа, где в двадцать минут можно было получить свое жалкое изображение: полдюжины одинаковых физиономий, из которых одна наклеивалась на желтый лист паспорта, еще одна поступала в полицейский архив, а остальные, вероятно, расходились по частным коллекциям чиновников*» («Машенька») [13, 89] / «*Голос Алферова на несколько мгновений пропал и когда снова возник, был неприятно невуч, оттого что, говоря, Алферов вероятно улыбался*» («Машенька») [13, 36]; «*А может быть, и до того он мельком ее видал*» («Машенька») [13, 65] / «*Клара же согласилась пойти, оттого что знала, что Ганин в субботу собирается уезжать, и между прочим удивлялась, что Людмила словно об этом не знает, — или может быть нарочно ничего не говорит, а уедет с ним вместе*» («Машенька») [13, 48–49]; «*Кстати, позвольте представиться: Алексей Иванович Алферов*» («Машенька») [13, 35] / «*Кстати она очень любит поэзию*» («Машенька») [13, 46] (во всех примерах курсив мой. — Ж. В. Грачева). Во всех приведенных выше примерах вводное слово требует обособления с обеих сторон в соответствии с современными нормами русского языка. Можно предположить, что так как правила обособления вводных слов в начале XX века проходили период становления и не были закреплены в учебных пособиях, В. В. Набоков ставит знаки препинания избирательно, и такого рода постановка не служит ни для реализации

стилистического замысла, ни для смыслового, а значит, должно быть при современном издании текста изменено.

Таким образом, это лишь немногие намеченные проблемы издания и перевода русской классики и пути их решения, связанные с пониманием текста людьми разных стран и эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него: монография / А. М. Ломов. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. — 244 с.
2. Большой латинско-русский словарь. — Режим доступа: <https://вокабула.рф/> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1986. — 797 с.
4. Останин Б. Догадки о Набокове: Конспект-словарь. Кн.1 (А-З) / Б. Останин. — М.; СПб.: Т. 8. Издательские Технологии / Пальмира, 2003. — 341 с.
5. Набоков В. В. Ада, или страсть. Хроника одной семьи. Роман / В. В. Набоков. — Киев: Атика; Кишинев: Кони-Велес, 1994. — 608 с.
6. Набоков В. В. Американский период. Собр. соч. в 5 тт. Т. 4. / В. В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 1999. — 672 с.
7. Бабиков А. Набоковский корпус. — Режим доступа: <https://polka.academy/materials/782> (дата обращения 19.02.2025).
8. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Б. Бойд. — М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2004. — 928 с.
9. Рябова Е. В. Особенности перевода В. Набоковым сказки «Алиса в Стране чудес» на русский язык / Е. В. Рябова. — Молодой ученый. — 2016. — № 22 (126). — С. 276–280.
10. Кружков Г. Священный ужас: эволюция переводческих принципов В. Набокова / Г. Кружков // Звезда. — 2020. — № 4. — С. 230–234.
11. Франк С. В. Набоков. Перевод «Евгения Онегина» / С. Франк // А. С. Пушкин и В. В. Набоков. Сборник докладов Международной конференции. 15–18 апреля 1999 г. — СПб.: Дорн, 1999. — 384 с.
12. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. В. Набоков. — СПб.: Искусство — СПб; Набоковский фонд, 1998. — 928 с.
13. Набоков В. В. Машенька / В. В. Набоков // Собр. соч. в 4-х тт. — Т. 1. — М.: Правда, 1990. — 415 с.

*Воронежский государственный университет
Грачева Ж. В., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: grachevi@mail.ru*

*Voronezh State University
Gracheva Zh. V., Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
E-mail: grachevi@mail.ru*

ИНОМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ В ЭКВАДОРСКОЙ ПОЭЗИИ «ОБЕЗГЛАВЛЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

К. Ю. Демидова, О. Г. Мельник

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2024 г.

Аннотация: материалом исследования послужила эквадорская поэзия модернизма, возникшая на рубеже XIX и XX веков на фоне важных политико-социальных изменений в стране. Данное литературное течение позже получило название «Обезглавленное поколение». В центре внимания авторов находится любовная лирика и используемые в ней поэтические образы. В статье детально анализируются специфика эквадорской системы стихосложения и возможные переводческие проблемы. Авторы приходят к выводу о том, что менталитету испаноязычного человека близким является творческое, чувственное, красочно-музыкальное восприятие мира, продиктованное множеством факторов, такими как категории языка, окружающая природа, а также литература и фольклор, наложившие отпечаток на мировоззрение поэтов. Проанализированной художественной речи присуща обильная метафоричность, экзальтированное мироощущение, которое адекватнее всего отражает лирическая поэзия. Делается заключение о том, что основной задачей при переводе поэзии является сохранение не только смыслового, но и структурного, стилистического, художественного и образного единства текста. С этой целью в процессе перевода поэтических произведений возможно использование смыслового развития образов для достижения цельности структуры и содержания стихотворения.

Ключевые слова: лирическая поэзия Эквадора, модернизм, декаданс, символизм, «обезглавленное поколение».

Abstract: the research material was the Ecuadorian poetry of modernism, which arose at the turn of the XIX and XX centuries against the background of important political and social changes in the country. This literary trend later became known as the “Decapitated Generation”. The authors focus on love lyrics and the poetic images used in them. The article analyzes in detail the specifics of the Ecuadorian system of versification and possible translation problems. The authors conclude that the mentality of a Spanish-speaking person is close to a creative, sensual, colorful and musical perception of the world, dictated by many factors such as categories of language, the surrounding nature, as well as literature and folklore, which left their mark on the worldview of poets. The analyzed artistic speech is characterized by an abundant, exalted worldview, which is most adequately reflected by lyrical poetry. It is concluded that the main task in translating poetry is to preserve not only the semantic, but also the structural, stylistic, artistic and figurative unity of the text. For this purpose, in the process of translating poetic works, it is possible to use the semantic development of images to achieve the integrity of the structure and content of the poem.

Keywords: lyrical poetry of Ecuador, modernism, decadence, symbolism, “decapitated generation”.

ВВЕДЕНИЕ

Перевод поэзии на протяжении всей истории перевода как такового относился к отдельной его категории, поскольку поэзия как жанр, в силу своих особенностей, требует особого внимания переводчика, делая его фактически соавтором произведения. Г. Р. Гачечиладзе утверждал, что художественный перевод не только можно, но и необходимо рассматривать как подвид словотворческого искусства, и заложенная автором идея должна побуждать переводчика искать эквиваленты с точки зрения эстетики, и художественный перевод, особенно поэтический, следует оценивать с позиции соответствия образов, а не способов [1]. Мы отчасти согласны с этой идеей,

однако считаем, что задача переводчика при передаче стихотворных текстов — это поиск так называемой «золотой середины» между лингвистическим и литературным. Это значит, что специфика поэтического текста во многом обусловлена как его культурным, национальным своеобразием, так и структурными особенностями языка, на котором он написан [2]. При передаче такой специфики переводчику необходимо располагать обширными фоновыми знаниями, связанными как с временными, историческими рамками эпохи переводимого текста, так и ценностями и традициями переводимой культуры, близкой ей символикой и средствам выразительности. Все это в полной мере относится к анализу и переводу латиноамериканской поэзии. Она, латиноамериканская поэзия, так же огромна, самобытна и разнообразна,

как и породивший ее мир. Центральной ее фигурой, как и в случае с любой другой поэзией, является человек, человеческая душа и ее страсти, печали, бури и горести, убеждения, верования, любовь, радости и надежды, беды и страхи. Латинскую Америку называли «таинственным континентом», «континентом бурь», «континентом революций», теперь появилось еще одно название — «континент поэзии». Бурный характер развития этой поэзии позволяет литературоведам говорить о «поэтическом взрыве», охватившем латиноамериканские страны [3].

С нашей точки зрения, недостаток научного внимания и изученности темы обусловлены не отсутствием интереса к эквадорской литературе вообще или ее низкой художественной ценности, а рядом политических, социальных, экономических и др. причин, по которым Эквадор занимает менее заметное положение среди других стран латиноамериканского региона. Наша работа является одной из первых попыток анализа эквадорской поэзии, опубликованных на русском языке, что обуславливает научную новизну и актуальность предлагаемого исследования.

Материалом нашего исследования являются произведения эквадорских поэтов «Обезглавленного поколения» (“*La generación decapitada*”) на рубеже XIX и XX веков. Эти произведения принадлежат литературе модернизма, а сами их авторы стояли у истоков этого направления в Эквадоре.

Латиноамериканская литература была представлена русскоязычной публике в 30-е годы XX века (роман Сесара Вальехо «Вольфрам» в духе социалистического реализма), однако пик интереса к литературе, написанной на испанском языке, пришелся на период с 60-х по 90-е годы прошлого столетия (работы П. Неруды, Г. Г. Маркеса, Х. Л. Борхеса и т.д.). Среди отечественных исследователей, изучавших творчество писателей Латинской Америки и Испании, можно отметить В. С. Виноградова, Г. В. Степанова, Т. В. Писанову, В. Б. Земскова и др., однако на данный момент существует очень мало исследований на русском языке, посвященных творчеству писателей Эквадора. При подготовке теоретической части данной работы были использованы исследования эквадорских лингвистов — Антонелла Каларота [4], Франциско Хавьер Вильявисенсио Молина [8], Рауль Андраде [6], Марио Кампанья [7].

По ряду кратко изложенных далее причин модернизм в эквадорской литературе возник довольно поздно, когда латиноамериканское движение находилось на закате, и новые литературные тенденции взяли верх.

Это объясняется тем, что в конце XIX и первые десятилетия XX века, время, когда писатели других стран Латинской Америки находили новые способы выражения творческой мысли и творили, в Эквадоре происходили важные политико-социальные изменения: убийство диктатора Габриэля Гарсиа Морено, борьба за власть реакционно настроенных генералов — его по-

следователей, Либеральная революция 1895 г. во главе с Элоем Альфаро — и бурный протест на данные события со стороны церкви. Погруженные в социальный контекст борьбы между традициями и переменами, поэты были неправильно поняты и отвергнуты.

Аргентинский писатель Мануэль Угарте в своей работе, посвященной творчеству латиноамериканских писателей XX века, заметил: «У Франции была своя конкиста — они завоевали Америку книгами» [8]. Для латиноамериканских писателей, охваченных духом революции и жаждой перемен, Франция была символом свободы и воспитала новое поколение «латиноамериканской интеллигенции» — новаторских, смелых и даже безрассудных молодых людей.

Действительно, представители «Обезглавленного поколения», как и многие их современники, восхищались французскими поэтами-символистами В. Гюго, А. Рембо, Ш. Бодлером, П. Верленом, которые, согласно замечанию М. Угарте, вдохновили новое «сломленное, побежденное поколение» [8]. Многие умирали рано, покончив с собой — так произошло и с поэтами эквадорского «Обезглавленного поколения».

Этот термин был впервые употреблен эквадорским журналистом Раулем Андраде в эссе под названием “*Retablo de una generación decapitada*” [6]. Он выделил условную группу из четырех поэтов — двух из Гуаякиля: Медардо Анхеля Сильвы и Эрнесто Нобоа и Кааманьо, и двух из столицы страны — Кито: Артуро Борха и Умберто Фьерро. Эти поэты, хотя знали друг друга лично, никогда не стремились создать отдельной литературной группы или направления. Их объединяла, прежде всего, общность идей и видения жизни. Все они придерживались противоречивых взглядов и чувств: в их стихах присутствуют религиозные убеждения, которые плохо совместимы с богемной жизнью, которую они вели. Прославляя жажду жизни, любовь, красоту, они в то же время призывали смерть, проявляя страх перед неизвестным.

Так или иначе, по оценке А. Калароты, «обезглавленное поколение представляет собой первую литературную группу в стране» [4]. Именно их печальный опыт облегчил путь для будущих поколений, которым не пришлось бороться со средой и обществом, не умеющим в то время ценить искусство и приветствовать новинки.

М. А. Ариас-Вихиль в своей работе «Французский символизм и русский декаданс...» отметила: «Ключ к пониманию основного настроения поэзии декаданса — слова ‘скука’ и ‘томление’, ощущение исчерпанности бытия и упадка, поэтизация ущерба» [9]. Такое же определение применимо и к «настроению» поэзии «Обезглавленного поколения».

Основные темы их литературных работ — тоска по миру, которого нет, обреченность и беспомощность бытия, любовь, которой не суждено случиться, восхищение природой, мифы и легенды. Однако стоит отметить, что семантическое значение поня-

тия «декаданс» изменялось на протяжении всего XX в. и изменяется до сих пор. На сегодняшний день стоит говорить о декадансе как о направлении в искусстве, или концепции, которая борется за чистую, не задетую ничем вульгарным, «низким» эстетику языка и литературы, противопоставленную таким течениям, как «натурализм» или «реализм».

В нашей работе используется художественный и подстрочный перевод стихотворений эквадорских поэтов с испанского языка на русский и дается наш анализ творчества этих авторов. Некоторые стихотворения приведены не в полном объеме.

Первое стихотворение, взятое для анализа, принадлежит перу Артуро Борха. Он родился в Кито и, как уже было сказано, ушел из жизни раньше всех. Его литературное наследие составляет всего 28 стихотворений. Предположительно, переведенная работа написана до важного события в биографии поэта — поездки во Францию (точный год создания не известен, поскольку автор не датировал свои работы). См. табл. 1.

Стихотворение написано в переходный этап жизни поэта, во время его взросления, краха надежд ранней юности. Оно состоит из двух строф, каждая из которых также условно поделена на две части. В первых двух строках первой строфы видны типичные для ранней поэзии Борха образы, создающие атмосферу юности и радости: *el jardín de primavera, brisa suave* — символы светлой весны, полной счастливых мечтаний. Вторая строфа показывает смену душевного состояния поэта: розовые кусты с опавшими листьями переносят нас в осень — ностальгические воспоминания о красках и песнях весны.

Строки в скобках — «стихотворение внутри стихотворения» — создают дополнительный детальный образ некой белокурой девушки, уставшей и нежной, воспоминания о которой скорее похожи на сон (*qui-mera*), которого не было. Примечательно слово *lilial*. У него два значения — это как бледный, сиреневатый оттенок, так и растение — цветок ириса — очень важный символ в испанской поэзии, часто встречающийся в стихах Федерико Гарсиа Лорки. Последние строки стихотворения, на наш взгляд, являются аллюзией на сборник произведений французского поэта-декадента Шарля Бодлера «Цветы зла» [10]. Девушка-лирическая героиня стихотворения Борха буквально «срывает лепестки» со всего плохого, злого (...*cuos dedos cansados deshojan los males*), исцеляя душу поэта.

Автор следующего стихотворения — Эрнесто Нобоа и Кааманьо. Он знал Артуро Борха лично — поэты познакомились во время поездки в Париж, посвящали друг другу стихотворения. Приведенная ниже работа предоставлена фрагментарно; в таблице — представлены отрывки, на наш взгляд, наиболее ярко иллюстрирующие образ любви в поэзии Эрнесто Нобоа и Кааманьо. См. табл. 2.

Хотя тема любви в стихотворениях Эрнесто Нобоа

и Кааманьо встречается гораздо реже, чем у других «Обезглавленных», в посвященных ей работах можно выделить уже знакомые нам символы: ветер, птицы, нежность, сад, цветы и звезды, атмосфера легенды, загадки, светлой тоски по прошлому и по прекрасной влюбленности в печальную девушку с мягкой душой. Заключенные в кавычки строки, произносимые как бы самой лирической героиней, обращают особое внимание читателя на ее наивность, пустые мечты, ничем не искусственное по-детски искреннее восприятие жизни: мол, всё или ничего — если эта любовь не чувство на грани жизни и смерти, мне оно не нужно, я его не хочу. Прощание поэта с возлюбленной символизирует разочарование в любви и неверие в счастливый финал, однако даже тогда поэт отмечает красоту этого момента, наслаждаясь эстетикой своей печали.

Третье стихотворение — неполный текст сонета Умберто Фьерро *“Tu cabellera”*. См. табл. 3.

Умберто Фьерро — поэт, проживший самую долгую жизнь из всех «Обезглавленных». В отличие от Артуро Борха и Эрнесто Нобоа и Кааманьо, он никогда не покидал Эквадор, хотя и располагал для этого средствами, но часто путешествовал по мирам своего воображения, в далекие северные страны. Третий сын зажиточного отца — владельца процветающих асьенд, он проводил много времени в прилегающих к ним лесам и читал, предаваясь мечтаниям. Во многих его работах можно заметить отсылки к персонажам и событиям различных мифов и легенд. В переведенном стихотворении таких аллюзий две: Билкис, царица Савская (*Bilkis*) — символ пленительной неземной красоты и Офелия (*Ofelia*) — символ невозможной любви, героиня пьесы Шекспира.

В этом стихотворении возлюбленная поэта — его муза, заключающая в себе и таинственную красоту Востока, и робкую прелесть туманного Альбиона, и нежность цветов, и силу бушующих волн. Эта женщина, которая, вероятно, была старше поэта, также олицетворяет собой представления о любви «Обезглавленного поколения».

Текст последнего стихотворения также неполный, это отрывок работы Медардо Анхеля Сильвы. Этот представитель «Обезглавленного поколения» отличался от остальных — он родился в бедной семье и с раннего детства видел несправедливость общества: расизм, классовое неравенство. Медардо Анхель Сильва потерял отца в раннем возрасте и был вынужден переехать с матерью в маленький дом у кладбища и много работать, что, без сомнения, сильно повлияло на его мировоззрение. В 19 лет он стал главным редактором ежедневной газеты «Эль-Телеграфо», на тот момент крупнейшего печатного издания Эквадора.

Выбранное для перевода стихотворение Медардо Анхеля Сильвы является одной из его самых знаменитых работ, которую эквадорский певец Хулио Харамильо превратил в песню. Стихотворение *“El alma*

en los labios” — «Душа на губах» — посвящено возлюбленной поэта, Розе Амада Вильегас, неразделенную любовь к которой он не смог пережить. См. табл. 4.

Поэзия Сильвы отмечена меланхоличным настроением и мудростью, которые не соответствовали его возрасту. Это стихотворение отличается от других своими ритмом и образами. Вероятно, именно по этой причине оно было положено на музыку певцом и композитором Хулио Харамилью. Поэт не ищет высоких сравнений, не обращается к литературным героиням других эпох, описывая свою возлюбленную. Он раскрывает ей свою душу, честно, страстно и отчаянно. Любить для него — быть всем, что окружает его любимую, это чистое, детское чувство. При этом поэт восклицает, что невзаимность его погубит — жизнь мила ему, только пока в ней есть разделенная любовь. На эфемерность чувства, душевный трепет указывают образы ветра и дыхания, сон ребенка и его грезы о колыбельной матери. Это стихотворение, как и предыдущие, изображает общую для всех четверых представленных поэтов идею любви как высокого и прекрасного чувства, способного как приблизить человека к идеалу красоты, недостижимому счастью, так и уничтожить его. Через год после публикации своей первой и единственной книги «Дерево добра и зла» (*El árbol del bien y del mal*) Медардо Анхель Сильва принял ужасное решение покончить с собой на глазах у своей возлюбленной, которая не ответила на его любовь.

Проанализировав перевод, мы пришли к выводу о том, что менталитету испаноязычного человека близким является творческое, чувственное, красочно-музыкальное восприятие мира, продиктованное, возможно, категориями языка, возможно, окружающей их реальностью, а также литературой и фольклором, которые составляют их прошлое и настоящее, наложившее отпечаток на мировоззрение, чем рассудочное, рациональное проникновение в суть вещей и человеческих эмоций. Экзальтированное мироощущение адекватнее всего отражает лирическая поэзия. Ибо, по мнению автора предисловия к сборнику эквадорской поэзии В. С. Столбовой, «поэзия

многолика, как жизнь, и бесконечна, как время» [3]. В каждом новом тексте метафора, используя привычные образы, тем не менее создавалась заново, имея перед собой понятные прагматические цели: поэту хотелось воздействовать на читателя, захватить его внимание и поразить воображение, поставить его в центр этого вихря поэтических картин, заставляя при этом наблюдать за эмоциями его самого. Причины такого богатства метафоры объясняются особенностями эквадорского национального характера и темперамента, каждую из которых нужно сделать доступной восприятию извне, то есть вербализовать, для успешной реализации чего поэты «Обезглавленного поколения» обращались к рассмотренным образам и символам. Эквадорцу и испаноязычному человеку вообще имманентна способность и даже потребность любить, восхищаться и делать это открыто и широко, потому что через эти чувства он еще и проявляет себя, говорит подробно и неприкрыто о своих чувствах, переживаниях, радости жить, любви не только к женщине, но и к жизни, реальности, что неотделимо для латиноамериканской поэзии.

На наш взгляд, возможность донести творчество поэтов обезглавленного поколения до более широкой русскоязычной аудитории очень важна для того, чтобы дать представление о современных латиноамериканских поэтах и их творчестве. В большей или меньшей степени перевод поэзии всегда будет связан с протягиванием нитей между людьми, живущими в другие времена и других местах. Из опыта поэта, принадлежащего к другой культуре, мы можем познать непривычную красоту самовыражения. Задача переводчика при этом — проявлять уважение и быть осторожным, чтобы не очернить и не приукрасить оригинал, подменяя его собственным мышлением, искажая смысл. Чтобы понять смысл стихотворения, важно ценить чужую культуру и избегать предвзятых суждений, которые могут отдалить нас от оригинала. Мы верим, что это единственно возможный способ для любого из нас воспринимать мир по-своему, при этом, не представляя иноментальную культуру чужеродной.

Таблица 1.

Артуро Борха «Ласкает гуляка ветер...» (“*Por el jardín de primavera...*”)

Оригинал	Художественный перевод ¹	Подстрочник
Por el jardín de primavera yerra una brisa suave... (...Era su rubia cabellera como el ala de un ave que fue una quimera...) Se han deshojado los rosales mustios y fatigados (...Oh sus manos liliales cuyos dedos cansados deshojan los males...) 	Ласкает гуляка-ветер Цветущий весенний сад (Как светлые крылья, этих Струится волос водопад; Как сон под журчанье цикад...) Поникли головки азалий И все лепестки растеряли (...Ах, если б те руки знали, Усталые пальцы знали, Как нежно меня хранят...) 	По весеннему саду Бродит ласковый ветер (...Это ее светлые волосы, Как крыло птицы, — Или это несбыточный сон?) С розовых кустов опали листья, Они стоят, поникшие и увядшие (...О, эти руки, белые, как ирисы, Чьи усталые пальцы Прогоняют все плохое...)

¹ Здесь и далее перевод выполнен К. Ю. Демидовой.

Таблица 2.

Эрнесто Нобоа и Кааманьо «Песнь менестреля» (“Trova de juglar”)

Оригинал	Художественный перевод	Подстрочник
<p>Te amaba por suave, por frágil, por leve; eras como una ave que volar no sabe porque no se atreve.</p> <p>Fingió primavera mi alma dolorida cuando basta la vera llegó de tu vida; y con tu voz de oro trémula dijiste: el amor no existe si no se reviste de un manto de lloro! (fatalismo moro, sensualismo triste).</p> <p>***</p> <p>Mi labio te nombra y en vano murmura: sus ojos de sombra... dulzura... dulzura...! Su voz que era una romanza de Oriente, nonchalance de luna, languidez de fuente. Brisa del pequeño jardín de su boca cuya risa loca deshojó mi ensueño!</p>	<p>Я любил твою мягкость, И легкость, и хрупкость. Ты несчастная птица, что летать не умеет – боится.</p> <p>И весной обернулась больная душа, когда, больше не веря, едва ли дыша, ты сказала, дрожа, и твой голос звенел: «Разве это любовь, сердца разве предел, если мантией слез ты его не одел? (не уйти от судьбы, не унять чувства грустной мольбы).</p> <p>***</p> <p>И бормочут уста упрямо твое имя — опять, опять. Как такую я мог потерять – и глаза цвета льда, и всю нежность, что мне не объять! Ее голос, хранивший тайно заклинанья ночей Востока, и задумчивость лунного ока, и истому воды в фонтане. И дыхание — летний ветер — холодком с ее губ слетало; и улыбка ее обжигала и гнала от меня виденья.</p>	<p>Я любил тебя за мягкость, за хрупкость, за легкость. Ты как птица, что не умеет летать, потому что боится.</p> <p>Притворилась весной моя больная душа, когда из твоей жизни ушло достаточно веры; и своим дрожащим, «золотым» голосом ты сказала: «Любви не существует, если она не окутана мантией плача!» (Мавританский фатализм, печальный сенсуализм).</p> <p>***</p> <p>Мои уста тебя зовут, тщетно бормочут: ее затуманенные глаза... нежность... нежность...! Ее голос – романс Востока, беспечность луны, томление воды в фонтане. Ветерок в крохотном саду ее рта, чья безумная улыбка разрушила мои грезы!</p>

Таблица 3.

Умберто Фьерро «Твои волосы» (“Tu cabellera”)

Оригинал	Художественный перевод	Подстрочник
<p>Tu cabellera tiene más años que mi pena, Pero sus ondas negras aun no han hecho espuma...! Y tu mirada es buena para quitar la bruma Y tu palabra es música que al corazón serena. Tu mano fina y larga de Belkis, me enajena Como un libro de versos de una elegancia suma. La magia de tu nombre como una flor perfuma Y tu brazo es un brazo de lira o de sirena. Tienes una apacible blancura de camelia, Ese color tan tuyo que me recuerda a Ofelia, La princesa romántica en el poema inglés...</p>	<p>Моя боль — и сам я — много младше твоих волос, Пусть их черные волны не тронуты пенной седин. Светлый взгляд твой — маяк среди страшных льдин, Этот голос, твой голос... он — музыка царства грез. Ты надменной рукой, длинной, тонкой своей рукою Прогоняешь меня — так, как гонит тоску поэт. Твое имя чарует и рдеет, как маков цвет, Ты — сирена и лира, и ласковый южный левкой. Бледность кротких камелий — ранимая красота, Как бедняжка Офелия, ты гордость английских пьес, Мне милее, добрее, белее из всех принцесс.</p>	<p>Твои волосы старше моей печали, Но нет еще белой пены в их черных волнах... И твой взгляд может рассеять туманы, И твои слова — музыка, что успокаивает сердце. Твоя длинная тонкая рука, как у царицы Савской, Отталкивает меня, как томик прекрасных стихов. Магия твоего имени — как благоухающий цветок, А плечо, как у лиры или у русалки. Ты кротка и бела, как цветок камелии. Цвет твоей кожи напоминает мне об Офелии – Влюбленной принцессе из английской пьесы.</p>

Медардо Анхель Сильва «Душа на губах» ("El alma en los labios")

Оригинал	Художественный перевод	Подстрочник
<p>Cuando de nuestro amor la llama apasionada dentro de tu pecho amante contemples extinguida, ya que sólo por ti la vida me es amada, el día en que me faltes me arrancaré la vida. Porque mi pensamiento, lleno de este cariño que en una hora feliz me hiciera esclavo tuyo, Lejos de tus pupilas es triste como un niño que se duerme soñando en tu acento de arrullo. Para envolverte en besos quisiera ser el viento y quisiera ser todo lo que tu mano toca; ser tu sonrisa, ser hasta tu mismo aliento, para poder estar más cerca de tu boca.</p>	<p>Когда нашей любви погаснет пламя — Не будет жечь тебя желанием в груди — Уйду из жизни я, оставив только память, Мне без тебя не жить — и без твоей любви. Моей вся нежность завладела мыслью, Тот томный час, что сделал меня рабом. Вдали от тебя мне нет в этой жизни смысла; Я словно дитя; поворкуй надо мной перед сном. О, быть бы мне ветром, чтоб кутать тебя в поцелуи, О, быть бы мне всем, что касалась твоя рука. О, быть бы улыбкой, дыханием, тем, кто любит. О, пить бы нектар из губ твоих родника.</p>	<p>Когда страстное пламя нашей любви Погаснет в груди твоей, Когда тебя у меня не станет, Я уйду из жизни — Ведь лишь из-за тебя мне она мила. Потому что мысли мои, полные этой нежности, Что в счастливый час сделала меня твоим рабом, Вдали от твоих глаз наполняются печалью ребенка, Что засыпает, мечтая о ласке твоих колыбельных. Чтобы окутать тебя в поцелуи, я хотел бы быть ветром, И хотел бы быть всем, к чему прикасается твоя рука; Быть твоей улыбкой и даже твоим дыханием, Чтобы быть ближе к твоим губам.</p>

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Гиви Гачечиладзе. — 2-е изд. — М.: Сов. писатель, 1980. — 255 с.
2. Борисенко Ю. А. К вопросу о переводе поэзии / Ю. А. Борисенко, А. С. Глухова // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2016. — № 8. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-poezii>
3. Поэзия Латинской Америки / Сборник: Пер. с исп., португ. и фр. // Сост. В. С. Столбова, Е. А. Рязуновой, М. Н. Ваксмахера // Вступ. статья В. С. Столбова. — М.: Худож. лит. 1975. — С. 1–51.
4. Calarota-Ninman Antonella. El Modernismo en Ecuador y la «Generación Decapitada» (2022) / Antonella Calarota-Ninman // All Books and Media by Montclair State University Authors. 539. — Режим доступа: https://digitalcommons.montclair.edu/all_books/539
5. Villavicencio Molina F. X. Serie de reportajes radiofónicos: la genereación decapitada, su importancia en

la literatura ecuatoriana // Trabajo de titulación previo a la obtención del título de: licenciado en comunicación social. — Quito, 2019. — 62 p.

6. Naranjo Raúl Andrade (1951). El perfil de la quimera siete ensayos literarios. Obtenido de <http://repositorio.casadelacultura.gob.ec/bitstream/34000/1493/1/FR2-L-000003-Andrade-Perfil.pdf>
7. Campaña M. Una sociedad de señores. Dominación moral y democracia. DF, Mexico: JUS Ediciones; 2017.
8. María De Las Nieves Pinillos, Manuel Ugarte: Biografía, selección de textos y bibliografía (1989).
9. Ариас-Вихиль М. А. Французский символизм и русский декаданс: Иннокентий Анненский — переводчик Бодлера / М. А. Ариас-Вихиль // Некалендарный XX век. Мусатовские чтения-2009. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. — С. 191–215.
10. Gautier T. Charles Baudelaire // Œuvres Complètes de Charles Baudelaire. Vol. 1. — Paris, 1868. — P. 18–19.

Южный федеральный университет
Демидова К. Ю., преподаватель кафедры лингвистического образования
E-mail: kdemidova@sfedu.ru

Мельник О. Г., к. ф. н., доцент кафедры лингвистического образования
E-mail: melnikog@sfedu.ru

Southern Federal University
Demidova K. Yu., lecturer of the Department of Linguistic Education
E-mail: kdemidova@sfedu.ru

Melnik O. G., associate professor of the Department of Linguistic Education
E-mail: melnikog@sfedu.ru

«ДНЕВНИК СЕМИНАРИСТА» И. С. НИКИТИНА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ**Л. Э. Заварзина****Воронежский государственный педагогический университет**

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье охарактеризованы структурные, семантические, функциональные и прагматические особенности заглавия повести И. С. Никитина «Дневник семинариста». Проанализированы свойственные данному заголовку функции. Отмечено современное, критически обусловленное, звучание произведения, созданного в канун эпохи Великих реформ. Подчеркнуто соответствие названия произведения его содержанию до и после прочтения.

Ключевые слова: заглавие, текст, И. С. Никитин, «Дневник семинариста», эпоха Великих реформ, духовное образование, функция, интеграция.

Abstract: the article describes the structural, semantic, functional and pragmatic features of the title of I. S. Nikitin's story "The Seminarian's Diary". The functions inherent in this title are analyzed. The modern, critically conditioned sound of the work created on the eve of the era of the Great Reforms is noted. The correspondence of the title of the work to its content before and after reading is emphasized.

Keywords: title, text, I. S. Nikitin, "The Seminarian's Diary", the era of the Great Reforms, spiritual education, function, integration.

Перу И. С. Никитина (1824–1861) принадлежит единственное прозаическое произведение — повесть «Дневник семинариста». Оно создавалось в переломный период российской истории — в эпоху Великих реформ и было опубликовано в сборнике «Воронежская беседа на 1861 год» / изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. — С.-Петербург: тип. Гогенфельдена и К°, 1861. — 274 с., вызвавшим большой общественный резонанс.

Поражение в Крымской войне (1853–1856) вызвало в российском обществе мощную волну возбуждения. Зарождавшееся общественное мнение, к развитию которого послужило закрытие Высшего цензурного комитета (03.12.1855), отчасти предоставившего долгожданную, хотя так и не объявленную, свободу слова, обсуждало различные причины военной трагедии, постигшей Россию. М. П. Погодин (1800–1875), идеолог николаевского самодержавия, в «Историко-политических письмах и записках в продолжении Крымской войны», в частности, писал: «Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск» [1, 259].

Литераторы, воспользовавшиеся ослаблением цензуры и даже поощрением умеренной критики, стремились заинтересовать читателей критической направленностью своих произведений. В центре внимания И. С. Никитина оказались проблемы духовного образования, указать на которые общественности решил автор затем, чтобы в будущем значительно улучшить подготовку священнослужителей. Об этой

главной цели своей повести он не раз писал друзьям. Так, в письме И. И. Брюханову (17 янв. 1861) И. С. Никитин делился своим замыслом: «Если пропустит цензура написанный мною «Дневник семинариста», вопрос о семинарском воспитании, кажется, подвигнется вперед» [2, 285]. Другому адресату он, в сущности, продублировал цель, которую ставил перед собой, работая над повестью: «...я написал «Дневник семинариста», и если только цензура пропустит его целиком, <...> вопрос о воспитании в духовных учебных заведениях едва ли не будет затронут...» [2, 286].

И. С. Никитин учился в Воронежской духовной семинарии, но, к сожалению, по настоянию отца, ее не окончил. Зная ее, по собственному признанию, «вдоль и поперек», автор надеялся, что «некоторый свет, брошенный в эту бурсу, наверное, принес бы свою пользу...» [2, 84]. Духовное образование необходимо было реформировать, поскольку духовенство в царской (императорской) России играло весьма заметную роль. От образования священников непосредственно зависело воспитание прихожан, в первую очередь многомиллионной крестьянской паствы. Это хорошо понимали иерархи русской православной церкви вообще и в частности московский митрополит Платон (1737–1812), по мнению которого, воспитание не состоит «в нежностях телесных, в увеселениях чувственных, в обучении, которых только своею наружностью поражать обыкли». А состоит оно в том, чтобы «взойти познанием в самого себя, познать Создателя своего; познать конец создания своего» [3, 71].

Благодаря работам С. Д. Кржижановского, Н. А. Веселовой, Н. А. Николиной, Е. В. Джанжаковой и др. ис-

следователей в области изучения поэтики заглавий наблюдаются значительные достижения [4–7]. Характерные для заглавия художественного произведения структурные, семантические, функциональные и прагматические особенности нашли свое отражение в заголовке повести И. С. Никитина. Практически все выделяемые исследователями функции заголовка реализованы в названии данного произведения.

Название повести по структуре представляет собой словосочетание, где главное слово *дневник*; в нем — ключевое значение анализируемого заголовка и соответственно всей повести. Произведение И. С. Никитина целиком написано в форме дневника литературного героя, этим оно отличается от тех сочинений, в художественную ткань которых авторы, в соответствии с поставленными задачами, включают дневниковые фрагменты персонажей, например журнал Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Существует также третий тип дневниковых текстов — дневники конкретных исторических персоналий: писателей, композиторов, ученых и т.п. И. С. Никитин использовал жанр дневниковой прозы потому, что глазами семинариста стремился объективно охарактеризовать образовательный процесс, совершавшийся в духовном учебном заведении, не предвзято представить картину взаимоотношений педагогов и воспитанников, педагогов, воспитанников и администрации, беспристрастно обрисовать типы учащихся и учащихся. Автором дневника, как правило, является человек наблюдательный, думающий, для которого важна как фиксация событий внешней жизни, так и осознание тайных пружин собственных поступков, отношений с другими людьми. Для него, согласимся с С. С. Николаичевой, дневник становится «не только формой внутреннего диалога, но и отражением души его автора и эпохи, в которой он создается» [8]. Отличительными же чертами образованных людей 30–70-х гг. XIX в. являлись критически-аналитический ум, философствующий дух, многопроблемные, с оттенком скепсиса, размышления, глубокая рефлексия.

Важно обратить внимание на зависимое слово, входящее в состав заглавия. Семинарист — воспитанник закрытого учебного заведения, характеризующегося суровой дисциплиной, жесткими мерами наказания, порой телесными, объемным учебным планом, усвоение которого невозможно без наличия у учащихся сильной воли и твердого характера. Завершить обучение в семинарии воспитанникам помогала физическая и психологическая закалка, полученная в духовном училище, где антигуманный характер отношений между учащими и учащимися считался практически нормой. Словосочетание *дневник семинариста* не относится к частотным, типичным. Но оно и не является оксюмороном, однако его определенная семантическая противопоставленность, противоречивость способна привлечь

внимание, а может быть, и удивить читателя. Заглавие, таким образом, привлечет внимание читателя, начинает, говоря словами С. Д. Кржижановского, «постепенно, лист за листом», раскрываться в книгу: «книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга. Или: заглавие — книга in restricto, книга — in extensor» [4, 3]. Название повести, данное И. С. Никитиным, на наш взгляд, адекватно отражает ее содержание; другие же заголовки, например такие, как «Дневник ученика», «Дневник Белозерского», не передают сущность (смысл) произведения. Автор оказался прав также в том, что зависимое слово не снабжено никакими определениями, скажем, «Дневник воронежского семинариста» или «Дневник воспитанника воронежской семинарии». Определение лишило бы повесть обобщения, подсознательно заставляя читателя думать о том, что изображенные в ней порядки характерны не для всех, а лишь для отдельно взятой семинарии.

С. Д. Кржижановский также справедливо отмечал, что из понятия *заглавие* только искусственно можно исключить имя автора. Он полагал, что «писательское имя, по мере забирая им известности, превращается из собственного в нарицательное, тем самым участвуя в нарицании, т.е. назывании книги» [4, 4]. Именно так произошло с «Дневником семинариста» И. С. Никитина. Читатели, видя первое издание повести, невольно задавались вопросом *Тот ли это Никитин, с которым мы знакомы как с поэтом?* Они, испытывавшие к Никитину-поэту любовь и уважение, интуитивно почувствовали симпатию и к Никитину-прозаику, еще даже не прочитав произведение. По мнению С. Д. Кржижановского, важны также пометы о годе и месте издания, они часто «как бы врастают в заглавие, делаясь неотделимыми от него» [4, 4]. К повести И. С. Никитина это существенное замечание ученого имеет прямое отношение, что подчеркивалось в начале данной статьи.

Книга должна рассчитывать «на емкость своего заголовка», поскольку путь ее от первоначального чтения до попадания в историю культуры вообще и литературы в частности сужается до одного лишь названия.

Таким образом, наличие заглавия у повести И. С. Никитина свидетельствует о реализации номинативной функции — текст обозначен именно так. Оно не лишено и другой универсальной функции — информативной, ибо всякое название извещает читателя о тексте. Есть заглавие — есть и текст. Правда, в «Рассказах о книгах» известнейший библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский одну из глав посвятил «Книге без названия» [9, 43–48]. Заглавие повести выполняет и разделительную функцию, выделяющую текст из окружающего пространства и воплощающуюся посредством графических средств. Издатели, поместив «Дневник семинариста» в «Воро-

нежскую беседу», где художественные произведения (А. Кольцова, И. Никитина, А. Суворина) соседствовали с этнографическим и краеведческим материалом, в частности Н. Второва, литературно-критической статьей Ф. Де-Пуле и другими сочинениями, выделили текст повести из окружающего пространства, отделив название соответствующими графическими средствами — шрифтом. Характерна для анализируемого заглавия и экспрессивно-апеллятивная функция, способствующая выявлению авторской позиции и психологически готовящая читателя к восприятию текста. Данному заглавию присуща и рекламная функция, приобретающая самостоятельность по мере издания повести отдельной книгой. Многозначность заглавия реализуется в совокупности функций, способных «работать» на главную цель — устанавливать контакт с читателем, вызывать у него подлинный интерес к произведению, оказывать на него эмоциональное воздействие. Достичь данную цель без прочтения всего произведения невозможно. Ознакомившись с «Дневником», читатель убедится в точности предложенного автором заглавия.

В поле зрения Василия Белозерского, автора дневника, — различные аспекты его жизни как в городе (обучение в семинарии), так и в селе (в родительском доме). Характеризуя личности педагогов, Белозерский, конечно, большее внимание уделил образу Федора Федоровича, поскольку в его доме юноша снимал комнату и столовался. Это обстоятельство позволило семинаристу наблюдать частную жизнь преподавателя, покой которой периодически нарушали «благодарители»: из мозолистой руки одного, к примеру, «выглядывает на божий свет тщательно сложенная бумажка», другой желает угостить *учителя* парой деревенских гусей. Захаживали в дом профессора и коллеги, достаивавшиеся разного приема. Хозяин был любезен с теми, кто близок начальству, обеспечен, зато холоден и даже груб бывал с теми, кто оказался в трудной ситуации. Материальное оказывалось выше духовного. Белозерский дал примеры преподавательского «мастерства» учащихся, нарисовал яркие картины их отношений с учащимися, основанных на превосходстве наставников над воспитанниками, унижении их человеческого достоинства, оскорблениях, а иногда и агрессии.

Разнообразны и типы учащихся. Тихие, забытые сыновья бедных пономарей и дьячков, как правило, живут в общежитии на казенный кошт: в их спальне раздолье крысам и клопам, посещение столовой тоже требует привычки: из нее доносится не ароматный запах свежеприготовленной пищи, а невыносимая вонь, распространяющаяся на все здание бурсы. Хитрые, лицемерные, изворотливые дети богатых отцов живут на съемных квартирах, приучаясь всего достигать не трудом, а подхалимством, угодничеством, необоснованным превосходством над товарищами. Настоящими личностями, целеу-

стремленными, трудолюбивыми, доброжелательными, выступающими за честность и справедливость в отношениях между людьми, живущими богатой внутренней жизнью, предстают перед читателем два друга: Белозерский и Яблочкин. Для Белозерского сына сельского священника, отец которого не приветствует желание юноши учиться в университете, «сан священника — великое дело»: его служение — в оказании помощи страждущим. Представляя свое будущее, он полагал, что слово евангельской истины, произнесенное им, ободрит несчастных, бесчестно оскорбленных, задавленных нуждой. Для детей прихожан обоюбого пола священник устроил бы школу, где учил бы не только грамоте, но и читал и объяснял святое Евангелие. Он уверен, что при таком воспитании дети вырастают разумными отцами и добрыми матерями. Такими священниками могут стать лишь люди с железной волей, светлой головой, духовно богатые, способные противостоять жестокости жизни. Тем же, кому «придется зарабатывать себе насущный кусок хлеба своими руками» (таковы же практически все сельские священники), придется проститься с юношескими идеалами. Яблочкин — сирота, он талантлив, начитан, имеет собственное мнение, мечтает поступить в университет, надеясь быть полезным на светской службе. Но жестокая болезнь обрывает юную жизнь, оставляя мечты и надежды невоплощенными. Об образах Белозерского и Яблочкина подробно см. в статье [10].

Читатель, ознакомившись с повестью, убедится в соответствии заглавия ее содержанию. Произведение, представляющее частный дневник юноши-семинариста, имеет мощное социальное звучание. В нем дана объективная картина отечественного духовного образования в 40-е годы XIX века с точным указанием насущных проблем, требующих скорейшего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856 / М. П. Погодин. — М.: типогр. В. М. Фриш, 1874. — 383 с.
2. Никитин И. С. Сочинения / И. С. Никитин. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. — 342 с.
3. Демков М. И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. Опыт историко-педагогической хрестоматии / М. И. Демков. Изд. 2-е, испр. и сокр. — М.: изд-во К. И. Тихомирова, 1915. — VIII, 334 с.
4. Кржижановский С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. — М.: Коопер. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1931. — 34 с.
5. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика / Н. А. Веселова. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 1998. — 24 с.
6. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студ. вузов / Н. А. Николина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академия, 2007.

7. Джанжакова Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанжакова // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 207–214.

8. Николаичева С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30–70-х гг. XIX в.) / С. С. Николаичева. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2014. — 21 с.

9. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах / Н. П. Смирнов-Сокольский. — М.: Книга, 1978. — 448 с.

10. Заварзина Л. Э. К вопросу о прототипе Яблочкина в «Дневнике семинариста» И. С. Никитина / Л. Э. Заварзина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ВГУ, 2007. — Вып. 28. — С. 77–92.

Воронежский государственный педагогический университет

*Заварзина Л. Э., кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: lyubovzavarzina@mai.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
Zavarzina L. E., candidate of pedagogical sciences, associate professor*

E-mail: lyubovzavarzina@mai.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД НА ХИНДИ (ПОЭТИКА КАУЗАЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИЙ)

Г. Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Пр. Мишра

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Г. Мунджал

Делийский университет (Индия)

Поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются концептуальные особенности перевода стихотворения И. А. Бунина «Неугасимая лампада» на хинди. Перевод стихотворения ценностно адекватен настолько, насколько это позволили грамматика хинди и традиционное мировосприятие индуса. Переводчик А. Джанвиджаи, исходя из возможностей языка и реализуя концепцию Атмана, ослабил субъектную («местоименную») основу стихотворения: в переводе появляется потенциально «сдвоенная» форма «он-она». Если в оригинале «Она молчит...», то в обратном переводе с хинди допустимо уже «Молчит тот измученный...» / «Молчит она уставшая». Такая местоименная перспектива перевода обусловлена не только грамматическими особенностями хинди, но и содержанием стихотворения: оно наполнено экзистенциальными состояниями утраченной радости, скорби, молчания, спокойствия, пустоты — всеми теми антропными модусами бытия, которые соотносятся с Атманом. Присутствие Атмана — и, следовательно, всего комплекса субъектных переживаний, устремленных к Абсолюту, к «вечности», — находит в земной проекции свое закрепление в образе «лампады» (दिया = дыя [дыя]), в зримо символической сущности Атмана. В результате перевода стихотворение Бунина «Неугасимая лампада» в восприятии индийского читателя, не утрачивая признаков «русскости», становится органичным артефактом индийской культуры.

Ключевые слова: И. А. Бунин, А. Джанвиджаи, стихотворение, неугасимая лампада, перевод, состояние, радость, скорбь, молчание, спокойствие, пустота, Атман, вечность.

Abstract: the article discusses the conceptual features of the translation of I. A. Bunin's poem "The Unquenchable Lamp" into Hindi. The translation of the poem is as adequate as the Hindi grammar and the traditional Hindu worldview allowed. Translator A. Janvijai, based on the possibilities of the language and realizing the concept of Atman, weakened the subject ("pronominal") the basis of the poem: a potentially "dual" form of "he-she" appears in translation. If in the original "She is silent...", then in the reverse translation from Hindi it is permissible to say "That exhausted one is silent..." / "She is silent tired". Such a pronominal perspective of translation is due not only to the grammatical features of Hindi, but also to the content of the poem: it is filled with existential states of lost joy, sorrow, silence, calmness, emptiness — all those anthropic modes of being that relate to the Atman. The presence of the Atman — and, consequently, the entire complex of subjective experiences directed towards the Absolute, towards "eternity" — finds its fixation in the earthly projection in the image of the "lampada" (दिया = Lamp), in the visibly symbolic essence of the Atman. As a result of the translation, Bunin's poem "The Unquenchable Lamp" in the perception of the Indian reader, without losing signs of "Russianness", becomes an organic artifact of Indian culture.

Keywords: I. A. Bunin, A. Janvijai, poem, inextinguishable lamp, translation, state, joy, sorrow, silence, tranquility, emptiness, Atman, eternity.

У стихотворения И. А. Бунина «Неугасимая лампада» [1, т. 1, с. 293] не сложилась репутация известного — хрестоматийного — произведения, которое

могло бы претендовать на интерес широкой читательской аудитории за пределами России, и все же оно привлекло внимание индийского переводчика Анилы Джанвиджаи. В переводе на хинди [9] и в двух обратных переводах с хинди на русский язык, сде-

ланных Прагьей Мишрой и Гиришем Мунджалом, следовательно следующим образом: стихотворение «Неугасимая лампада» выглядит по-

оригинал	Она молчит,
хинди	चुप है वह क्लान्त (Чуп хай вах клант) *वह = вах (буквенно), взх (произношение) = она/он
обратный	Молчит тот измученный // Молчит она/он уставшая (–ший),
оригинал	она теперь спокойна.
хинди	रहती है शांत (рехти хай шант) *слово «теперь» пропущено *местоимение «она» пропущено в переводе, хотя форма глагола रहती «рехти» указывает на женский род
обратный	Она живет спокойно // Она всегда в состоянии покоя.
оригинал	Но радость не вернётся к ней: в тот день,
хинди	उसके पास खुशी कभी नहीं लौटेगी अब (уске пас хуши кабхи нахи лотеги аб) *выражение «в тот день» пропущено в переводе *उसके уске = к ней/к нему (на хинди вначале указывается субъект (уске) и сверхсубъектное состояние (खुशी хуши = радость), что намечает связь-соотнесенность человека со сверхличной сущностью, — и тем самым достигается смысловой эффект: еще нет прямого именованного Агмана, но Он уже есть на уровне актуальной грамматической связи. С другой стороны, так как на хинди наречие अब (аб = сейчас/теперь) ритмико-синтаксически находится в сильной смысловой позиции (в конце предложения) и ценностно сопряжено с субъектом и сверхсубъектным состоянием, при обратном переводе «сейчас/теперь» ставится в начало стиха)
обратный	Сейчас же радость не вернется к ней/к нему // Счастье теперь не возвратится к ней/к нему *खुशी (хуши) одинаково может переводиться как радость и как счастье без особых семантических различий, в отличие от русского языка, где слова «счастье» и «радость» особенно в религиозном контексте с активизацией парадигмы «земное — небесное» приобретают разное смысловое наполнение
оригинал	Когда его могилу закидали
хинди	दफना दिया गया उसे (дафна дияа гаяа усе) *उसे уссе = его/ее
обратный	Его/Её похоронили // Её/Его похоронили
оригинал	Сырой землей,
хинди	वर्षा से गीली धरती में (варша се гили дхарти ме) *добавлено в перевод वर्षा से गीली «мокрой от дождя»
обратный	Под землей, мокрой от дождя // В мокрой от дождя земле.
оригинал	простилась с нею радость.
хинди	वदि दी खुशी को उसने (вида ди хуши ко усне) * उसने усне = он/она * если точно переводить на хинди, то должно было быть «уссе» = с нею/с ним *и тогда должно быть: खुशी ने वदि ली उससे (радость простилась с нею), то есть субъектом действия является радость: радость прощается
обратный	Он/Она попрощался (–лась) со счастьем/с радостью // Она/он попрощалась (–лся) со счастьем. *переводчик в отличие от оригинала подчеркивает, что он/она прощается (усиливается состояние ее/его горя), а в оригинале радость прощается
оригинал	—
хинди	वह हो गई अलग (вах хо гай алаг) *это добавление в переводе
обратный	Она разделена // Она отделилась. *здесь род указывается формой глагола हो गई, а не местоимением वह, которое можно перевести и как «он», и как «она»
оригинал	Она молчит, —
хинди	चुप है वह खोई-खोई है (Чуп хай вах, хой-хой хай) *खोई-खोई है как потерянный (–ная) — это добавление в переводе
обратный	Он / Она молчит, как потерянный (–ная) // Молчит она, заблудившаяся,
оригинал	её душа теперь Пуста,
хинди	आत्मा खाली है और खाली है हिया (аатма хали хай ор хали хай хияа) *слово «теперь» пропущено *और खाली है हिया — это добавление в переводе
обратный	душа пустая и пустое сердце // душа пуста и пусто сердце,

оригинал	как намогильная часовня,
хинди	जैसे किसी समाधि पर बना है गरिजा (джесе кист самадхи пар бна хай гирджа) *в переводе объясняется, что такое часовня
обратный	Как церковь, построенная на могиле // Как будто церковь построена на могиле,
оригинал	Где над немой гробницей день и ночь
хинди	और गरिजे में गूँगी कब्र पर रात-दिनि (ор гирдже ме гунги кабр пар раат-дин)
обратный	И на немой могиле в церкви днем и ночью // В церкви на немой могиле ночью и днем (रात-दिनि раат-дин)
оригинал	Горит неугасимая лампада.
хинди	नरिन्तर जलता हो दिया (нирантар джалта хо дыяа) *दिया — буквенно — дыяа, а произношение — дыя
обратный	Вечно/всегда горит лампада // Горит постоянно лампада.

*А. Джанвиджай при переводе использует не только хинди, но и задействует слова из урду, например: могила — समाधि — самадхи (хинди) и कब्र — кабр (урду). Такой смешанный язык у нас называется «хиндустани» (Пр. Мишра, Г. Мунджал).

Название стихотворения на хинди «Неугасимая лампада» передается как नरिन्तर जलने वाला दिया — Нйрантар джалне вала дыяа (дыяа — произношение): два русских слова переведены на хинди четырьмя словами. При этом нужно признать, что А. Джанвиджай перевел название стихотворения почти дословно: «Неугасимая лампада» в обратном переводе звучит так: «Всегда/постоянно/вечно горящая лампада». Перевод названия адекватен настолько, насколько это позволили грамматика хинди и менталитет индуса, или даже особенность его религиозного отношения к сакральным вещам и явлениям. Дело в том, что если придерживаться ментально-языкового восприятия мира, восходящего к традиционным индийским представлениям и верованиям, то при описании и выражении сакральных состояний не рекомендуется использовать слова «гасить», «угасать» (даже с отрицанием «не»). В контексте чего-то святого, а также по радостному поводу такого рода семантические знаки считаются плохим предзнаменованием: они не входят в вечно горящее изначалие мира, которое сохраняется и в постоянно горящей лампаде как сопричастнице этому изначалию. Поэтому Джанвиджай перевел слово «неугасимая» в соответствии с общеиндийскими представлениями как «всегда/постоянно горящая», или — с усилением — «вечно горящая» (вечно — नरिन्तर — нйрантар; जलने — джалне — горящая; वाला — вала — предлог принадлежности, указывающий, что именно лампада горящая).

Сразу обращает на себя внимание субъектно-грамматическая особенность перевода: вместо «Она молчит...» появляется «Молчит тот измученный» // «Молчит она/он уставшая (-ший)» и через строчку — потенциально «сдвоенная» субъектная форма «он-она» (он — वह; она — वह — vah), допускающая подразумевание грамматической «парности», местоименной неразличимости по роду. В дальнейшем субъектная «сдвоенность» «он-она» сохраняет-

ся и становится конструктивно значимым началом, определяющим смысловую направленность стихотворения на хинди: важным становится субъектность (а не только род) и соотнесенность экзистенциальных состояний со сверхсубъектными сущностями.

Вот эту «сдвоенность», сопряженность «он-она-переживания» уловил, но до конца не осмыслил почетный академик Императорской Академии наук К. Р., великий князь Константин Константинович Романов: «...кажется, они умерли в один день — она не пережила его» [4, 35]

Такая субъектно-грамматическая («местоименная») трансформация при переводе на хинди не случайна. У переводчика или индийского читателя, знакомого с оригиналом бунинского стихотворения, содержание «Неугасимой лампады» неизбежно вызовет удивление. Бунин, используя сокровенные и значимые для индийского сознания конкретные слова, воспроизводя состояния утраты, молчания, спокойствия и соотнося их со светом вечности, вольно или невольно намекнул на лежащие в глубинной основе этого стихотворения индийские представления об Атмане. Атман — единое «двухаспектное» сущностное «Я» человека, выражающее его высшее абсолютное самосознание и в таком виде совпадающее с абсолютным бытием, с «сияющим, бессмертным Брахманом»: «Этот сияющий Брахман, бессмертный, все миры содержится в нем и ни один не уходит за его пределы» [7, т. 1, с. 137]. С. Радхакришнан замечает, что цель включенности человека со своими антропными состояниями во взаимодействие с Атманом и (через посредство Атмана) с Брахманом определяется на языке философии как достижение высшего тождества субъекта и объекта, а на языке религии (религиозной философии) — это «тождество Бога и души, Брахмана и Атмана» [7, т. 1, 140]. С. Радхакришнан указывает: чтобы достичь такого уровня идентичности, необходима инициатива со стороны субъекта, его готовность проделать по восходящему самоуглублению онто-гносеологический путь: «...тайна природы открывается нам изнутри, то есть в нашем сокровенном я. <...> они (мыслители. — Г. К., Пр. М., Г. М.) признали нашего Атмана, наше сокровенное индивидуальное бытие, Брахманом, сокровенным бытием универсальной природы и всех ее явлений» [7, т. 1, с. 140].

Благодаря такому субъектно-объектному «совпадению» антропные состояния стихотворения получают эмоционально-смысловое усиление в переводе на хинди. В результате ментально-переводческой работы стихотворение Бунина «Неугасимая лампада» в восприятии индийского читателя становится артефактом индийской культуры: Бунин как бы создает стихотворение в русле индийской духовной традиции.

Такой «индийский» образно-смысловой эффект достигается, потому что произведение Бунина наполнено экзистенциальными — предельно сущностными, «пороговыми» — переживаниями, которые сопровождают человека на всем протяжении его исторического существования: неизбежными спутниками человеческой жизни являются утраты близких людей. Горечь утрат требует разрешения и преодоления в актах освящения и сакрализации. Для индуса они достигаются в свете восприятия Атмана. Другими словами, для индийского человека в произведениях искусства в первую очередь важны антропологические проявления и их неизбежная перспективная соотношенность с Атманом, который, как об этом говорится в Шветашватаре упанишаде (часть 6, стих 11), «Единый Бог, скрытый во всех существах, всепроникающий, Атман внутри всех существ <...> Лишь тем мудрецам, которые видят Его в самих себе, суждено вечное счастье» [8, т. 2, с. 128].

Вполне естественно, что Джанвиджай, исходя из осмысления Атмана, который «в качестве абсолютного сознания коррелирует с Брахманом как абсолютным бытием» [2, т. 1, 196], в переводе на хинди «ослабил» причинно-следственные связи между событием смерти и внутренним миром героини, сместил акценты с каузальных отношений на антропные состояния, руководствуясь вполне понятным убеждением: «Верхнее я, находящееся за пределами причины и следствия, — Брахман» [7, т. 1, с. 142]. Сравним. В оригинале стихотворения «Неугасимая лампада» вначале говорится о состоянии героини: «Она молчит, она теперь спокойна», — а потом приводится «причина», объясняется, почему она пребывает в таком безмолвном спокойствии: «...в тот день, / Когда его могилу закидали / Сырой землей, простилась с нею радость». Джанвиджай «схватывает» и фиксирует не «следствие» («Она молчит...»), а «причину», в которой уже содержится «следствие»: «Молчит тот измученный...» // «Молчит она/он уставшая (-ший)». Переводчик, ослабив при переводе на хинди каузальную и временную последовательность, усилил тем самым значимость предельных антропных переживаний. Такая трансформация обусловлена не только национальной ментально-ценностной установкой переводчика, но и, повторим, экзистенциальным и в пределе выражения чувств религиозным содержанием самого стихотворения: оно наполнено психоментальными состояниями ушедшей

радости, скорби, молчания, спокойствия, пустоты, — всеми теми состояниями, которые осмысливаются в индийской культуре в контексте сопряжения с Атманом-Брахманом.

Сущностной характеристикой, как свидетельствует Шветашватара упанишада (часть 5, стих 10), является и «универсальный сверхпол» Брахмана-Атмана: «Он не женщина и не мужчина, он и не бесполой. Какую телесную [оболочку] он принимает, тою и охраняется» [8, т. 2, с. 126].

Две взаимосвязанные причины — и родовая особенность местоимений на хинди, и «всепол» Брахмана-Атмана — повлияли на переводческую стратегию Джанвиджай: в переводе заметно гендерное «колебание», возможно подразумевание другого/другой. Уже в начале стихотворения допускается восприятие «он» и «она» (как это видно из обратного перевода), а в дальнейшем развертывании сюжета такое «колебание-сопряжение» создает ощущение не неопределенности, а сверхмерности, которая больше, чем просто «она» и «он». Данные слова на хинди (он, она, его, ее ॐ, ॐ, ॐॐ, ॐॐॐ vah, vah, use, uske) иногда даже с учетом контекста могут допустимо обозначать родовую неопределенность/сверхмерность. В свете концепции Атмана/Брахмана они становятся семантически — религиозно, философски и эмоционально — насыщенными словами, обозначающими субъекта «предела» и того состояния, когда начинает исполняться «воля небесная». Чтобы актуализировать основополагающий принцип воли небесной, Джанвиджай композиционно в стихотворении «проводит черту»: отделяет в конце первой строфы земное и небесное и тут же в начале второй соединяет их: «Его/Её похоронили / Под землей сырой и мокрой от дождя». Джанвиджай перевел бунинское «сырую землю» как «земля, мокрая от дождя» / «мокрая от дождя земля». Если «Его/Её похоронили» эмоционально воспринимается как событие трагической утраты близкого человека, как крушение всякой надежды на встречу с близким, с тем «кого похоронили», то «земля, мокрая от дождя» является символическим маркером «двойного» чувства утраты-надежды. Земля играет важную роль границы в стихотворении на хинди. Она физически отделяет жизнь от смерти, земные удовольствия от воли небес, радость жизни и страдания «здесь» от одиночества загробной жизни «там». С другой стороны, «дождевая влага» символически и психофизиологически воспринимается как воля небес, как источник и энергия жизни, нисходящей «оттуда сверху» в «низ земли»: в трагическом событии есть проявление непостижимого таинства жизни, которое природно — дождем — напоминает человеку о себе. Если в природном мире «знаменем» высшего является «дождь»/«дождевая влага», то в жизни человека, когда он сталкивается с неизбежностью утрат, таким традиционно ритуаль-

ным знаменем — неугасимая/вечно горящая лампада: она символизирует потаенную суть бытия, «волю небес». Атман, который бесформен, вневременен и спокоен, отделен от неба и земли, молчит, безмолвствует, но именно с ним связана всеобщая благодать, утешение для всех и лично для каждого. Так переводчик актуализирует и объединяет два важных для индийского восприятия процесса: преодоления «влагой небесной», «дождем» земной границы смертного отчуждения от жизни и достижения тождества в субъективных состояниях-переживаниях «Я» и Атман, «тождества Бога и души, Брахмана и Атмана».

В земной проекции жизнь без эмоций, «умерщвление» радостных чувств под влиянием трагических событий неизбежно порождает «пустую душу», «смерть сердца» (в переводе на хинди: «душа пустая и пустое сердце»). Таким событием пустоты в стихотворении является смерть близкого человека — происходит «соумирание»: поэтому радость уже не вернется к «ней» назад. Если в стихотворении Бунина сюжетно, композиционно и концептуально, что обусловлено духовно-выразительными возможностями русского языка, субъекты действия Она и Он грамматически разделены: умирает Он, а Она переживает, — то в переводе на хинди в свете концепции Атмана/Брахмана такая разносубъектность потенциально снимается: «Он/Она уже под землей, уже мертвые». Горе накрыло, придавило и «умертило» их обоих. Но такое «снятие» гендерных различий обозначает причастность Его и Её к Атману, и в силу такой причастности Ей и Ему, если говорить по-христиански, даруется «жизнь вечная». Хотя Атман бесформен в высших и непостижимых своих состояниях, Он имеет, однако, свои земные проявления: его часто представляют в виде вечной горячей (или постоянно горячей) лампады, как Сознание, к которому может быть причастен другой благодаря вере: «It is by the light of the Atman that everything shines» / «Именно благодаря свету Атмана все сияет» [10, 102]. В Катхе упанишаде (часть 2, раздел 2, стих 9) говорится: «Как единый огонь, проникнув в мир, уподобляется каждому образу, так же и единый Атман во всех существах уподобляется каждому образу, [оставаясь] вне [их]» [3, т. 2, с. 109].

В стихотворении Бунина и в оригинале, и в переводе на хинди есть всеобъемлющий доминирующий образ неугасимой лампады, способный передать и выразить вершинные проявления человеческого духа, до которых поднимаются и русская, и индийская культуры. Неугасимая лампада — Нйрантар джалнй вйла дьяа — всегда/постоянно/вечно горящая лампада — символизирует и воплощает неуничтожимость человеческого бытия, являет реальность переживания человеком вечности жизни как дара Бога (в оригинале), как явленную сущность Атмана-Брахмана в человеке (в переводе). Присутствие Бога/Атмана-

Брахмана — и, следовательно, всего комплекса теoантропных переживаний, центрированных словом «вечность», — находит свое закрепление в образе «неугасимой лампады»: она горит над немой гробницей день и ночь.

Бунин для передачи сакрального смысла «вечности», когда снимается противопоставление жизни и смерти, использовал традиционные для религиозной русской культуры символы, в данном случае такой образ, такой ритуальный сакральный предмет (утварь), как лампада. Центральный смыслообразующий символ (предметно-духовную реальность) — «лампаду» — Бунин вынес в название, тем самым обозначил его в качестве доминантного первого слова и актуализировал смыслополагание вечности, завершив стихотворение этим же «заголовочным» «сильным» словом. Джанвиджай русское слово «лампада» перевел на хинди столь же сакрально значимым словом как द्याया — «дыяа» [дыя]. Концепция Лампада/Дья глубоко укоренилась в индийской духовности и органично вписывается в оригинальную символику стихотворения. Оба эти слова в оригинале и переводе символизируют вечный огонь веры в неуничтожимость человеческого бытия, залогом и гарантом которой является Бог/Атман-Брахман, не оставляющий человека в «странствиях» его души.

Переводческая стратегия Джанвиджай направлена на концептуализацию Атмана-Брахмана. Хотя образ могильной часовни не очень известен в Индии, переводчику, чтобы объяснить ее русский контекст, нужно было задействовать немеркнущий свет «дыя», благодаря которому и «церковь, построенная на могиле» (часовня), воспринимается как вечная лампада, как зримый эквивалентный символ «дыя». Нужно обратить также внимание и на то, как переводчик, чтобы подобрать духовный эквивалент и объяснить, что такое часовня, использует для именованной могилы слово स्याया — самадхи. В индуизме и буддизме самадхи — это прежде всего трансцендентальное состояние психики, интеллекта, которое достигает человек в состоянии отрешенности, внутреннего успокоения, когда «...связь с внешним миром нарушается <...> чувство радости исчезает и теряется в высшей невозмутимости...» [7, т. 2, с. 316]. Но самадхи Джанвиджай допустимо — в соответствии с традицией — соотносит и с «могилой» как высшим итоговым духовным пристанищем души, так как, по словам С. Радхакришнана, «Самадхи — это состояние, которое предшествует достижению освобождения <...> конечное освобождение невозможно до тех пор, пока живет тело» [7, т. 2, с. 315, 319].

Джанвиджай оказался точен и в переводе последней строки оригинала, когда Бунин в создании образа вечно горячей лампады произвольно использовал прием «плодотворной тавтологии»: «Горит неугасимая лампада». «Плодотворными тавтологиями» М. К. Мамардашвили называет лексические по-

вторые, культурно-исторически значимые для народной памяти (неугасимое горит): это «онтологическое уравнение», «онтологическое уравнивание», не позволяющее бытию раздвоиться, распасться, «удерживающее» его в зоне постоянства, вечности [6, 50]. Джанвиджай «Горит неугасимая лампада» передает словами (повторим) नरिन्तर जलता हो दया (нирантар джалта хо дыя) — «Вечно горит лампада»: где जलता (джалта) — гореть — глагол, а हो (хо) — частица, указывающая на постоянно длящийся процесс. По сути дает о себе знать тот же самый эффект «плодотворной тавтологии»: горит вечно то (дыя/лампада), что и должно гореть вечно (так заповедано Богом, так в этом вечном свете-тепле-горении есть проявление сущности Атмана-Брахмана).

Для индийского мироощущения те состояния молчания и пустоты, в которых пребывает героиня, не становятся обозначением опустошенности: Брахман «...не пустота молчания. Он являет собой наиболее полное и наиболее реальное бытие» [7, т. 1, с. 142]. Такая же мысль утверждается и Буниным: хотя он субъектно разграничивает состояния «пустоты молчания» героини и света вечности неугасимой лампады, но тем не менее сопрягает переживание трагического события и присутствие вечного Бога, явленного символично, духовно осязательно и зримо в образах часовни и лампады (данных как сверхличные ценности). Только если для Бунина в стихотворении значима композиционная граница, отделяющая отрешенное состояние героини от объективности света вечной жизни (сказывается на строение письма Э. П. Цакни, под влиянием которого создавалось стихотворение [5, 559]), то в переводе на хинди такой разъединительной смысловой черты нет: наоборот, торжествует синтаксис перехода из одного состояния в другое: «...душа пустая и пустое сердце, / Как церковь, построенная на могиле, / И на немой могиле в церкви днем и ночью / Вечно горит лампада».

Как видим, передача эмоционально-смысловой глубины стихотворения Бунина «Неугасимая лампада» на хинди требует тонкого понимания духовного ландшафта обеих культур. Переводчику Джанвиджай удалось справиться с данной задачей. Перевод стихотворения Бунина «Неугасимая лампа» на хинди демонстрирует, как литературное произведение может преодолеть языковые и культурные границы. С другой стороны, воспроизведение Джанвиджай собственно духовных индийских реалий, представлений об Атмане-Брахмане позволяет усилить в восприятии оригинала потенциально присутствующие в нем мистические, сакральные интенции, которые покоятся в антропных состояниях молчания, спокойствия: хотя они кажутся «неестественными» в ситуации смерти близкого человека. Но свет утешения,

исходящий от Бога/Атман-Брахмана (в оригинале и в переводе), явленный в вечном горении неугасимой лампады, «снимает» такую «неестественность»: «Ибо все из Него, Им и к Нему, Ему слава во веки, аминь» (Рим. 11: 36); «Брахман является бесконечным <...> Он вечен, но не в том смысле, что это нечто находящееся по ту сторону всякого времени, как если бы были два состояния — временное и вечное, одно из которых исключает другое, — но что он вечная реальность всех вещей во времени» [7, т. 1, с. 143].

Такой удачный пример культурного взаимодействия посредством перевода на хинди стихотворения Бунина «Неугасимая лампада» дает читателям и ученым, представляющим обе культуры, возможность исследовать и сравнивать литературные стили, темы и духовные ценности, что безусловно способствует развитию межкультурного диалога и дружеских связей двух великих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).
2. Исаева Н. В. Атман / Н. В. Исаева // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. — С. 196–198.
3. Катха упанишада // Упанишады: в 3 т. / Перев. с санскрита, предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. — М.: Наука; Ладомир, 1992. — Т. 2. — С. 95–112.
4. К. Р. Иван Бунин // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Восемнадцатое присуждение Пушкинских премий 1909 года. Отчет и рецензии / К. К. Романов. — Т. LXXXIX. — 1911. — № 6. — С. 30–55.
5. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 944 с.
6. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления (январь 1981) / М. К. Мамардашвили. — М.: Прогресс; Культура, 1993. — 350 с.
7. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. / С. Радхакришнан / Перев. с англ. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956–1957.
8. Шветашватара упанишада // Упанишады: в 3 т. / Перев. с санскрита, предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. — М.: Наука; Ладомир, 1992. — Т. 2. — С. 113–130.
9. नरिन्तर जलने वाला दया / इवान बूननि [Нирантар джалне вала дыя — Вечно горящая лампада / Иван Бунин] // कविति कोश [Кавита Кош — Собрание стихов]. URL: <https://rb.gy/r5w5g6> (дата обращения: 30.10.2024)
10. Krishnananda Sw. The Philosophy of Life / Sw. Krishnananda. — Rishikesh. — 516 p. — URL: https://www.swami-krishnananda.org/phil/Philosophy_of_Life.pdf (дата обращения: 10.01.2025)

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Карпенко Г. Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Мишра Прагья, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com

Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Дели-110007.

Мунджал Гириш, заведующий отделением русского языка кафедры славянских и финно-угорских языков

E-mail: girishmunjal2012@gmail.com

Samara national research University named after academician S. P. Korolev

Karpenko G. Yu., Doctor of philological Sciences, Professor, Department of Russian and foreign literature and public relations
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Samara national research University named after academician S. P. Korolev, Russian Federation

Mishra Pragya, graduate student, Department of Russian and foreign literature and public relations Samara national research University named after academician S. P. Korolev,

E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com

Delhi University, New Delhi, India, Delhi-110007

Munjal Girish, Head of the Russian Language Department of the Department of Slavic and Finno-Ugric Languages

E-mail: girishmunjal2012@gmail.com

МЕЖДУ УТОПИЕЙ И АНТИУТОПИЕЙ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ИСКАНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА

А. Г. Коваленко, Ху Цзяжуй

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

Поступила в редакцию 1 ноября 2024 г.

Аннотация: цель исследования — на примере романа «Generation “П”» уточнить жанровую идентичность текстов В. Пелевина. Интерпретация творчества прозаика как «постмодернистского» не вносит окончательной ясности в понимание его мировоззрения, а нередко и противоречит реальной природе его произведений. В статье доказывается, что мировоззренческий пафос романа «Generation “П”» включает в себя две составляющие — утопизм и антиутопизм, два «полюса», наличие которых определяет специфику романов писателя.

Ключевые слова: В. Пелевин, дистопия, роман, миф, реклама.

Abstract: the purpose of the study, using the example of the novel «Generation “П”», is to determine the genre nature of V. Pelevin’s texts. The interpretation of his work as “postmodernist” does not bring final clarity to the understanding of his worldview, and often contradicts the real nature of his texts. The study proves that the ideological pathos of the novel includes two components — utopianism and anti-utopianism, which are two “poles”, the presence of which determines the specifics of this and all subsequent novels by V. Pelevin.

Keywords: V. Pelevin, dystopia, satire, novel, myth, advertising.

В научно-критической литературе оценка творчества В. Пелевина за тридцать лет была весьма разноречивой: от признания оригинального его таланта как писателя до упреков в небрежности стиля и языка, тривиальности сюжетов. А. Генис, например, указывал на приоритет игры и сюжетосложения в противовес другим художественным достоинствам: «Собственно писательское мастерство тут все ушло в фабулу. Приоритет сюжета над языком заставляет предположить: Пелевин уже вступил на границу, за которой книга становится чем-то другим, например — сценарием видеоигры» [1, 210–214]. Обсуждалась также «ограниченность» творческого поля прозаика исключительно поп-артом и соцартом.

Полемика о В. Пелевине оставила нерешенным вопрос о жанровой идентичности его прозы: относить ли ее к утопии или антиутопии или не относить. Существуют, по крайней мере, два подхода: одни и те же тексты специалисты-филологи относят к утопии или к антиутопии [2, 6]. Говоря о философском аспекте прозы писателя, О. В. Жаринова делала акцент на «идеологическом обмане», которому подвергается человек в любом обществе, как в советском, так и в постсоветском: «Романы “Омон Ра” и “Generation П” представляют собой своеобразную диалогическую форму, в которой сначала показывается чудовищные формы тотального идеологического обмана общества, губительно воздействующие на личность (“Омон Ра”), а затем разоблачается мнимая свобода личности в постсоветском обществе, ориентиро-

ванном на чуждые национальным русским идеалам ценности американизированного общественного устройства» [3]. Согласно А. Бобылевой, продуктивным является выявление «способов и форм трансформации (курсив А. Бобылевой) антиутопического метажанра в его прозе» [4, 4].

Особое значение в контексте обсуждаемой проблемы антиутопизма имеет мифологическая составляющая романа «Generation “П”». Обращение Вавилена Татарского к «сакральному символизму культа Иштар в золотой маске, смотрящейся в зеркало» [8, 18] имеет в романе важную художественно-смысловую функцию. Иштар — знак культа «золота», то есть денег, спроецированный уже в современную ситуацию общества потребления. В этом же ряду находятся другие образы шумеро-аккадского происхождения — Вавилонское столпотворение и Вавилонская башня. «Зиккурат» со «спиральным подъемом», на который набредает Татарский и совершает «ритуальное» восхождение, — это не что иное, как профанированный символ. «Посвящение» героя в тайны жреческого искусства («мастерства рекламы») происходит при участии значимых деталей — пачки сигарет «Парламент», кубинской монеты с изображением Че Гевары, точилки для карандашей (пластмассового телевизора с нарисованным на экране глазом). Названные детали предваряют в сюжете дальнейшие «откровения» героя.

Образ Вавилонской башни ассоциативно связан с антиутопическим дискурсом романа. Он прочитывается как намек на идею разрушенной утопии — гармонического сосуществования людей, некогда

говоривших на одном языке. Строительство башни — метафора замысла «сделать себе имя», незавершенного из-за гордыни. Утопический проект не состоялся, так как Всевышний лишил людей общего языка, возможности коммуникации. Согласно еще одной трактовке, легенда содержит намек на «перспективы прогресса человеческой цивилизации» (Вавилонская башня), что органично вписывается в общую концепцию пелевинского романа. Мотив «смещения языка» в романе иллюстрируется с помощью пародийной буквализации метафоры. Под влиянием действия мухомора Вавилен Татарский, путаясь в словах, произносит исковерканные фразы. (Вместо «Мне хотелось бы попить воды!» говорит: «Мне бы хопить вотелось поды!» [8, 22]). Показательно, что в этом ряду упоминается и птица Семург. Ссылка на переосмысленный первоисточник — поэму «Беседа птиц» суфийского мистика Фарид-ад-Дина Атгара — дана в нарочито искаженном виде. Собеседник Татарского называет поэму «Парламентом птиц», что создает одновременно символический и пародийный контекст.

В романе звучит ироническая тональность, делегитимирующая «утопические» фантазии советской и ранней российской эпохи. Одновременно в нем содержатся антиутопические чувства и эмоции. О следовании названной проблематике и связанной с нею жанровой стратегии прозаика, в частности, пишет литературовед М. А. Камратова: «В. Пелевина и Б. Акунина постоянно интересуют социальные проблемы, которые традиционно связаны с литературными жанрами антиутопии и утопии, что проявляется в целом ряде произведений двух писателей. В. Пелевин тяготеет к изображению антиутопических миров, опираясь на классические антиутопические произведения и обогащая свое творчество жанровыми вариациями. Утопии в его текстах остаются на периферии. Создавая свои антиутопические миры, В. Пелевин чаще всего использует мотивы, сюжеты и образы антиутопий Дж. Оруэлла (“1984”), Е. Замятина (“Мы”), В. Набокова (“Приглашение на казнь”). В ранних произведениях В. Пелевина антиутопизм был связан преимущественно с критическим отношением к прошлому, в поздних — с критикой настоящего» [2, 6]. Можно согласиться с этим утверждением исследователя с той лишь поправкой, что оба вектора — антиутопический и утопический — могут «уживаться» в одном и том же произведении, утопия может сопровождаться акцентуацией неизбежности ее разрушения, воспоминание об утопическом прошлом — соседствовать с социальной сатирой.

Сверхзадачей В. Пелевина в романе «Generation “П”» является создание образа современной действительности. Социальная сатира, пародийные описания и эпизоды не отменяют объективного анализа механизмов общества потребления. Как известно,

французский философ Ж. Бодрийяр, проанализировав динамику экономического развития наиболее развитых стран Европы во второй половине XX века, наглядно показал иллюзорный характер западного процветания. Рост потребления вещей, общественных благ и услуг, которыми сопровождается развитие современного западного общества, имеет свою оборотную сторону — нищету. Богатство и комфорт, являющиеся признаками цивилизации, ведут к расточительству и накоплению излишков. Общество оказывается в замкнутом порочном кругу производства и потребления: чем больше производится, тем больше потребляется, и наоборот: чем больше потребляется вещей, тем больше вкладывается труда и ресурсов в возникающие новые запросы. Обновляются моральные установки. Если раньше героями и кумирами общества были люди-производители благ, первопроходцы, интеллектуалы, то в обществе потребления ценности меняются. Знаковыми фигурами становятся те, кто демонстрируют искусство расточительства — кинозвезды, актеры, люди шоу-бизнеса. Французский мыслитель увидел в потребительстве невидимую, но главную его черту — свидетельством умирания и гибели. Важное место в этом процессе занимают СМИ и реклама, они становятся своего рода субкультурой, орудием производства ради все возрастающего потребления, стимулятором «роскошного расточительства» [5]. В новых условиях претерпевает изменение искусство, оно незаметно «вживается» в рыночные процессы и даже переходит к нему в услужение, передавая какие-то свои эстетические возможности на потребу рекламирования вещей.

В романе «Generation “П”» изображен процесс формирования социального слоя, выступающего за «идеалы» общества потребления. «Демократизация», «открытость» и «шоковая терапия», пропагандируемые в этот период, стали стимулирующим «ферментом» для появления людей, проповедующих либеральные ценности. Но была и другая сторона процесса: возникла возможность выбора. Проблема выбора пути встала и перед российской интеллектуальной элитой. Вавилен Татарский является представителем круга новых деловых людей, которые были сформированы советской системой, но изменили свой образ мышления и свое поведение во время грандиозных социальных перемен, включившись в процесс приватизации и коммерциализации жизни в России. Главный герой романа предсказывает безрадостную картину дальнейшего пути Родины: «В ближайшем будущем следует ожидать полной остановки большинства жизненно необходимых производств, финансового краха и серьезных социальных потрясений, что неизбежно закончится установлением военной диктатуры. Вне зависимости от своей политической и экономической программы будущая диктатура попытается обратиться к на-

ционалистическим лозунгам; господствующей государственной эстетикой станет ложнославянский стиль...» [8, 12].

Принесенные чужим ветром «вестернизация» и приватизационные реформы не сделали Россию ни богатой, ни могущественной, лишь усугубили разрыв между богатыми и бедными, привели к беспорядкам. В 1990-е годы Россия переходила от одной крайности к другой, от старой утопии к новой.

Важнейший прогностический вектор произведения — пагубные последствия утопии. От описания современной российской социальной реальности до внимания к будущему развитию всего человечества, от иллюзорного сюжета к реальной сцене, писатель предвещает реконструкцию новой вавилонской башни, которая содержит весьма значимый антиутопический семантический комплекс.

Отметим также, что роман В. Пелевина не ограничивается критикой советской или буржуазной утопии. В нем связываются воедино различные жанрообразующие аспекты — пародия, ирония, мифология, политические и экономические темы. Утопизм и антиутопизм образуют в тексте связанное единство, позволяющее говорить о романе как дистопии, или метаутопии. Вполне можно согласиться с выводами исследователя о том, что специфика функционирования в творчестве Пелевина (анти)утопического метажанра определяется:

- своеобразием художественного метода писателя, представляющего собой сложное (часто неустойчивое) взаимодействие постмодернистских и реалистических принципов миромоделирования
- «своеобразием художественного метода писателя, представляющего собой сложное (часто неустойчивое) взаимодействие постмодернистских и реалистических принципов миромоделирования. В творчестве В. Пелевина происходит неуклонное «расширение границ и форм (анти)утопического метажанра» [3, 6]. О романе «Generation “П”» можно говорить как о превращении утопии в антиутопию, и такая трансформация является характерной особенностью постмодернизма. Как указывает Н. Якушева, «негативная утопия была сатирическим пародированием положительной утопии, ироническое её переворачивание превращалось в предсказание мрачных перспектив. Чаще всего они описывали возможные отрицательные последствия технического и научного прогресса, мировых войн, могущих повернуть историю вспять» [6, 16].

Модель современного общества потребления, изображенная В. Пелевиным, несет в себе особенности тоталитарного общества. В отличие от «этактических» моделей, зафиксированных в «канонических» антиутопиях Е. Замятина, Д. Оруэлла, О. Хаксли, государства мы здесь не видим. Политическая акцентуация заменена социально-экономической.

Оранус, в котором тотальная нейтрализация личности с помощью медиа является одной из базовых основ существования человека, можно рассматривать как аналог «Идеального государства». В романе В. Пелевина мы не увидим Великого благодетеля, зато в нем есть диктат идеи о превращении индивида в счастливое существо через деперсонализацию и насаждение потребительских стереотипов. Место Великого благодетеля заняло всемогущее медиа, пропагандирующее те же идеи — человек счастлив, когда сыт и трудится во имя главной идеи, лишен индивидуальности. У Е. Замятина мы видим «механическую модель», где общество уподоблено машине подавления и принуждения к выполнению государственных функций. В. Пелевин снижает «уровень» потребностей и интересов — его тоталитарная модель низводится на биологический уровень. Его Оранус — это слепая «мамона», не осмысливающая себя интеллектуально или метафизически, не имеющая самосознания, уподобленная гигантскому моллюску. У Е. Замятина «нумера» еще обладают какой-то индивидуальностью, у В. Пелевина «люди-клетки» полностью лишены ее. Достигнув в процессе эволюции определенной биологической зрелости, «моллюск» довел до совершенства с помощью «медиа» функционирование главной жизненной функции — циркуляцию денег. Последняя играет роль «кровеносной системы». В романе «Ампир-V» этот мотив будет усовершенствован: «кровью» биологического социального организма станет жидкость под названием «баблос». Созданные В. Пелевиным образы вампиров, живущих за счет поглощения «баблоса», придают пелевинской модели еще более гротескный вид.

Как и во всех пелевинских романах, в «Generation “П”» присутствует широкий литературный интертекст, и везде ссылка на литературное имя функционально, оно играет на общий смысл произведения. Так, например, не случайно появляется В. Маяковский. Татарский оказывается возле памятника поэту на Садовом кольце и рассматривает его фигуру: «Минут через пять задумчивой медленной ходьбы он оказался у статуи Маяковского. Остановившись, некоторое время внимательно изучал ее. Бронзовый пиджак, в который советская власть одела поэта, опять вошел в моду — Татарский вспомнил, что совсем недавно видел такой же фасон на рекламе Кензо» [8, 44].

Здесь не только характеристика личности, «присвоенной» властью, но и аллюзия на мысль Б. Пастернака о том, как поэта насаждали «словно картошку при Екатерине». Здесь и намек на то, что поэт-футурист вписался в современную жизнь. Татарский в некотором смысле является дальним наследником пролетарского поэта. Поиски эффективных инструментов рекламы сродни технологии, раскрытой в декларации «Как делать стихи». Реклама в обществе

тотального потребления становится «искусством жизнестроения». Продукт, изготавливаемый Татарским, имеет все особенности левовской эстетики. Криэйтор Татарский выполняет «социальный заказ», его реализация требует изощренности и остроумия, знания предмета, целевой аудитории и направлен на результативный эффект. Процесс требует продуманной концепции, учитывающей психологию потребителя. Татарский — «имэджмейкер», он создает образы, которые благодаря своей афористичности и метафоричности, неожиданности сочетаний сродни поэтическим произведениям. Вспомним, что герой начинал как поэт-лирик, которому был близок романтизм Б. Пастернака, но оказавшись в пространстве нового миропорядка, изменил своему кредо. Если быть еще точнее: сменил одно поэтическое призвание на другое. В сущности, он не отказался от поэзии, просто его «лирический ген» подвергся мутации, трансформировался в стратегию «жизнестроения». «Материал» слова, его смысловые ресурсы, игровые возможности значений, звучания и оттенков смысла пошли в дело, но стали служить иной задаче — рекламному делу.

Важной частью образования Татарского стали западные теоретики рекламной индустрии — Эл Райс, Дэвид Огилви и Россер Ривз. У них герой научился стратегии «внедрения» и «вовлечения». Татарский сформировал собственную технологию «жизнестроения».

В одном из рекламных проектов Татарский концептуализирует образ А. П. Чехова, используемый для рекламы сети магазинов GAP. Обыгрываются значения слов «пропасть» (по-английски — gap) и «разрыв». Контур просвета между ногами Чехова обретает форму песочных часов, символизируя разрыв культуры и цивилизации, а затем происходит ловкая подмена понятий, приводящая к рекламному продукту для компании GAP.

Потребительская модель Орануса «питается» в романе мифологическими источниками. В «расширенном сознании» Татарского возникает картина шумерской легенды об Энкиду, где демонстрируется версия природы человека, усиленная апокалиптическим смыслом. Детали этой картины, в сущности, дублируют версию Че Гевары: люди-бусинки ползут вверх по золотой нити благодаря усилиям рта и ануса. Высокая башня, из которой извергается огонь, символизирует гибель человеческой идентичности.

В романе В. Пелевина Татарский — «герой нашего времени». Отказавшись от романтического восприятия мира и творчества, пройдя этап рекламного «подмастерья», он движется по карьерной лестнице мастера-политтехнолога, а затем и главного технолога. «Институт пчеловодства» — ироническая аллегория индустрии, производящей политические симулякры, благодатным материалом для которых служит сама реальность.

Замещение действительности ее симулятивным вариантом происходит с помощью денег и ради денег.

Медиа являются главным органом манипулирования общественным сознанием. Татарский, поначалу испытывающий моральный дискомфорт и внутренний конфликт, постепенно втягивается в «производственный процесс», заглушает в себе внутреннее сопротивление, становится его активным участником и организатором.

Механизмом манипулирования сознанием является телевидение. С его помощью создается симулятивная картина, которая замещает действительность, создает эффект «подлинности» происходящего, имитацию жизни. «Шизоманипулирование» осуществляется, как утверждает в романе, по методикам ЦРУ и МИ-5, с использованием технологии, закупленной в США, а целью является «нейтрализация остатков национально мыслящей интеллигенции».

«Герой времени» Татарский «эволюционирует» (деградирует) от совестливого юноши к циничному мастеру шизоманипуляции. Другой — от романтизма к цинизму и прагматизму — становится и его муза, его «Прекрасная Дама». В новую эпоху коммерции, потребления и стяжательства ею становится Богиня Иштар с ее «невывразимой и непривычной красотой». Гротесковая картина расширяется. Татарский видит на экране телевизора изображение Иштар, оно расплывется, но, когда Вавилон пытается настроить изображение, телевизор превращается в огромную черную дыру.

Символический брак с Иштар означает конец утопической мечты Татарского, прощание с остатками юношеского романтизма. Он символизирует победу прагматизма нового века. Этой подчеркнутой символической деталью Татарский отказывается от логотипа Пепси (знака позднего советского утопизма) и утверждает приоритет Колы.

Символична и другая деталь: образом облаков карьера Татарского начинается в начале романа, и им же завершается. В первом случае облака — мотив, навеянный Б. Пастернаком, во втором — он ассоциируется с остаточными иллюзиями утопической эпохи, запечатленной в любимом клипе: «Проходит несколько секунд, и герой, видимо успокаивается — повернувшись к камере спиной, он прячет платок в карман и медленно идет дальше к ярко-синему горизонту, над которым висят несколько легких высоких облаков». Роман закольцовывается, начало и финал зарифмованы облаками, утопизм и антиутопизм «прорастают» друг в друге.

Таким образом, в романе В. Пелевина, написанном в «ранний период» творчества, содержится одна из принципиальных компонент его мировоззрения — присутствие в тексте утопизма и антиутопизма. Обличительный пафос, обращенный к обществу потребления, усилен мифологической метафорой, сатирой, гротесково-ироническим анализом ORANUS.

Но есть и другая сторона, на которую мало обращают внимания аналитики. Это авторская ностальгия по настоящему, подлинному и чистому. Оно когда-то было у героя, это настоящее. «Мечта о прошлом» не может исчезнуть навсегда. Утопизм и антиутопизм существуют друг рядом с другом, друг в друге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генис А. Виктор Пелевин: границы и метаморфозы / А. Генис // Знамя. 1995. — № 12. — С. 210–214.
2. Камратова М. А. Антиутопическая и утопическая тенденции в современной русской литературе (на материале творчества Виктора Пелевина, Бориса Акунина): автореферат дис. ... канд. филол. наук / Новосибирский государственный педагогический университет / М. А. Камратова. — Новосибирск. — 2016. — 26 с.
3. Жаринова О. В. Поэтико-философский аспект произведений Виктора Пелевина «Омон Ра» и «Generation П»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тамбовский государствен-

ный университет / О. В. Жаринова. — Тамбов, 2004. — 21 с.

4. Бобылева А. Л. Антиутопия как метажанр в прозе Виктора Пелевина: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет / А. Л. Бобылева. — Казань, 2018. — 22 с.

5. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3464/3466> (дата обращения: 30.09.2024).

6. Якушева Н. Б. Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Санкт-Петербургский государственный университет / Н. Б. Якушева. — Санкт-Петербург, 2001. — 16 с.

ИСТОЧНИКИ

7. Вавилонская башня. Православная энциклопедия. — Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/153805.html> (дата обращения: 30.09.2024).

8. Пелевин В. Generation П. — М.: Эксмо, 2017. — 352 с.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

*Коваленко А. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы.
E-mail: ak-taurus@mail.ru*

Дацинский университет (КНР)

*Ху Цзяжуй, кандидат филологических наук, преподаватель
E-mail: 1041504265@qq.com*

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

*Kovalenko A. G., Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Russian and foreign literature, philological faculty
E-mail: ak-taurus@mail.ru*

Daqing University (China)

*Hu Jiarui, Candidate of Philological Sciences, Lecturer
E-mail: 1041504265@qq.com*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖУРНАЛА «ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Л. М. Кольцова, Е. М. Чигирева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: статья посвящена описанию, анализу и оценке разносторонних по тематике и разнообразных по стилистической и жанровой принадлежности произведений словесности, представленных в журнале «Читальня народной школы». Материалы, составляющие содержание первого в России журнала, предназначенного для детского и подросткового народного чтения, рассматриваются в аспекте ценностей, которые определяют духовную и социокультурную жизнь общества и имеют непреходящее значение и значимость. Обосновывается необходимость обращения к истокам и истории становления образовательной и просветительской деятельности в переломный этап развития российского общества для подготовки современных студентов-филологов. Определяется актуальность наследия прошлого для благополучия будущего.

Ключевые слова: народное чтение, образование, воспитание, духовно-нравственные ценности, аксиологическая парадигма.

Abstract: the article is devoted to the description, analysis and evaluation of works of literature, diverse in subject matter and diverse in stylistic and genres, presented in the magazine "Reading Room of the People's School". The materials that make up the content of Russia's first magazine intended for children's and teenage folk reading are considered in the aspect of values that determine the spiritual and sociocultural life of society and have enduring meaning and significance. The necessity of turning to the origins and history of the formation of educational and educational activities at a turning point in the development of Russian society in the preparation of modern philology students is substantiated. The relevance of heritage for the well-being of the future is determined.

Keywords: folk reading, education, upbringing, spiritual and moral values, axiological paradigm.

В настоящее время в распоряжение студентов и преподавателей педагогических направлений, педагогов и методистов предоставлен широкий круг учебников, пособий, программ разного назначения. Вместе с тем в подготовке педагогов-русистов, для которых задачей первостепенной значимости всегда было и остается воспитание и развитие человека, что признано и закреплено документами государственной значимости (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», «Основы государственной культурной политики», «Концепция преподавания русского языка и литературы в России», государственная целевая программа «Русский язык» и пр.), должно быть достойным образом представлено классическое наследие отечественной педагогики и введены в практику те основополагающие для всестороннего духовно-нравственного воспитания, становления, развития и укрепления личности идеи, которые были предложены российскому обществу выдающимися педагогами-гуманистами, писателями, общественными деятелями в период жизни нашей страны, отмеченный высоким духовным подъемом

и надеждой на обновление и усовершенствование общественных отношений. Таким периодом была реформенная эпоха, начавшаяся с отмены крепостного права императором Александром II. Исследование бесценного гуманитарного наследия блестящей плеяды педагогов-словесников, их идей и методов воспитания должно стать обязательной составляющей современного гуманитарного образования, особенно филологического и исторического.

Уже в позапрошлом веке ни у кого не было ни малейшего сомнения в той громадной пользе, эстетической и нравственной, которую пронесит детям и взрослым чтение художественных произведений лучших писателей, которые живыми образами дают вместе с удовольствием от чтения и много материала образовательного, необходимого для знакомства с жизнью вообще, а также и необходимую подготовку в смысле образования вкуса и языка, для занятия впоследствии словесностью и историей литературы. Вместе с тем вполне предсказуемо среди ведущих педагогов, публицистов, литераторов началась оживленная дискуссия о том, какие произведения стоит использовать в качестве дидактических материалов в народных школах, а также как способствовать распространению литературы среди широких

народных масс с целью поддержания определенного уровня грамотности.

Что читать народу? Таким вопросом задавался в своей статье педагог и детский писатель В. И. Водовозов. По его словам, «цель народного чтения — поднять образование народной массы, воспитать ее в духе тех начал, какие везде признаны образованным обществом; а как народ переработает эти начала сообразно своему характеру, какие сделает из них применения для своей жизни, — это уже его дело. Создавать чужую жизнь нельзя: можно только облегчать правильное ее развитие и созидание. Весь вопрос, значит, сводится к тому, какие произведения литературы доступны народу на той или другой степени его развития и как в этом отношении упростить самую науку» [3, 1]. Педагог отмечал, что народу вполне доступны многие произведения отечественных классических писателей, что ряд произведений И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Д. В. Григоровича, А. Н. Островского и пр. встречает живой интерес и одобрение. Сторонники подобного подхода с восторгом читали описание того, как ученицы народных училищ рыдали над «Бедной Лизой», считая, что это доказывает глубину понимания произведения. Их же идейные противники иронично замечали, что эти же читатели рыдали и над судьбой умершего воробушка из пошлейшей книжки, написанной для народа графиней Рукополовой. Они доказывали, что среди детей простого народа намного популярней сказок А. С. Пушкина, признаваемых всеми педагогами-словесниками вершиной литературы для воспитания эстетического чувства слова в детях, был «Степка-растрепка» — вульгарный перевод назидательных стихотворений, написанных немецким психиатром Генрихом Гофманом. Народные (и не только народные) симпатии были и на стороне таких достаточно посредственных писателей, как А. Ф. Погосский, М. Б. Чистяков, П. Г. Маляревский, обвиняемых профессиональными педагогами в вычурности, фальши, наигранной сентиментальности. Отметим, что произведения М. Б. Чистякова находились в ядре структуры детской литературы, опережая А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова и И. С. Тургенева. Именно его произведения чаще всего в положительном ключе упоминались критиками (68 рекомендаций, из которых 63 — в списках для учащихся военно-учебных заведений [4, 138]). В. И. Водовозов полагал, что народ с основной своей массой способен понимать и лучшие классические произведения, но более всего ему нравятся книги, где есть «что-нибудь изысканно-сентиментальное и грубо-эффектное, резонерски-поучительное и мистическое, сказочно-невозможное и вообще фантастическое, но особенно все мистическое считается наиболее пригодным для народа» [3, 5]. Большинство же педагогов считало, что из литературных произведений естественнее всего для народного и детского чтения

было бы выбирать такие, где изображается местный быт или нравы и обычаи разных сословий, картины быта должны воспроизводить знакомую крестьянам жизнь в более широких ее областях, как например быт горнозаводский, быт фабричный, степной и пр. Именно произведения подобного типа начали активно публиковаться в ряде изданий, создаваемых специально для чтения в народной школе.

Именно такой направленностью характеризуется журнал «Читальня народной школы» под редакцией Екатерины Сысоевой и Алексея Альмедингена, издаваемый в Санкт-Петербурге с 1888 по 1904 гг., создателями детского журнала «Родник». На его примере можно сделать выводы об эволюции отношения отечественной интеллигенции к материалу, сочтенному подобающим для чтения детьми из простонародья. По словам самих издателей, попытка создать журнал для детей из народа — очень трудная, но насущная задача. В то время как дети интеллигенции имели целых 10 журналов к своим услугам, миллионы детей из народа не имели ни одного. Что же было сочтено полезным для детей из народа? В выпусках первых нескольких лет выделяются несколько групп произведений, содержание которых составляют:

- *историко-религиозные повествования* («Священно-исторические события Нового завета», «Святая Ефросинья, княжна полоцкая», «Как наша Святая Русь в христову веру перешла», «Святой Тихон Задонский» и пр.), изложенные простым и доступным языком как духовными лицами, так и светскими авторами. Эти тексты содержали в себе интересное переплетение священных писаний, исторических очерков и художественных зарисовок, призванных стать основой духовно-нравственного воспитания, отвечающего требованиям времени. Отметим, что тексты отнюдь не примитивны, достаточно содержательны. Так, например, повествование о принятии Русью христианства под авторством Г. Преображенского содержит описание событий, связанных с выбором веры князем Владимиром, раскрывает причины отказа от других монотеистических религий, дает сведения о древних славянских князьях и пр. [11, 124];
- *исторические очерки* («Завоевание Сибири», «Рассказы из жизни Петра Великого», «Царь-освободитель: рассказ о жизни императора Александра II», «История нашего царства», составленная знаменитым педагогом Д. И. Тихомировым и т.п.);
- *сельскохозяйственные заметки* («О яровом черве», «Коровья чума», «Коровья оспа», «О хлебном жуке» и пр.), имеющие определенный художественный стиль повествования, делающий их более привлекательными для читателей из народа и детей. Например, статью о сельскохозяйственных животных сопровождают маленькие

рассказы о них, стихи, загадки, поговорки, а повествование о полевых мышках изложено в форме сказки;

- *научно-популярные статьи* («Огонь и как добывается сера», «Как изобрели книгопечатание», «Как распространялось шелководство», «Полярные страны, их природа и человек», «Замечательные растения южных стран», «Как живут норвежцы» и пр.), сопровождаемые качественными иллюстративными материалами;
- *сказки народов мира* (русские, арабские, индийские, немецкие, чешские, датские, норвежские, киргизские, лезгинские и пр.), собранные и обработанные И. И. Феоктистовым;
- *басни* (кроме всем известных произведений И. А. Крылова, которых публиковалось сравнительно немного, популярны были сочинения Хемницера, Дмитриева, Измайлова);
- *стихотворения отечественных поэтов*. Полезными для детского и народного чтения изначально признавались отнюдь не А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, а А. В. Кольцов, И. С. Никитин и А. Н. Майков. Именно их произведения неоднократно публиковались в журнале с подробным жизнеописанием поэтов. Очень трогательный выпуск под названием «Детский сад», собранный И. И. Феоктистовым, опубликовал стихотворения для самых маленьких читателей, еще не посещающих школу. Стихотворения А. Г. Герасимова, Л. Н. Модзалевского, С. Д. Дрожжина, Н. В. Берга, А. К. Толстого, А. Мейснера, И. С. Никитина, А. Н. Плещеева и прочих авторов были очень различны по своему содержанию и уровню сложности: от «*Кис-кис, Вася! Кис! Идет — хвост трубой и поёт*» до пушкинских страшных «*Поминутно мертвых носят, и стенания живых боязливо Бога просят упокоить души их*». В целом подборка произведений, сочиненных подходящими для дошкольного возраста, намного сложнее и разнообразнее стихотворных произведений, предлагаемых для изучения современным младшеклассникам.

Только в самом конце XIX века было сочтено возможным посвятить несколько выпусков великим русским авторам: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову и Н. В. Гоголю. Отметим, что из произведений А. С. Пушкина для детского народного чтения были отобраны и сказки, и стихи, и поэмы, и повести, и даже драматургические произведения: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Полтава», «Медный всадник», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого», отрывки из «Евгения Онегина» (описания природы, святочное гадание, сон Татьяны), «Песнь о Вещем Олеге» и стандартный набор стихотворений [12, 4–5]. Из произведений М. Ю. Лермонтова приемлемыми были сочтены короткие отрывки из поэм «Измаил-бей», «Демон»,

«Мцыри», «Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», глава «Бэла» из «Героя нашего времени» и ряд стихотворений, не отличающийся от современной школьной программы [13]. Интересно объяснение отбора гоголевских произведений: Николай Васильевич признавался писателем не для детей и не для простого народа. Его произведения преисполнены иронией, понятной лишь взрослому образованному читателю, а произведения, интересные детям, например «Вий», «Страшная месть» и т.п., в такой сильной степени проникнуты фантастическими элементами, «иногда угнетающими до болезненности», что их невозможно использовать с педагогической точки зрения [9, 7]. Допустимыми из них были сочтены лишь отрывки «Украинская ночь» и «Днепр». Парадоксально, но отобраны полностью были «Тарас Бульба» и «Ревизор», что объяснялось их большим успехом у публики во время народных чтений, а также «Сорочинская ярмарка», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинель», отрывки из «Мертвых душ» с описаниями визитов Чичикова к помещикам [14].

В начале XX века содержание журнала значительно усложняется, начинают появляться статьи — реакции на громкие политические события, объясняющие их причины и предысторию, например начало Русско-японской войны [15]; достаточно бессистемно отбираются произведения выдающихся зарубежных авторов: Мольера, П. Мериме, Ф. Круммахера, И. Гете, Ж. Санд, Р. Киплинга, Г. Сенкевича, Э. Сетон-Томпсона (его рассказы о животных как раз прекрасно подходили для детского чтения наряду с начавшими публиковаться сочинениями Д. Н. Мамина-Сибиряка).

Самый большой интерес для размышления вызывают художественные произведения, написанные специально для журнала и ориентированные непосредственно на крестьянских детей. Суровость народной жизни, тяжелый труд, периодические невзгоды закаляли крестьян с малых лет, зачастую делая непонятными для них высокодуховные переживания интеллигенции. Вследствие этого и рассказы для них отличались определенной жесткостью ситуаций, описание которых у современного ребенка может вызвать крайне негативную эмоциональную реакцию. Часто в текстах описывались проблемы, с которыми ребенок из более или менее обеспеченной семьи скорее всего никогда не сталкивался, поэтому не в состоянии был понять и прочувствовать их тяжесть.

Рассказы, публикуемые в журнале, можно классифицировать по разным основаниям: по тематике, идее, композиции, но главное — по их авторской интенции, то есть по направленности на пробуждение и воспитание определенных чувств. Первая группа рассказов повествует о **неизбежном наказании в виде самотерзаний персонажа за жестокость**

по отношению к беззащитным, например рассказ Л. Страховой «От Бога не скроешься, от себя не убежишь», повествующий о крестьянке, выгнавшей из дома глухонемую сиротку, замерзшую впоследствии на улице. Изводившая себя чувством вины Марья начала добрее относиться к окружающим, помогать страждущим, преобразилась, стала кроткой, ласковой и доброй [7, 24]. Отметим, что в подобных текстах авторы специально используют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами при описании несчастных, создавая эмоциональную окраску умиления и жалости, трогательности, вызывая соответствующую эмпатию читателя: «худенькая, слабенькая, бледненькая», «худенькие ручки», «бледное личико», «впалые щечки» и пр. Эта группа произведений, повествующая в основном о детской травле и жестокости, призвана была раскрыть юным читателям необходимость доброго отношения и к равным, и к слабым, раскрывая главную христианскую заповедь поступать с ближними так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Вторая группа рассказов репрезентирует **идею всепрощения**. Так, в рассказе уже упоминаемой Л. Страховой, которой принадлежат самые жестокие тексты, «Сердце выручило» мать прощает несчастного горбуна, по вине которого погиб ее новорожденный ребенок, усыновляет брошенного младенца и возвращается к прощенным ею свекру и деверю, чтобы они вместе растили их «общую радость» [8, 15].

Третья группа рассказов поднимает **идею важности родовых корней, о привязанности к родным местам**. Часть текстов повествует о красотах природы, о милых и привычных деревенских пейзажах, уюте родного дома, о тоске по родному гнезду (фразеологизм «родное гнездо» является одним из самых часто употребляемых в подобных рассказах), по родителям. Но смысл другой части подобных произведений был не только в формировании привязанности к малой родине, он соответствовал прагматичным социально-экономическим и политическим интересам страны: в конце XIX века Россия, еще не окончившая индустриальный переход, оставалась страной доминирующего аграрного сектора, нуждавшейся в получении сельскохозяйственного прибавочного продукта; кроме того, несмотря на интересы промышленности, государство стремилось сдерживать рост численности рабочего класса, отличавшегося от аморфного и патриархального крестьянства прогрессивными взглядами и подверженностью к революционной пропаганде. Идею «где родился, там и пригодился» репрезентируют в самых разнообразных формах — от слезливых стихов до примитивных текстов, наполненных просторечными выражениями. Зачастую идиллическое описание деревенской жизни вызывает у просвещенной аудитории недоумение, особенно на фоне периодически раздражавшего даже в черноземных губерни-

ях голода. Активно продвигается идея терпимости к потерям и страданиям, с которыми связана жизнь простого деревенского человека в большом городе. Отметим, что в начале XX века, в изменившихся экономических условиях, слегка меняется и характер подобных текстов. Так, в выпусках журнала появляется всё больше статей об устройстве фабрик и особенностях труда рабочих, а художественные тексты повествуют о персонажах, выучившихся рабочему делу не только в больших городах, но и за границей, но всё равно вернувшихся на Родину [6]. Подробный анализ подобных рассказов по годам наглядно демонстрирует попытки воздействия с помощью литературы на сознание подрастающего поколения в интересах государства.

Четвертая группа рассказов призвана развивать **идею важности семьи** (М. Бекетов «Мать», Ю. Горева «Сестра», А. Катенкамп «Забытая мать», «Нянька» и пр.). Их содержание достаточно жесткое, важность любви к родителям показывается на страшных и противоречивых примерах: так, в рассказе анонимного автора «Нянька» девочку восьми лет отдали в няньки к барским детям со словами «Чего не отдавать-то! Будет по улице бегать. Не махонькая, чай!». Добротелю матери проявляется только тогда, когда, избитая хозяйскими детьми, девочка пешком вернулась к родителям, и мать заступается за нее перед отцом, желающим наказать за своеволие. И хотя девочку снова отдали в услужение, не было счастливее для нее момента возвращения в семью [5]. Авторы часто используют эмоционально-оценочную лексику для формирования однозначного отношения к поступкам персонажей и подчеркивания ключевой мысли текста.

Пятая группа посвящена ценности **честности**. Герои рассказов (П. И. Барышников «Двести рублей», С. Т. Семенов «Доброе дело зло укрощает», А. Катенкамп «В беде и вор — друг», «Добрые люди в беде помогают», Л. Страхова «Злое счастье», «Легкие деньги» и пр.) транспонируют одну и ту же мысль: «беден, да будь честен» [1]. Некоторые тексты несли типичную для народных произведений идею о возмездии за несправедливый образ жизни, нечестным путем нажитое богатство, воплощая своеобразную мечту народа о социальной справедливости.

Кроме перечисленных тематических групп, множество рассказов посвящено таким аксиологическим категориям, как **самопожертвование** («Божье дитя»), **трудолюбие** (В. Самойлович «Кузя в Питере»), **любовь к животным** («Васюта и Лапка», «Пропажа Буланого»), **стремление к грамотности** (Н. Дружинин «Новое сельское общество») и пр. Один из постоянных авторов журнала П. И. Барышников резюмировал важнейшие морально-нравственные категории, которые необходимо прививать детям: труд и молитва, почитание родителей, любовь к ближним, добро за зло, смирение, милосердие, отсутствие жадности

[2]. Сочинения авторов журнала были далеки от совершенства с литературной точки зрения, но они пытались доступными для детского понимания языковыми средствами, созданием гипертрофированных, однозначно толкуемых ситуаций вложить представление о главных добродетелях современного им общества. Их герои просты, наивны, чувствительны, готовы к осознанию неправильности своих поступков, раскаянию и изменению. Сегодняшний же герой детского литературного произведения чаще всего не становится носителем духовных и нравственных устремлений, он все больше ориентирован на материальные ценности. Исследователи приходят к выводу, что современные детские и подростковые произведения, особенно на стыке веков XX и XXI, несут в себе практицизм, вещизм и прагматический подход к окружающему миру, поэтому они в большей степени способны воспитывать человека материального мира, чем духовного [9, 17]. В условиях определенной аксиологической трансформации современной России, требования возвращения к традиционным ценностям и духовным категориям, особенно важно подробно проанализировать произведения исследуемого нами периода, в которых, несмотря на примитивность содержания, отражаются непреходящие духовные ценности народа. Возможно, именно обращение к произведениям, подобным рассмотренным нами, и оценка их воздействия на маленького читателя будет иметь особую важность при переосмыслении и воссоздании детской литературы в наши дни.

От педагогов и воспитателей каждая эпоха требует своего ответа на вечные вопросы: **Что читать? Как читать? Зачем читать?** Ответы на эти вопросы современные русисты могут и должны искать в идеях, теории и практике лучших представителей педагогического сообщества, главной заботой которых было благополучие, благоустройство и процветание нашего Отечества.

Воронежский государственный университет

Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета

E-mail: vorrusist@yandex.ru

Чигирева Е. М., кандидат исторических наук, доцент

кафедры издательского дела филологического факультета

E-mail: tchigireva89@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников П. И. Двести рублей / П. И. Барышников // Читальня народной школы. — СПб., 1891. — Вып. 7. — С. 1–37.
2. Барышников П. И. Примеры добродетели / П. И. Барышников // Читальня народной школы. — СПб., 1891. — Вып. 3. — С. 65–81.
3. Водовозов В. И. Что читать народу / В. И. Водовозов // Вестник Европы, 1886 — No 7. — С. 425–440.
4. Лучкина О. А. Формирование канона литературы для детей в критике 1860–1880-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.01.01. / О. А. Лучкина. — СПб., 2021. — 229 с.
5. Нянька // Читальня народной школы. СПб., 1899. — Вып. 4. — С. 1–18.
6. Северцов Г. Т. Трошка / Г. Т. Северцов // Читальня народной школы. — СПб., 1902. — Вып. 4. — С. 1–94.
7. Страхова Л. От Бога не скроешься, от себя не убежишь / Л. Страхова // Читальня народной школы. — СПб., 1892. — Вып. 3. — С. 141–163.
8. Страхова Л. Сердце выручило / Л. Страхова // Читальня народной школы. — СПб., 1890. — Вып. 12. — С. 1–15.
9. Токмакова С. Е. Эволюция языковых средств передачи оценки и эмоций (на материале литературной сказки XVIII — XXI веков): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / С. Е. Токмакова. — Воронеж, 2015. — 19 с.
10. Феоктистов И. И. Несколько слов о характере настоящего издания / И. И. Феоктистов // Читальня народной школы. — СПб., 1902. — Вып. 2. — С. 1–8.
11. Читальня народной школы. — СПб., 1888. — Вып. 10. — 25 с.
12. Читальня народной школы. — СПб., 1899. — Вып. 4–5. — 696 с.
13. Читальня народной школы. — СПб., 1901. — Вып. 8. — 240 с.
14. Читальня народной школы. — СПб., 1902. — Вып. 2. — 612 с.
15. Читальня народной школы. — СПб., 1904. — Вып. 2. — 148.

Voronezh State University

Koltsova L. M., Dr. Habil. in Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language of the Faculty of Philology

E-mail: vorrusist@yandex.ru

Chigireva E. M., Candidate of history, Associate Professor of the Department of Publishing of the Faculty of Philology

E-mail: tchigireva89@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ИХТИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Е. П. Куйдина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 февраля 2025 г.

Аннотация: в данной статье автор на примере анализа наименований карася, бытующих в воронежских говорах, обосновывает необходимость комплексного подхода к исследованию ихтиологической лексики, учитывая как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. В работе рассмотрены 15 наименований рыбы с точки зрения их мотивации, этимологии и словообразования.

Ключевые слова: рыболовецкая лексика, воронежские говоры, наименования карася, мотивировочный признак, экстралингвистические факторы.

Abstract: in this article, using the example of the analysis of crucian carp names found in Voronezh dialects, the author substantiates the need for an integrated approach to the study of ichthyological vocabulary, taking into account both linguistic and extralinguistic factors. The paper examines 15 names of fish in terms of their motivation, etymology and word formation.

Keywords: fishing vocabulary, Voronezh dialects, names of crucian carp, motivational sign, extralinguistic factors.

Исследование диалектной лексики, которая является сложным, многоплановым массивом, требует комплексного подхода, учитывающего ряд факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. Соотношение этих факторов будет различным в зависимости от особенностей тематической группы или частеречной принадлежности (как правило, глагольная лексика менее подвержена внеязыковому влиянию в отличие от лексики предметного характера).

Мы полностью разделяем точку зрения В. В. Усачевой, которая утверждает, что «взаимообусловленность и взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического планов, важность обращения к внеязыковым факторам особенно ярко проявляется в разрядах лексики, относящихся к живой природе. Непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими областями языка, и вряд ли всестороннее исследование лексики осуществимо без учета этой особенности» [1, 54]. Данное положение подтверждается на примере анализа ихтиологической лексики.

Ихтиологическая лексика отражает одно из древнейших занятий людей — рыболовство, которое наряду с земледелием и охотой являлось основным источником добывания пищи. В воронежских говорах выявлен большой пласт ихтиологической лексики — более 300 наименований, что, без сомнения, обусловлено географическими фак-

торами: на территории Воронежской области насчитывается 738 озер, 2408 прудов, 1343 реки; в водоемах обитают 59 видов рыб, которые относятся к 16 семействам. Очевидно, что в населенных пунктах, в которых нет водоемов и жители не занимаются рыболовством, диалектоносителям известны лишь общерусские названия рыб.

Основу ихтиофауны края представляет семейство карповые Cyprinidae. На рассматриваемой нами территории обитает 30 видов рыб, относящихся к этому семейству [2, 23]. Народные наименования получили только те виды рыб, которые имеют ценное промысловое значение или широко распространены. Наиболее часто встречающиеся виды рыб имеют наибольшее количество номинаций. Например, для карася выявлено 15 названий, пескаря — 14, лещ — 12, голавля — 11, линя — 9, белоглазки — 7, синца — 5, верховки — 4. Нами не были зафиксированы диалектные названия для семи видов, которые квалифицируются ихтиологами как редкие. Это вырезуб, обыкновенный голянь, обыкновенный горчак, белый амур, шемая, русская быстрянка, обыкновенный рыбец.

В рамках данной работы мы рассмотрим наименования карася, который является одной из самых известных рыб, типичных для исследуемого региона.

Источником материала исследования послужили:

1) персональная картотека автора, включающая полевые записи, сделанные на протяжении 2008–2011 гг. в ряде сел Воронежской области;

2) картотека, хранящаяся на кафедре славянской филологии ВГУ, содержащая материалы (около 1 млн. карточек) диалектологических экспедиций 1947–

2019 годов, в ходе которых было обследовано более 400 населенных пунктов Воронежской области;

3) Словарь воронежских говоров [3];

4) Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [4], Словарь русских народных говоров под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова [5], из которых извлекались интересующие нас лексемы с пометой *воронежское*.

В воронежских говорах для номинации карася зафиксировано 15 лексем: *байбáк, горбýль, золотóй карáсь, карась, крась, красюк, кру́глый карáсь, лапоть, лобáстый, озёрный карáсь, пры́ткий, речнóй карáсь, серебряный карáсь, сковорóдник, хрю́шка*. Мы рассматриваем не только диалектные наименования, но и названия общенародного характера, так как придерживаемся мнения о том, что лексика диалекта существует в единстве общенародных и локальных лексических элементов. Ф. П. Сороколетов отмечал, что «если лексический состав диалекта изучается как определенная система, то общенародные слова и диалектизмы должны вовлекаться в исследование на равных правах, так как «с точки зрения носителей говора диалектизмы не существует» (Ф. П. Филин)» [6, 224].

Повсеместное распространение имеет лексема **карáсь**: *Оснью карáсь ухóдит на ямы*. КРС. ЛОГ. Кашир. Во всех славянских языках бытует единое общее название карася, хотя и имеются некоторые довольно существенные изменения: укр. *карась*, диал. *карась-ка, карася, карасячча, карафет*, белор. *карась*, диал. *корость*, польск. *karas, karasek, karrasz, karus*, чешск. *karas*, словац. *karas*, диал. *karasa, karašek, karušek*, верхнелуж. *karas*, нижнелуж. *karaš*, болг. *караку́да*, диал. *караш*, сербохорв. *kàrāš, kàrās*, диал. *karasac, karastac*, словен. *káras, korěselj*, диал. *kureselj* [7(9), 152]. Предположительно, в праславянском языке наряду с формой *karasь* существовали формы *koroselь* и *korostь*. Близкие к славянским названия карася существуют в балтийских и германских языках [8, 127–128].

Определить происхождение слова затруднительно. М. Фасмер, приводя различные точки зрения на этимологию слова, в итоге приходит к выводу о том, что слово темное [9(2), 193–194]. Существуют попытки вывести слово из немецкого языка. В частности, Н. М. Шанский определяет ихтионим как «общеславянское заимствование из др.-нем. языка, в котором *karas* в свою очередь является переоформлением лат. *caracinus*» [10, 103]. П. Я. Черных выдвигает интересную точку зрения. Он предполагает, что *karasь* представляет собою образование от **kal* ‘ил, грязь, тина’ с суффиксом *asь*, то есть *kal+asь* → *kalasь*, а под влиянием *карп* (др.-рус. *корон*) образовалась новая форма *карась* [11(1), 380]. Связь с **kal* ‘ил, грязь, тина’ можно объяснить тем, что рыба любит заросшие водоемы, к тому же «карась зимой зарывается в ил или тину, проводит там весь зимний период» [12, 176].

Известны и другие попытки установить этимологию названия. Х. Петерсон рассматривал слово как заимствование из лит. *karōsas*, которое сопоставлял с этимологически неясным др.-ирл. *kilāsa* ‘прокаженный, покрытый крапинками, пятнистый’. И. Ледер возводит к и.-е. **sker-* ‘вращать, гнуть’, **ger* ‘вращать, вить’. По мнению лингвиста, первоначальным значением названия является ‘искривленный, согнутый’ ввиду круглой формы карася. К. Мошинский говорит о возможности происхождения слова из финно-угорских языков: мар., удм. *karaka* ‘карась’ [8, 128–130].

В воронежских говорах фиксируем фонетический вариант **крась** и словообразовательный вариант **красюк**: *Ф пруду́ рыба бува́ить: крась, óкунь, карп бува́ить*. КРС. ЛОГ. Кашир. *У ние кúпиш крjúчóк, на сурóвую нítку и паплаво́к ат пáлки, глубину́ зде́лаиш, красю́кí ток так лави́лся*. КРС.ЛОГ. Кашир.

Существует два вида карасей — золотой карась «*Carassius carassius*» и серебряный карась «*Carassius auratus gibelio*»; в водоемах Воронежской области представлены оба вида. Но, в отличие от золотого, серебряный карась является малочисленным, местами редким видом. Вероятно, вследствие неясности, «размытости» дифференциальных признаков возникают некоторые затруднения в определении того, для какого вида карася существует та или иная народная номинация, к тому же информанты сами не всегда могли конкретизировать значение, ссылаясь на то, что каким-либо названием именуют оба вида.

Золотой карась и серебряный имеют ряд отличий во внешнем виде, а также в среде обитания. Поэтому, проанализировав мотивировочные признаки, легшие в основу соответствующих ихтионимов, мы можем предположить, в отношении какого вида появилось название. При этом, возможно, лексемой, появившейся для номинации одного вида, затем стали именовать рыбу другого вида, не дифференцируя значения.

Для того чтобы определить, какому виду соответствуют остальные названия карася, следует обратиться к экстралингвистическим данным. Итак, во-первых, два вида рыб отличаются цветом чешуи — *Carassius carassius* «бывает более или менее темно-золотистого, иногда красновато-золотистого цвета» [13, 297], у *Carassius auratus gibelio* «чешуя серебряная» [13, 297]. Цвет рыбы определяет соответствующие номинации **золотóй карáсь** и **серебряный карáсь**: *В нáших прудáх и залатóй карáсь вóдитца, и сирéбриный кáрась*. КАШИР. Названия представляют собой словосочетания с опорным словом *карась*, которое указывает на род рыбы, а прилагательные со значением цвета указывают на видовую отнесенность. В славянских языках отмечаем аналогичные составные наименования для *Carassius auratus gibelio*: укр. *карась сри́блястий*, польск. *karas srebrzysty*, чеш. *karas stríbrity*, словац. *karas striebřisty*, болг. *сребърна караку́да* [1, 337]. Если для *Carassius auratus gibelio* существуют наименования с определяемым словом,

в основе которого есть указание на серебристый цвет чешуи, то для *Carassius carassius* такие наименования в славянских языках не зафиксированы. В основу определяемого слова составных названий *Carassius carassius* в славянских языках положен другой мотивировочный признак (об этом см. ниже).

Во-вторых, рыбы отличаются формой тела: *Carassius carassius* «гораздо шире (вышина его составляет 2,5 длины всего тела), спина у него поднимается от затылка крутой дугой» [13, 297], *Carassius auratus gibelio* «имеет более удлиненное туловище, спина у него образует менее выпуклую дугу» [13, 297]. Таким образом, в воронежских говорах *Carassius carassius* — это **горбыль**: *Мёсны рыбаловы карася гарбыльём завут. ПАВЛ.; круглый карась*: *Тут прут нидаликб, там толька круглый карась есть. КАШИР; лобастый*: *Лабастава, то биш карася, харашб лавить, када штыбник цвигет. ПЕТР; сковородник*: *Двух скаварбникаф на ужин паймал. ПАВЛ. Зимой скаварбника трудна паймать, нада опыт иметь. ЛСВ. Семил.* В основе номинаций лежит такой мотивировочный признак, как форма тела. Лексемы *горбыль*, *лобастый*, *сковородник* — результат аффиксации, в то время как номинация *круглый карась* — составное наименование. В славянских языках соответствие обнаруживаем только в украинском языке: *карась круглий* [1, 337].

Следует отметить, что номинации *лобастый* и *горбыль* служат в воронежских говорах не только для обозначения карася, но и других видов рыб того же семейства: **лобастый** — 1) голавль, рыба *Leuciscus cephalus*, сем. карповые: *Лабастый как рбцарь. ВОРОН. Галавль дастигаёт васьми килаграм, а я слышал от мужыка мёснава о паймках дивитикилаграмовава лабастава. НОВОХОП. 2.* белый толстолобик, рыба *Hurophthalmichthys molitrix*, сем. карповые: *Я фчиря лабастава на кукурузу паймал. КАШИР. Мяса лабастава нежнае. ВОРОН. Я взял кукурузу и гарбх, буду лабастава лавить. ПЧЛ. Бобр.; горбыль* — 1) карп, рыба *Suigrinus carpio*, сем. карповые: *Гарбыль капризный, иво трудна на удачку паймать. ПАВЛ.; 2) пескарь, рыба Gobio gobio*, сем. карповые: *Гарбыли есть в застойных водах. СЛД. Остр. В Дану пално гарбыля. НЖ.ИКР. Лиск.*

В-третьих, существуют незначительные отличия в месте обитания рыб: «местопребывание как тех, так и других карасей почти одинаково: как круглый, так и серебряный караси живут исключительно в стоячих водах, также в тихих заливах и старицах рек, но последний, впрочем, чаще первого встречается в проточной воде, особенно в реках, почему иногда и называется озерным, или речным, карасем» [13, 297]. По этой причине *Carassius auratus gibelio* — это **речной карась**, **озёрный карась**: *Есть азёрный карась, ричной карась. ПЧЛ. Бобр.* Названия представляют собой составные наименования, определяемые слова которых указывают на место обитания рыбы.

В отношении наименований **байбак**, **лапоть**, **пряткий**, **хрюшка** затруднительно установить, какой именно вид карася они именуют.

За свою неповоротливость карась получил название **байбак**: *Байбак жывучий, там, где другие рыбы ни живут, иму харашб. НОВОХОП.* Ср.: «толстое, неуклюжее тело его не может справиться и с довольно медленным течением». Первоначально **байбак** — это «крупный степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке» [14(1), 55], тело их толстое и неуклюжее. Данное слово имеет также переносное значение 'неповоротливый, ленивый человек, лежебока' [14(1), 55]. Таким образом, **байбак** в значении 'карась' — результат метафорического переноса на основе сходства образа жизни сопоставляемых объектов. Возможно, данная лексема закрепила за карасем по другой причине. Как и байбак, карась также проводит холодное время года в спячке: он зарывается в ил и находится там всю зиму и начало весны.

Малоповоротливость и лень карася отражены в ихтиониме **лапоть**: *Инагда лапать клюёт так силна, толька успивай забрасывать. ПАВЛ. Тут нидавна прут спускали, так я лаптей с писка капал. КЛЕБ. Лиск. Лапать с лабшку папался. ВОРОН.* Л. П. Сабанеев отмечает: «По вялости клева и малому сопротивлению, оказываемым пойманным карасем, ужение этой рыбы не особенно интересно <...> Выгаскивание <...> карасей не сопряжено ни с какими трудностями, так как они оказывают лишь незначительное сопротивление, меньшее, чем все другие рыбы одинакового роста или, вернее, веса» [13, 302–304]. В воронежских говорах бытует данное слово в значении 'о простоватом, бесхитростном человеке' [5(16), 266]. В данном случае рыба названа по поведению во время лова.

Непонятной с точки зрения мотивации является номинация **пряткий**: *Пряткий, то биш карась, абитаит в зарбшых реках, азёрах. ПЕТР,* которая противоречит вышесказанному о поведении карася.

Карась — очень неприхотливая рыба. «Можно даже предположительно сказать, что чем хуже свойства воды обитаемого ими бассейна, чем иловатее пруд или озеро, тем караси многочисленнее и быстрее развиваются» [13, 298]. К тому же в поисках пищи карась копается носом в вязком иле, поэтому в основе номена **хрюшка** лежит место обитания и образ жизни: *Хрюшка бирет рана утрам, пирид васходам. БРВ. Н.-Усм.* Слово образовано метафорически.

Проведенное нами исследование на основе народных наименований карася подтверждает положение о том, что при анализе диалектной лексики, отражающей реалии живой природы, необходим учет внеязыковых явлений.

Во-первых, в результате обращения к экстралингвистическим факторам (особенности внешнего вида рыбы, ее место обитания, поведение) нам уда-

лось определить (что не всегда могли сделать сами информанты), для обозначения какого вида карася появились названия. Проанализировав мотивировочные признаки, положенные в основу номинаций, мы пришли к выводу, что лексемы *горбыль*, *золотой карась*, *круглый карась*, *лобастый*, *сковородник* называют золотого карася «*Carassius carassius*»; лексемы *озерный карась*, *речной карась*, *серебряный карась* — серебряного карася «*Carassius auratus gibelio*».

Во-вторых, бытование в воронежских говорах большого количества наименований, обозначающих карася, можно объяснить, в первую очередь, именно экстралингвистическими причинами.

Восприятие диалектоносителями мира природы фиксирует, прежде всего, самые яркие признаки объекта, которые бросаются в глаза и являются первостепенными в момент номинации. Большинство наименований карася имеют прозрачную внутреннюю форму. Они мотивированы местом обитания рыбы (*озерный карась*, *речной карась*), цветом чешуи (*золотой карась*, *серебряный карась*), формой тела (*горбыль*, *круглый карась*, *лобастый*, *сковородник*), образом жизни (*байбак*), поведением во время лова (*лапоть*), местом обитания и образом жизни (*хрюшка*).

Номинации образованы морфологическим и лексико-семантическим способами. Пять наименований представлены словосочетаниями *прилагательное+существительное*, в которых определение-прилагательное мотивировано местом обитания рыбы (*речной карась*, *озерный карась*), цветом чешуи (*золотой карась*, *серебряный карась*), формой тела (*круглый карась*).

Номинации *лобастый* и *горбыль* служат в воронежских говорах не только для обозначения карася, но и других видов рыб, что объясняется наличием сильного мотивата, сближающего разные виды рыб. Значения данных полисемантических слов объединены семантическим признаком — 'особенность части тела'.

Итак, анализ икhtiологической лексики, учитывающий взаимосвязь языковых и внеязыковых факторов, позволяет дать ее комплексное, многоплановое описание и прийти к выводам о том, что в наименованиях рыб отражены как объективные факторы (природные, географические реалии), так и субъективные (когнитивные процессы, отражающие особенности сегментации действительности диалектоносителями).

Список условных сокращений сел, городов и районов

КРС. ЛОГ — Красный Лог, КАШИР. — Каширское, ПАВЛ. — Павловск, ПЕТР. — Петропавловка, ЛСВ. — Лосево, ВОРОН. — Воронеж, ПЧЛ. — Пчелиновка, СЛД. — Солдатское, НЖ.ИКР. — Нижний Икорец, НО-ВОХОП. — Новохоперск, КЛБЛ. — Колыбелка; Лиск. — Лискинский, Бобр. — Бобровский, Остр. — Острогжский, Лиск. — Лискинский, Кашир. — Каширский, Семил. — Семилукский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усачева В. В. Славянская икhtiологическая терминология: Принципы и способы номинации. Обратный словарь / В. В. Усачева. — М.: Индрик, 2003. — 348 с.
2. Делицын В. В. Новый список икhtiофауны водоемов бассейна реки Дон (Воронежская область) / В. В. Делицын // Икhtiологические и рыбохозяйственные исследования на реках и водохранилищах. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. — С. 19–25.
3. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. — Вып. 1–3. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2004–2019.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Прогресс, 1994.
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М.; Л.: СПб.: Наука, 1965–2023. — Вып. 1–52.
6. Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка / Ф. П. Сороколетов // Слово в русских народных говорах: сб. ст. — Л.: Наука, 1968. — С. 222–236.
7. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1997–2009. — Вып. 1–35.
8. Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб: К IX Международному съезду славистов / В. Т. Коломиец. — Киев: Наукова думка, 1983. — 160 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1964–1973.
10. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. — М.: Учпедгиз, 1961. — 404 с.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. — М.: Русский язык, 1994.
12. Калугин М. С. Справочник рыболова / М. С. Калугин. — Воронеж: Коммуна, 1989. — 511 с.
13. Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб: С приложением «Рыболовного календаря» / Л. П. Сабанеев. — Киев: ГОССЕЛЬХОЗИЗДАТ УССР, 1960. — 667 с.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1981–1984. — МАС.

Воронежский государственный университет

Куйдина Е. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

Voronezh State University

Kuidina E. P., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет

Е. А. Проценко

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье обсуждается вопрос распространения лексики иноязычного происхождения в средствах массовой информации и социальных сетях. В качестве объекта исследования выбрана лексика из тематической группы «косметология». На основе предложенной концепции межъязыкового перекодирования осуществляется комплексный анализ англицизмов, используемых в этой сфере. По результатам сопоставительного анализа частотности употребления исследуемой лексики в разных подкорпусах Национального корпуса русского языка авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день социальные сети являются наиболее активным каналом проникновения иноязычной лексики в разные стили современного русского языка.

Ключевые слова: лексика иноязычного происхождения, социальные сети, межъязыковое перекодирование, русский язык, англицизмы.

Abstract: the article discusses the issue of the wide-spread use of foreign language words in the mass media and social networks. The thematic group of cosmetology is chosen as an object of study. Based on the proposed concept of cross-language recoding a complex analysis of lexical units borrowed from the English language is provided. Through the comparative analysis of the recoded words frequency in different corpus of the Russian language the authors come to the conclusion that nowadays social networks are the most active channel of foreign language penetration.

Keywords: foreign words, social networks, cross-language recoding, Russian language, anglicisms.

Проблема взаимосвязи языка и культуры является традиционной в лингвистике. На сегодняшний день общепризнано, что язык является одним из ключевых элементов культуры и основной формой ее существования. В современной геополитической ситуации в связи с распространением на Западе антироссийской пропаганды и политики «культурной отмены России» проблема сохранения целостности русского языка и русской культуры приобретает особую актуальность и значимость [1]. В этой связи сохранение чистоты русского языка можно считать в определенной степени сохранением русской культуры. На протяжении уже нескольких десятилетий исследователи отмечают засилье иноязычных слов, главным образом, англо-американизмов, которые в буквальном и переносном смысле заполонили современный русский язык. Иноязычная лексика встречается практически везде: в разговорной речи, в средствах массовой информации, Интернет-пространстве и даже в официальных документах. Проблема стала настолько всеобъемлющей, что потребовала государственного вмешательства. В феврале

2023 года были внесены изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», в том числе предполагающие запрет употребления иноязычной лексики, «за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке» [2]. Примечательно, что выявление так называемых «слов года» за 2024 год также показывает абсолютное преобладание иноязычных лексических единиц: *вайб, скуф, инсайт, абьюз, квадранс*.

Однако для того чтобы эффективно противостоять «нашествию англо-американизмов», нужно прежде всего изучить пути и способы их проникновения в современный русский язык. Многие исследователи уже отмечали роль СМИ, которые в последние десятилетия служат своего рода «перевалочным пунктом» [3], где лексика иноязычного происхождения проходит процесс ассимиляции и популяризации. В ряде работ описан процесс адаптации иноязычной лексики и определены особенности ее использования в медийных текстах [4–6]. Однако в последнее время все большее распространение получают новые жанры коммуникации, такие как Интернет-блоги, форумы, социальные сети и т.п.

В настоящей статье представлены результаты комплексного анализа употребления лексики иноязычного происхождения в текстах разной стилиевой принадлежности. Материалом исследования послужили контексты использования англо-американизмов, представленные в Национальном корпусе русского языка [7].

В качестве объекта исследования была выбрана тематическая группа номинаций из сферы косметологии. Выбор объекта обусловлен, с одной стороны, тем фактом, что данная тематическая группа в последнее время очень активно пополняется иноязычной лексикой. С другой стороны, рассматриваемая лексика является достаточно специфической, поэтому ее использование в газетном подкорпусе и основном корпусе может рассматриваться как расширение сферы употребления специальной лексики в современном русском языке.

Теоретической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов по вопросам языковых контактов и теории заимствования. Были изучены различные классификации лексики иноязычного происхождения, проанализированы последние публикации по проблеме распространения англо-американизмов в разных языках [8–10].

В основу исследования положена выдвинутая одним из авторов (Е. А. Проценко) концепция поэтапного освоения иноязычной лексики в процессе ее вхождения в язык-приемник [11]. Первым этапом этого комплексного и порою достаточно длительного процесса является перекодирование означающего, при котором иноязычное слово оформляется с помощью языковых знаков принимающего языка и помещается в окружение русских слов. Такие слова, как *ваксинг*, *браш* или *айлайнер* не всегда понятны русскоязычной аудитории и воспринимаются скорее как «свой среди чужих», хотя и написаны на русском языке. На следующем этапе перекодированное слово проходит ассимиляцию на морфологическом и синтаксическом уровнях. В процессе употребления в устных и письменных текстах иноязычная лексика приобретает определенную частеречную принадлежность и начинает оформляться с помощью словоизменяемых, а затем и словообразовательных аффиксов русского языка. По нашим наблюдениям, последним подвергается освоению уровень семантики, поскольку первоначально перекодированное слово сохраняет семантическую близость с иноязычным этимологом, от которого оно было образовано.

Исходя из изложенного выше понимания межъязыкового перекодирования как процесса кодирования лексики иноязычного происхождения с помощью языковых средств принимающего, т.е. в данном случае русского языка, с последующим освоением перекодированной лексики на разных уровнях, был проведен комплексный анализ англо-американиз-

мов из сферы косметологии (более 100 лексических единиц). Выборка проводилась на основе трех подкорпусов Национального корпуса русского языка: основного, газетного и социальных сетей.

Прежде всего отметим, что абсолютное большинство анализируемой лексики не зафиксировано ни в одном словаре иностранных слов. Из общего количества лишь 5 номинаций описаны в каких-либо словарях. Это наглядно подтверждает тот факт, что в центре нашего внимания оказывается именно процесс освоения лексики иноязычного происхождения и ее возможного закрепления в современном русском языке.

На первом этапе исследования проводился комплексный анализ лексики иноязычного происхождения по ряду параметров. В первую очередь были установлены лексические единицы, от которых была образована перекодированная лексика. Сопоставительный анализ перекодированных и собственно иноязычных лексических единиц показал, что наиболее распространенным способом перекодирования означающего является транскрипция.

Отметим, что при передаче звуков английского языка наблюдается некоторая вариативность. Графическая репрезентация перекодированной лексики в ряде случаев передает скорее звуковой образ иноязычного слова, нежели классический вариант его произнесения. Так, например, *atomizer* ['ætəʊmaɪzə] передается на русский язык как *атомайзер*, а *all-over* [ɔ:l'əʊvə] — как *эловер*. Кроме того, непроницаемые в английском языке финальные согласные воспроизводятся при перекодировании на русский язык: *ремувер* от англ. *remover*, *праймер* от англ. *primer*; *пилинг* от англ. *peeling*, *лифтинг* от англ. *lifting*, *ваксинг* от англ. *waxing* и т.п.

Другими словами, при межъязыковом перекодировании передается не столько точная транскрипция иноязычного слова на уровне межъязыковых соответствий, сколько некий звуковой образ слова так, как он воспринимается русскоязычной аудиторией.

Транслитерация также используется как способ перекодирования означающего, но значительно реже (около 30% от общего числа). Приведем несколько примеров: *бронзер* от англ. *bronzer*, *книпсер* от англ. *knipser*, *рефил* от англ. *refill*, *стейн* от англ. *stein*, *шimmer* от англ. *shimmer*, *тинт* от англ. *tint*, *дермапланинг* от англ. *dermaplaning*, *ирритант* от англ. *irritant* и т.п.

С точки зрения грамматических характеристик обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство анализируемой лексики составляют имена существительные. В представленной выборке нет ни одного глагола или наречия и всего 7 прилагательных. Свидетельства преобладания имен существительных среди заимствованной лексики можно найти у разных исследователей [11, 12]. Однако столь высокая доля существительных (около 92%) является характерной скорее для терминосистемы,

учитывая специфику исследуемой сферы косметологии, где преобладает предметная номинативность.

Учитывая, что в английском языке категория рода грамматически не выражена, перекодированные на русский язык слова приобретают род согласно нормам русского языка. В частности, существительные, оканчивающиеся на согласный, воспринимаются как существительные мужского рода (*лифтинг, скраб, флюид* и т.п.), а оканчивающиеся на гласную — как женского, например, *бьюти, флуометрия, тупса*.

Интересно отметить, что два существительных употребляются исключительно во множественном числе, что говорит о прямом перекодировании от соответствующих форм английского языка: *патчи* от англ. *patches* и *тупсы* от англ. *tips*.

Результатом морфологического освоения перекодированной лексики является склонение имен существительных и приобретение ими соответствующих падежных окончаний в окружении русских слов, например:

«*Воск не липнет к коже и его можно наносить на волоски в любом направлении их роста. Эффективность ваксинга при этом не страдает!*» [Ксения Шугаринг. Воронеж, 2020].

«*Скажу сразу свое мнение насчет любых патчей, не только этой фирмы, я не верю в байки производителей о том, что патчи убирают синяки под глазами*» [nedosekina тиа. Макияж, 2022].

«*Nanutik, акрилом насколько я помню наращивают на тупсах* (подкладывают *тупсу* и сверху акрилом)» [Очень нужен ваш совет! (2009–2016)].

Поскольку межъязыковому перекодированию подвергается ряд иноязычных слов, образованных по одной словообразовательной модели, в структуре анализируемой лексики можно выделить, как минимум, два словообразовательных аффикса иноязычного происхождения: *-ер* и *-инг*, например: *праймер, хайлайтер, айдефайнер, консилер, айлайнер, пушер, зловер и брашинг, липофилинг, блейдинг, микронидлинг, пилинг, стемпинг, стиплинг, тридлифтинг, ваксинг* и т.д.

Среди синтаксических связей перекодированных лексических единиц преобладают атрибутивные и объектные отношения, что очевидно объясняется высокой долей субстантивов. Приведем несколько примеров:

«*Привет, ищу для себя специалиста — мастера маникюра и педикюра И так же мастера по шугарингу*» [СупRus Helpers. telegram СупRus Helpers (11.04.2022)].

«*В варианте «Солнечное сияние» глаз обрабатывается либо ярко-зеленым айлайнером и тушью (цветная тушь накладывается поверх традиционной черной, которая в данном макияже используется в качестве базы) — зеленый оживляет спокойную гармонию золотисто-коричневых тонов, либо коричневым*» [ВАШЕ ЛИЦО. «Без макияжа, как без соли» // Аргументы и факты, 1995.03.07].

Особо следует подчеркнуть, что перекодированная лексика зачастую соседствует с собственно иноязычными вкраплениями. Последние чаще всего выступают в функции приложения и представляют собой имена собственные, названия средств по уходу, марки производителя и т.п., например:

«*Приз — дорожный фен для волос от Redken, брашинг для волос от L'oreal и маска для окрашенных волос от Kerastase*» [vk (06.07.2015)].

«*В нее вошли жидкие тени-трансформеры, палетка теней After Dark, тонирующий стик Teint Idole Ultra с функцией корректора и хайлайтера*» [Ирина Кириенко. Приманить весну // Коммерсант, 02.03.2020].

В плане семантики проводился контекстуальный анализ значения перекодированных лексических единиц с их последующим сопоставлением со значением соответствующих иноязычных слов (по данным толковых словарей английского языка). В целом можно сказать, что употребление перекодированной лексики соответствует ее значению в языке-источнике. Однако в некоторых случаях прослеживается расширение или, наоборот, конкретизация значения. В частности, по данным словарей английского языка [13], *mist* имеет значения «туман; аэрозоль», тогда как перекодированное слово *мист* используется в социальных сетях для обозначения не только спрея, но и просто лосьона: «*Мы придумали решение: встречайте новинку — увлажняющий мист-спрей для волос и тела из линии Perfect Hair. Советуем брать это средство с собой и распределять на кожу головы и волосы в течение дня*» [Константин Бьюти. OLLIN PROFESSIONAL ВОРОНЕЖ (2020)]. «*Японский лосьон-мист для борьбы с высыпаниями и раздражениями, и как антивозрастной уход!*» [Ольга. О бюджетных находках класса люкс. 2022].

Примером метонимического переноса является употребление перекодированного слова *брашинг* (англ. *brushing* — «использование щетки») в значении «щетка для волос»: «*Уложить волосы при помощи круглой расчески (брашинга)*» [Константин Бьюти. OLLIN PROFESSIONAL ВОРОНЕЖ (2018)].

Отдельно хотелось бы отметить, что процесс межъязыкового перекодирования, как, например, вторичное заимствование или межъязыковое перекодирование по нескольким значениям, настолько активен в последнее время, что приводит к межъязыковой омонимии в русском языке. Например, слово *лайнер* пришло к нам от англ. *liner* — *line* (линия) и употребляется обычно в двух значениях:

«крупное быстроходное судно»;

«скоростной пассажирский самолет» [14].

В сфере же современной косметологии *лайнер* обозначает «карандаш, подводка», *айлайнер* — «подводка для глаз». Для сравнения: *лайнером* или *линером* называют также инструмент для черчения. В корпусе социальных сетей встречаются оба перечисленных значения:

«Люблю рисовать стрелки **лайнером**». Самый классный **лайнер** — beautydrugs @ anna_myazina_store» [Бьютиблог (24.12.2020)].

«Я вообще лайн не делаю (только в комиксе, и то карандашом, но хочу **лайнер** купить)» [telegram Чат для художников (20.03.2022)].

С точки зрения стилистических особенностей стоит отметить, что анализируемая перекодированная лексика сохраняет признаки иноязычного происхождения и воспринимается как иностранный термин зачастую с достаточно туманной семантикой. В нижеследующем контексте очевиден эффект новизны и неизвестности термина *стемпинг* широкому кругу читателей:

«МАСТЕР-КЛАСС ПО СТЕМПИНГУ Вы не знаете, что такое стемпинг?

Тогда успеете записаться на мастер-класс от известного *nail*-блогера Евгении Сузанской (*Evageo*)» [vk, 17.07.2014].

Тот факт, что перекодированные единицы остаются непонятными для большинства русскоязычной аудитории, вынуждает авторов давать перевод или объяснять значение соответствующих терминов, например:

«Если вы решите подводить глаза тенями, то вам потребуются приобрести специальную кисточку — **лайнер**» [vk, 28.02.2013].

«От омертвевших клеток эпителия можно избавиться при помощи другой салонной процедуры — аппаратного **пилинга (брашинга)**» [Морозная свежесть налицо // Коммерсант, 23.04.2003].

Другими словами, несмотря на формальное перекодирование означающего и морфологическое освоение лексики иноязычного происхождения, ее семантика остается неясной, что и вызывает необходимость перевода на русский язык. В таких случаях используется дословный перевод или калькирование, например: *eyeliner* — карандаш для глаз, *eylash curler* — щипчики для подкручивания ресниц, *false lashes* — накладные ресницы, *glitter for hair* — блески для волос, *lifting effect* — с эффектом подтяжки, *nail clippers* — щипчики для ногтей, *nude makeup* — нюдовый макияж и т.д.

Как уже отмечалось выше, абсолютное большинство перекодированных слов на данный момент не зафиксированы в словарях русского языка (в том числе и словарях иностранных слов) и остаются неизвестными русскоязычной аудитории. Об этом свидетельствует, в частности, необходимость перевода или объяснения значения соответствующих слов, которые имеют ярко выраженный терминологический характер. Тем не менее рассматриваемая лексика встречается в текстах разной стилистической принадлежности и является достаточно употребительной (20% перекодированных слов имеют показатели выше 100 словоупотреблений хотя бы в одном из подкорпусов; 35% — более 50 словоупотреблений).

Сравнительно-сопоставительный анализ по данным разных подкорпусов Национального корпуса русского языка показал, что анализируемая лексика является наиболее употребительной в социальных сетях, через которые и происходит на сегодняшний день популяризация и распространение лексики иноязычного происхождения в другие стили речи. Показателен в этой связи тот факт, что в социальных сетях выявлено в ряде случаев больше значений перекодированного слова, чем, например, в газетных текстах. Таким образом иноязычные термины из сферы косметологии постепенно распространяются через социальные сети в другие стили речи, что неизбежно приводит к увеличению масштабов употребления лексики иноязычного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/75495> (дата обращения 21.11.2024)
2. Федеральный закон от 01.06.2005 г. №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22441>
3. Камалетдинова А. Б. Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации : 1996–2001 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Камалетдинова. – Уфа, 2002. – 24 с.
4. Сиротинина О. Б. Особенности функционирования композитов с препозитивными заимствованными компонентами в современных СМИ О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 143-147.
5. Маринова Е. В. Модные слова в русскоязычных СМК в эпоху постправды (особенности развития семантики) / Е. В. Маринова // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы IV Международного научно-образовательного форума. – Н. Новгород : НГЛУ, 2020. – С. 197-202.
6. Буряковская В. А. Иноязычная лексика как стилистическая черта массмедиа / В. А. Буряковская // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Международной конференции. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 105-108.
7. Национальный корпус русского языка – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.11.2024)
8. Кругляк Е. Е. Семантические англицизмы в печатных СМИ франкоязычной Канады / Е. Е. Кругляк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 2. С. 28-30.
9. Терехова Е. В. Англицизмы в заголовках немецких онлайн-сми и их перевод на русский язык / Е. В. Терехова, О. В. Фоменко // Вопросы гуманитарных наук. 2021. № 3 (114). С. 21-31.
10. Ивлиева Е. А. Англицизмы тематической группы «мода» в испанском медийном дискурсе / Е. А. Ивлиева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2926–2930.

11. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование как способ освоения иноязычной лексики в СМИ / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 3–10.

12. Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С.399–403.

13. Oxford English Dictionary. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 10.11.2024)

14. Новый словарь иностранных слов – Режим доступа: <https://www.slovvari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 10.11.2024)

15. Smokotin V. M. The phenomenon of linguistic globalization : English as the global lingua franca / V. M. Smokotin, A. S. Alekseyenko, G. I. Petrova // Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 154. – Pp. 509–513.

Воронежский государственный университет

Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igel1@yandex.ru

Voronezh State University

Merkulova I. A, Doctor of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: igel1@yandex.ru

Воронежский институт МВД России

Проценко Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков
E-mail: procatherine@mail.ru

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Protsenko E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Languages Department
E-mail: procatherine@mail.ru

ПОВЕСТИ А. НОВИКОВА 1930-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Т. А. Никонова, О. А. Соловьева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается «Повесть о камарницком мужике» А. Н. Новикова (1935) на фоне одного из магистральных направлений литературного процесса 1930-х годов, смыслом которого явилось возвращение к традициям русской классики, что существенно корректировало советскую идеологическую доктрину послереволюционных десятилетий. Суть перемен заключалась в необходимости соотношения интернационалистских лозунгов с национальным опытом. Особая роль в этом процессе отводилась наследию А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, традиции, литературный процесс, советская доктрина, национальный опыт.

Abstract: the article examines the "Tale of the Kamarnitsky Peasant" by A. Novikov (1935) against the background of one of the main directions of the literary process of the 1930s, the meaning of which was a return to the traditions of Russian classics, which significantly corrected the Soviet ideological doctrine of the post-revolutionary decade. The essence of the changes was the need to correlate internationalist slogans with national experience. A special role in this process was assigned to the legacy of A. S. Pushkin.

Keywords: Pushkin, traditions, literary process, Soviet doctrine, national experience.

В 1937 году русская литература и советская общественность широко и торжественно отметили столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Подготовка к Пушкинским дням была начата постановлением Правительства (ЦИК) СССР от 16 декабря 1935 г. «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина». Пушкинский Комитет возглавил М. Горький, в него вошли ученые и писатели, деятели науки и культуры всех союзных республик, ведущие партийные работники. Состав Комитета свидетельствовал о размахе заявленного юбилея. Одна из передовиц газеты «Правда», главной газеты советской страны, утверждала, что «в подготовке к историческому празднику советской культуры примет участие вся страна».

Может показаться странным, что такие масштабные мероприятия были посвящены не дате рождения русского гения, а его смерти, однако следует иметь в виду, что в начале 1930-х годов в официальную идеологическую доктрину были внесены существенные коррективы. Задачи строительства социализма в отдельно взятой стране потребовали ориентации не только на интернационалистские идеалы, но и на национальный опыт. Так, по сравнению с 1920-ми годами стали иначе расставляться акценты в изучении отечественной истории и культуры в школах и вузах, менялись книгоиздательские планы, театральные репертуар и т.д.

Пушкинские дни прошли успешно, при большом воодушевлении участников, с привлечением самых разных слоев населения. Так был оценен Пушкинский юбилей не только в советской стране. Сходным образом отозвался о празднике историк культуры русского зарубежья Марк Раев, внимательно и критично наблюдавший культурную жизнь своей бывшей родины. Он отметил еще одно важное в связи с нашей темой обстоятельство. Пушкинские дни перекликались с реформой образования начала 1930-х годов, значение содержательной стороны которой было трудно переоценить: «Успехи советского образования показали, что <...> великая литературная традиция могла способствовать консолидации всего общества» [10, 214].

Разумеется, корректировку идеологической советской доктрины начала 1930-х годов нельзя было считать отказом от революционных постулатов. Реальная жизнь страны потребовала их соотношения с фактами русской истории, традициями русской жизни и культуры. Пушкинский праздник был одним из первых шагов на пути преодоления революционного максимализма и тех препон, которые он создавал развитию культуры и общественного сознания.

В таком контексте времени произведения А. С. Пушкина начали свое возвращение к читателю, заняв свое важное место в школьных и вузовских программах. Широко и большими тиражами издавались пушкинские тексты. Значительных успехов в эти годы достигло академическое пушкиноведение, опи-

равшееся на давние отечественные традиции. Научным событием стало издание Академией наук СССР полного собрания сочинений А. С. Пушкина (1937–1949). Работа над ним началась в 1933 году, к ней были привлечены ведущие исследователи. До сего дня это издание сохраняет свою текстологическую и научную ценность.

Пушкинский юбилей 1937 года и обозначившиеся в его ходе задачи актуализировали в общественном сознании едва ли не самую важную мысль знаменитой Пушкинской речи Ф. М. Достоевского (1880): «Пушкин приходит как раз в самом начале *правильного самосознания нашего*, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть *пророчество и указание*» [1, 136–137. Курсив наш. — Авт.].

Особенности непростого восстановления «правильного самосознания нашего» в 1930-е годы рассмотрим на примере «Повести о камарническом мужике» А. Н. Новикова, опубликованной в 1935 году в журнале «Октябрь», в самом начале подготовки к Пушкинским дням. А. Новиков характеризует повесть как «историческую», «вольное изложение» [4, 95] событий которой основывается на материалах брянских краеведов, посвященных крестьянскому восстанию под предводительством Емельяна Чернодырова 1796–1797 годов (в повести — Емельяна Чернодыря).

Сюжет повести организуют два исторических события — смерть Екатерины II (ноябрь 1796 года) и восшествие на престол Павла I. Разумеется, оба события были важны в жизни государства. Но особое внимание всех сословий привлек «Манифест о трехдневной барщине», изданный Павлом I и приуроченный к его коронации. Манифест ограничивал использование крестьянского труда в пользу двора, государства и помещиков тремя днями в течение каждой недели, запрещал и принуждение крестьян к работе в воскресные дни.

Манифест вызвал несогласие дворянства, права которых он ограничивал. Крестьянство, напротив, расценило появление Манифеста как начало перемен к лучшему. Однако, по свидетельству историков, Манифест был плохо подготовлен, не были прописаны механизмы его реализации, чем немедленно воспользовалось несогласное дворянство. Но более важными были содержательные противоречия, отразившие нечеткую позицию императора. С одной стороны, Манифест диктовался его стремлением ограничить помещичьи злоупотребления, которым, с его точки зрения, потворствовала Екатерина II, но в то же время Павел I не допускал мысли о том, что крестьянство может быть реальной силой в государстве. Оттого и начало царствования Павла I,

несмотря на обнародованный Манифест, было отмечено многочисленными крестьянскими протестами. Если на первых порах, как свидетельствуют историки, крестьянам могло показаться, что император озаботился их положением, то «уже в 1797 году начались крестьянские волнения во внутренних губерниях» [7, 436].

Таким образом, повесть А. Н. Новикова была посвящена историческому событию, сходному с тем, которое за сто лет до него стало предметом разысканий А. С. Пушкина — о крестьянской войне под водительством Пугачева за право жить по своей воле. Сходство изображенных событий, живая память о них (Емельян Пугачев казнен в 1775 году) естественно актуализируют в сознании героев «Повести о камарническом мужике», действие которой отнесено к 1797 году, и факты истории, и народную мифологию. Так, для новиковских «степенных мужиков» из села Андросово Пугачев не самозванец и не бунтовщик: «...может, и сам Пугачев Емельян был настоящим императором, как знать-то?» [4, 107].

ПУШКИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОГО ГЕРОЯ В «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА» И «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

«Первым исследователем и популяризатором событий крестьянской войны 1773–1774 гг., возглавленной донским казаком Емельяном Пугачёвым в дальних Оренбургских степях, Пушкин стал совершенно неожиданно для своих читателей», — свидетельствует историк и пушкинист Ю. Г. Оксман [5, 323].

«Неожиданность», во-первых, состояла в том, что Пушкин, обратившись к истории Пугачева, нарушил запрет Екатерины II, которая в манифесте 1775 года предписывала предать «все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию», запретив и «впредь чинить о сих делах притязание и изыскание» [8, 85]. Вторая причина состояла в том, что господствовавшая точка зрения на Пугачева как самозванца и разбойника для дворянства не требовала доказательств, но своей жизнью жила в народной памяти. Исходя из этих немаловажных обстоятельств, разрешение на публикацию материалов о пугачевском бунте мог дать лишь император, отменив при этом действие Манифеста Екатерины II от 1775 года о запрете самой памяти о пугачевском бунте. Поэтому подготовленный текст А. С. Пушкин представил на высочайшее утверждение, минуя цензуру. «История Пугачева», восстановленная А. С. Пушкиным, предлагала неожиданный взгляд и на крестьянскую войну, и на личность главного мятежника.

Ю. Г. Оксман отметил, что «в своих высказываниях о движущих силах крестьянской войны автор «Истории Пугачева» шел еще от самых осторожных догадок, проверка которых требовала от него, с одной стороны, значительного расширения круга официальных источников, которыми он был ограничен

весною 1833 года, а с другой — личного ознакомления с условиями хозяйственного и политического быта казачества, крепостного крестьянства и кочевого населения губерний, охваченных пожаром восстания» [5, 327].

Выводы, к которым поэт пришел в результате своих изысканий, были главной «неожиданностью» для его современников. В частности, в записке, представленной императору и обобщавшей итоги его разысканий, А. С. Пушкин делает смелые выводы, острота которых проступит ярче, если помнить об адресате записки. «Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства, — утверждал Пушкин. — Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворянство склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны... Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели» [цит. по: 5, 330].

Никто из современников великого поэта не дерзнул бы предложить такие выводы императору, ничьи материалы не сумели бы убедить Николая I в необходимости предать гласности то, что полстолетия было государственной тайной. Особенность же позиции А. С. Пушкина состояла в том, что «дело о Пугачеве», как он написал в Предисловии, открывало с новой стороны историю казачества, государства в целом, выходило за рамки частной истории казака Емельяна Пугачева. В записке государю, оставшейся неизвестной современникам, поэт делал «неожиданное» заключение: нередко действия бунтовщиков были разумными настолько, что не противоречили «интересам прочих общественных классов» [5, 330].

Но и того, что было опубликовано, оказалось достаточным для резкого отношения читающей публики к «Истории Пугачева». М. Н. Погодин записал в своём дневнике: «Ругают Пушкина за Пугачёва» (январь 1835). Одни ругали главным образом за то, что не видели в «Истории...» должного осуждения самозванца, что автору «не угодно было взглянуть на своё творение с надлежащей точки зрения и покрыть его колоритом пугачёвщины и всех ужасов сего страшного периода времени» [цит. по: 6, 248]. Другие, отметив, что Пушкин «сумел быть не поэтом в истории» и сохранил научный стиль изложения, все же считали недостатком, что в «Истории...» не показано «зачинание его [Пугачева] порочных мыслей и тайные пружины, способствующие к развитию его душевного разврата» [цит. по: 6, 248].

А. С. Пушкин подошел к изображению крестьянской войны как к событию государственной важности. Главу первую «Истории Пугачева» он завершил мыслью о неотвратимости крестьянской войны: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» [9, т. 7, с. 15]. В той же стилистике завершается весь текст: «Так кончился

мятеж, начатый горстью непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов» [9, т. 7, с. 87].

В истории публикации пушкинского текста, давно описанной пушкинистами, для нас важным является не только содержательная сторона разысканий автора «История Пугачева». Она вводила в сознание современников не только новый фактический материал [см.: 6, 229–251], но и демонстрировала новую повествовательную стратегию, не знакомую современникам. Пушкинских современников не удивило изображение крестьянской войны в повести «Капитанская дочка», которую отдельные исследователи русской литературы склонны определять как роман [см. 3]. Не удивило потому, что в «Капитанской дочке» предложена единственная и бесспорная точка зрения на события, принадлежащая главному герою — дворянину Петру Андреевичу Гриневу. Это им оценены события крестьянской войны знаменитой, многократно цитированной фразой: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [9, т. 5, с. 74]. Эту формулу, считая ее прямой пушкинской оценкой Пугачевского восстания, пытались смягчить, если не извинить пушкинисты советского времени. Но сопоставление повествовательных стратегий исторического разыскания («История Пугачева») и художественного повествования от лица участника событий («Капитанская дочка») позволяет говорить о более сложной и не противоречащей времени пушкинской позиции.

«Пушкин раскрывает сложные противоречия, возникающие между политическими и этическими коллизиями в судьбах его героев. Справедливое с точки зрения законов дворянского государства оказывается бесчеловечным. Но было бы недопустимым упрощением отрицать, что этика крестьянского восстания XVIII в. раскрылась Пушкину не только в своей исторической оправданности, но и в чертах, для поэта решительно неприемлемых. <...> Гринев — не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII века с печатью своей эпохи на челе. Но в нем есть нечто, что привлекает к нему симпатии автора и читателей: он не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он слишком человечен. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью» [2, 275–276].

Ю. М. Лотман отмечает, что провинциальный дворянин Петр Андреевич Гринев главные свои поступки совершает под влиянием легко объяснимых человеческих побуждений: дарит заячий тулупчик «вожатому», спасшему их в буране, отправляется спасать любимую в занятую мятежниками Белогорскую крепость. И на фоне «бессмысленного и беспощадного» русского бунта возникает нестандартная фигура главного мятежника, которому, по его собственному признанию, «нету воли» в кругу его соратников. «Ули-

ца моя тесна», — записал А. С. Пушкин в «Истории...» слова Пугачева, сказанные им «Денису Пьянову <...> на свадьбе его младшего сына» [9, т. 7, с. 31]. Подобные свидетельства привели А. С. Пушкина к закономерному выводу об обреченности Пугачева, ибо он «не был самовластен», нередко им, безграмотным, руководили те, кто «пользовался полною доверенностью самозванца» [9, т. 7, с. 31].

Сходную картину наблюдает в «Капитанской дочке» и Петр Гринева, спасающий с помощью «разбойника» дочь капитана Миронова, не признавшего самозванца царем. Безусловно, показателем пушкинского отношения к «человечному» Пугачеву, который «платит» за заячий тулупчик, является калмыцкая сказка об орле и вороне, которую он рассказал Гринева «с каким-то диким вдохновением» [9, т. 5, с. 65]. Рассказал тот Пугачев, которому «улица... тесна».

Как видим, «человечностью» отмечено не только поведение дворянина Гринева, но и мятежника Пугачева. Это важная особенность его облика, воспроизведенная А. С. Пушкиным в обоих текстах. Его целостная оценка крестьянской войны и личности ее «предводителя» складывается из сопоставления двух разных повествовательных стратегий — объективно-исторической, изложенной в записке императору Николаю I, и субъективированной, принадлежащей дворянину Петру Гринева, реальному участнику событий.

«КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР» В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ НОВИКОВА

Повесть А. Новикова, как и разыскания А. С. Пушкина в «Истории Пугачева», обращена к истории крестьянских заблуждений [см.: 11]. Обратившись к малоизвестным материалам брянских краеведов, учитывая опыт А. С. Пушкина в отношении к истории, А. Новиков предложил свою версию восстания камарницких мужиков, вступив в спор со сложившейся не исторической, а культурной традицией. Главным ее основанием для писателя являются исторические факты и их восприятие народным сознанием.

Внимание А. Новикова, в 1920-е годы работавшего в газете «Брянский рабочий», сосредоточено на смысловом и эмоциональном противостоянии широко известной песни о камаринском мужике и трагической истории бунта камарницких мужиков, в память о которых в селении Комарничи на Брянщине остались от разных столетий «холмы двух общих могил».

Бунт, описанный в повести А. Новикова, был частью тех волнений, которые сопровождали восхождение на престол Павла I. До первой половины XVIII века крестьяне Камарницкой волости были *дворцовыми*, т.е. являлись собственностью императорского двора. Разумеется, государевы чиновники собирали с них установленную дань и повинности, но являлись лишь сборщиками налогов, исполнителями державной воли. Поэтому у камарницких кре-

стьян были основания считать себя государевыми, а не помещичьими крестьянами. Полное их закрепощение, такое же, как и в центральных областях России, состоялось во второй половине XVIII века повелением Екатерины II, незадолго до событий, изображенных повестью.

Сюжет повести развивается по двум взаимосоключающим руслу. События в Петербурге и Орле связаны с традиционной для дворцового окружения борьбой за власть и влияние на императора. Павел I, графиня Апраксина, канцлер Безбородко, наместник Квашнин-Самарин и прочие представители правящего сословия показаны А. Новиковым сатирически, в соответствии со сложившимися в отечественной историографии представлениями о Павле I как человеке, надломленном пренебрежением матери, ее двора, а поэтому мелочным и подозрительным. Не доверяя дворянству, главной государственной опоре Екатерины, Павел I повелел привести к присяге «простых и невежественных мужиков». Так он хотел реализовать свое затаенное желание ослабить силу и власть дворянства. Эта мысль «осенила его переменный разум», он высказал ее канцлеру Безбородко как свое затаенное желание: «Князь! — произнес он. — Подниму я на бунт мужиков, поелику погибнуть дворянам от бунта, поелику от излишеств» [4, 118]. Однако опытный царедворец, отлично понимая, «что интересы самого императора не совпадали с интересами этого сословия», легко гасит «далекую мысль» Павла одним словом — «якобинство».

Так еще не начавшееся «душевное ликование» мужиков по поводу приведения их к присяге получило нужное для двора определение. И канцлер советует орловскому наместнику Квашнину-Самарину с особой осторожностью отнестись к Камарницкой волости, не случайно «упраздненной усопшей императрицей. ... У нас в России, пожалуй, нет места, где не было бунта, но бунт камарницких поселян в российской истории весьма приметный» [4, 98].

Начавшийся во дворце сюжет продолжается в селе Андросово. Орловский наместник по совету канцлера отправляет своего посланца для приведения мужиков к присяге в село, «окруженное знаменитыми брынскими лесами» [12], уверенный, что удастся избежать крестьянских волнений, «якобинства», по слову канцлера.

Однако в селе Андросово еще до прибытия орловского посланника складывается свой, никем не ожидаемый сюжет. Накануне Юрьева дня умер Яков Дудоров. Его семья, односельчане готовятся к отпеванию уважаемого человека. Оно приходится на Юрьев день, день почитания святого Георгия Победоносца и день возможности «крестьянского выхода» от одного помещика к другому. В повести А. Новикова Юрьев день становится временем пересечения «дворянского» и «крестьянского» сюжетов, завязкой основного действия.

Для подхорунжего Середы, который должен привести мужиков к присяге, Юрьев день — завершение порученного ему дела. Для мужиков, собравшихся в андросовской церкви на отпевание односельчанина, внезапное пробуждение Якова Дудорова — «евангельское откровение». Как событие особого порядка воспринимают его мужики, особенно после слов Якова Дудорова, который поделился с ними «своими соображениями о том, что одновременно со смертью Екатерины навсегда погребено и крепостное право. Мнение Якова Дудорова как будто подтверждалось — иначе зачем бы новому императору приводить к присяге мужиков» [4, 104].

Андроповские «степенные мужики» верят в свое право на равенство с другими сословиями в государстве и свои надежды возлагают на царя-освободителя. В этой вере они выступают носителями архетипического народного сознания. А оно в большей степени откорректировано христианскими представлениями о мире. Приведение к присяге в день памяти Георгия Победоносца, занятие Брасовского имения в Рождество, пробуждение Якова Дудорова воспринимаются ими как доказательство права крестьян «переложить господское добро на мужицкие снасти» [4, 105].

Однако то, о чем рассказывает А. Новиков, трудно назвать «бунтом» в понимании канцлера или графини Апраксиной, несмотря на неоднократно возникающее имя Емельяна Пугачева в обеих частях сюжета. Новиковские «степенные мужики» уверены, что Павел, приведя их к присяге, возвращает их в прежнее, докрепостное, состояние. С особым энтузиазмом восприняв это обстоятельство, андросовцы решили, что император мужицкую руку держит и «в самом непродолжительном времени заменит всех прежних вельмож степенными мужиками» [4, 107]. Такие рассуждения новиковских героев воспринимаются как курьез, как авторская ирония в исторической перспективе, однако вызывают и более сложные ассоциации.

Бунт камарницких мужиков, так испугавший Павла I, заключался в том, что в своем селе они установили самоуправление, а помещику Андросову, чьими крепостными они числились, написали письмо, «просили его не приезжать в имение от греха и не тревожить установившихся без него сельских распорядков» [4, 115].

Жизнь в своей деревне мужики устроили по своему разумению. «Они не расхитили бывшего господского двора, а скот ублаговворяли пойлом и кормами поочередно. Вместе с мужицкой волей, следовательно, жировали господские кони и коровы» [4, 120].

Посмотреть на андросовскую «вольную-вольность» приехали «из Иванцева — Емельян Чернодырь, из Родогощ — Федор Савенков», которые заверили, что «святками они станут поднимать на бунт и своих мужиков» [4, 20].

В картине наступившего мужицкого самоуправления А. Новиков явственно реализует современную ему модель коллективной жизни села, носящую откровенно иллюстративный характер. Более реалистичен и убедителен он в изображении противостояния крестьян помещику Андросову, который был уверен, что одного его присутствия достаточно для приведения мужиков в прежнее послушание. С бариним Андросовым «степенные мужики» обошлись так, как пушкинский Дубровский с приказными, приехавшими лишить его родового имения.

Однако не о сюжетном или ситуативном следовании опыту А. С. Пушкина мы говорим, рассматривая «Повесть о камарницком мужике». В задаче, которую поставил перед собой А. Новиков, была своя «неожиданность», подобная той, какую пушкинисты увидели в обращении поэта к фигуре Пугачева.

Советский писатель А. Новиков, начавший свой путь как журналист революционных лет, вступил в спор со сложившимся мифом о русском мужике, ярко обозначенным в культурной памяти народа знаменитой «Камаринской». Он пересмотрел версию рождения плясовой, которая, по его мнению, имела целью опорочить восставших мужиков. У истоков «Камаринской», по свидетельству повести, стояла графиня Апраксина, в ужасе бежавшая из имения и обратившаяся за помощью к наместнику. Возвратившись в Комарничи «на девятый день после подавления бунта», она заказала своим холопам «песенку о камарницком мужике». В заказанной ею песне мужик должен был быть пьяницей и гулякой. В том и состоял замысел графини, сходный по цели с повелением Екатерины II предать «вечному забвению и глубокому молчанию» Пугачевский бунт. Герой заказанной графиней песни был несколько не похож на восставших, не вызывал никакого сочувствия. Внесенное в название разночтение (*камарницкий / камаринский*) обеспечило в дальнейшем ослабление событийных связей плясовой с трагическими последствиями восстания камарницких мужиков. Это понимала не только графиня. Один из исполнителей ее воли сознавал, что плясовой «шуточный мотив принижает величие бунта», хоть и «весьма сочувствовал бунту камарницких мужиков» [4, 139].

Но «Камаринская» в предложенном варианте стала частью народной культуры. Более поздние исследователи фольклора отмечают ее протестный смысл, который непосредственно в тексте не отображен, напев возводят к скоморошине. Оценка А. Новикова резко не совпадает с устоявшимися оценками, обнаруживая основной замысел повести: «Текст песни о камарницком мужике весьма похабен, темп ее мотива поспешен, но под песню впоследствии плясало все российское простонародье. Француз Анри Бастид [служил у графини Апраксиной. — *Авт.*], уезжая к себе на родину после смерти графини, заме-

тил: «Русским свойственно плясать на собственных костях: они дикари» [4, 139].

Оскорбительный смысл такого наблюдения для А. Новикова подтвердил факт вхождения «Камаринской» в «большую» национальную культуру. «Мотив песни окончательно оформил Глинка в своей оркестровой фантазии в тысяча восемьсот сорок восьмом году, то есть более, чем пятьдесят лет спустя» [4, 139].

Вернемся к мысли Ф. М. Достоевского о том, что пушкинское присутствие способствует «освещению темной дороги нашей новым направляющим светом». Для советского писателя А. Новикова пушкинский опыт был актуален не только в осмыслении взаимоотношений власти и народа — этот вывод естествен для писателя XX века. А. Новиков предложил неожиданные и нелегкие размышления на тему «*правильного самосознания нашего*» (Ф. Достоевский), поставил под сомнение безусловность привычных оценок, ошибочность которых вольно или невольно сохранялась в народной памяти господствующим типом культуры. Пушкинские разыскания были самой заметной и результативной попыткой увидеть давние события с разных точек зрения. «Повесть о камарницком мужике», ее главная тема, с нашей точки зрения, соотносима с опытом А. С. Пушкина, восстановившего «человечность» Пугачева-мятежника вопреки устоявшейся традиции. В этой повести писатель эпохи революции А. Н. Новиков вернулся к традиции русской литературы, суть которой в преодолении раскола гражданской войны. Повесть завершают «холмы двух общих могил». Лаконичная надпись сообщает: «Под крестом — белые, под звездой — красные». Авторское заключение объединяет героев разных столетий: «Красная звезда свидетельствует, что победа над помещиками пришла только сто двадцать лет спустя. А ведь могила красноармейцев отделяется от могилы камарницких мужиков всего десятком километров» [4, 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. ПСС. В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 26. — Л.: Наука, 1984 — С. 136–137.

*Воронежский государственный университет
Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук*

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Соловьева О. А., преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: nevestuyk@mail.ru

2. Лотман Ю. М. Идеиное содержание «Капитанской дочки» / Ю. М. Лотман // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Ленинград: Наука (Литературные памятники), 1984. — С. 233–289.

3. См.: Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. — С. 186–191; Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка — Ленинград: Наука (Литературные памятники), 1984. — С. 145–199; Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Там же. — С. 200–232.

4. Новиков А. Н. Повесть о камарницком мужике / А. Н. Новиков // Октябрь. — 1935– № 8–С. 93–139.

5. Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» / Ю. Г. Оксман // А. С. Пушкин. Собр. соч. В 10 т. — Т. 5, 7. — М.: Художественная литература, 1976–1978.

6. Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачёва» / Н. Н. Петрунина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Ленинград: Наука, 1969. — Т. 6. — С. 229–251.

7. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. — М.: АСТ; Астрель, 2006. — 493 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX. N14275. СПб: в Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.

9. Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. / А. С. Пушкин // Т. 5, 7. — М.: Художественная литература, 1975, 1976.

10. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.

11. Об исторической основе сюжета повести и ее названии см.: Соловьева О. А. «Повесть о камарницком мужике» А. Новикова: историческое событие и его интерпретация // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2024. — № 1. — С. 65–68.

12. Реальная местность, располагавшаяся по берегам реки Брыни в Брянской и Калужской губерниях. В старину в непроходимых дебрях, богатых дичью, промышляли охотники и разбойники. Народное предание заселило его чащи лешими, оборотнями и кикиморами. В Брынском лесу обитал Соловей-разбойник, покоренный Илей Муромцем.

*Voronezh State University
Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the
Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Theory
of Literature and Humanities.*

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

*Soloveva O. A., Lecturer of the Department of Russian
Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and
Humanities of the Faculty of Philology*
E-mail: nevestuyk@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТРИЛОГИИ С. СНЕГОВА «ЛЮДИ КАК БОГИ»

О. Ю. Осьмухина, Д. Р. Ахметова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева*

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: статья посвящена анализу трилогии С. Снегова «Люди как боги» в жанровом аспекте. Авторы статьи впервые выявляют специфику преломления антиутопической традиции в ней и приходят к выводу о том, что трилогия представляет собой утопию «в прогрессе», в которой изображен вымышленный топос, антиутопические элементы наиболее явно проявляются в третьей части: ключевыми становятся конфликт человека и государства, в котором личность проигрывает; мотивы эсхатологии; приемы абсурдизации реальности.

Ключевые слова: научная фантастика, научно-фантастический роман, утопия, антиутопия, трилогия Сергея Снегова.

Abstract: the article is devoted to the analysis of S. Snegov's trilogy "People as Gods" in the genre aspect. The authors of the article for the first time reveal the specifics of refraction of anti-utopian tradition in it and come to the conclusion that the trilogy is a utopia "in progress", in which the fictional topos is depicted in it. The anti-utopian elements are most clearly manifested in the third part: the key are the conflict of man and the state, in which the personality loses; motives of eschatology; methods of absurdization of reality.

Keywords: science fiction, science fiction novel, utopia, dystopia, trilogy by Sergey Snegov.

Общеизвестно, что существенные сдвиги социокультурного сознания в условиях принципиально изменившейся реальности XX столетия наиболее явно воплотились в жанре антиутопии, который отразил не только кризисное мироощущение индустриального и постиндустриального общества, но и глобальные вопросы человеческого бытия [1–8]. Антиутопическая традиция, преломляющаяся в произведениях западных и отечественных science fiction, в настоящее время рассматривается многосторонне и многоаспектно, достаточно вспомнить работы Е. В. Бороды, М. В. Варечкиной и И. М. Жеребятевой [9], Д. В. Бугрова [10], И. Ю. Извековой [6], У Овчеренко [11], О. Ю. Осьмухиной и Р. И. Максинаева [8] и т.д. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмыслить преломление антиутопической традиции в отечественной прозе на материале конкретной писательской практики, что позволит существенно дополнить картину литературного процесса второй половины XX века. На наш взгляд, весьма примечателен в связи с этим не столько анализ произведений, относящихся к антиутопии «в чистом виде», сколько выявление ее жанровых свойств в научно-фантастическом романе, который представляет собой синтетическую структуру, органично сочетающую элементы мифа и сказки, утопии и антиутопии, фи-

лософского и интеллектуального, альтернативной истории и приключенческого романов.

Материалом статьи послужила научно-фантастическая трилогия С. Снегова, продолжающая антиутопическую традицию.

Ключевыми методами нашего исследования явились, во-первых, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому трилогия С. Снегова рассматривается в единстве ее поэтики и проблематики; во-вторых, сравнительно-исторический метод, который позволил осмыслить романы, входящие в состав трилогии, в диахроническом аспекте.

Теоретическую базу статьи составили работы, анализирующие антиутопическую традицию [1–12], а также статьи Н. Волгиной [13], В. Гильманова [14], Н. Жилиной и О. Рожина [15–16; 22], Н. Зверевой [17], Л. Мальцева [18–19], Р. Минаковой [20], А. Пахомова [21], посвященные изучению отдельных особенностей творчества С. Снегова.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы XX века, спецкурсах, посвященных творчеству С. Снегова.

Напомним, что изучение антиутопии, специфики преломления антиутопической традиции становится одним из приоритетных направлений в отечественном литературоведении начиная с конца XX столе-

тия. Отечественная традиция, по мнению некоторых исследователей [19], отсылает еще к Ф. М. Достоевскому и его «Великому инквизитору» из «Братьев Карамазовых» и «Сну смешного человека». Однако, говоря о первых опытах антиутопии, обратиться стоит к началу XX века. Как отмечает Х. С. Дзаурова, «утопические произведения <...> предполагали возможную связь между правом человека жить достойной жизнью — и его радикальным изменением», «подобная двойственность утопии в контексте ценностей гуманизма и легла в основу антиутопического сознания» [4, 66]. Это касается, к примеру, романа Е. Замятина «Мы», мотивика и тематика которого воплотились и в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли, и в «1984» Дж. Оруэлла, и во многих более поздних антиутопиях [1; 4–12]. Особое место в этом ряду занимает трилогия Сергея Снегова «Люди как боги», состоящая из романов «Галактическая разведка» (1966), «Вторжение в Персей» (1968) и «Кольцо обратного времени» (1977), в которых, по мере развития сюжета, общая тональность повествования отчетливо меняется, антиутопические же элементы высвечиваются все ярственнее.

«Галактическая разведка» в основном повествует об относительно мирном состоянии Солнечной системы, поэтому в светлом, цветущем мире антиутопические элементы менее выражены. Среди них — технологизация многих элементов жизни, вмешательство в бытовую сферу искусственного интеллекта. Это прежде всего БАМ (Большая Академическая (или Государственная) Машина), которая руководствуется холодной математической логикой в принятии даже моральных решений, Охранительница (которая постоянно незримо присутствует в жизни людей на Земле, следит за их безопасностью и здоровьем. Кроме того, мир Снегова, где люди питаются синтетической пищей, сродни прозрачному, математически выверенному миру замятинского Единого Государства, населен парами, которые с помощью технологий способны высчитать совместимость своих характеров в процентах, для еще нерожденных детей составляются генетические гороскопы, согласно которым родители могут со всей очевидностью определить, как ребенок будет выглядеть и какими способностями будет обладать. Все эти подробности абсурдизации реальности весьма симптоматичны, поскольку отсылают и к евгенике «О дивного нового мира» Хаксли, и к «1984» Дж. Оруэлла с его атмосферой тотальной слежки. При этом у Снегова в первой части трилогии человечество все-таки — сила не пассивная, но самостоятельно определяющая собственный путь: БАМ, когда ее вывод об отказе в помощи другим разумным видам, соответствующий принципу «Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям» [23, 95], противоречит мнению большинства, просто перепрограммируют — «Каждому по его потребностям» [23, 95]. Охранительницы, имея пря-

мой доступ в человеческий разум («Охранительница обычно разговаривает приятным женским голосом, реже — ворчливым тенорком старичка, еще реже — просто зажигает в мозгу свои ответы. <...> В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: “Нетактично. Не передаю Справочной”» [23, 43–44]; «Твой проект переоборудования Земли в главное ухо, голос и глаз космоса принят. <...> Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их на Землю... <...> Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уж спорили, прав ты или не прав» [23, 189]), не стремятся докладывать о вольнодумстве в какой-то карательный орган, но лишь помогают оперативнее работать с информацией и следят за безопасностью; высчитанная электронно совместимость никак не воспрещает людям заводить отношения так, как велит им сердце: «Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов. <...> Соединиться, имея прогноз, что брак будет неудачен! <...> Мы опять запросили Справочную — и что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента! <...> Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или не пригоден, я не хочу ее терять» [23, 26–27]. В отличие от антиутопий классических персонажи трилогии С. Снегова имеют свободу выбора, по крайней мере, в чувствах, которым не способен противостоять даже техногенный мир, пытающийся системой контроля «улучшить» человеческую жизнь, сделать ее «комфортной».

Во второй части — «Вторжении в Персей» — тон повествования меняется. Главные герои совершают путешествие к планетам, находящимся под властью разрушителей, чья цивилизация изображается как антиутопическая — раса, что, по меткому замечанию главного героя Эли «деградировала до механизмов» [23, 131]: «Живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод, на конденсаторе виднелись нервы и волокна мяса» [23, 131]. Этот мир управляется Великим, или Верховным разрушителем, мрачным тираном, воспевающим тотальную деструкцию как философию: «В мире существует один реальный процесс — разрушение, нивелирование, стирание высот. И мы своей разумной деятельностью способствуем ускорению этого стихийного процесса» [23, 285].

Жители здесь делятся на «сорта», где естественное, природное происхождение — недостаток. Миры же этих созданий мертвые, безжизненные, управляются они с помощью Мозга, отделенного от тела и в котором искусственно поддерживают жизнь: «Главный Мозг — плебейского естественного происхождения. Его вынули у ребенка, искусственно развили в питательной среде» [23, 365], «А посередине зала, между полом и потолком, тихо реял полу-

прозрачный шар <...> в шаре плавал Главный Мозг Станции...» [23, 366]. Однако и в этот раз герои не позволяют антиутопии развернуться полностью: они поддерживают сопротивление разрушителей, дают им возможность «переквалифицироваться» в мирное русло, превращая разрушителей в демиургов [23, 429], а пострадавший от жестокой цивилизации разумный Мозг получает тело дракона и собственное имя Бродяга [23, 373]. Нужно отметить и то, что во второй части трилогии уже окончательно формируется способ борьбы разбитого человечества, которое презентует Эли Гамазин. Это отнюдь не вооруженное свержение злой тирании, но философский диспут, словесная дуэль идеологий. Таким образом происходит противостояние Эли и с его товарищем и зачастую оппонентом Павлом Ромеро, воплощающим «старую» идею индивидуализма на уровне «человечество против иных разумных», и с Верховным разрушителем, и с нестареющими галактами, которых сковывает страх перед смертью. Тот же способ конфронтации, кстати, воплощен и в последней части.

Завершающая часть трилогии, пожалуй, наиболее мрачная: многие персонажи погибают, сама угроза, с которой сталкиваются герои в этот раз, более абстрактна, непознаваема и вызывает ассоциации с обезличенным злом, действующим в классических антиутопиях: это не персонифицированные злодеи, но всепроникающие системы, институты, идеи, подавляющие свободу и индивидуальность, манипулирующие общественным сознанием и подавляющие инакомыслие (к примеру, тоталитарное государство в «1984» Дж. Оруэлла или в «Мы» Е. Замятина; машинные технологии, уничтожающие книги и знания как очаги свободы человеческого духа в «451 градусе по Фаренгейту» Р. Брэдбери; лишенный индивидуальной морали и сострадания бесчеловечный механизм системы правосудия в «Заводном апельсине» Э. Бёрджесса; дегуманизированная массовая культура и конформизм в «О дивном новом мире» О. Хаксли). В «Кольце обратного времени» С. Снегова обезличенное зло также становится абстрактной силой, скрывающейся за фасадом идеологии, технологии и лишаящей индивида свободы выбора и человеческого достоинства. Это касается вырождающейся цивилизации аранов, которые когда-то были способны к космическим путешествиям, а сейчас состоят из двух противоборствующих сект отвергателей и ускорителей конца, что поклоняются Жестоким богам, на деле — механизмам, электрическому сердцу планеты, «питающему электрических жителей планеты» [23, 498]. Безусловно, и здесь герои, в конечном итоге, перенастраивают механизмы и предотвращают жестокие жертвоприношения среди жителей, хотя и ценой потери одного товарища из экипажа. Равно как и в антиутопии, отдельная жизнь здесь не играет никакой роли, жизнь персонажей подчинена достижению общей цели, пусть и благой.

Подчеркнем, что третья часть трилогии пронизана гнетущим ожиданием надвигающейся катастрофы. Так, большинство событий здесь происходит в декорациях Гибнущих миров, области надвигающейся энтропии и развивающегося «рака времени»: «Вокруг смутно проступал, темно вырисовывался тоскливый пейзаж: вечные багровые сумерки, пыль в космосе, чудовищно искаженные силуэты светил. Звезды были так близко одна от другой, что в нормальном просторе на небе сияли бы четыреста солнц и нигде не было бы чередования дня и ночи. Но солнц не было: их сияние еле-еле проникало сквозь глухую мглу» [23, 478]. На наш взгляд, это описание вполне сопоставимо с унылым космическим пейзажем из «Обитаемого острова» бр. Стругацких, на который, вполне вероятно, ориентировался С. Снегов (особенно если учесть, что «Обитаемый остров» также является частью «Трилогии Каммерера»): «Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров <...>. Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по поясу; неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны. Все было серое, пыльное, плоское» [24, 7]. Образы запустения, омертвевшей, безжизненной природы становятся устойчивыми для третьей части и зеркально отражают тягостную и гнетущую атмосферу.

Общее настроение упадка дополняет и то, что угроза расы рамиров незрима, герои могут лишь догадываться о специфике их мышления, намерениях и жизненной философии. Эли делает предположение, что рамиры — в принципе, лишь «мыслящая мертвая материя» [23, 633], «устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий», «инерция мира, вечное равновесие его законов» [23, 634], перед которым человек — лишь песчинка в отлаженном механизме, что само по себе, пожалуй, худший диктатор, нежели злой тиран или бездушная машина. Однако «Кольцо обратного времени» все же сохранило за человечеством ту же гуманистическую политику решения проблем, и трилогия завершается, давая и героям, и читателю надежду. Эли, равно как и всех оппонентов ранее (Ромеро, разрушителей и даже незримых рамиров), вновь побеждает — прежде всего в философском диспуте, объявляя людей неумолимой стихией прогресса.

Таким образом, в научно-фантастической трилогии С. Снегова антиутопическая традиция, лишь намеченная в первой части, наиболее отчетливо преломляется в третьем романе, что закономерно: третья часть написана спустя одиннадцать лет

после «Галактической разведки» и со всей очевидностью отражает эволюцию авторского мировоззрения. Учитывая концептуальную идею Б. Ланина о том, что «антиутопия смотрит в утопию с горькой насмешкой. Утопия же не смотрит в ее сторону, вообще не смотрит, ибо она видит только себя и увлечена только собой» [7,

59], можно предположить, что С. Снегов в «Людах и богах» изображает своеобразную утопию «в прогрессе», где человечество лишь находится в движении к «светлому будущему», преодолевая те элементы тоталитарного дискурса, с которыми неизбежно сталкивается на иных планетах во Вселенной. Писатель изображает обратную сторону прогресса, рисуя неприглядные стороны антиутопического социума, порабощенного искусственными электронными системами, но при этом герои не становятся жертвами манипулятивной политики абстрактного, всепоглощающего зла, не применяют силу для его искоренения, но стремятся изменить мир «со знаком минус» транслированием гуманистических ценностей и посредством интеллектуальных поединков с оппонентами. Если антиутопия — это мрачный прогноз будущего, роман-предупреждение, то в трилогии С. Снегова герои готовы с этим мрачным будущим справиться, стойко придерживаясь моральных убеждений и сохраняя лучшие свои человеческие качества.

Перспективой нашего исследования может стать, с одной стороны, анализ обширного пласта художественных произведений, относящихся сугубо к антиутопической традиции последующих десятилетий («Кысь» Т. Толстой, «День опричника» и «Сахарный Кремль» В. Сорокина, «2017» О. Славниковой, «Метро 2033» Д. Глуховского, «Центр тяжести» и «Кадавры» А. Поляринова), а с другой — изучение специфики воплощения антиутопического компонента в контексте научно-фантастической прозы (к примеру, в произведениях А. и Б. Стругацких, А. Громова и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: дис. ... д-ра филол. н. / А. Н. Воробьева. — Самара, 2009. — 528 с.
2. Громова А. Г. Двойной лик грядущего: Заметки о современной утопии / А. Г. Громова // Альманах науч. фантастики. Вып. 1. — М.: Знание, 1964. — С. 270–309.
3. Клэйс Г. Замятин и антиутопия / Г. Клэйс // Утопические проекты в истории культуры: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» / Южный федеральный университет; [редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др.]. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. — С. 3–13.
4. Дзаурова Х. С. Становление жанра «антиутопия» в русской литературе 20 века / С. Г. Долженко // Вестник

науки и образования. — 2016. — № 12 (24). — С. 66–67.

5. Долженко С. Г. К вопросу о западных исследованиях влияния «Мы» Е. Замятина на английские романы-антиутопии / С. Г. Долженко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 4–2 (11). — С. 79–80.
6. Извекова И. Ю. Развитие антиутопической традиции в современной русской литературе конца XX — начала XXI века / И. Ю. Извекова // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2018. — № 6 (30). — С. 155–160.
7. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 154–163.
8. Осьмухина О. Ю. Специфика преломления антиутопической традиции в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» / О. Ю. Осьмухина, Р. И. Максинаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — № 6. — С. 1672–1677.
9. Борода Е. В., Варечкина М. В., Жеребятьева И. М. Образ сверхчеловека в отечественной литературе XX века: Инквизитор, Благодетель, Прогрессор / Е. В. Борода, М. В. Варечкина, И. М. Жеребятьева // Последние тенденции в области науки и образования. — 2021. — С. 39–44.
10. Бугров Д. В. Эволюция русской социокультурной утопии в контексте генезиса консервативной идеи (1830–1840-е гг.) / Д. В. Бугров // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 1 (22). — С. 4–15.
11. Овчеренко У. Традиции жанра антиутопии в романе Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций» / У. Овчеренко // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 437–439.
12. Долженко С. Г. К вопросу о западных исследованиях влияния «Мы» Е. Замятина на английские романы-антиутопии / С. Г. Долженко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 4–2 (11). — С. 79–80.
13. Волгина Н. Об авторе и его книгах / Н. Волгина // Снегов С. Дом с привидениями. — Калининград: Кн. изд-во, 1989. — С. 413–414.
14. Гильманов В. Х. Интегральное исчисление судьбы и творчества С. А. Снегова / В. Х. Гильманов // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат-лы научно-практ. конф., 28 октября 2016 г., Калинингр. обл. науч. б-ка Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 8–23.
15. Жилина Н. П., Рожин О. В. Дитя «не от мира сего» в романе С. Снегова «Люди как боги» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2020. — № 2. — С. 53–60.
16. Жилина Н. П., Рожин О. В. Евангельские реминисценции в научно-фантастическом романе С. Снегова «Люди как боги» / Н. П. Жилина, О. В. Рожин // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 257–254.
17. Зверева Н. Утверждая гуманизм: (об авт. и его книгах) / Н. Зверева // Снегов С. А. Люди как боги: науч.-фантаст. роман. — М., 1986. — С. 601–606.
18. Мальцев Л. А. Исторический анализ творчества С. А. Снегова / Л. А. Мальцев // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат-лы науч.-практ. конф. 28 октября 2016 г., Мин-во культуры Калинингр. обл., Калинингр.

обл. науч. б-ка. Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 42–54.

19. Мальцев Л. А. Сергей Снегов и Густав Герлинг-Грудзинский: калининградский контекст книги «Иной мир» / Л. А. Мальцев // Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2019. — С. 302–312.

20. Минакова Р. Д. Исторический и биографический контекст научно-фантастического романа Сергея Снегова «Люди как боги» / Р. Д. Минакова // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат.-лы науч.-практ. конф. 28 октября 2016 г. Мин-во культуры Калинингр. обл., Ка-

линингр. обл. науч. б-ка. Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 29–41.

21. Пахомов А. Г. Сергей Снегов и его миражи / А. Г. Пахомов // Нева. — 2020. — № 9. — С. 218–223.

22. Рожин В. О. Научно-фантастический мир С. А. Снегова: поэтика и аксиология: дис. ... канд. филол. наук / Рожин В. О. — Калининград, 2023. — 211 с.

23. Снегов С. Люди как боги / С. Снегов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 640 с. (Мир фантастики).

24. Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: Дет. лит., 1971. — 320 с. (Библиотека приключений и научной фантастики).

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

*Осьмухина О. Ю., доктор филологических наук, профессор
E-mail: osmukhina@inbox.ru*

*Ахметова Д. Р., соискатель
E-mail: ahmetovadr29@yandex.ru*

*National Research Ogarev Mordovia State University
Osmukhina O. Yu., Doctor of Philology, Professor
E-mail: osmukhina@inbox.ru*

*Akhetova D. R., degree candidate
E-mail: ahmetovadr29@yandex.ru*

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В МЕДИАСФЕРЕ: ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ОСТРОВСКОГО)

М. Я. Розенфельд, М. Л. Пришельцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются композиционные, прагматические и стилистические особенности текстов Telegram-канала православного священника Павла Островского, способствующие популяризации религии. Проведенный лингво-прагматический анализ показывает, что ключевым фактором привлечения внимания к каналу является преобладание в нем постов социальной направленности; также среди таких факторов — неформальная тональность общения, установка на диалог с адресатом, использование экспрессивных языковых средств, свойственных публицистическим текстам, структурирование постов религиозного содержания по модели жанра проповеди. **Ключевые слова:** новые медиа, Telegram, популяризация религии, медиастилистика, медиалингвистика.

Abstract: the article analyzes the compositional, pragmatic, and stylistic features of texts from the Telegram channel of Orthodox priest Pavel Ostrovsky, highlighting how these texts contribute to the popularization of religion. The linguistic and pragmatic analysis shows that the key factor in attracting attention to the channel is the predominance of social posts in it; also among such factors are the informal tone of communication, the attitude towards dialogue with the addressee, the use of expressive linguistic means peculiar to journalistic texts, the structuring of posts of religious content according to the model of the preaching genre.

Keywords: new media, Telegram, popularization of religion, style, media journalism, media linguistics.

Приложение Telegram было создано в 2013 году как мессенджер с типичным для приложений такого типа инструментарием. Благодаря своему удобству и безопасности, Telegram быстро завоевал популярность аудитории, став не только платформой для обмена сообщениями, но и новым информационным пространством. По данным компании MEDIASCOPE, занимающейся разноаспектным исследованием медиа в России, Telegram-каналы с большим числом подписчиков и просмотров — это главным образом каналы, имеющие общественно-политическую или новостную направленность [данные января 2024 года: 1]. Как указывает А. А. Градюшко, «в условиях снижения институционального доверия к крупным медиа именно телеграм-каналы становятся альтернативой новостным сайтам» [2, 98]. Известно, что более 80% пользователей «Телеграма» не только обмениваются сообщениями, но и являются подписчиками каких-либо каналов, и в среднем 47% населения России ежедневно пользуется этим приложением [1].

Совмещение функций мессенджера и социальной сети делает Telegram удобной площадкой для трансляции и популяризации идей. В то же время, в отличие от социальных сетей, в Telegram отсутствует новостная лента, где новые посты вытесняют старые, делая их менее заметными для читателя. Функционал «Телеграма» обеспечивает удобный по-

иск информации, возможность вернуться к тому или иному тексту. Горизонтальный принцип организации данной платформы заключается в том, что информация любого типа, в том числе посты каналов с большим или малым количеством подписчиков, поступает читателю в форме личного сообщения. Лишенная иерархии структура Telegram обуславливает не только удобство его использования, но и особый характер общения, осуществляющегося здесь. Авторы публичных многотысячных каналов оказываются уравненными в коммуникативных правах с лицами, использующими платформу исключительно как мессенджер.

Уникальный характер телеграм-коммуникации уже находит научное осмысление в исследованиях политологов, маркетологов, психологов [3, 302]. Однако «работ, в которых была бы предпринята попытка представить целостную картину бытования медиатекстов в телеграм-каналах, в настоящее время недостаточно» [2, 99].

В последние несколько лет феномен Telegram попадает в фокус внимания дискурсивной и медиалингвистики. В научный обиход вводятся понятия *телеграм-дискурс* и *телеграм-пост*. Под телеграм-дискурсом понимают «совокупность мультимодальных произведений, связанных в тематическом, коммуникативно-прагматическом и / или функционально-целевом планах и получающих распространение по каналам Telegram в виртуальной среде»

[3, 21]. Телеграм-пост «представляет собой мультимодальный гипертекст — помещенное в ячейку небольшое сообщение, которое может содержать как вербально выраженную информацию, так и изображения, диаграммы, графики, аудио- или видеоматериалы» [5, 35]. По мнению С. Л. Кушнерук, телеграм-дискурс характеризуется диалогичностью, обусловленной характером процесса коммуникации — возможностью оставлять комментарии, реакции. При этом, «...даже в том случае, когда комментарии запрещены, «гипотеза адресата», т.е. «смысловая позиция реципиента», на которую ориентируется телеграмер, продолжает учитываться в структуре телеграм-поста» [4, 306]. Л. С. Кушнерук подчеркивает, что данный факт способствует расширению возможностей идеологического использования телеграм-дискурса.

В качестве ключевой тенденции, описывающей речевой облик «Телеграма», выделяют трансформацию письменной речи в письменно-разговорную. В текстах данной платформы появляется так называемая «письменная разговорность», которая порождает следующие прагматические «эффекты»: спонтанность коммуникации; непринужденность двустороннего общения; неформальность общения; свобода выражения мысли; аутентичность, подчеркивающая подлинность сообщений; экспрессивность [4]. Указанная речевая тенденция и ее проявления не являются эндемичными свойствами текстов платформы «Телеграм». Рождение и активное развитие устно-письменной формы коммуникации — ключевая черта современного интернет-дискурса.

Близость к устной речи и — как следствие — разговорность текстов Telegram сочетается с языковыми особенностями, присущими публицистике. «В целом для текстов Telegram-каналов характерны общие черты публицистического стиля, в частности сочетание экспрессии и стандарта, и типичные для данного стиля языковые средства» [6, 62]. Так или иначе, при тематической разнородности текстов Telegram-каналов очевидна их массовая адресация, определяющая специфику телеграм-коммуникации и являющаяся предпосылкой для успешной популяризации научного или религиозного знания при помощи данной площадки. «Телеграм» сегодня включает большое количество научно-популярных каналов и каналов религиозной тематики.

Распространение религиозного знания, приобщение людей к вере всегда являлось целью Церкви. Осознавая необходимость присутствия в информационном пространстве, Русская православная церковь обращается к аудитории посредством СМИ, причем как традиционных, так и новых — социальных сетей, мессенджеров, платформ для обмена видеоконтентом.

По данным проекта «Каталог православных каналов», в настоящее время в российском сегменте

«Телеграма» существует более 130 каналов религиозной тематики. Священнослужители ведут блоги, таким образом осуществляя христианское просвещение аудитории. Этот способ социальной коммуникации обладает высоким воздействующим потенциалом в том числе на молодежную аудиторию.

Сетевые посты отличаются жанровым своеобразием, проявляющееся на различных текстовых уровнях [7, 2]. Целью настоящего исследования является выделение ключевых особенностей текстов, размещенных в социальной сети «Телеграм», с помощью которых осуществляется популяризация религии.

Источником материала нашего исследования послужил телеграм-канал Павла Островского, одного из самых популярных в интернет-среде православных священников. Павел Островский является активным пользователем Telegram, в его канале в сутки в среднем размещается 8 публикаций. Посты авторского канала различаются по размеру, структуре, тематике и языку. Возможно, такое композиционно-стилистическое разнообразие текстов помогает сохранять неизменно высокий интерес аудитории к каналу Павла Островского.

Учитывая высокую скорость наполнения данного телеграм-канала и — следовательно — большое количество размещенных там публикаций, мы ограничили материал исследования одним месяцем опубликования. В течение августа 2024 года Павел Островский разместил в своем канале 272 поста, ставших объектом нашего рассмотрения.

Анализ тематики постов показывает, что в канале Островского можно выделить три основные тематические разновидности текстов. Это информационные посты, посты религиозного содержания и сообщения на социально значимые темы. Число постов первых двух групп приблизительно одинаково: 32 и 35 соответственно. В информационных постах Павел Островский рассказывает о выходе новых видео, запуске просветительских проектов, публикует анонсы встреч. В постах религиозного содержания говорит о христианских праздниках, дает популярные разъяснения цитат из Евангелия и других христианских текстов.

Большинство же постов (около 200) — это высказывания на социально значимые темы. Зачастую такие высказывания являются реакцией на инфоповоды (в августе это замедление YouTube, арест Павла Дурова, события в Курской области), а также интерпретацией различных социальных процессов. В постах социальной направленности оценка событий дается с позиций христианской этики, также в них может высказываться субъективное мнение автора.

На наш взгляд, именно акцентирование внимания на общественно-политической тематике является способом привлечения аудитории к контенту канала. Иерей Павел Островский выступает здесь не только как духовный наставник, но и как лидер

общественного мнения, затрагивая важные для подписчиков темы, предлагая «христианские ответы на современные вызовы».

Лингво-прагматический анализ текстов телеграм-канала Павла Островского позволяет выделить как черты, присущие постам вне зависимости от их тематики, так и особенности, характерные для постов той или иной тематической направленности.

Одной из доминирующих черт, свойственных проанализированным текстам, является *установка на диалог*. Стоит отметить, что значительная часть публикаций в блоге Павла Островского представляет собой комментарии к текстам СМИ или постам других пользователей (репосты с комментарием). Многие из них являются прямым обращением к автору того или иного текста.

«Екатерина Михайловна [Екатерина Мизулина], а разве удаление отечественной соцсети ЯРУС год назад, которая реально набирала обороты, это не еще хуже?...» (26.08). Посты могут быть адресованы подписчикам данного канала или определенной части интернет-аудитории в целом. «Это обращение к нашим многим военкорам, журналистам, крупным пабликам и СМИ. Вы совсем потеряли грани дозволенного, когда публикуете жуткие видео и фото, на которых не просто заснята гибель людей, но все показано в подробностях» (26.08). Некоторые тексты являются ответной репликой на высказывания, распространенные среди участников общественной дискуссии по тому или иному социально значимому вопросу. «Часто слышу, что наше общество разделено на тех, кто осознал, что идет СВО, и на тех, кому до лампочки — моя хата с краю. Понимая, что последние конечно же имеются, хочу заметить, что подавляющее большинство людей давно все уже осознало» (26.08).

Посты, имеющие диалогический характер, часто содержат в себе вопросительные конструкции. Риторические вопросы, обращенные к аудитории, усиливают воздействующий потенциал текстов.

«Мы русские! С нами Бог!

А мы с Ним?

Сегодня воскресный день, канун великого праздника Преображения Господня. Много русских людей пошли в церковь прославить Бога?» (16.08).

Еще одна значимая прагматическая особенность текстов Павла Островского — *неформальная тональность коммуникации с адресатом*. Прежде всего эта черта проявляется в выборе автором обращения к подписчикам канала. Большинство постов обращений не содержит, однако если последние появляются, это слова «друзья» и «ребята». «Друзья! Подписал для вас новую партию детских книг» (21.08). Интересно, что традиционное для православного дискурса обращение «братья и сестры» в проанализированных публикациях встречается всего один раз.

Неформальный характер коммуникации с адресатом проявляется также в наличии в текстах авторской

иронии. «Если бы Криштиану Роналду зарегистрировался на RuTube, то в первый час на него бы подписалось 0 человек, так как его канал проходил бы модерацию более суток. А потом был бы удален в ноябре, так как не подал бы о себе данные в Роскомнадзор» (21.08).

Следует отметить, что ожидаемые от текстов православного священника стилистическая нейтральность, коммуникативная сдержанность, возможная языковая архаичность в целом постам данного телеграм-канала не свойственны. Напротив, отмечаем *экспрессивность*, реализуемую при помощи таких языковых средств и стилистических приемов, которые нередко используются для привлечения внимания в современных медиа. Это разговорная лексика и фразеология, неологизмы, словотворчество. «Сбудется ли это пророчество, и о том ли оно, что сейчас происходит, я не знаю. Наблюдаем, читаем Библию, любим врагов, все ок»; «Странные вы, ребята, словно вся наша деятельность совершается с помощью птиц и березок, то есть чудесно-естественным способом, а не за счет как раз соцсетей и блогинга»; «Пусть хоть весь мир на уши встанет, но я все равно смогу любить Бога и ближних. Кто может мне запретить не вешать на людей ярлыки и не разделять их по многочисленным признакам?» (26.08).

Экспрессивный язык телеграм-канала нередко является средством реализации *установки на поучение*, присутствующей во многих проанализированных постах. Данное лингво-прагматическое свойство ожидаемо в случае текстов священнослужителя. Наставления могут содержать императив, модальные глаголы, глаголы в повелительном наклонении. «Так что, друзья мои возмущающиеся, не будьте слепыми потребителями, а подумайте хоть немного о тех трудностях, с которыми сталкиваются те, кто почти без выходных старается сделать для вас хороший контент» (2.08).

Выбор способа реализации установки на поучение обуславливается тематикой публикации. В постах социальной направленности воздействующий эффект достигается преимущественно языковыми средствами, как было показано выше. В постах собственно религиозного содержания важную роль играет их структура, набор и последовательность приводимых аргументов, среди которых наиболее распространенным является аргумент к авторитету. Такие сообщения нередко включают цитаты религиозных текстов, могут строиться как комментарий к словам Священного Писания, текстам святых отцов.

Посты с цитатой в основе по формальным и содержательным характеристикам напоминают проповедь и с определенной долей условности могут быть рассмотрены в соотношении с этим жанром церковно-религиозного стиля. В богословской литературе [8] композиция проповеди описывается следующим образом. Гомилия (смешанная), то есть проповедь, посвященная толкованию библейского текста, включает

в себя Вступление — Анализ библейского текста — Вероучительное или нравоучительное наставление — Заключение. Слово, то есть тематическая проповедь, включает в себя Вступление — Изложение — Нравственное приложение — Заключение.

Тексты Павла Островского с цитатой в основе могут воспроизводить структуру проповеди полностью или частично.

«Немного мудрости царя Соломона на ночь, чтобы уравновесить некоторые политические рассуждения, бывшие сегодня у меня в ленте. (Вступление)»

«Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся»

Многим не нравится слово «страх», упоминаемое в Библии, потому что люди ему придадут панический и животный оттенок, что совершенно неверно по отношению к Богу. Ведь страх Божий — это памятование о Боге, тормоза в момент пылающих страстей, начало мудрости (Изложение).

Богобоязненный человек — это благодарный человек; для него каждый прожитый день — это ДЕНЬ, а не овощное существование. Так как иногда человек может прожить 80 лет, но из них настоящих дней может и сотни не наберется.

Цените время, друзья мои! И спокойной ночи (Нравственное приложение).

Ангела Хранителя ко сну (Заключение)» (24.08).

Проповедь — жанр церковно-религиозного стиля, существующий в устной форме. В данном случае мы имеем дело с сетевым постом, то есть речью письменной, соотносимой с медиадискурсом. Однако рассмотренное речевое произведение структурируется по правилам проповеди, содержательно соответствует традициям церковно-религиозного стиля. Описанный пример показывает, что воздействие в телеграм-текстах может достигаться не только при помощи экспрессивных языковых средств, но и определенной жанрово ориентированной композиции. Медийная трансформация религиозного текста привлекает к нему внимание широких масс, popularизируя его.

Таким образом, проведенный лингво-прагматический анализ текстов телеграм-канала священника Павла Островского позволил выделить несколько ключевых черт, способствующих популяризации религии в данном медиа. Посты социальной направленности, отсылающие к актуальной новостной повестке,

размещенные в телеграм-канале клирика, привлекают внимание пользователей к телеграм-каналу в целом, а значит, и к текстам христианской тематики. Неформальная тональность общения и установка на диалог с адресатом способствуют удержанию интереса аудитории к данному медиа. Прагматическим потенциалом обладает экспрессивность текстов, реализуемая при помощи ряда стилистических средств и приемов, а также специфической композиции некоторых постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аудитория Telegram в четвертом квартале 2023: исследование Mediascope. — Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1776850/> (дата обращения: 23.02.2025)
2. Градюшко А. А. Языковая специфика новостных медиатекстов в телеграм-каналах / А. А. Градюшко // Весті БДПУ. Серія 1, Педагогіка. Психологія. Філологія. — 2022. — № 1. — С. 98–101.
3. Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации / С. Л. Кушнерук // Медиалингвистика. — 2024. — № 3. — С. 300–324.
4. Кушнерук С. Л. Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4. — С. 12–24.
5. Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. — Серия 10: Журналистика. — 2023. — № 1. — С. 30–65.
6. Куликова В. А. Влияние канала передачи информации на языковые особенности медиадискурса: сопоставление Telegram-каналов и сайтов СМИ / В. А. Куликова // Язык-речь-текст в интернет-коммуникации: сб. ст. — Н. Новгород. — 2023. — С. 56–63.
7. Кузнецова Е. М. Как правильно писать посты: рекомендации и примеры от брендов / Е. М. Кузнецова. — [сайт]. — Режим доступа: <https://semantica.in/blog/kak-sdelat-post-v-vk-formaty-oformlenie-i-posting.html> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Гомилетика: учебник бакалавра теологии / В. В. Бурега, архимандрит Симеон (Томачинский); Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: Познание, 2018. — 451 с.

*Воронежский государственный университет
Розенфельд М. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела
E-mail: maryanka.08@mail.ru*

*Пришельцева М. Л., магистрант филологического факультета
E-mail: mprisheltseva@gmail.com*

*Voronezh State University
Rozenfeld M. Ya., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Publishing
E-mail: maryanka.08@mail.ru*

*Prisheltseva M. L., Master's Student, Faculty of Philology
E-mail: mprisheltseva@gmail.com*

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА

Л. Ю. Стрельникова, И. И. Тарасова, Л. В. Чернова

Армавирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы философии языка творчества Набокова в контексте модернизма и постмодернизма. Языковые приемы формируют не только эстетическую модель творчества Набокова, но и отражают философию его творчества. Набоков видит свою главную задачу в способности художника вывести язык из сферы повседневного употребления в царство красоты, создавать узоры и рисунки из слов, которые бросают вызов здравому смыслу.

Ключевые слова: философия языка, метаязык, имажинация, модернизм, постмодернизм, Набоков, игра языка.

Abstract: the article examines the problems of Nabokov's philosophy of creative language in the context of modernism and postmodernism. Linguistic techniques form not only the aesthetic model of Nabokov's work, but also reflect the philosophy of his work. Nabokov sees his main task in the artist's ability to bring language out of the sphere of everyday use into the realm of beauty, to create patterns and drawings from words that defy common sense.

Keywords: philosophy of language, metalanguage, imagination, modernism, postmodernism, Nabokov, language play.

Расширив функции языка, немецкий основатель психолингвистики В. Гумбольдт наделил его свойствами творческого принципа, активности (*Energeia*), что по-новому решало вопрос о внутренней форме языка, теперь ориентированного на выражение индивидуального сознания: «Язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*). Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [3, 70]. Эстетика неклассических течений в искусстве XX века задала новый вектор развития литературы в направлении взаимодействия философии языка и художественного текста.

Философия языка в модернистской интерпретации расширила идеи В. Гумбольда, выразив экзистенцию личности, которая проецировалась на художественный язык, замыкалась в его границах, растворялась в нем, представляя себя как эстетический феномен в противовес «классической ясности» [2, 144]. В отечественной лингвистике продолжателем идей В. Гумбольдта стал А. Потебня, он одним из первых начал изучать вопросы языка художественных произведений, переводя их в область психологии, указав тем самым на подсознательные процессы языковых явлений, противопоставленные логическому мышлению, что способствовало усилению элементов фантазии в тексте и ослаблению взаимосвязи личности с окружающим миром.

Подчеркивая приоритет внутренней формы слова (метафоры) как особого интуитивного и творческого постижения мира, А. Потебня говорил: «...слово рождается в человеке невольно и инстинктивно, а потому и результат его, самосознание, должно образовываться инстинктивно», а «природа прекрасна лишь настолько, насколько фантазия представляет ее прекрасною» [14;148, 167].

Преодолев классический принцип познания как направление интеллектуальной деятельности, модернизм совершил онтологический переход от *dispute* (диспута) к риторике *narration* (повествование, описательность). Предметом описания становится уже не Вселенная и человеческая душа, а слово в его эстетическом значении, ограничивающем мир текстом, условный язык которого фиксирует образы, а не значения: «Я думаю образами», — скажет модернист Набоков [10, т. 2, 572], выражая общее направление литературной стратегии XX века. В эстетике неклассического искусства мир стал интерпретироваться как производное от художественного языка, отражающего субъективное восприятие художника, что и составляет эпистему модернизма. Образ в искусстве перестает быть результатом разума и критического мышления, устраняя прямолинейность суждений художника в его стремлении описывать явления такими, какими они кажутся субъекту, чтобы творчески переработать смысл и значимость полученного опыта.

Модернизм стремился обновить искусство с помощью языка, поэтому ценен был только новаторский подход к произведению, давая понимание того, имеет ли оно значение. Целью модернистской фило-

софии языка является уже не достижение логической ясности высказывания, а раскрытие внутреннего потенциала слова как эстетического объекта, передающего красоту мира в мистических символах через поэта, вдохновленного свыше. Грань между сознанием и подсознанием размывается, фрейдистские психологические защиты распадаются: вытеснение, проекция, рационализация перестают быть действенными.

Обнаруженное разнообразие идей и тенденций в искусстве XX века потребовало новых форм словоупотребления, которые включают метаязык как материал философии и искусства, этот намеренно искусственный язык, описывающий творческий процесс и его технологию. Доминирование стиля и иногда абсурдные лингвистические эксперименты со смыслами в модернизме привели к дегуманизации искусства, как отметил Хосе Ортега-и-Гассет, «новое вдохновение, внешне столь экстравагантное, вновь нащупывает, по крайней мере в одном пункте, реальный путь искусства, и путь этот называется “воля к стилю”... Стилизация предполагает дегуманизацию» [13, 240]. Провозглашенное модернистами «расшатывание» языковых норм должно было сформировать новую образную систему языка, которая переводит реальный мир в «текст», объединяющий все многообразие культурных трансформаций.

Неклассическому искусству модернизма и постмодернизма придавался статус игры со словом по своим внутренним законам, вступающим в противоречие с историей. В русском модернизме новое отношение к языку нашло свое воплощение в творчестве поэтов Серебряного века. Поэт сам творит мир, поэтически вступая в мистическое пространство смыслов, одухотворенных словом: «Природа — символ, как сей рог. Она // Звучит для отзвука. И отзвук — бог! // Блажен, кто слышит песнь, и слышит отзвук!» (Вяч. Иванов) [15, 468]. «Отзвук» — это мистическая реакция поэта на впечатление от мира, воплощенная в языке. Модернизм был радикально настроен на обновление языка, призывая поэтов к «непреодолимой ненависти к существовавшему до них языку» [15, 493]. В известном футуристическом манифесте начала XX века «Пощечина общественному вкусу» содержится призыв к либерализации языка, «на увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Словоновшество)», а также на «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» [15, 493].

Неклассическое искусство породило вымышленный, искусственный язык, по характеристике К. Бальмонта, «отрешенный от реальной действительности» [15, 465], смещая его в сторону имажинативной реальности как творчества бессознательного. Начало этому синкретическому художественному языку в модернизме было положено символистами, продолжено структуралистами и постструктуралистами во второй половине XX века. Но двигались и те, и другие в одном направлении — создании такой поэзии, которая го-

ворила бы «своим особым языком, и этот язык богат интонациями», что отметил Бальмонт в статье «Элементарные слова о символической поэзии» [15, 467]. Реалистическое функционирование языка с его «конкретной жизнью, за которой они (реалисты) не видят ничего» [15, 465], уходило в прошлое, искусство теряло свою «прочность», используя «текучесть слов», подвижность всего мыслимого за словом и за сочетаниями слов» (С. Городецкий. «Некоторые течения в современной русской поэзии») [15, 487].

Специфика развития русской литературы начала XX века заключается в том, что поиск синтеза между реализмом и модернизмом в значительной степени стимулировался актуализацией принципа: в реальности нет смысла. Отсюда восприятие языка произведения как нелогичного и абсурдного, формирующего иллюзорное представление о реальности как сугубо эстетическом явлении.

В русле модернистской эстетики формировалось и творчество писателя русского зарубежья В. Набокова-Сирина. Проблема философии языка особенно актуальна в современных набоковедческих исследованиях, поскольку затрагивает важные элементы творчества Набокова, такие как взаимодействие языка и сознания, образность как проявление творческих аффектов автора, игровой потенциал языка, текст как многомерную реальность. Стремясь придать языку мистический и одновременно игровой характер, Набоков хотел достичь эффекта театральной зрелищности, что было свойственно стилю модернистской литературы: «Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек», отмечала Б. Леннkvист [8].

В контексте модернистской философии языка Набоков не отражает реальность и человека, а художественно изображает их, подвергая эстетической трансформации всё, что его окружает. Подобно футуристам, Набоков «вводил в поэзию нелитературный язык» [8], используя игру слов и языковые приемы для конструирования новых литературных форм и возвращая читателя к самым глубоким чувствам, к потаенным уголкам не только сознательного, но и подсознательного существования, что может трактоваться как абсурд.

Философия языка Набокова заключена в созданном писателем метаязыке, который выступает в качестве инструмента творческого процесса: «Всякая великая литература, — это феномен языка, а не идей» [10, т. 1, 511]. Набокова часто упрекали в излишнем увлечении приемами, но именно в этой искусственности и заключалась специфика отношения писателя к языку, формирующему структуру его произведений, что ярко отметил еще В. Ходасевич: «... формальная сторона его писаний отличается исключительным разнообразием, сложностью, блеском и новизной... Сирин не только не маскирует, не прячет своих приемов... но напротив: Сирин сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес» [6, 222]. Мир

произведения писателя структурируется приемами языка — «жизнь приема в сознании художника — вот тема Сирина» [6, 224]. Искусство должно преодолеть здравый смысл, что может быть сделано только с помощью языковых узоров, придающих произведению метафорический и таинственный смысл: «Я победоносно смешиваю метафоры, потому что именно к этому они и стремятся, когда отдаются ходу тайных взаимосвязей — что, с писательской точки зрения, есть первый положительный результат победы над здравым смыслом» [12, 467]. В первую очередь это связано с особым представлением писателя о языке как о самостоятельной, уникальной вселенной, как о пространстве бесконечных смыслов и образов, через которые раскрываются другие стороны реальности и суть бытия. В художественном тексте XX века говорит только язык, оставляя за бортом сюжет и смысл и выполняя только одну задачу — угодить читателю и автору: «Читателя Текста можно уподобить праздному человеку, который ничем не отягощен; он прогуливается», — так Р. Барт определит цель письма в его современной интерпретации [2, 416].

Произведения Набокова являются отражением его имажинативного сознания, как будто он стоит перед перевернутым зеркалом, в котором видит недостижимый мираж, разделяющий реальный и потусторонний миры. Сочетая смысл и нонсенс, миф и реальность, Набоков опровергает социальную ценность языка и создает эстетический образ мира с помощью словесных игр, в которых нет места узнаваемым вещам и людям: «Мне нравится, когда слово есть то единственное, что составляет истинную ценность шедевра. Мы опознаем друг друга благодаря языку знаков и через знаки языка», — говорил Набоков в интервью Бернару Пиво [11, 54].

В своих текстах Набоков зашифровал трагикомический и одновременно абсурдный смысл бытия, возможно, заключающийся в том факте, что история больше наполнена мифами, иллюзиями, миражами, чем разумом, а царство бессознательного шире царства сознания и гораздо шире царства логики. Значение сказанного как таковое становится второстепенным, важно, каким языком оформлен текст, поскольку, по словам Ж. Делеза, «между событиями-эффектами и языком — самой возможностью языка — имеется существенная связь» [4, 29]. Усилиями метаязыка как инструмента описания процесса творчества писатель превращает повседневную реальность в карнавално-мистическое действие, создавая, например, совершенно потусторонний мир зазеркалья эмигрантского Берлина в «Даре»: «Переходя на угол в аптекарскую, он невольно повернул голову (блеснуло рикошетом с виска) и увидел — с той быстрой улыбкой, которой мы приветствуем радуго или розу — как теперь из фургона выгружали параллелепипед белого ослепительного неба, зеркальный шкаф, по которому, как по экрану, прошло

безупречно-ясное отражение ветвей, скользя и качаясь не по-древесному, а с человеческим колебанием, обусловленным природой тех, кто нес это небо, эти ветви, этот скользящий фасад» [9, т. 3, 8].

Имажинативное восприятие позволяет писателю увидеть явления реальности с другой стороны сознания и смоделировать мир, «который походит на первичный, но не копирует его, а делает интеллигибельным» [2, 255], выражая творческую интуицию автора через язык. Набоков противопоставлял историзм и реализм иллюзии жизни, шифруя смыслы в интертекстуальных кодах. Как считал один из его персонажей Герман из «Отчаяния», произведение искусства сродни чуду, недоступному обывателю, «но ошиблись они, а не автор, — нет у них тех изумительно зорких глаз, которыми снабжен автор, и не видят они ничего особенного там, где автор увидел чудо» [9, т. 3, 407]. Об этой таинственности литературы Набоков говорил: «...она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей» [10, т. 1, 510]. В. Александров отмечает мистическое родство Набокова с языком: «Тайны иррационального, познаваемые через рациональную речь, — вот набоковское определение “истинной поэзии”» [1, 18]. Метаязык становится бартовской маской писателя, «указывающей на него пальцем» [2, 132], формируясь в контексте семантического пространства волшебного, но всё искажающего зеркала, показывающего, что «всякое произведение искусства — обман» [9, т. 4, 441] и не следует ждать от произведения смысловой ясности и понятности. Магическое свойство языка, как писал Набоков в «Бледном огне», раскрывается «не в тексте, но в текстуре», то есть в изощренном лингвистическом рисунке произведения как индикаторе парадоксального высказывания, разрушающего здравый смысл: «Среди бессмыслиц — паутина смысла // Да! Будет и того, что жизнь дарит // Язя и вяза связь, как некий // Соотнесенных странностей игры, // Узор, который тешит до поры // И нас — и тех, кто в ту игру играет» [10, т. 3, 334].

Языковые приемы Набокова часто переходят в область парадокса, выявляя и постмодернистские тенденции: «как будто события радуются ирреальности, сообщаемой через язык знанию и личностям» [4, 17], — как обозначит это явление Ж. Делез в «Логике смысла». Превращая слова в «игрушки», Набоков и создавал свой стиль, маркерами которого становились каламбуры, шарады, проявляя при этом, по мнению не только русских, но и западных критиков, «изобретательность» и «почти неправдоподобную» «техническую виртуозность» [6, 343]. Писатель и сам признавался в том, что литературу воспринимает как игру, развлечение: «Мне нравилось — и до сих пор нравится — ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить их врасплох» [9, т. 3,

360]. Творческая стратегия Набокова — бартовская концепция получения удовольствия от текста, лишенного идейного и политического содержания: «...почему я написал любую из моих книг? Ради удовольствия, ради сложности... Я просто люблю составлять задачи с изящными решениями» [10, т. 2, 574].

В постмодернистском направлении Набоков также превосходит мысль Ж. Деррида, что «вне текста не существует ничего» [5, 318], и жизнь человека реализуется в произведении как письмо: «так называемая реальная жизнь существ “из плоти и крови” всегда была письмом и только письмом» [5, 314]. Таким образом, набоковские произведения — это не только модернистские, но и постмодернистские тексты-химеры, в которых сочетается несочетаемое, смысл и нонсенс, осознание фрагментарности жизни человека и мира и непостижимой разумом раздробленности личности, что в целом и сформировало главную ценность произведения — получение удовольствия от чтения.

Как и впоследствии Р. Барт, Набоков считал, что «изнутри самого себя язык должен быть подорван, изобличен; это должно быть сделано отнюдь не при помощи сообщения, чьим орудием является язык, но посредством игры слов, сценической площадкой для которой он служит» [2, 551]. Используя экстраординарные языковые приемы, Набокову действительно удалось вырваться из «языкового рабства» традиций через «спасительное плутовство, эту хитрость, этот блистательный обман, позволяющий расслышать звучание безвластного языка, во всем великолепии воплощающего идею перманентной революции слова» [2, 550].

Одним из способов подрыва языка становится пародия и абсурд. Набоков любил в духе пародийного каламбура переименовывать названия или отдельные отрывки из известных произведений русской литературы: «"Дым, туман, струна дрожит в тумане". Это не стишок, это из романа Достоевского "Кровь и слюни". Пардон, "Шульд унд Зуне" [9, т. 3, 440], — так Герман в пародийной форме искажает название романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», что также может быть примером подрыва языка «изнутри».

Пушкинские мотивы в пародийном контексте звучат в романе «Машенька», показывая измельчание чувств в условиях утраты родной почвы, крушения идеалов. Взятый из «Евгения Онегина» эпиграф «...Вспомня прежние романы, вспомня прежнюю любовь...» [9, т. 1, 35] звучит как трагическая ирония по отношению к нынешнему времени безнадежности в эмигрантском Берлине. Воспоминания Ганина о его ушедшей в прошлое любви к Машеньке во время жизни в России лишь пародируют чувство любви, что подтверждается письмом, написанным в стиле послания Татьяны Онегину: «Вам конечно странно, что я пишу вам, несмотря на ваше молчание, — но я не думаю, не хочу думать, что и теперь вы не ответите мне» [9, т. 1, 97].

Используя возможности языка, Набоков показывает идеальную игру, смысл которой заключается в победе над рациональными смыслами, чтобы представить мир как театр абсурда и показать тождество «между смыслом и нонсенсом изначального типа внутренней связи» [4, 99]. Языком абсурда создан роман «Приглашение на казнь», начиная с его названия, которое является антитезой здравому смыслу, сблизаясь с бессмыслицей сцены суда в сказке Кэрролла «Алиса в стране чудес»: «Сначала приговор — потом решение» [7, 189]. В «Приглашении на казнь» писатель также вводит читателя в заблуждение, заставив его поверить в политические мотивы романа, близкие к стилю Ф. Кафки. Набоков ставит своей целью показать процесс становления художника в абсурдном театре мира, который следует воспринимать как продукт имажинативного сознания автора.

В свое время В. Ходасевич отметил, что в «"Приглашении на казнь" нет реальной жизни, как нет и реальных персонажей... все прочее — только игра декораторов-эльфов, игра приемов и образов, заполняющих творческое сознание, или, лучше сказать, творческий бред Цинцинната» [6, 222]. Пытаясь овладеть словом, Цинциннат понял, что не может найти «своего слова» и поэтому страдает от своего косноязычия: «Слово, извлеченное на воздух, лопается, как лопаются в сетях те шарообразные рыбы, которые дышат и блистают только на темной, сдавленной глубине» [9, т. 4, 53]. Поиски творческой индивидуальности Цинцинната заканчиваются ничем, поскольку он, как марионетка автора, не может соответствовать высокому статусу творца и способен лишь на бессмысленном языке раскрыть свое психическое расстройство: «Слова у меня топчутся на месте... Зависть к поэтам. Как хорошо должно быть пронестись по странице и прямо со страницы...» [9, т. 4, 112].

Воплощением замысла создания художественного языка как главного эпистемологического фактора модернистской литературы становится роман «Дар». Радикальным реформатором художественного языка выступает поэт Федор Годунов-Чердынцев. Он мучительно ищет новые формы поэтического языка, противоположные классической ясности и человечности, воспринимаемые им как «чудовища»: «при изображении ритмической структуры этого чудовища получалось нечто вроде той шаткой башни из кофейниц, корзинок, подносов, ваз, которую балансирует на палке клоун...» [9, т. 3, 136]. Федор экспериментирует в словесных играх: «Счастливый? Бессонный? Крылатый? За чистый и крылатый дар. Икры. Латы. Откуда этот римлянин?» [9, 28]. Деформируя язык на уровне звуков, Набоков создает особый ритм текста, используя ассонансы и аллитерации, проецируя новые поэтические смыслы. Можно вспомнить, что именно с ломаного языка начинается роман «Машенька»: «— Лев Глево... Лев Глебович? Ну и имя у вас, батенька, язык вывихнуть можно» [9, т. 1, 35].

Но в то же время Набоков сомневается в причастности поэтического языка к элементу игры и уподоблении его «клоуну в атласных шароварах», который внезапно может прекратить двигаться, «застыть» [9, т. 3, 13]. Поэтический дар, по мнению Федора, должен быть реализован в земной жизни художника: «Но правда сопоставлений и выводов иногда сохраняется лучше по сю сторону слов» [9, т. 3, 13]. В философском направлении эпистема языка Набокова выражает модернистскую и постмодернистскую стратегию литературы, фокусируясь на интерпретации и формализации восприятия слова как знака в системе сходных знаков, формирующих имажинативный текст. Наполняя слова-знаки образным содержанием, Набоков создает свои мистические узоры, преодолевая воображением «свой телесный образ» [9, т. 4, 342] как «тяжелый дым» реальности: «Громкая, живая, вытягивалась и загибалась стихотворная строка; на повороте сладко и жарко зажигалась рифма, и тогда появлялась, как на стене, когда поднимаешься по лестнице со свечой, подвижная тень дальнейших строк» («Тяжелый дым») [9, т. 4, 344].

Понимание невозможности изобразить гармоничный мир с человеческим содержанием в литературе модернизма и постмодернизма становится доминирующим. Из-за неприятия модернистами и постмодернистами картезианской формулы логики «*cogito ergo sum*», язык перестает быть отражением логического мышления и генерировать доступные для понимания смыслы, устраняя границы между сознанием и подсознанием. Литература становится письмом, отодвигая духовность и способность разумно мыслить за пределы сознания. Опровергая классические формы языка, превращая его в сценическую площадку для игры слов, модернисты, а затем и постмодернисты полагали, что они совершенствуют литературу в художественном направлении. Но на самом деле произошло разрушение основ языка, подмена живых форм бестелесными эффектами-нонсенсами, симулякрами, фиксирующими потерю аутентичности смыслов и самого человека, и иронизирующими над здравым смыслом. В философии языка Набокова прежде всего актуализируется эстетический потен-

циал слова, представляющий собой симбиоз игры, сакральности и познания. Набоков не остался в стороне от творческих экспериментов неклассического искусства, внося свой вклад в создание игрового языка современной литературы, результатом чтения которой должно быть удовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность / В. Е. Александров. — СПб.: Алетейя, 1999. — 321 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. — 400 с.
4. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. — 480 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
6. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 688 с.
7. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. — СПб.: Азбука-Классика, 2013. — 416 с.
8. Ленквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. — Режим доступа: http://ka2.ru/nauka/blnqst_3.html (дата обращения 29.05.2024).
9. Набоков В. В. Собр.: в 4 томах. / В. В. Набоков. — М.: Правда, 1990.
10. Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода. В 5 т. / В. В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 1997.
11. Набоков В. В. Человек и вещи / В. В. Набоков // Звезда. — 1999. — № 4. — С. 19–22.
12. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл / В. Набоков // Лекции по зарубежной литературе. — М.: Издательство Независимая газета, 1998. — 512 с. С. 465–476.
13. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Восстание масс. — М.: Ермак, 2005. — 269 с.
14. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — М.: Лабиринт, 1999. — 300 с.
15. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1991. — 511 с.

Армавирский государственный педагогический университет
Стрельникова Л. Ю., доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru

Тарасова И. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
E-mail: ikoni08@rambler.ru

Чернова Л. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
E-mail: lolache@mail.ru

Armavir state pedagogical University
Strelnikova L. Yu., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru

Tarasova I. I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
E-mail: ikoni08@rambler.ru

Chernova L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
E-mail: lolache@mail.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «РУССКОЙ КАРТИНЫ МИРА» В ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920–1930-Х ГГ.

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассмотрены дифференцирующие и интегрирующие тенденции в бифуркационной фазе развития отечественного литературного процесса 1920–1930-х гг. — на уровне типологической динамики его историко-культурных и художественно-эстетических слагаемых в общем контексте ценностно-мировоззренческих доминант национального самосознания.

Ключевые слова: литературный процесс, типологическая динамика, феномены самоорганизации, национальные образы мира, художественная картина мира, образно-смысловые доминанты, ценностно-мировоззренческие константы.

Abstract: the article examines the differentiating and integrating trends in the bifurcation phase of the development of the domestic literary process of the 1920s-1930s — at the level of typological dynamics of its historical, cultural, artistic and aesthetic components in the general context of the value-worldview dominants of national identity.

Keywords: literary process, typological dynamics, phenomena of self-organization, national images of the world, artistic picture of the world, figurative and semantic dominants, value and ideological constants.

XX век прошел для России под знаком величайших исторических потрясений, неоднократно представавших, по сути, испытаниями российской «жизнеспособности» в лоне мировой цивилизации. Уяснение факторов, способствующих сохранению такой способности в предельно экстремальных условиях существования, закономерно обращает нас к феномену *самоорганизации* российского социокультурного пространства, к выявлению его конституирующих основ и внутреннего эволюционного потенциала. В первых попытках синергетического подхода к рассмотрению новейшей российской истории показательно выделение двух основных «точек бифуркации» — начала и конца XX столетия, — где в качестве «факторов саморазвития» предстают «цивилизационный генотип России», «ядро российской культуры» [1, 139–140].

Конец XIX и начало XX столетий, ознаменованные российским «культурным ренессансом», характеризовались, как известно, необычайным творческим многообразием литературы. При этом реализм и модернизм, тенденции к демократизации и «аристократизации» искусства, многочисленные литературные течения и направления — сосуществовали в *едином* пространстве «общероссийского дома», где интенсивная внутренняя динамика была не в последнюю очередь обусловлена известной «прозрачностью границ» и взаимопроницаемостью различных социокультурных пластов.

Социальный взрыв конца 1910-х годов не уменьшил, а на первых порах еще более повысил уровень творческого многообразия отечественной литературы; однако вместе с тем начали обозначаться и тенденции к *обособлению* различных слагаемых литературного процесса.

Наиболее наглядно это проявилось в формировании за пределами России особого пласта русской эмигрантской литературы как феномена, не имевшего аналогов во всей истории мирового искусства. Но литературный процесс, развивавшийся в Советской России, являл, в свою очередь, картины, также по-своему исторически уникальные.

Послереволюционное десятилетие вошло в историю российской литературы как эпоха «литературной борьбы» — по сути, борьбы «на выживание» в условиях небывалой экстремализации общественно-исторического бытия. Здесь заявки на коренное «обновление» культуры, продолженные на первых порах российским модернизмом, постепенно наполнялись социально-политическим содержанием, приобретая характер государственной идеологии. Тем самым формировались основы особого, уникального в истории культуры явления — официальной советской литературы, — идеологически ангажированной и эстетически регламентированной, укорененной в большом историческом времени «советской эпохи». Победоносное ускорение коммунистической идеи являло в искусстве картину парадного фасада советского общества с его монументально-имперскими формами. При этом можно видеть проявление

ние некой общей тенденции: советская литература, предстающая как определенная система (в контексте более широкого понятия «советской системы») и декларируемая как «самое передовое» и «высшее» явление в мировой культуре, — не могла бы удерживать планку таких гегемонистских претензий только за счет внутренних «соцреалистических» ресурсов, — ибо нормативная эстетика, заложенная в ее основе, представляла систему линейную и закрытую. Но преодоление тупиковости развития инициировалось здесь (по-своему парадоксально и как бы «неявно») — именно за счет внешних включений, — в большей или меньшей степени неорганичных для данной системы, но так или иначе адаптируемых и приспособляемых для поддержания ее жизнеспособности.

Именно в 1930-е годы классиками советской литературы официально объявляются писатели, ранее вызывавшие весьма разноречивые оценки: М. Горький, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, В. Маяковский и др. Вместе с тем процесс притяжения одних крупных российских художников к соцреалистической орбите имел и обратную силу — при отторжении других за грань литературного (а порою — и физического) бытия, где формировался особый, также по-своему уникальный для мировой культуры пласт «задержанной» литературы. Его типологические параметры во многом определялись альтернативностью по отношению к соцреалистическому официозу — в изображении изнанки парадного фасада социалистического строя, и в упрямом стремлении следовать «внеоктябрьским» духовным ценностям и эстетическим ориентирам.

Таким образом, намечавшиеся с начала 1920-х годов тенденции к обособлению различных составляемых литературного процесса воплотились под конец 1930-х годов в три его основные ветви, имевшие собственные системно-типологические признаки и предпосылки для саморазвития. В синергетическом ключе подобная ситуация может быть представлена как типично бифуркационная «развилка дорог эволюции» [1, 139–140]; причем в российской специфике здесь выбирался не один из возможных путей, а сразу несколько — разнонаправленных и расходящихся все далее. Однако такая картина способна породить ощущение катастрофически непоправимого раскола ядра русской культуры в ее литературной ипостаси, где в отдельных осколках оказывался существенно снижен ценностный уровень некогда великого целого. Думается, что альтернативная установка — на поиск такой целостности в XX столетии — способна высвечивать определенные интегрирующие «скрепы» и глубинную внутреннюю общность для, казалось бы, несоединимых явлений и процессов литературного развития.

В русле указанного поиска актуальность и значимость для рубежа XX–XXI веков приобретает

проблема уточнения очертаний «русской картины мира» — в исторической динамике национального самосознания и в особенностях его художественно-эстетических форм. В стремлении к обновленному обобщению историософской и социокультурной традиции для генерации «национальных образов мира» [2, 134–136] нередко подчеркивалось, что в российской специфике именно «тип российского пространства воспринимается как зашифрованный код русскости», где «русский образ мира — это образ бесконечной равнины» [3; 233–234, 237]. Истоками при этом виделись известные воззрения отечественной историософской мысли и, в частности, российской религиозной философии конца XIX — первой трети XX века, где по суждению, например, Н. А. Бердяева, «пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность... устремленность в бесконечность, широта» [4, 8]. Но не стоит при этом забывать, что «пейзаж русской души» определялся для того же Н. А. Бердяева и особенностями «русской исторической судьбы» — в контексте общей «религиозной формации» национального самосознания, устремленного к «трансцендентным» универсально-ценностным ориентирам [4, 8–9].

В этом плане по-своему знаменательно на современном этапе (опять-таки, начиная с рубежа XX–XXI столетий) интенсивное развитие (по сути, возрождение) определенного направления научнокритической рефлексии, получившего обозначение религиозного (православного) литературоведения, «в основе которого лежит осмысление доктринальных положений христианства в их отношении к художественному творчеству» [5, 4]. Как представляется, такой подход может служить одним из продуктивных инструментов постижения мировоззренческих феноменов в их национальной специфике, историкокультурной и художественно-эстетической традиции. Закономерно здесь первоочередное обращение к русской классике XIX–XX веков [6], [7], [5] и, в частности, например, осмысление творчества Н. В. Гоголя, который «ставит земное существование падшего человека *на очную ставку* с абсолютными его пределами, с которыми оно потеряло связь; с первым и последним актами всемирной драмы — грехопадением и страшным судом» (Выделено нами. — А. У). Утверждение о том, что именно «здесь стержень русской духовности и русской литературы» [8, 170], — представляется, и на наш взгляд, весьма важным в рамках обозначенной выше проблемы; хотя несомненно, что здесь необходимы немалые уточнения.

Взятое в качестве точки отсчета высказывание самого Н. В. Гоголя о том, что «Россия сильнее слышит Божью руку на всем, что ни сбывается в ней...» [8, 175] — по-своему перекликается со «сторонними» оценками, исходившими из лона западной культуры, где неоднократно раздавались пророчества «об

исторической долговечности России» в противоположность «закатной» Европе [9, 135].

Представления об особой укорененности России в картине мироздания, — инициированной то ли Божьим промыслом, то ли большой Историей, — акцентировали универсальное понятие Вечности как «масштаб измерения» российского феномена в целом и фигур духовных лидеров отечественной культуры. Назвав в свое время М. Ю. Лермонтова «поэтом сверхчеловечества», который «знает все, что будет во времени, потому, что знает все, что было в вечности», Д. С. Мережковский отмечал: «кажется, во всемирной поэзии нечто единственное — это воспоминание будущего» [10, 391]. Как представляется ныне, такое «воспоминание будущего» — стержневая особенность всей русской литературы — «самой профетической литературы в мире» [4, 63], по утверждению Н. А. Бердяева. Фигура последнего здесь, в свою очередь, предстает знаковой — в соединении персоналистических и эсхатологических философских воззрений и в поле мощного «духовного тяготения» к вечности, «тоски по вечности», «невозможности примириться со временем», где, «прошлое имеет значение» только как «чреватое будущим» [11; 296, 254].

Определяя конституирующие черты русской картины мира как «очную ставку» земного существования человека с Вечностью (в исторических, теософских, космогонических и иных ее производных), следует задаться вопросом о степени сохранности такой модели как важной доминанты национального самосознания в бурных судьбах русской литературы 1920–1930-х годов.

Рассмотрение артефактов литературного процесса предполагает здесь первоочередное сопоставление произведений, типологически репрезентативных для трех вышеобозначенных «ветвей» русской литературы, имевших весомый резонанс в общественном восприятии и в то же время центральных для творчества того или иного «знакового» автора. В таком статусе для эмигрантской литературы может быть определен, например, И. А. Бунин («Жизнь Арсеньева»), для соцреалистической — Н. А. Островский («Как закалялась сталь»), а для российской «задержанной» — М. А. Булгаков («Мастер и Маргарита»). Все три названные книги, по-своему итоговые для авторов, несущие автобиографическое начало, созданы в одно и то же время (рубеж 1920–1930-х годов). Главное же — они, на наш взгляд, объединены темой смыслового поиска человека в российской специфике его бытия: на «очной ставке» перед лицом Истории, Бога и Вечности.

В книге И. А. Бунина именно из «духовно-образной ретроспекции России» [12, 360] прорастает пафос «хвалы всему сущему» [13, 121]; именно в таком вселенском масштабе автором осмысливается как некое счастливое чудо земное существование отдельного человека [13, 121–122]. Авто-

биографический герой Н. А. Островского, в свою очередь, легко оперирует понятиями судеб мира и человечества. Ставшее на многие десятилетия хрестоматийным для советского читателя размышление: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», — апеллирует к цели и смыслу человеческого существования, по-своему утверждает приоритетность духовных ценностей (пусть порою низводимых до идеологических схем) как ментальное свойство русского человека, ориентированного в своих «идеальных целях» на достижение не столько личного, сколько «всемирного счастья» (Ф. М. Достоевский).

Стоит также напомнить в этой связи, что «истоки и смысл русского коммунизма» выводились, например, Н. А. Бердяевым именно из указанных особенностей национального сознания, которые трактовались им в целом как «религиозная формация русской души», выработавшая «некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру» [4, 9].

Если принять положение о том, что книга Н. А. Островского по-своему воплощает «трансцендентную устремленность» к «будущему» «этого мира», то роман М. А. Булгакова обнаруживает такую устремленность по отношению к Вечности: «очная ставка» «земного и вечного», «жизни и духа» представлена здесь в наиболее явном (топологизированном и персонифицированном) виде.

По-своему показательны в этом плане и крупнейшие эпические полотна 1920–1930-х гг. — «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, — не вмещающиеся в рамки ни одной из обозначенных «ветвей» литературного развития, но порой парадоксально объединяющие их типологические признаки. Здесь модель отношений человека с миром реализовалась в форме *правдоискательства* — традиционной образно-смысловой доминанты русской литературы, нацеленной на поиск «совершенной правды жизни» [4, 64].

При этом необходимо особо подчеркнуть, что такой поиск как определенный *процесс* по-своему маркирует ситуацию «очной ставки», исходя из ее специально-терминологического значения (для конкретной области процессуально-доказательной следственной практики), — в бесконечно более широком смысле, обозначая *напряженный и прямой* («очи» в «очи») *диалог* человека с земным и Божьим Миром. В свете таких представлений можно наметить известные различия между понятиями «образа» и «картины» мира [14, 49] применительно и к российской специфике. Если «русский образ

мира» конституирован системой пространственно-временных и ценностных координат («пейзажей» «русской земли» и «русской души») в определенной статике как некая сформированная онтологическая данность, то «русская картина мира» в формате «очной ставки» являет процессуальную динамику перманентной генерации ценностного потенциала человеческого духа в поисково-диалогической парадигме.

Вышесказанное позволяет увидеть, что в бифуркационной фазе литературного процесса 1920–1930-х годов культурное ядро русской литературы все же сохраняло определенную целостность — на уровне топологических и аксиологических параметров художественной картины мира, неизменной в своих конституирующих основах, но порождавшей *различные ипостаси*, адекватные дифференцирующим тенденциям литературного развития.

Деклариовавшиеся в одном случае задачи сохранения культурной традиции, а в другом — исполнения «социального заказа» акцентировали различные социокультурные функции литературы — культуротрансляционную и «жизнеотражающую». Именно взаимодействие таких функций выступает системообразующей доминантой для развития литературного процесса в целом и в его национальной специфике. В русской литературе XX века эти функции оказались в известной степени «разведены» по различным ее ветвям: но это создавало особый уровень взаимодействия *между* ними, образуя *общее поле* саморазвития русской литературы, — независимо от географических, идеологических, эстетических и иных ее внутренних границ.

И здесь генеральным философско-эстетическим ориентиром выступала «русская картина мира», которая в многочисленных испытаниях на протяжении столетий по-своему упорно являла определенные ценностно-мировоззренческие константы.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: abudodov@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. На распутье. Российское общество в точке бифуркации / А. Андреев // М.: — 2000. — № 4. — С. 137–148.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психологос / Г. Д. Гачев. — М.: Прогресс: Культура, 1994. — 447 с.
3. Желтова Н. Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: Монография / Н. Ю. Желтова. — Тамбов: ТГУ, 2004. — 307 с.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
5. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова. — Воронеж: Воронежская обл. типография-изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.
6. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира / В. С. Непомнящий. — М.: Наследие, 1999. — 544 с.
7. Дырдин А. А. Этюды о Михаиле Шолохове. Творчество писателя-классика в духовной культуре России / А. А. Дырдин. — Ульяновск: УлГТУ, 1999. — 96 с.
8. Непомнящий В. С. О горизонтах познания и глубинах сочувствия / В. С. Непомнящий // Новый мир. — 2000. — № 10. — С. 170–176.
9. Назаренко А. Русское самосознание: между Царством и Церковью / А. Назаренко // М.: — 2000. — № 12. — С. 133–145.
10. Мережковский Д. С. В тихом омуте / Д. С. Мережковский. — М.: Сов. писатель, 1991. — 496 с.
11. Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения / Н. А. Бердяев. — Харьков: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 624 с.
12. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — Т. I. — 672 с.
13. Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. П. Струве. — 2-е изд. — Париж: YMCA-Press, 1983. — 419 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

*Voronesh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian language, Russian and
foreign literature Department
E-mail: abudodov@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О КАРНАВАЛЬНОМ НАЧАЛЕ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

Фан Сяожань

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируются карнавальные мотивы в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью карнавального начала в творчестве писателя и в данном произведении. Теоретической базой исследования служат труды М. М. Бахтина о карнавальной культуре, в частности его идеи о карнавальной свободе, амбивалентности и гротеске. Карнавальное начало прослеживается в повести в образе главного героя — Поприщина, в трансформации его сознания, в гротескных образах (переписка собак, мотив носа, образ луны), а также в использовании фамильярно-площадной речи. Повесть Гоголя не только наследует традиции народной смеховой культуры, но и раскрывает важную проблематику: отчуждение личности и превращение человека в подобие механической куклы в социальном окружении.

Ключевые слова: карнавализация, Н. В. Гоголь, «Записки сумасшедшего», гротеск, безумие, карнавальная амбивалентность, площадная речь.

Abstract: this article analyzes carnival motifs in N. V. Gogol's short story "Diary of a Madman." The relevance of the research is due to insufficient study of carnival elements in the writer's work and in this particular piece. The theoretical foundation of the research is based on M. M. Bakhtin's works on carnival culture, particularly his ideas about carnival freedom, ambivalence, and grotesque. The carnival element can be traced in the story through the main character Poprishchin, in the transformation of his consciousness, in grotesque images (dogs' correspondence, the nose motif, the image of the moon), as well as in the use of familiar marketplace speech. Gogol's story not only inherits the traditions of folk humor culture but also reveals important issues: the alienation of personality and the transformation of a person into a mechanical puppet-like figure in their social environment.

Keywords: carnivalization, N. V. Gogol, "Diary of a Madman," grotesque, madness, carnival ambivalence, marketplace speech.

Тема карнавализации в творчестве Н. В. Гоголя привлекает пристальное внимание исследователей. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли следующие исследователи: Ю. В. Манн, И. А. Виноградов, С. А. Дубровская, Т. К. Черная и многие другие. В научной литературе рассматриваются различные аспекты карнавализации: от гротескных образов [1; 2; 3; 4] и смеховой культуры [5; 6] до балаганских представлений [7; 8]. Особое внимание уделяется выявлению типологических особенностей карнавального начала в гоголевских текстах [9; 10; 11].

В последние годы актуализировались исследования духовного наследия Н. В. Гоголя и религиозного подтекста повести [12], темы безумия [13] и нарративной стратегии [14; 15; 16]. Следует отметить, что при всем многообразии научных подходов в изучении данной проблематики специальных исследований, посвященных карнавализации в «Записках сумасшедшего», недостаточно. В работе С. В. Сеницкой [8] рассматривается связь образа Поприщина с театральными образами, что лишь частично затраги-

вает проблематику. Особое место занимают работы В. Ш. Кривоноса [3] о взаимосвязи гротеска и нарративной структуры текста. Из этого следует, что проблема карнавализации в «Записках сумасшедшего» требует дальнейшего углубленного изучения.

Обратимся к анализу карнавальных мотивов в «Записках сумасшедшего».

Так, М. М. Бахтин определяет карнавал как «второй мир» [17, 20], где люди освобождаются от социальных и иерархических оков, достигая состояния свободы. В отношении к службе Поприщин открыто противостоит нормам бюрократической системы. Он отказывается быть «заложником» фиксированного рабочего времени и регламента: «уже давно било десять <...> я бы совсем не пошел в департамент» [18, 158]. Что еще важнее, его неявка на службу обусловлена не ленью, а пониманием высокого значения своего служения: «если бы не благородство службы, я бы давно оставил департамент» [18, 158]. Это говорит о том, что его выбор свободы основан на собственных принципах.

Точка зрения известного гоголеведа И. А. Виноградова может служить теоретической основой для

понимания свободолюбивой природы Поприщина. По мнению исследователя, герой не является психически больным в физиологическом смысле, а скорее предстает «личностью, избравшей главной жизненной ценностью личное самоутверждение» [12, 40]. Поприщин избегает строгого следования установленным правилам, живет, руководствуясь собственными желаниями, полностью следуя своим внутренним побуждениям.

Более того, стремление Поприщина к духовной свободе проявляется в его поведении. Он любит читать, увлечен театром¹: «Как только грош заведется в кармане — никак не утерпеть не пойти» [18, 162]. Это духовное стремление, не ограниченное материальными условиями, является еще одним проявлением его свободной сущности. Отрицание Поприщинным социальных норм и условностей представляет собой не просто проявление безумия, а воплощение карнавальной свободы.

Принцип карнавальной амбивалентности М. М. Бахтина позволяет увидеть неоднозначность образа Поприщина. Было бы проще рассматривать героя исключительно как клинический случай душевного расстройства. Амбивалентность образа «безумца» в литературе отмечается и современными исследователями, указывающими на то, что «безумие воспринимается как следствие индивидуальности и гениальности» [19, 283]. В случае с Поприщиным эта амбивалентность проявляется прежде всего в его способности сохранять рациональность суждений даже в моменты явного помешательства.

Особенно показательно его отношение к любви в сравнении с гоголевским Пискаревым: если последний слеп и иррационален в любви, то Поприщин, даже в состоянии помешательства, сохраняет определенную трезвость суждений. Это наглядно проявляется в его реакции на замужество Софи. Узнав о ее браке с камер-юнкером, герой проходит закономерный путь от отрицания («Не может быть, чтобы ее мог так обворожить камер-юнкер» [18, 168]), через растерянность («не могу более читать» [18, 169]) к рациональному принятию ее выбора, делая при этом пронзительное замечание: «О, это коварное существо — женщины!» [18, 172]. Подобная трансформация свидетельствует о том, что даже в своем кажущемся хаотичным душевном состоянии герой

сохраняет определенное рациональное восприятие действительности. Эта двойственность сознания создает в повести особое художественное пространство, где размываются привычные границы между разумом и безумием.

Наиболее отчетливо этот процесс размывания границ проявляется в психологической эволюции Поприщина, отраженной в датировке его дневниковых записей. Поначалу его описания окружающего мира относительно рациональны, что отражается в четкой хронологии («3 октября», «4 октября»). Постепенно восприятие героя меняется, погружаясь в мир фантазий, что проявляется в нарастающей временной дезориентации: от первого разрыва хронологии («6 ноября») к полной утрате временных ориентиров, к абсурдным датам («Год 2000 апреля 43 числа», «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью», «Некоторого числа. День был без числа» [18, 170–173]). Эта хронологическая путаница создает в повести особое художественное пространство, характерное для карнавальной поэтики, где происходит размывание привычных временных и пространственных границ. При этом на протяжении всего повествования сохраняется способность героя к острым социальным наблюдениям, которые облекаются в различные формы: от прямых замечаний до гротескных образов и метафор. Так, в повести создается своеобразный художественный «антимир», где привычные категории реальности теряют свою однозначность, а сознание героя демонстрирует сложное переплетение безумия и пронзительности.

В карнавальных празднествах стираются все иерархические границы. Как отмечает Бахтин, для карнавала характерна «логика непрестанных перемещений верха и низа» [17, 20]. В «Записках сумасшедшего» этот принцип воплощается в радикальной трансформации самосознания главного героя. Поприщин проходит сложный путь внутренней эволюции, изначально он — мелкий чиновник, чье благоговение перед начальством выражается в подобострастных размышлениях («Да, не нашему брату чета! Государственный человек» [18, 160]). По мере того как меняется его самоощущение, и прежнее почтение к власти сменяется дерзким, почти площадным неуважением: «Какой он директор? Он пробка, а не директор» [18, 172]. В этом резком переходе от раболепия к бунту проявляется сама суть карнавального мироощущения — способность опрокидывать устоявшиеся социальные роли.

Подобное освобождение от социальных условностей находит свое выражение в речи Поприщина. Пространство безумия становится территорией свободы, где речи героя обретают независимость от официальных норм и условностей. Высказывания Поприщина эволюционируют от бытового недовольства мелкого чиновника до своеобразной карнавальной критики действительности. Особенно показательно

¹ Примечательно, что театральные вкусы Поприщина тяготеют к водевилям вроде «Филатки и Мирошки» — к тем самым представлениям, о которых Гоголь в «Невском проспекте» отзывался неодобрительно: «В театре, какая бы ни была пьеса, вы всегда найдете одного из них, выключая разве если уже играют какие-нибудь «Филатки», которыми очень оскорбляется их разборчивый вкус». Однако даже такое, пусть и не самое возвышенное, стремление к культурной жизни характеризует Поприщина как человека, жаждущего приобщения к искусству.

тельны его фантазмагорические умозаключения: «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства» [18, 174]. В этих абсурдных на первый взгляд суждениях проявляется характерное для карнавала переворачивание устоявшихся представлений о мире.

Кульминацией этой трансформации становится пребывание героя в сумасшедшем доме, где Поприщин, приняв роль «короля», полностью освобождается от социальных ограничений. Его рассуждения о государственных делах, политические прокламации и космические фантазии о «спасении луны» воплощают сущностную черту карнавала — абсолютную свободу высказывания, не скованную рамками официальной культуры и здравого смысла.

Карнавальная гротескность проявлена через ряд ключевых образов в «Записках сумасшедшего». Переписка собак представляет собой яркий пример гротескной реальности. Собаки в повести не просто наделены человеческой речью, но и демонстрируют исключительное владение языком: «Письмо писано очень правильно <...> Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения» [18, 165]. Их эпистолярный дискурс оказывается более осмысленным и пронизательным, чем человеческий. В. Ш. Кривонос оспаривает распространённое мнение о том, что переписка собак является продуктом воображения Поприщина, утверждая, что она представляет собой часть гротескной реальности повести [2, 148]. Поприщин, действительно, похищает письма собак — это не его выдумка, а реальное событие в рамках гротескного мира повести, наряду с говорящими рыбами в Англии и коровами, покупающими чай. Гоголь намеренно создает реальность, где нарушаются законы правдоподобия, стремясь изобразить невероятное и неправдоподобное.

Следует отметить, что в повести наблюдается характерный прием: части тела заменяют целостный образ человека, обретая самостоятельное существование. И. Н. Шатова предлагает новый вариант интерпретации этого явления, указывая на «присутствие элементов карнавального гротеска в произведении Гоголя (редукция персонажа до одного внешнего признака)» [20]. Особенно ярко это проявляется в образе человеческой части тела — носа. По словам Поприщина, все носы находятся в луне. То есть, в глазах героя, нос перестает быть просто частью тела, обретая самостоятельную жизнь. Для Поприщина разрушение носа символизирует смерть человека, что объясняет его отчаянный призыв спасти луну — в его сознании нос неразрывно связан с человеческой жизнью.

Более того, гротескный образ луны заслуживает особого внимания. Как отмечает исследователь С. В. Синицкая, «Луна, звезды, космические полеты — часто встречающиеся в театре, фольклоре, литера-

туре атрибуты сумасшествия» [8, 73]. Эта символика сама по себе носит гротескный характер, устанавливая иррациональную связь между небесным телом и психическим состоянием человека. Поприщин проявляет особую озабоченность судьбой луны, стремясь защитить этот «нежный шар». Его восприятие луны трансформируется от обычного созерцания до параноидальной заботы о ее благополучии. Гротескность проявляется в том, что герой включает космос в круг своих бытовых забот.

Известно, что «основное карнавальное действие — шутовское увенчание и развенчание короля» [17, 20]. Через временную трансформацию идентичности и последующее насильственное наказание этот ритуал отражает свойственное народной смеховой культуре ниспровержение и реконструкцию властных структур. М. М. Бахтин, анализируя образную систему народных празднеств, подчеркивает следующее: «В этой системе образов король есть шут. Его всенародно избирают, его затем всенародно же осмеивают, ругают и бьют, когда время его царствования пройдет» [17, 214]. С. С. Аверинцев также отмечает этот аспект, указывая, что «в начале начал всяческой «карнализации» — кровь» [21, 10]. Это ритуальное насилие неразрывно связывает карнавальное веселье с жестокой реальностью.

В повести эпизод избияния Поприщина в сумасшедшем доме образует уникальную параллель с традиционным карнавальным ритуалом увенчания-развенчания. К этому моменту Поприщин, который на тот момент считал себя испанским королем, уже совершил воображаемое увенчание. Когда его «ударили два раза палкою по спине так больно» [18, 174], в его помраченном сознании это насилие интерпретируется как «рыцарский обычай при вступлении в высокое звание» (необходимое условие для увенчания и развенчания) [18, 174].

Особенно иронично то, что в ответ на последующие побои он лишь замечает, что «такую имеют власть в Испании народные обычаи!» [18, 175]. Это свидетельствует о том, насколько глубоко народная культура (карнавал) укоренилась в его сознании — герой лишь ошибочно воспринимает насилие как часть обычая.

М. М. Бахтин отмечает, что «многие формы древнего карнавала сохранились и продолжают существовать в площадной балаганной комике, а также в цирке» [22, 147]. В образе Поприщина прослеживаются черты, напоминающие балаганного паяца: «он кривляется, ругается, насмехается, он неказист» [8, 72]. Его описание внешности как «черепеха в мешке», преувеличенные жесты (метания как безумца, бег с зажатым носом) демонстрируют характерные черты балаганного представления.

Необходимо отметить, что «Записки сумасшедшего» органично связаны с народной площадной культурой, особенно заметно влияние кукольного

театра Петрушки. Сцена борьбы героя с собаками восходит к классическому сюжету кукольного театра, где Петрушка сражается с собакой, а эпизоды лечения в сумасшедшем доме перекликаются с традиционной для балаганных представлений сценой, в которой страшный лекарь «исцеляет» главного героя побоями и издевательствами.

В повести Гоголя мотив куклы играет ключевую роль в раскрытии процесса отчуждения героя от собственной личности и социальной реальности, что особенно ярко проявляется в пространстве сумасшедшего дома. Как отмечает Ю. В. Манн, анализируя бахтинский «образ пляшущей старости», в подобных образах появляется «момент марионеточности, безжизненного исполнения предписанной воли», где «действие всеобщей силы подобно механическому принуждению» [9].

Процесс деградации личности Поприщина демонстрирует постепенное превращение живого человека в подобие механической куклы. Это проявляется не только в утрате самостоятельного сознания, но и в полном подчинении внешним обстоятельствам. Особенно показательна такая трансформация развивается в замкнутом пространстве сумасшедшего дома, где пациенты, подобно марионеткам, полностью подчинены воле медицинского персонала. Система контроля и наказания (удары палкой, обливание холодной водой) усиливает эту «марионеточность», превращая живых людей в механических исполнителей чужой воли.

В этом контексте финальное восклицание Поприщина «Матушка, спаси твоего бедного сына» [18, 176] приобретает особое значение. Физические истязания и душевные муки в сумасшедшем доме приводят героя к состоянию духовной смерти: его рассудок угасает, личность распадается, а существование превращается в подобие смерти при жизни. При этом, следуя бахтинскому положению о том, что карнавальная смерть «всегда чревата новым рождением» [17, 275], образ матери здесь выступает не просто как объект мольбы о помощи, а как символ потенциального возрождения. Материнское начало противопоставляется механической марионеточности, предлагая возможность преодоления отчуждения через возвращение к живому, органическому существованию.

Фамильярно-площадная речь становится одним из ключевых художественных приемов в повести. В обращении к начальнику отделения Поприщин полностью игнорирует требуемый этикет подчиненного, используя неуважительные обращения «проклятая цапля», «седой черт» [18, 158]. Такой способ обращения явно нарушает социальную иерархию того времени. В дневнике широко используются разговорные выражения: «А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи» [18, 163], «Мне кажется, что эта мерзкая собачонка метит на меня»,

«Врешь ты, проклятая собачонка» [18, 168] — все эти выражения демонстрируют полное пренебрежение к этикету официальной обстановки.

По наблюдениям Е. А. Сафрон, фамильярно-площадная речь, характерная для представителей низших социальных слоев, выступает в качестве защитного механизма самосохранения [23]. В случае Поприщина это проявляется особенно ярко, не имея реальной власти и авторитета, герой прибегает к фамильярно-площадной речи как к единственно доступному ему средству психологической защиты. Его брань — это не столько попытка атаковать других, сколько стремление утвердить собственное достоинство в ситуации, когда все остальные способы самозащиты недоступны.

Подводя итоги, следует отметить, что Гоголь использует карнавальные элементы в «Записках сумасшедшего» для создания особого художественного пространства, где размываются границы между реальностью и фантазией, разумом и безумием.

Карнавальные элементы в повести проявляются через несколько ключевых аспектов: фамильярно-площадную речь, мотив увенчания-развенчания короля, гротескные образы (переписка собак, самостоятельная жизнь носов) и балаганные черты в образе главного героя. Однако все эти элементы служат не столько созданию праздничной атмосферы, сколько раскрытию глубокого трагизма человеческого существования.

Особенно показательна трансформация образа главного героя от живой личности к механической кукле-марионетке в рамках сумасшедшего дома. Этот процесс демонстрирует, как карнавальная свобода уступает место тотальному подчинению внешней воле, а смеховое начало перерастает в трагедию человеческого отчуждения. Таким образом, Гоголь создает уникальное художественное пространство, где карнавальное начало служит не столько празднично-возрождающим целям, сколько раскрытию экзистенциальной проблематики человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялова И. А. «Петербургские повести» Н. В. Гоголя: гротеск в изображении «Странного города» / И. А. Завьялова // Известия Самарского научного центра РАН. — Самара. — 2012. — № 2(3). С. 727–731.
2. Кривонос В. Ш. Фантастика и гротескная реальность у Гоголя / В. Ш. Кривонос // Третьи Лемовские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема. — Самара, 24–26 марта 2016 года. — Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2016. — С. 145–161.
3. Кривонос В. Ш. Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя / В. Ш. Кривонос // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — М., 2015. — Т. 74. — № 5. — С. 45–50.

4. Сартаков Е. В. Гоголь и Иероним Босх: к проблеме гротеска / Е. В. Сартаков // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. — М.; Вена, 23–27 марта 2015 года. — М.; Вена: Новосибирский издательский дом, 2016. — С. 127–135.
5. Дубровская С. А. Смеховое слово в карнавализованном пространстве Эпистолярия Н. В. Гоголя / С. А. Дубровская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2018. — № 4(82). — Ч. 1. — С. 13–16.
6. Дубровская С. А. Карнавальная традиция в письмах Н. В. Гоголя 1820–30-х годов / С. А. Дубровская // Традиции в русской литературе. — Нижний Новгород, 2012. — С. 42–48.
7. Виноградов И. А. Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов // Русская литература. — СПб., 1999. — № 1. — С. 36–44.
8. Синицкая С. В. Тригей, Арлекин, Бонардин, Поприщин, или Театральный комментарий к «Запискам сумасшедшего» / С. В. Синицкая // Театрон. — СПб., 2010. — № 1(5). — С. 70–81.
9. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. — М.: Coda, 1996. — 474 с.
10. Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. — М., 1995. — № 1. — С. 154–182.
11. Черная Т. К. Русская литература XIX века (ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе / Т. К. Черная. — Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — 624 с.
12. Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1 / И. А. Виноградов // Stephanos. — М., 2024. — № 4(66). — С. 40–75.
13. Шабалдина Е. В. Н. В. Гоголь и М. А. Булгаков: мотив безумия в повестях «Записки сумасшедшего», «Портрет» и романе «Мастер и Маргарита» / Е. В. Шабалдина // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — Красноярск, 2016. — № 2(36). — С. 186–189.
14. Геймбух Е. Ю. Специфика повествования в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя / Е. Ю. Геймбух // Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции / Под ред. В. А. Кохановой, Е. Ю. Геймбуха. — М., 2014. — Том I. — Ч. 2. — С. 57–63.
15. Зими́на М. А. Нарративный аспект мотива безумия в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» / М. А. Зими́на // Диалог культур. Барнаул: БГПУ, 2004. — С. 87–92.
16. Константинова Н. В. Специфика изображения героя-нарратора в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» / Н. В. Константинова // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. — Новосибирск, 2009. — С. 204–210.
17. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7-ми томах / М. М. Бахтин. — Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложения. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 752 с.
18. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Н. В. Гоголь. — Т. 3: Повести. М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 688 с.
19. Катошина И. И. Архетип безумца в американской литературе второй половины XX — начала XXI века / И. И. Катошина // Художественная картина мира в фольклоре и литературе: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Астрахань, 20–21 апреля 2023 года / Под общей редакцией О. Е. Романовской, составители: О. Е. Романовская [и др.]. — Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. — С. 274–284.
20. Шатова И. Н. О карнавальной природе ранней прозы К. Вагинова / И. Н. Шатова // Мова і культура. — Киев, 2009. Вып. 11. — Т. 11. — С. 258–265.
21. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура / С. С. Аверинцев // М. М. Бахтин как философ. — М., 1992. — С. 7–19.
22. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах / М. М. Бахтин. — Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960–1970 гг. — М.: Русские словари: Языки славянской культуры. — 2002. — 801 с.
23. Сафрон Е. А. Карнавальное начало в романе В. В. Орлова «Шеврикука, или любовь к привидению» / Е. А. Сафрон // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2019. — № 2. — С. 54–58.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фан Сяожань, аспирант филологического факультета
E-mail: xfang@inbox.ru

Lomonosov Moscow State University

Fang Xiaoran, Postgraduate of the Faculty of Philology
E-mail: xfang@inbox.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ «ВОЙНА И ДЕТИ» В ПРОЗЕ 1960-Х ГОДОВ

А. В. Фролова, В. В. Комарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: писатели «оттепельного» периода сосредоточились на отрицании войны как катастрофического состояния мира, трагического испытания человечества, что особенно выразительно прозвучало при изображении военного детства. В развитии темы «война и дети» отчетливы две тенденции: одни авторы сосредоточились на потерях, ставших следствием «сороковых, роковых», другие обратились к возможностям противостояния разрушительной природе войны.

Ключевые слова: военная проза, тема войны в литературе второй половины XX века, И. Грекова, Е. Дубровин, ребенок на войне.

Abstract: the writers of the «thaw» period focused on the denial of war as a catastrophic state of the world, a tragic test of humanity, which was especially expressive when depicting military childhood. There are two distinct trends in the development of the theme «war and children»: some writers focused on the losses resulting from the «forties, fateful», others turned to the possibilities of confronting the destructive nature of war.

Keywords: military prose, the theme of war in the literature of the second half of the twentieth century, I. Grekova, E. Dubrovin, a child at war.

1960-е годы — время активного освоения военной темы русской советской литературой. В этот период были опубликованы повести «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», «Июль 41 года» Г. Бакланова, «Мертвым не больно», «Альпийская баллада», «Круглянский мост» В. Быкова, «Убиты под Москвой» К. Воробьева, «Звездопад» В. Астафьева, первые две части трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» и др. Война в произведениях писателей тех лет предстает как нечто противоестественное, противное самой природе человека. И это в полной мере соответствует тому определению войны, которое дал Л. Н. Толстой и которое мы знаем со школьных лет. Произведения представителей «лейтенантской» прозы не только в полной мере отвечали такому пониманию, они конкретизировали общую картину судьбами героев. Их фронтовые сюжеты «несли заряд жестокого драматизма <...> Книги эти далеки были от какой-либо спокойной иллюстрации <...> В них была суровая и героическая солдатская правда» [1, 87]. Суть этой суровой и героической правды заключалась в глубинном отрицании войны, самой ее природы. Наиболее драматические ситуации в военной прозе связаны с тем, что человек оказывается между жизнью и смертью. Выбор героев, завершение экзистенциально значимых сюжетов определяются не истолкованием отдельных эпизодов, а тем, как писатель понимает войну, как оценивает мир, в котором возможна война. Так, для воронежского писателя Ю. Д. Гончарова (1923–2013) война — катастрофическое состояние бытия, «бессмысленное

убийство», «игра со смертью, которая рано или поздно, но всегда выигрывает» [2, 87].

Такая оценка войны в литературе послевоенных десятилетий была широко распространена, не вызвала сомнений, особенно если речь заходила о произведениях, в которых героями становились дети. Актуальность и особая выразительность такой тематики в первую очередь объясняются очевидной незащищенностью ребенка перед испытаниями, перед потерями и смертью, которые несет война. Повесть В. Богомолова «Иван» (1957) — из числа бесспорных примеров такого понимания предложенной литературой проблематики. Подтверждает его и созданный по произведению Андреем Тарковским фильм «Иваново детство» (1962): «В «Ивановом детстве» я пытался анализировать <...> состояние человека, на которого воздействует война. Если человек разрушается, то происходит нарушение логического развития, особенно когда касается психики ребенка. <...> Он [герой фильма] сразу представился мне как характер разрушенный, сдвинутый войной со своей нормальной осью» [3].

«Разрушенный, сдвинутый войной» характер одиннадцатилетнего мальчика — доказательство справедливости утверждения Ю. Гончарова о безусловности победы смерти в военных сюжетах. Увлеченная антивоенным пафосом, необходимостью сохранения живой памяти о недавних потерях и страданиях, проза «оттепельных» десятилетий сосредоточилась на отрицании войны как катастрофического состояния мира, темы особенно выразительной при изображении военного детства. В ней литература актуализировала не только моменты гибели ребенка, но отметила и то, о чем сказал

А. Тарковский, — неизбежные экзистенциально значимые потери, драматичность которых усиливается тем, что это потери, обращенные в послевоенные времена.

Драматичный вариант развития такого сюжета-потери представляет повесть Е. Дубровина «В ожидании козы» (1968). Ее герои — дети, подростки восьми и четырнадцати лет. Они выросли в годы войны: «лес, речка, могила фрица» [4, 35], любимые занятия — путешествовать на товарняках, ходить на минное поле, раскурочивать итальянскую машину. Война стала их повседневностью, естественные приметы которой — разорение и насилие: «...отступая, немцы взорвали все, что можно взорвать, увезли все, что можно было увезти» [4, 69].

Война закончилась, но немногое изменилось в Нижнеозерске, где живут Бородины. Отец вернулся с фронта, однако для него не находится работы, жизнь приходится начинать заново. Он не боится трудностей, стремится обустроить быт семьи, «обмазать» плетень, крышу толем залатать, побелить дом. Возвращение к мирной жизни предполагает и активное участие детей. Кажется, что вывод, к которому сам, без подсказки взрослых, пришел двенадцатилетний герой рассказа А. Платонова «Возвращение» (1946), должны были бы разделить и герои повести Е. Дубровина: «У нас дело есть, жить надо» [5, 397]. Эта та мысль, которую утверждала военная проза в послевоенные десятилетия. Война превратила платоновского героя в «маленького, небогатого, но исправного мужичка», с лицом, привычным «к житейским заботам». Петрушка не хуже матери понимает, что войне надо сопротивляться обычной жизнью, заботой о куске хлеба, о сестре и матери. Такое взросление сына капитан Иванов, главный герой рассказа А. Платонова, склонен считать потерей, утратой мальчиком детства.

Повесть Е. Дубровина в развитие темы военных потерь, связанных с темой детства, предлагает неожиданный сюжет, редкий даже для прозы о войне второй половины 1960-х годов. Герои его повести «В ожидании козы», как и Петрушка А. Платонова, пережили военное детство, но вынесли из прожитого совершенно иные выводы. Трагедия в том, что Виктор и Влад приняли законы войны, ее равнодушие к чужой жизни, эгоистическую потребность думать только о себе. Считая войну и те события, которые они наблюдали, естественным образом жизни, они не принимают требований отца, восстанавливающего мирную жизнь семьи: «Ну, теперь некогда гонять. Будут помогать мне по хозяйству. Сарай перекрыть надо, лебеды на зиму заготовить, картошку перебрать» [4, 17].

Е. Дубровин заговорил в повести о том, что было реальностью первых послевоенных лет, в которой свое место должны были занять дети, принявшие законы войны. Писатель так фиксирует их изменившееся сознание: «Они вроде бы становились безумными: не надо им ничего, лишь бы взрывать, взрывать, взрывать...» [4, 78]. Он одним из первых почувствовал

метафизическую опасность войны, которая разрушает в человеке то, что создают мир и сам человек.

Повесть Е. Дубровина, сосредоточившая внимание на потерях, которые стали следствием войны, заставляет не только вспомнить произведения его современников, но и обратиться к опыту иных лет. Русский философ Н. А. Бердяев писал во время Первой мировой войны: «Война не создала зла, она лишь выявила зло. <...> Война есть страшное зло и глубокая трагедия. Но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже» [6, 248–249]. Трагедия войны не только в том, что она дискредитирует законы мира, — она разрушает природу человека, «сдвигает» ее, по словам А. Тарковского, «со своей нормальной оси».

Однако зло войны не универсально. Тот же Н. А. Бердяев утверждал, что война затрагивает «физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться» [6, 248–249]. Вариант неразрушенной детской души дала в своих произведениях о детях войны И. Грекова (Елена Сергеевна Вентцель, 1907–2002).

И. Грекова прожила большую жизнь. Ее мироотношение сложилось в интеллигентной атмосфере семьи, завершилось годами обучения на физико-математическом факультете Петроградского университета. Эти годы писательница вспоминает с особым чувством: «Университет — одно из светлейших воспоминаний моей жизни. Все было прекрасно — окружающая нас действительность, новый строй (НЭП), который еще только пробивался сквозь мрак военного коммунизма. Полная наша освобожденность, раскованность. <...> В те времена мы совсем не чувствовали страха. Отсутствие страха — главная черта тех времен. Голод и отсутствие страха» [7, 20]. Выпускники университета тех лет отличались хорошей гуманитарной подготовкой. Свободное посещение лекций ведущих ученых в первые советские годы продолжало оставаться правилом и для студентов естественных факультетов. Так, будущая писательница слушала лекции крупнейшего русского историка академика Е. В. Тарле (1874–1955), научные интересы которого были связаны с изучением эпохи наполеоновских войн, участвовала в собраниях «Вольфила»¹. Все это потом отразилось в произведениях И. Грековой, в ее понимании истории, природы человека. Она исходила из мысли об уникальности каждого человека, его внутренней самостоятельности, умения «взрастать»,

¹ Вольфила (Вольная философская ассоциация) — общественная организация в Петрограде (Ленинграде) в 1919–1924 годах, созданная по инициативе Р. В. Иванова-Разумника, А. Белого и др. членов редколлегии альманаха «Скифы». Ее цель — исследование и пропаганда философских вопросов культуры, связь философии с жизнью, свободное творческое общение.

как это делает герой ее повести «Маленький Гарусов» (1969), в предлагаемые обстоятельства.

Детство маленького Гарусова пришлось на годы войны. Вместе с другими детьми он был вывезен из блокадного Ленинграда и в послевоенные годы стремится в него вернуться. Гарусов не пережил того, что пережили герои повести Е. Дубровина, его опыт войны совсем иной. Он производит впечатление очень собранного, настойчивого человека, который каждую жизненную перемену воспринимал, пишет И. Грекова, как «должное и сразу в нее встал» [8, 315]. В каждой ситуации он намечает себе цель, достижение которой помогает ему преодолевать встающие жизненные препятствия. Это замечание писательницы имеет особый смысл. Война застает Гарусова мальчиком, но его внутренний мир сложился до ее начала.

После снятия блокады Гарусов поставил себе цель вернуться в Ленинград, отыскать мать. Для этого он учится писать красиво, чтобы написать убедительное письмо о необходимости возвращения в родной город (небрежно и некрасиво написанное письмо — он уверен — не станут рассматривать), много читает, конспектируя книги в уме. Расформирование детского дома, где жил Гарусов, заставляет его «бросится в жизнь» [8, 308], он «загорается страстью» [8, 309], ведь мечта оказывается под угрозой. Но возвращение в Ленинград оборачивается серьезным разочарованием: мать и тетя Шура погибли, дворницкой больше нет, а в их квартире живут другие люди. Гарусов «впал в уныние» [8, 344], «весь как-то подох» [8, 344].

Обращает на себя внимание сюжет возвращения в родной город, который задумывает и реализует мальчик. В прозе тех лет часто встречается мотив утраченного детства, однако повесть И. Грековой предлагает свой вариант. Ее герой не соглашается с утратой, не просит помощи, напротив, создает собственную программу возвращения. И такой герой, детство которого прошло в детском доме, не единственный в прозе писательницы. В рассказе «Дамский мастер» (1963) И. Грекова в центр повествования поставила парикмахера, «дамского мастера Виталия Плавникова». Героиня Мария Владимировна, рассказывающая историю Виталия, знает о его детдомовском детстве. Он, как и Гарусов, после войны стремится вписать себя в чужой для него мир, никого ни о чем не про-

сит, выбирает свою дорогу самостоятельно. Для Марии Владимировны Виталий становится настоящим открытием. Сама героиня указывает на это: «Я ходила к Виталию, время шло, и постепенно происходили какие-то перемены» [8, 156]. Виталий, настойчиво стремящийся преодолеть свое сиротство, меняет мир Марии Владимировны, заставляет ее иначе посмотреть на своего сына, на самое себя.

Название повести «Маленький Гарусов», как и рассказа «Дамский мастер», становятся для И. Грековой формулами сопротивления войне. Война, детский дом не разрушили героев, добавили в их отношения с миром драматизма, но не примирили с потерями. «Дети войны» И. Грековой являют образец человеческой цельности, способной противостоять войне, ее разрушительному началу. Это то открытие, которым И. Грекова обозначила важный аспект военной темы в русской литературе второй половины XX века, подтвердив правоту утверждения Н. А. Бердяева, что «ядро человека, душа его <...> может даже возродиться».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарев Ю. В. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 6.: Поиск истины: Статьи, диалоги о литературе, литературные портреты / Ю. В. Бондарев. — М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
2. Гончаров Ю. Д. Теперь — безымянные...: Повести, рассказы / Ю. Д. Гончаров. — М.: Правда, 1990. — 480 с.
3. Иваново детство. — Электронный ресурс. — Режим доступа: [https://kinohorosho.ru/node/913]. — Дата обращения: 27.11.2024.
4. Дубровин Е. П. В ожидании козы / Е. П. Дубровин. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1968. — 175 с.
5. Платонов А. П. Повести, рассказы, статья, из писем / Сост. и подготовка текста М. А. Платоновой. Вступ. статья В. А. Свительского / А. П. Платонов. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1982. — 453 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М.: АСТ, 2023. — 384 с.
7. Вентцель Е. С. Автобиографические фрагменты / Е. С. Вентцель // Е. С. Вентцель. И. Грекова. К столетию со дня рождения. — М.: Юность, 2007. — 254 с.
8. Грекова И. Кафедра / И. Грекова. — М.: Советский писатель, 1983. — 544 с.

Воронежский государственный университет

Фролова А. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: frolova-anna2008@yandex.ru

Комарова В. В., магистрант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: vika.komarova1000@gmail.com

Voronezh State University

Frolova A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Humanities Department
E-mail: frolova-anna2008@yandex.ru

Komarova V. V., Undergraduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Humanities Department
E-mail: vika.komarova1000@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОВОРОТ НА ВОСТОК: «КИТАЙСКАЯ СКАЗКА» ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Чжэн Сяотин

Пекинский университет иностранных языков

Поступила в редакцию 17 августа 2024 г.

Аннотация: «Китайская сказка» как литературный феномен и нарративная стратегия присутствует в творчестве В. О. Пелевина с самого начала его литературной карьеры. Это своего рода виртуальная аллегория, основанная на традиционной китайской культуре. Писатель извлекает типичные сюжетные единицы из большого количества китайских текстов и объединяет их в цепочку «китайских сказок». В статье проводится концептуализация «китайской сказки» в творчестве Виктора Пелевина с последующим анализом философских, религиозных и литературных тем в рамках этого поджанра. На примере «сказки И Цзин», «сказки чань-буддизма» и «сказки о Путешествии на Запад» соответственно мы можем рассмотреть восточный постмодернистский эксперимент в творчестве Пелевина, в центре которого находится китайская традиционная культура. Подобное творчество Пелевина не только содержит характерный для писателя «пустотоцентричный» взгляд на повествование, но и предостерегает об опасностях на особом русском пути, когда этот путь рассматривается в кросскультурной перспективе.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, китайская сказка, пустотоцентризм, самоориентализация, постсоветский контекст.

Abstract: “Chinese tales” as a literary phenomenon and narrative strategy have existed since the beginning of Victor Pelevin’s literary career, it is a virtual allegory based on traditional Chinese culture. The writer extracts typical plot units from a large number of Chinese texts and combines them into a chain of “Chinese tales”. This paper takes the lead in the conceptual construction of ‘Chinese tales’ in Pelevin’s fiction writing, and then divides them into philosophical, religious and literary themes. From ‘I Ching tales’, ‘Zen Buddhism tales’, ‘tales of Journey to the West’ we can see Pelevin’s experiments in Eastern postmodernism with Chinese traditional culture as the core. His creations not only contain a distinctly ‘empty’-centric view of storytelling, but also serve as a warning to Russia’s path in an intercultural perspective.

Keywords: V. Pelevin, Chinese tales, ‘empty’-centrism, self-orientalization, post-Soviet Union

В определенном культурно-историческом контексте Виктор Пелевин обратился к Востоку и завершил «самоориентализацию». Его постмодернистские произведения демонстрируют очевидные характеристики «восточности», которые мы называем «восточным постмодернизмом» [1]. Среди них «китайская сказка» представляет собой наиболее типичный пример восточного постмодернистского текста, она фокусируется на сочетании использования классики, пустотоцентризма, историографии и многовременного повествования. «Китайская сказка» должна рассматриваться как система знаний и искусств, созданная Пелевиным на основе традиционной китайской культуры. Сама «китайская сказка» составляет и создает смысл, поэтому методика изучения «китайской сказки» Пелевина заключается не в восстановлении оригинальной «китайской сказки» или исправлении возможных культурных ошибок в произведениях, а в исследовании интерпретации и прочтения Пелевиным китайских текстов, с целью расширения на-

ших представлений об эстетике, философии и даже идеологических тенденциях Пелевина. Кроме того, «китайская сказка» Пелевина сыграла важную роль в распространении традиционной китайской культуры и отображении образа Китая в России. В определенной степени «китайская сказка» Пелевина повлияла на восприятие современным русским читателем образа Китая как образа «другого».

Восточные элементы в творчестве Пелевина уже давно привлекали внимание русских литературоведов. А. Генис называет роман «Чапаев и Пустота» «первым серьезным чань-буддистским романом в русской литературе» [2, 232] и отмечает, что «буддизм в нем — не экзотическая система авторских взглядов, а неизбежный вывод из наблюдения за современностью» [3, 230]. Продолжая дискуссию о восточных элементах у Пелевина, авторы монографии «Литературные стратегии Виктора Пелевина» (О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова) указывают, что природа «восточности» отражается в традиционной китайской культуре, например в повести «Жизнь насекомых» заложена гексаграмма

«Колодец» из китайского «И Цзин». Персонаж романа пытается применить основы классической восточной ментальности: «любое движение вперед будет деградацией», — тоже типичный даосский взгляд на общество. Среди упоминаемых знакомых Чапаева — китайский коммунист Чжуан Цзе с его сном о «красной бабочке» взят Пелевиным из «Чжуанцзы» [4, 130–136]. Израильский ученый Элана Гомель (Elana Gomel) тоже утверждает, что структура романа «Чапаев и Пустота» является пародией на притчу «Сон Чжуан Чжоу о бабочке» [5, 309]. С. Полотовский и Р. Козак, авторы биографии Пелевина, посвящают целую главу «Китай» связям Пелевина с Китаем, они впервые используют термин «сказка про Китай» [6, 52] и рассматривают рассказ «СССР Тайшоу Чжуань» как очень пелевинскую «притчевую китайщину» [6, 52]. М. Липовецкий в своей книге отмечает, что некоторые фрагменты романа «Священная книга оборотня» являются прямыми цитатами из древнего китайского сборника Гань Бао «Записки о поисках духов», также он связывает героиню «А Хули» с образом лисы из «Сюань Чжоньци» Го Пу, «Ляо-Чжай» Пу Сунлина, «Записок из хижины “Великое в малом”» Цзи Юня [7, 239].

Можно отметить, что исследователи заметили склонность Пелевина к восточной философии и религии, восточные мотивы в творчестве Пелевина становятся востребованной темой исследований. Литературоведы рассматривают ограниченный круг произведений В. О. Пелевина. Особенно иностранным литературоведам, не владеющим китайским языком, трудно отличить именно китайские мотивы от иных восточных, что приводит к неоднозначным толкованиям. В нашем исследовании предпринята попытка создания концепции «китайской сказки» Пелевина, мы осуществляем сравнительный анализ философских, религиозных и литературных тем в этой «сказке», а также обращаемся к восточному постмодернистскому подходу Пелевина.

Концепция «китайской сказки» Виктора Пелевина. Ранний рассказ «Правитель» (1991), появившийся в журнале «Знание — сила», № 5, уже явное начало «китайской сказки» Пелевина. Под влиянием знаменитой танской новеллы «Нанькэ тайшоу Чжуань» («Правитель Нанькэ», перевод О. Л. Фишмана, 1955) Пелевин первоначально озаглавил рассказ как «Правитель». Рассказ повествует о китайском литераторе Фань Шэне, который во сне путешествует по «СССР» и переживает тяжелую жизнь. В том же году рассказ был включен в первый сборник рассказов Пелевина «Синий фонарь», а название было изменено с «Правителя» на «СССР Тайшоу Чжуань. Китайская народная сказка». Этот рассказ, основанный по содержанию и сюжету на новеллах «Волшебная подушка» и «Нанькэ тайшоу Чжуань», может считаться абсолютной имитацией этих двух танских новелл. Ведь пелевинский «СССР Тайшоу Чжуань»

имеет тесные интертекстуальные связи с танской новеллой «Нанькэ тайшоу Чжуань», причем русская транслитерация слов «Тайшоу» и «Чжуань» придает роману особый экзотический колорит, а «СССР» представлен в виде аббревиатуры, подразумевающей его вымышленность, как и уезд «Нанькэ» не является реальным местом.

Концепция «китайской сказки» Пелевина берет свое начало в раннем творчестве писателя и опирается на его обширные знания классической китайской литературы; вместе с тем в написании «китайской сказки» глубоко отражается и своеобразный пелевинский взгляд на «сказку» (нарратив). Как оригинальная форма повествовательного жанра, сказка прошла процесс развития от «устной» и «народной» к «письменной» и «литературной». Среди этих вариантов и «авторская сказка», которая развивалась из «народной сказки». Что касается влияния и роли народной сказки на авторскую сказку, то, как подчеркивает В. Я. Пропп: «Не следует представлять себе дело упрощенно, будто писатели просто занимают из фольклора сюжеты, пересказывают их. Дело значительно сложнее. Сказка источник разнообразных сюжетов, но сами эти сюжеты, попадая в орбиту литературы, подвергаются существенной обработке» [8, 12]. Для Пелевина «сказка» действительно тесно связана с фольклором. В своих романах Пелевин не раз цитировал такие знакомые русские народные сказки, как «Аленький цветочек» (А. С. Аксаков) и «Крошечка-Хаврошечка» (А. Н. Афанасьев). Даже «волшебные сказки» у Пелевина никогда не воспроизводятся в оригинале, писатель способен по-новому персонифицировать традиционную сказку, образуя переходный жанр между сказкой и авторской сказкой, которую Пелевин собирательно называет «современным дискурсом сказки» [9, 123].

Кроме того, с точки зрения нарративного дискурса, Пелевин стремится поднять «сказку» с литературного на метафизический и философский уровень. Например, Федор Семенович, главный герой романа «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), пишет в письме к своей возлюбленной Тане, что в наше время мудрецы существуют только в сказках [10, 193]. Именно сказка учит тому, как важно овладеть собственным сознанием; сказка — это воплощение мудреца, который может просветить нас в наше время и живет только в сказке. Противопоставляя сказку и реальность, Пелевин признает вымышленный мир сказки и в то же время отрицает этот реальный мир.

Подобно рассуждениям писателя о «сказке», в творчестве Пелевина мы находим и его определение нарратива. Снова он говорит устами главного героя, Федора: «Дело в том, что мы живем не в “мире”, не в “пространстве” и не во “времени”, не среди ощущений и переживаний — мы живем в нарративе, в сказке» [10, 225]. Видимо, неоднократно подчеркнутый Пелевиным термин «нарратив» эквивалентен

тен слову «сказка», хотя это не совсем совпадает с теоретическим взглядом западной нарратологии. Также в этом романе Пелевин творчески предлагает «нарративный ум» и «фейк-нарратив» [10, 226]. «Сказка» еще раз подается Пелевиным как средство противостояния реальности. Мнение «сказка есть везде» имеет нечто общее с теорией нарратива Ролана Барта, согласно которой нарративы существуют в почти бесконечных формах во всех временах, местах и обществах, и что нарративы являются со-продуктом самой истории человечества.

«Китайская сказка» в творчестве Пелевина: философия, религия, литература. В истории русской литературы сюжеты на китайскую тему не уникальны. Пелевин не первый и не единственный писатель, который к ним обращается. Так зачем же изучать пелевинские «китайские сказки» как творческое явление? Причина в том, что понимание и освоение Пелевиным традиционной китайской культуры в определенной степени превосходит его предшественников. Использование китайских канонической литературы — самая значительная черта «китайских сказок» Пелевина. В своих произведениях писатель часто цитирует китайских классиков, а это более двадцати текстов китайской классики с точными источниками и около сорока исторических и мифологических персонажей. Использование культурных ссылок также было связано с поездками Пелевина в Китай, а интертекстуальные связи прослеживаются в его произведениях «Записи о поиске ветра», «Числах», «Священной книге оборотня» и «Empire V».

В зависимости от тематического содержания «китайские сказки» Пелевина можно разделить на философские, религиозные и литературные. Философия, религия и литература — это ядро духовной культуры Китая. Это подтверждает, что преданность Пелевина традиционной китайской культуре не является исключительно любопытством к экзотическому другому, и что его заимствования текстов китайской культуры не ограничиваются поверхностным цитированием, но реализуют «китайскую сказку» в огромном пространстве самообъяснения. Заимствования воссоздают «китайские сказки» в огромном пространстве самоинтерпретации. В нашей статье с целью анализа трех основных аспектов пелевинских «китайских сказок» выбраны только «И Цзин сказка», «Чань-буддистская сказка» и «Сказка Путешествия на Запад». Три основных аспекта «китайских сказок» Пелевина представлены для того, чтобы рассмотреть постмодернистскую интерпретацию Пелевиным китайской философии, религии и литературы.

«И Цзин сказка». М. Л. Титаренко, главный редактор энциклопедии в 5 томах «Духовная культура Китая» (2006–2010), отмечал: «Китай расположен на Евразийском континенте и поэтому неизбежно участвует в формировании евразийского мировоззрения. В связи с этим знание духовной культуры

Китая имеет принципиальное значение и для России, вырабатывающей в сложнейший для нее период идею национальной самоидентификации» [11, 28]. А поскольку китайская философия играет основополагающую и ведущую роль в длительном процессе развития китайской культуры, неудивительно, что русское понимание китайской духовной цивилизации основано прежде всего на изучении китайской философии. В глазах писателя Пелевина Китай — это многовековое «государство философов», а его «китайская сказка» отражает богатое разнообразие китайских философских школ, метапропозиций, философов и классических философских текстов. Писатель часто использует вымышленных персонажей, чтобы выразить свое признание и восхищение древнекитайской философской мыслью, описывая китайскую философию как «древнекитайскую мудрость» и «опыт древнекитайского народа». Среди них «И Цзин» (Книга перемен) — один из наиболее часто цитируемых Пелевиным философских текстов.

В 1980-е годы «И Цзин» стал популярен в России, а его таинственные прорицательские функции были настолько востребованы публикой, что его одно время считали «Восточным Таро». В этот же период сформировалось значительное сообщество исследователей «И Цзин», а «концептуальная матрица» из этого канона широко использовалась как элемент искусства. На историческом фоне драматических социальных перемен, происходивших в период распада Советского Союза и указывавших на «И» (перемены), Пелевин начал свои «И Цзин сказки», в которых основное внимание уделяется отражению «И» времени и «И» мыслей людей. Писатель посвятил «И Цзин» целый ряд текстов от короткого рассказа «Гадание на рунах или рунический оракул Ральфа Блума» (1990), в котором древняя скандинавская руническая письменность сравнивается с еще более древней китайской «И Цзин», до полнометражного сборника рассказов «Жизнь насекомых» (1993), в котором глава 11, «Колодец», о мотыльках Мите и Диме, рассматривает разные аспекты И Цзин. Первого из этих мотыльков Пелевин направляет в гексаграмму «колодец». В романе «Числа», написанном в 2003 году, Пелевин использует множество элементов «И Цзин», причем его интерпретация «И Цзин» не остается на уровне символов или обобщенных знаний, а сочетается с его собственным пониманием.

В романе «Числа» представлена история о банкире Степе, который с детства одержим числами и связывает с ними успехи и неудачи своей жизни и карьеры. Под руководством болгарской колдуньи Степа узнает, что в возрасте 43 лет ему предстоит самый важный момент в жизни — битва между его мужским числом и женским числом его соперника. Степе придется сделать все возможное, чтобы его число стало достаточно сильным для победы в этой битве. Но пока Степа едет в Санкт-Петербург, чтобы

сразиться с соперником, его английская любовница Мюс забирает все его имущество. В конце концов Степа понимает, что смысл жизни не в числах, и твердо намерен оставить позади свою абсурдную «цифровую» жизнь и перейти к новой.

«Числа» здесь обозначают триграммы в «И Цзин», и взгляды на «И Цзин» главного героя отражаются в его паранойе по отношению к числам. В романе Пелевин очень подробно рассказывает об «И Цзин» и его методах гадания, для некоторых русских читателей роман «Числа» даже может служить введением в «И Цзин». Когда Степа сталкивался с трудной проблемой, он часто обращался к прорицателю Простиславу, который хорошо знал «И Цзин» и обучил главного героя гаданию. Следуя за главным героем, читатели знакомятся с основными принципами 64 гексаграмм «И Цзин», а также с двумя методами гадания — гаданием на стеблях тысячелистника и гаданием на монетах. В дальнейшем главный герой Степан трижды обращается к «И Цзин»: в первый раз он обращается к трем конкретным гексаграммам «И Цзин»: 29 «Кань» (☵), 43 «Гуай» (☶) и 34 «Да Чжуан» (☱☱), что является конструктивным; во второй раз он антропоморфизует «И Цзин» как «Господина Чжоу И» в своем сне, что является абсурдным; в последний раз главный герой обращается к «И Цзин» в отчаянии, что является деконструктивным. Последняя гексаграмма «Мэн» (☱) переводится на русский как «Ошибки молодости» и говорит о том, что прошлые ошибки Степана, включая его погоню за деньгами и славой, равнодушие к окружающим, связаны с его чрезмерной зависимостью от цифр. Все это объясняется его чрезмерной зависимостью от чисел, настолько, что он стал их рабом. Деконструкция гексаграммы «Мэн» заключается в том, что ответ на вопрос о жизни никогда не кроется в числах. Лирический финал романа вторит этому: «На улице уже был первый день весны... хотелось жить дальше» [12, 262]. Очевидно, что по мере углубления Пелевина в китайскую мудрость, представленную «И Цзин», писательская деконструкция этого философского метаканона становится все более глубокой.

«Чань-буддистская сказка». В 1990 году основатель международной чаньской школы «Кван Ум» Сунг Сан (1927–2004) был приглашен М. С. Горбачевым для участия в «Съезде духовных лидеров мира» в Москве, где он наставлял первых российских последователей чань, ускорив тем самым популяризацию чаньской мысли в России. Ранний период творчества Пелевина совпал с периодом расцвета чань-буддизма в России, и помимо его тесной связи с чань-буддизмом В. П. Максимовым (1938–2014), многочисленных посещений чаньских монастырей в Китае, Южной Корее, Японии и других местах для медитации, а также многочисленных ссылок на чаньскую литературу, чаньский колорит у Пелевина весьма значителен.

Главные герои в пелевинских «чань-сказках»

в основном представлены парой чань-мастера и его ученика, а диалог между ними строится на остроумных и игривых вопросах и ответах, что весьма напоминает колорит чаньских коанов. В силу модели «мастер-ученик» два главных героя часто не равны по уровню знаний, видения и статусу: один из них передает и направляет, а другой получает и прозревает. Например, Затворник и Шестипалый, Дима и Митя, Хан и Андрей («Желтая стрела», 1993), Чапаев и Петр Пустота. Диалог часто начинается с вопроса об истине от первого и заканчивается действием второго — уходом в пустоту. Эта истина не общее знание или опыт, а нерациональное знание, то есть осознание природы «пустоты». Для дальнейшего объяснения концепции «пустоты», основанной на чаньской мысли, Пелевин в романе «t» цитирует два коана: «Гуджи все [показывает] одним пальцем» и «Будда вроде дыры в отхожем месте».

Роман «t» повествует о таинственном путешествии графа Т в Оптинский монастырь и намекает на предсмертный уход писателя Льва Толстого из Ясной Поляны. В 13-й главе первой части романа граф Т, отправляясь по провинциальной дороге в поисках Оптинского монастыря, случайно встречает деревенскую девушку Аксинью, которая едет в карете, и соблазняется ею. Граф Т уже был готов отрезать себе палец, чтобы показать свою решимость не поддаваться похотливым желаниям. Очевидно, что этот эпизод образует интертекст с повестью Л. Толстого «Отец Сергей», в котором отец Сергей, чувствуя слабость перед соблазном вдовы Маковкиной, берет в руки топор и решительно отрубает себе указательный палец левой руки. Однако интертекстуальная игра этим не ограничивается: отрубание пальца отцом Сергием напоминает Пелевину о знаменитом китайском чаньском коане «Гуджи все одним пальцем»: «Это легенда о древнем китайском мудреце, который в ответ на все вопросы об устройстве мира и природе человека молча поднимал вверх палец» [13, 305]. Ученик мудреца тоже подражает своему мастеру, подавая палец, чтобы прояснить путаницу между добрыми мужчинами и женщинами, и в конце концов его палец отсекается мастером, и ученик прозревает. Пелевинская сказка соответствует чаньской истории «Записи о передаче светильника», в которой монах Гуджи достиг чань одного пальца от монаха Тяньлун, которого ему хватит на всю жизнь. Согласно учению Махаяны, вид одного — форма, а форма и есть пустота. Ученик прозрел, когда ему отрезали палец, прозрение было видом пустоты. Рассказчик Аксинья использует этот коан, чтобы объяснить, как граф Т после отлучения от церкви ищет утешения в восточных религиях и «некритически воспринимает багаж чужой культурно-религиозной традиции» [13, 305].

В 23-й главе второй части романа «Т» на одной петербургской квартире проходит тайное собрание «группы В. С. Соловьева», поклонников философа,

на котором присутствуют и граф Т, и «монгольский живой Будда» Джамбон. Между ними происходит интересный диалог о «природе Будды», в котором Джамбон говорит: «В китайском буддизме была секта Чань <...> Особенно отличался один из них по имени Линь-Цзы, который в ответ на вопрос, что такое Будда, говорил, что это дыра в отхожем месте» [13, 328]. Секта Линь-Цзи была известна своими злоупотреблениями и суровостью, а монах Линь-Цзи (787–866) просил учеников и последователей быть ясными в своих истинных постижениях, уча их, что Будда находится в их собственных умах и что самопросветление — ключ к просветлению. Здесь, очевидно, «дыра в отхожем месте» является метафорой «пустоты». У такой дыры нет краев, границ или форм, как и у безграничной «пустоты», через которую проходит вся грязь, которая тем не менее не может ее загрязнить.

«Сказка о Путешествии на Запад». Роман «Путешествие на Запад», написанный в эпоху династии Мин, один из четырех классических романов на китайском языке, имеет большое значение для Пелевина, который заявлял, что это его «любимый китайский роман» [14, 2]. В воссоздании сказок из «Путешествия на Запад» Пелевин уделяет основное внимание сюжетам о «путешествии в поисках сутр», «чистых листах бумаги» и «просветлении Царя Обезьян». Впервые о «Путешествии на Запад» Пелевин упоминает в рассказе «Запись о поиске ветра». В отрывке речь идет о диалоге между главным героем-нарратором «Я» и мудрецом Цзян Цзы Я. Так называемое «неожиданное направление» связано с тем, что «Я» был вдохновлен сказкой о «путешествии в поисках сутр» и надеялся создать свою похожую сказку — «Путешествие в поисках Пути (Дао)». По мнению Пелевина, путешествия Царя Обезьян и Танского монаха являются странствием в пространстве, тогда как путешествие в поиске Пути будет интеллектуальным и осознанным, и сходство между ними естественным образом приводит главного героя к такому «неожиданному направлению».

Поначалу нарратор «Я» считал эту задачу несложной, но потом он увидел, что к ней нет способа даже подступиться. В конце романа (98-й эпизод) «Путешествие на Запад» путешественники получают листы чистой бумаги вместо священных текстов. Пелевин сосредоточился на толковании, гласящем, что «чистые листы бумаги и есть настоящие священные тексты», которое Будда дал путешественникам. Подлинная святость далеко не корзины сутр и поучений, когда на бумаге не было вообще ничего, это уже единственное сокровище — великий Путь.

Отталкиваясь от сюжетной линии этого романа, Пелевин сравнивает процесс вестернизации в постсоветской России с «Путешествием на Запад» в контексте современных российских социальных реалий. Свой роман «Generation “П”» он назвал русской вер-

сией «Путешествия на Запад» [14, 2]. Однако между китайским волшебным романом, авторство которого иногда приписывается У Чэньэню, писателю эпохи династии Мин, и современным постмодернистским и критически-реалистическим романом Пелевина, который сам писатель подверг диалектическому анализу, есть огромная разница: во-первых, это разница в направленности отчуждения главного героя. В китайском «Путешествии на Запад» Сунь Укун, царь обезьян, начинает свое путешествие, и к концу путешествия в нем появляется все больше и больше того, что можно назвать человеческими чертами. В романе Пелевина же «новые русские» вынуждены прилагать усилия, чтобы приобрести многие обезьяньи черты, следуя социальным тенденциям, то есть мы видим контраст между образами преобразования «обезьяны в человека» в «Путешествии на Запад» и «человека в обезьяну» в «Generation “П”» Пелевина. Во-вторых, цели их путешествия разные. Если в китайском «Путешествии на Запад» поиск истинных священных писаний — духовная цель, то в русской пелевинской сказке о «Путешествии на Запад» — чисто материалистическая. Наконец, есть разница и в пространстве путешествия. В предисловии к роману «К китайским читателям» Пелевин пишет, что в китайской версии странствующие монахи перемещаются в пространстве, проезжая через множество стран. Одна из главных особенностей русской версии путешествия — виртуальность. Путешествие происходит только в мозгу телезрителей.

«Китайская сказка» Пелевина в основном основана на существующих сюжетах китайской классической литературы. В результате художественной обработки они образуют вновь созданные сказки, которые тесно связаны с традиционной китайской культурой. Концепция «пустоты», на которой фокусируется писатель, также является результатом глубокого резонанса с китайской философской и религиозной мыслью. С самого начала своей писательской деятельности и до последнего романа «Путешествие в Элевсин» (2023) Пелевин не перестает исследовать китайскую культуру, создавая тем самым бесконечную и захватывающую картину «китайских сказок». «Китайская сказка» Пелевина соответствует его собственному определению понятия «сказки»: прежде всего, нарративность сказки определяет, что сказка есть везде, и каждая встреча с китайской классической литературой, историей, пейзажем становится источником материала для создания «китайской сказки»; во-вторых, метафизическая и философская природа сказки определяет, что сказка выходит за рамки конкретных текстовых категорий и воплощается в виде «сущности» или «мудреца», противостоящего реальности, и что сказка — это духовное путешествие к просветлению для автора, рассказчика, главного героя и читателей; в-третьих, вымышленность сказки — лучший способ подчеркнуть творческую

интенцию Пелевина, поскольку он произвольно соединяет исторические события, время и пространство с Китаем, пишет иронично, но глубоко размышляя над историей России. Таким образом, связь между творчеством Пелевина и традиционной китайской культурой заключается не в миграциях мотивов или тем. «Китайская сказка» — это воспроизведение творческого метода и творческой интенции Пелевина.

По своей сути «китайская сказка» Пелевина — это повествовательный режим, соответствующий жанру творчества, культурная метафора, содержащая особый смысл, обладающая собственным новаторским механизмом и возможностями для развития, виртуальная аллегория, основанная на традиционной китайской культуре, концепция которой впервые появилась в рассказах Пелевина в начале 1990-х годов. Создание «китайской сказки» — это индивидуальная практика интеграции китайской традиционной культуры в романы Пелевина, а сама «китайская сказка» имеет четкие концептуальные рамки, текстовый источник, составные элементы, повествовательную стратегию и даже идеологическую тенденцию. Как типичное явление и целостная система романного творчества Пелевина, «китайская сказка» свидетельствует о «восточном повороте» писателя, о понимании и принятии им китайской духовной культуры в конкретный период времени, о «китайской сказке» в двойном контексте — постмодернистском и постсоветском.

«Китайская сказка» Пелевина относится к жанру литературной и авторской сказки, что специфически проявляется в органичном сочетании и художественной подаче сюжетных единиц. «Китайские сказки» Пелевина были написаны в силу целого ряда конкретных исторических и социокультурных причин, и как результат личных жизненных впечатлений, среди которых трансформация российского общества и постмодернистская глобализация конца 1980 — начала 1990-х годов. Повлияли на автора также расцвет китаеведения в СССР в 1950–1980-е годы, популярность китайской классической литературы в России, а также активное изучение самим В. Пелевиным Китая и традиционной китайской культуры. Соединяя жизненный и творческий опыт писателя,

мы приходим к выводу, что его «китайская сказка» — неизбежный результат «самоориентализации» Пелевина в области знания, а также его писательского эксперимента в духе восточного постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжэн Сяотин. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм / Сяотин Чжэн // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 1 (45). — С. 58–69.
2. Генис А. А. Иван Петрович умер. Статьи и исследование / А. А. Генис. — М.: Новое литературное обозрение. — 1999. — 336 с.
3. Генис А. А. Беседа десятая: поле чудес. Виктор Пелевин / А. А. Генис // Звезда. — 1997. — № 12. — С. 230–233.
4. Богданова О. В. Литературные стратегии Виктора Пелевина / О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова. — СПб.: Петрополис, 2008. — С. 130–136.
5. Elana Gomel. Viktor Pelevin and Literary Postmodernism in Post-Soviet Russia / Gomel Elana // Narrative. — 2013. — № 3. — С. 309–321.
6. Полотовский С., Козак Р. Пелевин и поколение пустоты / С. Полотовский, Р. Козак. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 672 с.
7. Lipovetsky Mark. Charms of Cynical Reason: Trickster in Soviet and Post-Soviet Culture / Mark Lipovetsky. — Boston: Academic Studies Press, 2011. — 296 с.
8. Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа). Рассказов Ю. С. (сост. и отв. ред.) / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2000. — 416 с.
9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2004. — 384 с.
10. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2018. — 416 с.
11. Титаренко М. Л. Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Том 1. Философия / М. Л. Титаренко. — М.: Восточная литература РАН, 2006. — 727 с.
12. Пелевин В. О. ДПП (нн) / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2005. — 384 с.
13. Пелевин В. О. т. / В. О. Пелевин. — М.: Азбука, 2018. — 480 с.
14. Пэй Левэнь. «Бай ши» и дай / Лю Вэньфэй. (пер.). — Издательство Октябрь, 2018. — 379 с. (на кит. языке).

Пекинский университет иностранных языков

Чжэн Сяотин, доктор филологических наук, старший преподаватель Пекинского университета иностранных языков (Китай).

E-mail: xiao.ting@bfsu.edu.cn

Beijing Foreign Studies University

Zheng Xiaoting, Doctor of Philology, Lecturer at Beijing Foreign Studies University (China).

E-mail: xiao.ting@bfsu.edu.cn

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНОМАСТИКОНА ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»

Т. Ю. Яровая

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2025 г.

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению антропонимов в повести И. А. Бунина «Митина любовь» как единого антропонимического пространства в художественном тексте писателя с позиций литературной ономастики. Лингвостилистический анализ затрагивает не только имена персонажей, но и антропонимы исторических лиц, мифологических и литературных героев других авторов, которые вместе с именами персонажей характеризуют И. А. Бунина как яркую языковую личность.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, литературная ономастика, И. А. Бунин, повесть «Митина любовь», лингвистический анализ текста, лингвостилистический анализ.

Abstract: this article is devoted to the consideration of anthroponyms in I. A. Bunin's novella "Mitya's Love" as a single anthroponymic space in the writer's literary text from the standpoint of literary onomastics. The linguistic and stylistic analysis affects not only the names of the characters, but also the anthroponyms of historical figures, mythological and literary heroes of other authors, who, together with the names of the characters, characterize I. A. Bunin as a vivid linguistic personality.

Keywords: onomastics, anthroponymy, literary onomastics, I. A. Bunin, the novel "Mitya's Love", linguistic analysis of the text, linguistic stylistic analysis.

В настоящее время именник произведений И. А. Бунина изучен довольно подробно. Однако нами не найдено достаточной информации о том, что ономастические единицы рассмотрены в повести именно как цельный ономастикон. Не обнаружено в критике статистических данных и подробного лингвистического анализа имен собственных с точки зрения включенной в них страноведческой информации, в том числе в сравнении с реальным именником России конца XIX — начала XX века, важного временного отрезка, к которому обращена память писателя при создании повести. На наш взгляд, необходимо определить также принципы, лежащие в основе отбора и использования И. А. Буниным имен для характеристики персонажей — мотивы, обусловленные основным художественным методом писателя — реализмом. В данной статье мы попытались приблизиться к разрешению данных проблем.

Объектом нашего исследования в широком смысле является ономастика — «Раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [8, 97]. В данной статье мы остановимся на предмете исследования — лингвостилистическом анализе ономастических единиц (антропонимов) в литературном тексте. Антропоним — «вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т.ч., личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним,

криптотим, кличка» [8, 30–31]. Лингвостилистический анализ — понятие широкое и неоднозначное. Он осуществляется на языковом, прагматическом, когнитивном, текстовом и интерпретационном уровнях понимания текста. Для нас важной задачей является определение концептуальной и функциональной значимости антропонимов, подтверждающих главную идею (концепцию) автора литературного текста.

Ономастические исследования последних лет показывают, что интерес к изучению имени собственного в различных аспектах по-прежнему очень высок. Большое внимание ученых привлекает наука, стоящая на пересечении ономастики и литературоведения (в частности, стилистики и поэтики). Речь идет о литературной (поэтической) ономастике, которая «...исследует отражение элементов реальной и вымышленной ономастики (совокупность которых составляет ономастикон художественного текста) — на основе их индивидуального преломления и применения в творчестве каждого писателя и отдельного текста» [6, 34–40].

Любое литературное произведение представляет особую систему функционирования имен собственных, совокупность которой составляют элементы реальной и вымышленной ономастики, где все имена становятся в той или иной степени «значащими» и обогащаются новыми функциями. Многие ученые подчеркивают, что собственные имена — это, прежде всего, слова, поэтому в ономастике, как разделе

лингвистики, преобладает изучение ономастического материала лингвистическими методами [8, 13]. Так, например, в нашей работе мы используем элементы системного подхода и разнообразные методы (описательный, прагматический, сопоставительный, метод простейшего количественного анализа), предполагающие работу лингвистического толка по сбору и систематизации ономастического материала, его классификации и дальнейшего изучения языковых особенностей антропонимов (фонетических, морфологических, диалектных и т.д.).

На начальном этапе работы нас будут интересовать следующие функции антропонимов: номинативная (первичная функция номинации), социальная, различительная, о которой И. В. Бестужев-Лада пишет, что эта функция «единственно необходимая и рациональная. Без нее антропонимы вообще теряют смысл» [3, 24]. После отбора ономастического материала необходима его статистическая обработка, которая помогает выделить количественные характеристики различных групп антропонимов в тексте. Данные характеристики, как правило, указывают на «главные и второстепенные» имена. Приведем некоторые статистические данные.

Текст повести И. А. Бунина «Митина любовь» занимает 57 страниц. В данном текстовом пространстве фигурирует 32 имени. Это общее количество всех антропонимов повести. Из них 15 антропонимов (47%) принадлежат 16 персонажам (два персонажа наделены одним именем в разных формах), 9 имен (28%) — реальным историческим лицам, 2 (6%) — религиозным деятелям, 6 (19%) — литературным героям других авторов. Общее количество упоминаний имен — 457 раз, из них имена персонажей встречаются в повести 435 раз.

Более подробно остановимся на ономастике персонажей повести. Первая часть русского триединого имени представлена христианскими именами различного происхождения (13 ед.):

а) греческими — 9 ед., 69% (*Митя* от Дмитрий, «относящийся к Деметре — богине земледелия и плодородия»; *Катя* от Екатерина; «чистая», *Алёнка* от Елена, «свет» и т.д.).

б) латинскими — 1 ед., 8% (*Костя* от Константин, «постоянный»);

в) древнееврейскими — 2 ед., 15% (*Анна* «божья милость», «благодать»; *Маруся* от Мария < Мариа, «любимая», «желанная»);

г) скандинавскими — 1 ед., 8% (*Ольга* < Хейльга, «священная»).

В повести «Митина любовь» использованы следующие виды этикетных форм и формул имен:

1) имя собственное — 13 ед. (первый компонент триединого имени): *Федосья* (от Феодосия, греч. «Богом данная»), *Сонька* (от греч. София «мудрость»), *Трифон* (от греч. «жить в роскоши»);

2) имя в сокращенной форме: *Митя*, *Катя*, *Костя*, *Параша* (от Прасковья, греч. «канун праздника», «пятница»);

3) имя в народной / диалектной форме:

а) *Митрий* (разг. от Дмитрий с просторечным звуковым оформлением); *Федосья* (разг. от церк. Феодосия, книж. Феодосия).

б) народное имя в уменьшительно-ласкательной форме: *Алёнка* (от Алёна < от имени Елена), *Анютка* (от Анюта < Анна);

4) имя в уничижительной форме: *Настька* (от Анастасия, греч. «воскресшая»), *Маруся* (от Мария), *Сонька* (от София), *Глашка* (от Глафира, греч. «утонченная, воспитанная, тонкая»);

5) имя в усеченной форме в звательном значении: *Анютк* (контекст: «...Анютк, поди сюда, дело есть!...» [4, 221];

6) имя+отчество: *Ольга Петровна*; *Митрий Палыч* (разговорная форма);

7) фамилия: *Протасов* (от разговорной формы имени Протасий), *Мещерские* (от Мещер(а) — первоначально-название тюркизированного финского племени и края, заселенного этим народом» [11, 105] / «Мещера — древнее племя, жившее в 1 тыс. по среднему течению Оки; *мещерин* — человек из этого племени. В конце XV века земли мещеры... были подарены выходцам из Казанского царства, перешедшим на службу к царю, которых тоже стали называть мещерой или касимовскими татарами. Мещерой называли и русских, живших в Мещере» [12,133].

В рамках лингвистического анализа сгруппируем имена, не принадлежащие персонажам повести И. А. Бунина «Митина любовь» (18 ед. или 53% от общего ономастикона), выделив 3 основные группы:

1) реальные исторические лица — 10 ед. (28%): *Пушкин* (поэт), *Грибоедов* (писатель, драматург), *Писемский* (писатель), *герр Ницше* (философ), *Буковецкий* (художник), *Егоров* (скульптор), *Скрябин* (композитор), *Собинов*, *Шаляпин* (оперные певцы), *Циммерман* (владелец музыкального магазина);

2) религиозные деятели — 2 ед. (6%): *Христос* («богочеловек», «мессия», «Спаситель» и др. определения [7, 234–235]), *Никола угодник* (святой, он же Николай Чудотворец [15]);

3) имена литературных героев других авторов — 6 ед. (19%): *Отелло* (Шекспир «Трагедия Отелло, Венецианский мавр, ок.1603 г.), *Вертер* (Гёте «Страдания юного Вертера», 1774 г.), *Шмидт* (Козьма Прутков «Юнкер Шмидт», 1854), *Азр*, *Магомет* (Гейне «Азра», 1851 г.), *Фауст* (Гете «Фауст. Трагедия», 1774–1831).

Определив общий состав именника, представим некоторые элементы анализа функционирования имен в рамках художественного текста.

Как известно, языковые единицы ономастикона неслучайны в литературном тексте и представляют собой часть картины мира писателя, его языковой личности. Каждое имя в художественном тексте не-

сет свою определенную смысловую нагрузку. Особенно ярко характеристическая функция имени проявляется тогда, когда автор выносит имя собственное в заглавие [2]. В этом случае оно «...способствует раскрытию ведущей темы произведения, реализации авторской идеи-концепта и общей проспекции текста» [11, 28]. Подтверждение данной мысли мы можем видеть на примере названия повести И. А. Бунина «Митина любовь». В данном микротексте раскрывается главная тема всего произведения, да и большей части творческого наследия писателя — концепция любви. О ней написано немало статей [9, 70–75 и др.]. Рядом со словом *любовь* находится ономастическое слово, представленное притяжательным прилагательным «*митина*», которое выводит читателя на уровень системы персонажей.

Антропоним главного героя (*Митя*) является ключевым. Однако, как справедливо замечает Ю. А. Карпенко: «Всякое имя собственное как имя композиционно-значимого персонажа всегда соотносено с содержанием целого художественного текста, где оно является ключевым, а также — с тематически однородными или контрастными рядами параллельных имен других персонажей» [6, 35]. Главными в ономастической системе повести являются имена двух влюбленных молодых людей дворянского происхождения (*Митя* и *Катя*). Они употреблены в повести 182 и 129 раз соответственно. К ним примыкают имена их круга: сестра Мити — *Аня* (9), брат Мити — *Костя* (8), мать Мити — *Ольга Петровна* (9), приятель Мити — *Протасов* (3), соседи дворяне — *Мещерские* (1).

Крестьянская среда представлена персонажами разного возраста и пола: староста *Трифон* (упоминается 11 раз), свекровь одной из девушек *Федосья* (6), дочь крестьянина-лесника *Алёнка* (29), крестьянка Сонька «тайная соучастница любовной жизни» Мити, «некая замена Кати» (21), крестьянская девушка *Анютка* (12), молодые крестьянки: *Настька* (1), *Маруся* (1). Статистика показывает, что антропоним *Алёнка* выходит на первый план по количеству упоминаний в линейке имен персонажей-крестьян. Действительно, в сюжетной коллизии повести данный персонаж играет важную роль. Однако ни *Алёнка*, ни Сонька не могут сравниться с возлюбленной героя дворянкой Катей, имя которой упоминается в тексте повести в 4 раза чаще имени крестьянки *Алёнки*. Ср.: 129/ 29. Именно к ней, к Кате, приковано внимание главного героя, его рассуждения и переживания, в их отношениях зарождается конфликт, приведший к трагедии главного героя. Мы не ставим целью в данной статье разбирать психологию данного конфликта, для нас важно увидеть в единицах языка — антропонимах, подтверждение этого конфликта. Возможно ли представить развитие серьезной, трагической темы любви для героев, носящих контрастные имена?

В художественном произведении, как подчеркивают критики, автор кропотливо работает над выбором имен для своих персонажей [5]. Сочетание антропонимов *Митя-Алёнка* в разных формах (краткой и демиинутивной) сигнализирует об изначальном социальном «неравенстве» персонажей. Имена *Дмитрий* и *Елена* относились к высокоупотребляемым (частотным) онимами в XIX веке, однако редко употреблялись в среде крестьян. В дворянской среде данные онимы входили в десятку самых частотных [17]. Имя *Алёнка* (нар. форма от греч. Елена) ассоциативно воспринимается как народное, крестьянское, сказочное, детское. Известно, что И. А. Бунин тщательно выбирал имена для своих персонажей. Известно, что в его арсенале антропонимических средств был целый ряд имен для наименования персонажа — дочери лесника, в том числе и антропоним *Еленка* [4, 520]. В результате писатель оставил свой выбор на имени *Алёнка*.

В целом имена персонажей, функционирующие в повести, представляют собой отражение реального именника эпохи конца XIX века. Географическое пространство, в котором происходит действие данного произведения, включает в себя центральную часть России (Москва и окрестности). Главные персонажи — русские люди, христиане, представители различных классов (дворянства и крестьянства) и возрастов (от 15 лет и старше). Следуя правде жизни, И. А. Бунин наделяет своих героев русскими именами христианского происхождения, которые реально существовали в конце XIX века, некоторые были популярны (*Дмитрий*, *Анна*, *Екатерина* и др.) [1, 161–173]. На наш взгляд, при именовании своих героев автор не ставит цель связать перевод имени с чертами характера своих персонажей. Заметим, что данная тенденция не характерна для творчества И. А. Бунина-реалиста, однако примеры и такого подхода не исключены и замечены в ряде других произведений писателя [14, 116–121]. Имя в бунинском тексте поддерживает следующие функции: имяразличения (индивидуализации персонажей), лингвострановедческого маркера, указывая на социальный статус, возраст, происхождение, географию проживания персонажей и т.д. Одинаковые формы имен группируют персонажей в цепочки (*Митя-Катя*; *Сонька-Глашка-Маруся-Настька*), этикетные формулы указывают на культурный статус (*Ольга Петровна*, *Митрий Палыч*). Все имена персонажей образуют одно ономастическое поле, в центре которого расположены главные герои и их имена, как правило, с высокой частотностью употребления в тексте, к периферии отходят менее активные онимы в плане развития сюжетной линии.

Помимо антропонимов персонажей в повести И. А. Бунина «Митина любовь» фигурируют имена, не относящиеся к персонажам. Рассмотрим данную группу имен, а также те ситуации, в которых данные

антропонимы появляются в тексте, определим их основные функции и приведем примеры:

1) Ситуации, когда автор описывает обстановку, в которой действуют герои, их настроение и реакции. Писатель не раз использует прием метанимии («сжатия текста»): «Вдали с благостной задумчивостью высился *Пушкин...*» [4, 181], «Возле *Пушкина* она неожиданно сказала...» [4, 181]. «Однажды зимой он был с ней в Большом театре на «*Фаусте*» с Собиновым и Шаляпиным» [4, 212]. В данных примерах выделенные курсивом антропонимы выполняют эстетическую функцию.

2) Ситуация сравнения: «Вертер из Тамбова» [4, 190]. Гимназист Протасов не без иронии называет так Митю, намекая на героя известного произведения Гёте «Страдания юного Вертера»; «И из вас выйдет совершенный Отелло» [4, 185]. Слова Кати обращены к Мите, для которого любовь стала постоянной ревностью (отсылка к одноименной трагедии Шекспира); «Юнкер Шмидт, честное слово, лето возвратиться!» [4, 191]. Иронически-пародийное восьмистишие Козьмы Пруткова, которое используется персонажем Протасовым, другом Мити, как шутивно-иронический комментарий по поводу мрачного настроения Мити. В данных случаях характеризующая и эстетическая функции связаны с явлением аллюзии, прецедентности, знаковости имен.

3) Ситуации, в которых через цитаты из различных произведений подтверждаются мысли, позиции, взгляды и настроение персонажей: «Тело твое есть высший разум, как справедливо заметил *герр Ницше*» [4, 190]. (Протасов рассуждает с Митей о физиологии любви); «Я из рода бедных Азров, полюбив, мы умираем!»: романс А. Рубинштейна «Азра» на слова Гейне (Мите близок мотив неизбежности смерти от любовных страданий); «Эх, милый, — с несмелой улыбкой сказала она словами Грибоедова, — живите-ка смеясь!» (Мать Кати произносит данные слова Мите на прощание). Прецедентные имена, как правило, несут эстетическую функцию.

4) Молитвы: «И да хранит тебя *Никола-угодник* со всеми присными его!» [4, 191] (Протасов — Мите); «Ну, *Христос* с вами...» (Мать Кати — Мите). В молитвах поддерживаются эстетическая и идеологическая функции имен.

В повести «Митина любовь» некоторые исторические личности вписаны в контекст произведения как современники персонажей. Это, например, художник *Буковецкий*, скульптор *Егоров*, с которыми общается Катя. Знакомство с данными личностями характеризует героиню двояко: с одной стороны, сама Катя считает себя большой почитательницей искусства, с другой стороны, по мнению Мити, она просто жертва артистической богемы, «всех этих будущих знаменитостей из студий и консерваторий, из театральных школ...» [4, 182]. Катя серьезно занимается музыкой, она — консерваторка. Имена

музыкальной сферы также связаны с интересами главных персонажей. Приведем примеры таких имен: «...Катя купила у *Циммермана* несколько вещей *Скрябина...*» [4, 183]. *Скрябин* — фамилия русского композитора и пианиста Александра Николаевича Скрябина (1871–1915), яркого представителя романтизма в музыке. Данный антропоним выполняет характеризующую функцию для персонажа Кати: возможно, ей близка романтическая музыка, в ней живут те романтические чувства, которые так влекут к ней Митю. Имя владельца музыкального магазина — Юлия (Юлиуса) Генриховича Циммермана было хорошо известно любителям музыки не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге: «Производство роялей было развернуто на его фабрике в Санкт-Петербурге, существовавшей с 1883 года. В Москве магазин музыкальных инструментов... располагался на четырех этажах здания на Кузнецком мосту — престижном торговом месте в центре Москвы» [16].

Еще два реальных исторических лица встречаются на страницах повести И. А. Бунина, иллюстрируя мир музыки, близкий главным героям. Это знаменитые оперные певцы *Собинов* и *Шаляпин*. [4, 212]. Функции всех перечисленных имен: характеристическая, эстетическая, культуроведческая (лингвострановедческая).

Отметим еще один важный момент в изучении ономастикона любого литературного произведения. Речь идет о прототипах. В основу сюжета повести И. А. Бунина лег роман юного племянника — Николая Алексеевича Пушешникова, внешность взята с брата Пети. Имя Митя дано герою по имени сына родового помещика, гостившего у Буниных в Грассе: «очень молодой, тихий и застенчивый» [4, 520]. Имена в повести не раз подвергались авторской правке. Так, Митя в одном из вариантов назван *Петей*. Героине Алёнке предшествовало 3 наименования: *Донька*, *Зинка*, *Еленка*.

В ходе сравнительного анализа различных редакций нами замечены так называемые повторяемые автором имена: *Протасов*, *Мещерские*. Данные антропонимы уже были применены в дореволюционном творчестве И. А. Бунина (Оля Мещерская в «Легком дыхании» и крестьянин Протасов в рассказе «Будни»). Данный подход автора при выборе имен для персонажей требует дополнительного изучения.

Таким образом, проанализировав полный состав антропонимов в повести И. А. Бунина «Митина любовь», мы можем сделать следующие выводы:

1) Повесть И. А. Бунина «Митина любовь» относится к послереволюционному периоду творчества писателя. Она вышла в свет в сентябре 1924 года (по некоторым данным в 1925 г). Всего 4 года отделяло писателя от того момента, когда ему пришлось принять тяжелое вынужденное решение покинуть

родину. В его памяти еще так ярки окаянные дни, но не только они. В повести правдиво отразились картины ушедшей в память писателя реальности, от которой он не мог, не хотел оторваться всю оставшуюся жизнь. Россия стала местом притяжения мыслей и чувств писателя при создании данного произведения.

2) Анализ имени повести показал, что И. А. Бунин использовал реалистический подход при наименовании своих персонажей. Данный метод характерен для многих предшественников писателя, в первую очередь А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др., использовавших личные собственные имена для характеристики персонажей в соответствии с правдой жизни, идейно-художественным содержанием и тематикой своих произведений.

3) При именовании персонажей автором учитывается, прежде всего, заложенная в семантике каждого имени лингвострановедческая информация. А так как действие повести происходит в России конца XIX в., то и персонажи (русские люди разных классов/сословий) наделены русскими (христианскими/церковными) именами.

4) И. А. Бунин учитывает этикет, принятый в обществе своего времени, в том числе и в употреблении имен собственных. Каждое именование соответствует социальному статусу персонажа (дворяне/крестьяне), его возрасту, а также той ситуации, в которой оно действует. При именовании, а также обращении персонажей друг к другу используются характерные для исследуемого периода этикетные речевые формы имен в составе принятых формул.

5) В изучаемой нами повести половину антропонимического пространства составляют имена, не принадлежащие персонажам: антропонимы реальных исторических лиц, а также персонажей литературных произведений других авторов. Функции данных онимов в тексте разнообразны: от различных характеристик персонажей до создания элементов лингвистического ландшафта Москвы. Их упоминание является одним из способов передачи отношения автора к героям, а также способствует раскрытию глубины мыслей, чувств, настроения действующих персонажей.

6) Сравнительный анализ имен ранних редакций повести с ее окончательным вариантом показал, что И. А. Бунин подходил к отбору имен для своих персонажей с большим вниманием и тщательностью, о чем свидетельствуют неоднократные случаи их замены от редакции к редакции. Вынесение имени главного персонажа в название повести говорит об особой ключевой роли имени, которую ему отводил писатель.

Несомненно, в каждом положительном герое И. А. Бунин показывает частицу самого себя. Анализ имени произведения И. А. Бунина может рассматриваться как фрагмент его языковой личности.

Подробное изучение каждого произведения в различных языковых и литературоведческих аспектах, в том числе ономастическом, призвано приблизить исследователей к более точному и глубокому пониманию замысла писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Н. М. Как жили крестьяне Воронежской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции / Н. М. Беляев. — Воронеж: Воронеж. обл. книгоизд-во, 1949 (тип. изд-ва «Коммуна»). — 55 с.
2. Бердникова О. А. К вопросу о поэтике заглавий в стихотворном наследии И. А. Бунина / О. А. Бердникова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22. — № 4 (202). — С. 238–255.
3. Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов / И. В. Бестужев-Лада // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. — М.: Наука, 1970. — С. 24–32.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / И. А. Бунин; Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского; предисловие А. Т. Твардовского. Москва, Художественная литература, 1965–1967. Т. 5. — 543 с.
5. Ивашко В. А. Как выбирают имена / В. А. Ивашко; Под ред. А. Е. Супруна. — 2-е изд., доп. — Минск: Вышэйш. шк., 1988. — 237 с.
6. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. 1986. — № 4. — С. 34–40.
7. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетенский. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — 736 с.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1978. — 198 с.
9. Попова Ю. С. Трагедия Митиной любви в одноименной повести И. А. Бунина / Ю. С. Попов // Орловский текст российской словесности: творческое наследие И. А. Бунина. — Орел: ООО Горизонт, 2010. — Вып. 2–278 с.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Изд. 2-е, испр. — М.: URSS, 2007. — 366 с.
11. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. / Б.-О. Унбегаун. — М.: Издательская группа Прогресс, 1989. — 440 с.
12. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Юрий Федосюк. — 7-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 237 с.
13. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учеб. пособие / О. И. Фоякова. — Ленинград: ЛГУ, 1990. — 103 с.
14. Яровая Т. Ю. Характеристическая роль антропонимов в реалистическом творчестве И. А. Бунина / Т. Ю. Яровая // Бунинские чтения в Орле: Коллективная монография. — Орел: Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2014. — 180 с.
15. [https://pravoslavie.wiki/Николай Угодник.9.02.2025](https://pravoslavie.wiki/Николай_Угодник.9.02.2025).
16. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Циммерман_\(ком](https://ru.wikipedia.org/wiki/Циммерман_(ком)

пания).29.11.2024

17. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаблон:Распростра->

ненность наиболее употребительных русских имен с XVII по XX век.— 9.02.2025.

Воронежский государственный университет

*Яровая Т. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры издательского дела*

E-mail: Yarovaya_tatiana@mail.ru

Voronezh State University

*Yarovaya T. Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Publishing*

E-mail: Yarovaya_tatiana@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ Е-SOM И ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ РИТЕЙЛ-МЕДИ

О. Н. Аксенова

Воронежский государственный университет

Е. В. Швец

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 24 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема влияния электронной коммерции на розничную торговлю, особо подчеркивается рост маркетплейсов, ставших основным элементом данной сферы. Выделяются такие факторы, как изменение потребительских предпочтений, рекламные инвестиции, использование новых технологий. Определяются тренды развития ритейл-медиа как нового рекламного канала, к которым следует отнести персонализацию контента и использование виртуальной реальности.

Ключевые слова: электронная коммерция, ритейл-медиа, маркетплейсы, рекламные технологии, персонализация, виртуальная реальность.

Abstract: the article examines the impact of e-commerce on retail, particularly emphasizing the growth of marketplaces, which have become the main element of this sphere. Factors such as changing consumer preferences, advertising investments, and the use of new technologies are highlighted. Trends in the development of retail media as a new advertising channel are determined, which include content personalization and the use of virtual reality.

Keywords: e-commerce, retail media, marketplaces, advertising technologies, personalization, virtual reality.

Влияние электронной коммерции на рынок.

Электронная коммерция вызвала глобальные изменения в мире торговли, в том числе розничной. При этом и поведение потребителей претерпело фундаментальную трансформацию. Перемены, вызванные электронной коммерцией, это не временное явление, а фундаментальный сдвиг в том, как совершаются покупки и ведется бизнес. Основной вклад в рост E-som вносят маркетплейсы.

Объем продаж в E-som последние три года продолжает уверенно расти. И если в 2021 г. он составлял 3911 млрд. рублей, то в 2022 г. рост составил 27% (4986 млрд. рублей), и 28% (6359 млрд. рублей) в 2023 г. Благодаря возможности связываться с клиентами по всему миру, компании могут выйти на ранее неиспользованные рынки, что дает им глобальное присутствие и неисчислимый потенциал роста. «По прогнозам, к 2026 году рынок электронной коммерции достигнет 8,1 трлн. долларов, подтверждая, что электронная коммерция — это не просто тенденция, а прибыльная долгосрочная стратегия» [1].

Статистика и динамика роста. На долю E-som приходится 19% всех продаж в Ритейле. В 2023 г. 4% от всего медиапотребления пользователи прово-

дили в E-som (этот показатель за год вырос на 1%). Из них 65% времени приходится на крупнейшие маркетплейсы (Озон, Wildberries, Яндекс.Маркет, Мегамаркет и т.д.).

Очевидно, что наиболее распространенной формой E-som в нашей стране являются маркетплейсы — это «электронные площадки для продажи товаров в интернете, которые отличаются от обычного интернет-магазина наличием множества продавцов и встроенным рекламным инструментарием» [2].

Рост онлайн-торговли наблюдается во всех регионах, в том числе и в небольших. Снижение доли столичных регионов не подразумевает уменьшение общего количества заказов. Ясно, что в регионах этот рост происходит более динамично. Можно выделить пять территорий с наибольшим абсолютным увеличением рыночной доли с 2021 г.: Краснодарский край (4,4%), Ростовская область (2,9%), Татарстан (2,6%), Новгородская область (2,4%) и Челябинская область (2,2%). Данная тенденция подтверждается данными ведущих маркетплейсов. Например, на «Озон» 60% оборота формируется за пределами Московского региона, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 2023 г. на этом маркетплейсе было продано 1,7 млн. товаров от местных брендов, а оборот региональных продавцов вырос в 2,6 раза. Wildberries планирует

строительство в регионах еще 3 млн. м² распределительных центров. В настоящее время их 2,9 млн. м² по всей России. На данном маркетплейсе отмечается увеличение в 2,3 раза заказов в населенных пунктах с населением до 10000 человек.

Динамика роста сегментов электронной коммерции в 2023 г. к уровню 2022 г. составила:

Маркетплейсы — 106%,
eGrossery — 52%,
Аптеки — 10%.

Лидерами маркетплейсов являются «Озон», Wildberries, «Яндекс.Маркет», среди eGrossery — «Сбермаркет», «Вкусвилл», «Самокат», «Яндекс.Лавка»; топ-3 интернет-аптек — arтека.ru, «Здравсити.ру», «Ютека».

Маркетплейсы становятся одним из ключевых каналов взаимодействия с аудиторией. В 2023 г. в 4 раза выросли рекламные инвестиции E-com.

Топ лидирующих категорий по SOV¹ на маркетплейсах:

Красота и здоровье — 12%
Одежда — 12%
Дом и сад — 11%
Обувь — 10%
Бытовая химия и гигиена — 10%
Акции — 8%
Детские товары — 7%
Продукты питания — 6%
Бытовая техника — 4%
Электроника — 2%.

Медианная дневная выручка с одной карточки у брендов, использующих рекламу больше в 2,2 раза. А в категории «Красота и здоровье» 39% всей выручки делают 157 брендов, использующих рекламу.

Факторы влияния на развитие электронной коммерции. На развитие отрасли электронной коммерции влияет ряд факторов, которые в свою очередь приводят к изменениям функционирования маркетплейсов. По мнению Г. С. Дудакова [3] наиболее значимыми являются следующие:

— *Развитие электронных сервисов.* К изменениям, вызванным данным фактором, можно отнести появление новых методов оплаты товаров, инновационные способы их визуализации и улучшение системы отзывов. Это приводит к увеличению требований к качеству действующих электронных платформ и усиливает конкуренцию в данной сфере.

Такие изменения требуют от маркетплейсов улучшения качества визуализации своих сайтов, а также внедрения новых методов оплаты.

— *Внешнее санкционное давление.* Запрещается покупка и ввоз определенных категорий товаров, крупные компании покидают рынок. На маркет-

плейсах наблюдается уменьшение ассортимента зарубежных брендов. В этой ситуации происходит активное продвижение и популяризация продукции отечественного производства.

— *Политическая обстановка, увеличение напряженности в отношениях с иностранными государствами.* На маркетплейсах это проявляется в уменьшении ассортимента товаров и снижении числа предпринимателей, которые продают свои товары через эти платформы. Тем не менее, это открывает возможности для привлечения новых бизнесменов и способствует продвижению местных товаров.

— *Покупательная способность населения.* Этот фактор подвержен постоянным колебаниям, связанным с процессами стабилизации или нестабильности покупательной способности. На маркетплейсах это отражается в росте общего числа покупателей и увеличении среднего чека. Данные изменения подчеркивают необходимость оптимизации текущих процессов оплаты и улучшения качества и разнообразия товаров, представленных на платформе.

— *Требования клиентов, предъявляемые к качеству товаров.* Потребители становятся все более взыскательными к дизайну товарных карточек, а также к качеству и скорости доставки. В связи с этим маркетплейсы работают над улучшением текущих систем визуализации продукции и созданием новых логистических цепочек.

Очевидно, что для успешного использования маркетплейсов как площадки по реализации товаров, требуется повышение их качества, а также значительные усилия при формировании системы продвижения.

Инструменты продвижения на маркетплейсах. На сегодняшний день площадкой с самым развитым рекламным инструментарием является «Озон». К инструментам, доступным на этом маркетплейсе, можно отнести трафареты, продвижение в поиске, брендовая полка.

— *Трафареты* — «продвижение товаров в поиске, категориях, карточках товара, а также других страницах на специально выделенных местах» [2].

Предполагается, что их настройки осуществляются автоматически самим маркетплейсом. Продавцы оплачивают только показы или клики. Трафареты функционируют по аукционной модели — тот, кто предложит наивысшую цену, получает больше показов. Кроме того, маркетплейс учитывает качество оформления карточки товара и другие факторы, влияющие на его позицию в поисковой выдаче.

— *Продвижение в поиске* — этот инструмент способствует улучшению позиций в результатах поиска. При этом маркетплейс взимает плату за заказы товаров, которые были продвинуты.

— *Брендовая полка* — «подборка товаров одного бренда с логотипом, настраиваемым заголовком и кнопкой со ссылкой на страницу переход» [2].

¹ SOV (Share Of Voice) — это «доля голоса», показатель, который показывает степень воздействия промо-материалов на потребителя

«Озон» демонстрирует ее как на страницах с результатами поиска, так и на страницах категорий, располагая выше и ниже поисковых результатов.

Тренды и будущее ритейл-медиа. Появление новых технологий влияет на развитие современного рынка ритейла. Можно определить ряд трендов, которые активно применяются в ритейл-медиа.

— *Персонализация контента.* Все предложения имеют адресную направленность, а потребители при взаимодействии с брендами ожидают индивидуального и уникального опыта. Все это стало возможным благодаря современным технологиям анализа данных о предпочтениях и поведении покупателей. Такой сбор информации поможет брендам существенно повысить эффективность своей маркетинговой деятельности.

— *Использование виртуальной и дополненной реальности.* Чтобы привлечь внимание покупателей, магазины разрабатывают виртуальные примерочные, позволяющие клиентам примерять одежду в цифровом формате перед покупкой.

— *Интерактивная реклама.* Она активизирует взаимодействие потребителей с брендом, вызывает эмоциональные отклики, что улучшает запоминание и способствует совершению покупок.

«Ритейл-медиа в e-commerce — важнейший новый рекламный канал, который претендует на десятки процентов рекламного оборота в стране, считает Федор Вирин, партнер Data Insight. Но ритейл-медиа в России находятся только в начале пути, поэтому к инструменту пока много вопросов» [4].

Настройка ритейл-медиа в соответствии с потребностями брендов представляет собой длительный процесс, и платформам еще предстоит многому научиться, чтобы создать удобную инфраструктуру для взаимодействия с рекламодателями-селлерами. Ритейл-медиа только начинают осваивать рекламные инструменты и помогать брендам в их стремлении к расширению рекламных кампаний. Можно предположить, что в будущем появятся агентства, специализирующиеся на ритейл-медиа, а также

специалисты внутри маркетплейсов, которые будут развивать это направление на платформах. Несмотря на все плюсы ритейл-медиа как канала для рекламной коммуникации, мы считаем, что брендам не следует становиться зависимыми от этого инструмента. Подобно тому, как эксперты рекомендуют не делать маркетплейсы единственным или основным каналом сбыта, брендам необходимо обеспечивать разнообразие в каналах привлечения трафика.

Ожидается, что в ближайшие годы два ключевых фактора будут способствовать развитию ритейл-медиа: технологии и развлекательный контент. Технологические решения помогут поставщикам увеличить объемы продаж. К этому можно отнести как развитие рекламных ресурсов, так и алгоритмы персонализации, которые смогут с высокой точностью предсказывать вероятность покупки. С помощью креативных и развлекательных форматов бренды смогут устанавливать эмоциональную связь с потребителями, подобно тому, как это происходит в телевизионной рекламе. Платформы электронной коммерции продолжают свою эволюцию, все больше превращаясь в пространство для покупок и развлечений.

ЛИТЕРАТУРА

1. SaaS Community Marketing. — URL: <https://marketsplash.com/tag/statistics/> (дата обращения 17.10.2024).
2. Малиновский М. Р. Реализация рекламных коммуникаций внутри российских Маркетплейсов / М. Р. Малиновский. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67862500_30202157.pdf (дата обращения 17.10.2024).
3. Дудаков Г. С. Тренды развития маркетплейсов в Российской Федерации: pest-анализ / Г. С. Дудаков // Инновации и инвестиции. — № 5. — 2023. — С. 522–523.
4. Ритейл медиа: как работает технология и кому она нужна. — Режим доступа: <https://lpgenerator.ru/blog/chto-takoe-ritejl-media/#dva-formata-ritejl-media> (дата обращения: 10.10.2024).

Воронежский государственный университет

Аксенова О. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: aksenova.on@mail.ru

Воронежский государственный технический университет

Швец Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью
E-mail: shvetzel@mail.ru

Voronezh State University

Aksenova O. N., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Public Relations, Advertising and Design
E-mail: aksenova.on@mail.ru

Voronezh State Technical University

Shvets E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations
E-mail: shvetzel@mail.ru

РЕПОРТАЖ И КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНРЫ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

Д. В. Амелин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности комментария и репортажа как жанров спортивного дискурса в современных средствах массовой информации. Исследуется структура анализируемых жанров с примерами из авторской практики комментирования и создания репортажных материалов. В тексте статьи раскрывается логика повествования в спортивной коммуникации с точки зрения структурной организации материала комментатором и репортером. Обсуждается значение зрительского контента в прямых эфирах с мест проведения спортивных соревнований.

Ключевые слова: комментарий, репортаж, спорт, коммуникация, аналитический комментарий, спортивный дискурс.

Abstract: the article deals with the features of commentary and reportage as genres of sports discourse in modern mass media. The structure of the analyzed genres is studied with examples from the author's practice of commentary and reporting. The text of the article reveals the logic of narration in sports communication from the point of view of structural organization of the material by the commentator and reporter. The article discusses the importance of viewer content in live broadcasts from the venues of sporting events.

Keywords: commentary, reportage, sport, communication, analytical commentary, sports discourse.

Репортаж и комментарий как журналистские жанры довольно широко используются в спортивном дискурсе. Это касается как телевидения и радио, так и печатной прессы и интернет-СМИ. Помимо политических, экономических, социальных тем во всех видах средств массовой информации представлены и спортивные инфоповоды. В новостных выпусках их, как правило, выдают в эфир в последнюю очередь, если это не какие-то знаковые события, например Олимпийские игры, что обусловлено их релевантностью. Однако спортивная тематика может занимать ведущее место в специализированных СМИ, таких как «Матч ТВ», «Спорт FM», «Спорт Экспресс», «Советский спорт» и другие. Здесь отметим, что в современную эпоху все эти печатные издания имеют свои версии в Сети.

В качестве материала для анализа мы использовали матчи МИР Российской премьер-лиги (2022–2024 гг.), чемпионата Европы по футболу (2020 г.), Всероссийской хоккейной лиги (2024 г.), Континентальной хоккейной лиги (2017 г.), а также собственные работы — комментарии и репортажи — на детских хоккейных турнирах «Лед и пламя» и «Кубок Черноземья» (2024 г.) и телеканале «Россия 1» (2018 г.).

В начале нашего исследования рассмотрим феномен комментария. Для того чтобы дать ему определение, обратимся к толковым словарям. В соответствии со словарем С. А. Кузнецова, комментарий стоит рассматривать как:

- толкование, разъяснение какого-либо текста путем примечаний;
- рассуждения, пояснительные или критические замечания по поводу чего-либо [1, 560].

Спортивный комментарий, по всей видимости, следует соотносить со вторым из приведенных значений, поскольку комментатор, чей голос сопровождает тот или иной матч, рассуждает над тем, как проходит встреча команд, анализирует важные, с его точки зрения, события в игре. Также он объясняет игровые моменты, которые могут быть непонятны зрителю или не видны ему по телевизору или иному гаджету.

При этом сам репортер-комментатор, присутствующий на месте событий, или студийный комментатор, работающий удаленно, не только рассказывает о том, что происходит во время того или иного соревнования, но и вводит в свое повествование дополнительную информацию, например статистические данные. Некоторые зрители доверяют больше цифрам, нежели словам, сказанным автором во время эфира. При этом важно, чтобы речь комментатора излишне не нагружалась одними только цифрами или эмоциями — в этом нужно соблюдать баланс.

Как правило, комментатором является опытный репортер, разбирающийся в том или ином виде спорта, возможно сам когда-то им занимавшийся. Он компетентный специалист, знающий нюансы и контекст соревнования, способный дать оценку спортсменам, спрогнозировать дальнейшие результаты матчей [2, 231].

Одним из основных критериев успешного эфира наряду с манерой подачи информации и темпераментом комментатора является логика повествования. На основании анализа 25 футбольных матчей МИР Российской премьер-лиги и 25 хоккейных матчей детских турниров «Лед и пламя», «Кубок Черноземья», а также игр Всероссийской хоккейной лиги, мы можем сделать вывод, что комментарий является логичным, если он имеет следующую структуру:

- приветствие: «Добрый день, уважаемые любители спорта, хоккея в частности. Говорит и показывает Воронеж»;
- введение в курс происходящего соревнования: «Сегодня мы собрались здесь, чтобы посмотреть встречу двух сильнейших команд, представляющих соседние регионы. Воронежский «Буря» сразится с курским «Соколом».
- краткое сообщение о погоде, либо о количестве зрителей, стране/месте проведения матча: «На улице термометр показывает -5 градусов, но здесь, на ледовой арене, температура гораздо теплее. А на льду... на льду сегодня ожидается самая настоящая жара. Сейчас зрители продолжают заполнять трибуны, их сегодня ожидается в ледовом дворце «Юбилейный» несколько тысяч»;
- непосредственное комментирование соревнования, начинающееся с объявления составов команд (если это футбольный поединок, то составы объявляются дважды — в начале первого и второго таймов). Это основная часть работы комментатора на матче: здесь он знакомит зрителей с контекстом игры (турнирным положением команд, последними новостями вокруг игроков, спортивной инфраструктуры и т.д.), анализирует действия спортсменов, тренеров и судей на футбольном поле или хоккейных площадках;
- мини-интервью с его участниками в перерывах матчей (на некоторых играх в перерыве работают студии, где эксперты дают свою оценку действиям спортсменов в матчах, также берутся флеш-интервью). Потом обсуждаются слова, сказанные спикерами;
- анонс следующих событий: «Следующую игру «ураганные» проведут дома против «Рязани-ВДВ» из одноименного города, а куряне сразятся на выезде с «Тамбовом». Эти матчи вы сможете также увидеть в прямом эфире на площадке «ВКонтакте».
- прощание: «Ну, а этот матч завершен. Поздравляем еще раз команду-победительницу. Они сегодня молодцы, смотрелись на льду достойно на протяжении всей игры. Для вас ее прокомментировал в режиме live Дмитрий Амелин. Увидимся и услышимся на хоккее».

Анализ практического материала косвенно свидетельствует об эффективности данного построения спортивного комментария, поскольку в 90% случаев

наблюдалась именно такая структура в освещении комментатором футбольных и хоккейных матчей.

Однако не исключены и ситуативно обусловленные исключения. Например, так случилось во время игры группового этапа чемпионата Европы по футболу 12 июня 2021 г., когда у датского футболиста Эриксона остановилось сердце прямо во время встречи со сборной Финляндии. В концовке первого тайма он упал на поле без сознания, но получил оперативную помощь медиков, сделавших непрямой массаж сердца прямо на поле. Из-за этого случая игру остановили на продолжительное время, а эфир — нет. Комментатору того матча, Роману Трущечкину, пришлось комментировать несколько минут не футбол, а околофутбольные вещи, включая оказание помощи датчанину, действия зрителей и футболистов на поле в эти трагические минуты, передавать их эмоции. Такие моменты, способные внести коррективы в игру, происходят нечасто, но тем не менее возможны, поэтому мы их также учли в ходе проведенного анализа.

Приведенный пример свидетельствует о том, что каждая игра — это уникальное событие, взятое в пространстве и времени. Действия спортсменов, судей, решения тренеров и другие составляющие части футбольных и хоккейных матчей невозможно предугадать заранее.

По мнению В. И. Конькова, основные речевые намерения автора комментария направлены на выражение своего мнения, своего отношения, своих оценок [3, 90]. Существенной особенностью комментария ученый называет полемичность. Объектом комментария может стать любой элемент жизни общества, который воспринимается этим обществом неоднозначно, в том числе и спорт. Авторами подобных комментариев могут выступать как журналисты, так и общественные деятели, эксперты, становящиеся медийными лицами. Иногда они образуют пару: журналист/журналист и журналист/эксперт. В первом случае один человек работает в комментаторской кабине, второй — непосредственно у футбольного газона или ледовой площадки. Например, домашние матчи воронежского «Факела» в нынешнем сезоне комментируют два человека: Владислав Будлянский у поля и один из других комментаторов, входящих в пул телеканала «Матч ТВ» — в кабинке наверху стадиона.

Пару журналист/эксперт качественно составляли Роман Скворцов и Сергей Гимаев, которые комментировали матчи Континентальной хоккейной лиги и другие состязания. На наш взгляд, они отлично дополняли друг друга в прямом эфире.

Следует обратить внимание на тот факт, что спортивный комментарий является разновидностью аналитического комментария с воздействующей функцией. По мнению А. А. Грабельникова, «он может иметь пропагандистскую, критическую, сатирическую, по-

лемическую окраску в зависимости от конкретного повода» [4, 224].

Т. И. Стеклова, в свою очередь, в своей работе «Комментарий как речевой жанр и его вариативность» утверждает, что спортивный комментарий как аналитический жанр обычно имеет не коммуникативное прошлое, а событийное; другими словами, он — реакция не на текст, а на событие, спортивное в частности [5, 85].

Аналитический комментарий может послужить стимулом для создания тех информационных поводов, о которых будут говорить впоследствии, иногда за пределами эфира. Так, например, произошло во время первого матча воронежского «Факела» после возвращения в Российскую премьер-лигу в 2022 г., когда команда из столицы Черноземья встретилась с «Краснодаром» в гостях в рамках первого тура чемпионата. Комментатор той игры, Тимур Журавель, произнес в эфире фразу: «Альшин забивает. Мяч в сетке. 2:2. Ну, наглецы из Воронежа...». Так он отреагировал на гол воронежцев, который позволил сравнять счет в первой встрече «Факела» на высшем уровне. Однако произнесенная им фраза «наглецы из Воронежа» распространилась по спортивному сообществу, теперь по ней узнают «Факел» по всей футбольной России, стали продаваться футболки и другие атрибуты с этим высказыванием. Это яркий пример того, как одно выражение может получить коммуникативное будущее уже после окончания события-стимула, в данном примере футбольного матча.

Если говорить о языковом воплощении спортивного комментария, то необходимо отметить, что он имеет ярко выраженный личностный характер — текст строится от первого лица, в котором выражается субъективное восприятие происходящего: «Я убежден в том, что сегодня мы с вами увидим обилие заброшенных шайб, потому что обе команды в этом сезоне играют ярко — они забивают много, при этом и пропускают в свои ворота тоже немало. В любом случае для нейтрального болельщика будет то еще зрелище».

Однако в современную эпоху реплики по ходу того или иного эпизода спортивного матча могут оставлять не только комментаторы. Спортивный комментарий направлен на адресата, его автор часто апеллирует к мнению читателя/слушателя/зрителя: «Как вы думаете, уважаемые зрители, какая из команд забросит первую шайбу в сегодняшнем матче и откроет счет? Игра-то идет, что называется, на встречных курсах».

По верному замечанию О. В. Балясниковой, интернет как открытое информационное пространство предоставляет возможности непосредственного участия зрителей в диалоге, который строится вокруг события, вызывающего противоположные или неоднозначные реакции [6, 169]. Таким способом

аудитория включается в эфир благодаря интерактивности — одному из свойств трансляции в Сети. Это стало возможным после того, как большинство спортивных матчей начали показывать на таких площадках, как «VK Видео» и YouTube, где есть функция чатов. Зрители могут оставлять там свои комментарии, тем самым поддерживая разговор с ведущим комментатором матча.

О. В. Балясникова, говоря об этом с точки зрения сетевых текстов, выделяет ряд объектов интернет-комментария как отдельного вида этого жанра. Такие сообщения оставляют сами читатели под печатными материалами в Сети. Мы же адаптируем их применительно к зрителям транслируемых в интернете спортивных матчей:

- Пропозитивное содержание эфира-стимула
Большая часть комментариев — это реакции на сам факт, событие, лежащие в основе спортивной трансляции: «Ну наконец-то дождался эфира. Ура! Болеем за «ураганных»; «Турнирное положение нужно обязательно поправлять, сегодня нужна только победа»; «Вперед, Буран!»; «Шайбу, шайбу, шайбу!»
- Персонаж/герой эфира-стимула
Нередко объектом комментария становится не само событие, а лицо, упомянутое в эфире. Зрители выражают свое личное отношение к данному лицу, положительное или негативное, и тем самым выражают свое критичное отношение к происходящему на матче: «Ну Фаттахов, ну герой! Как он замкнул эту передачу! Загляденье просто! Ждем еще голов от него!», «Ну это привоз чистой воды... Галимов, что ты творишь? Зачем уехал далеко из ворот? Да еще и защитники не вовремя разъехались, они покатали на смену».
- Пропозитивное содержание другого комментария
Интерактивность электронной коммуникации позволяет зрителям реагировать не только на высказывания комментатора, но и уже на появившиеся реплики к ним от болельщиков в чате. В таком случае комментарии перерастают в дискуссию с четким противопоставлением разных позиций, как, например, это произошло во время эфира матча между тюменским «Рубином» и воронежским «Бураном» во Всероссийской хоккейной лиге (ВХЛ): «Тюмень явно сегодня наиграла на победу, столько моментов создали хоккеисты «Рубина» — уму непостижимо!»
Этот комментарий вызвал активную ответную реакцию: «Все равно победа за нами», заявил болельщик воронежской команды в ответ на предыдущее сообщение.
- Автор/журналист текста-стимула
Зрители реагируют на слова комментатора не только с содержательной точки зрения, но и с эмоциональной: «Противно слушать комментатора, бедолага так топчет за Рубин, на площадку сейчас вывалится»; «Комментатор, надень очки, не замечаешь то, что на площадке творится!»

В других случаях мотивом, побудившим написать комментарий у зрителя, становятся неудачные обороты в речи спортивного комментатора и другие собственно лингвистические причины.

- Автор другого комментария

Очень часто, выражая несогласие с каким-либо комментарием, зрители «переходят на личности» и уже оценивают не содержание комментария, а его автора: «В «Рубине» всегда быдло играют...», — такой комментарий в чате оставил один болельщик. Реакция другого зрителя последовала незамедлительно: «Сам ты быдло», ответил он.

Поднимая вопрос о соотношении *спортивный комментарий* — *спортивный репортаж*, логично рассмотреть далее феномен спортивного репортажа. В классической системе журналистских жанров (по А. А. Тертычному) его относят к информационным материалам, а комментарий — к аналитическим [7, 210]. Л. Е. Кройчик считал репортаж оперативно-исследовательским текстом, а комментарий — исследовательски-новостным [8, 130].

Несмотря на то, что классические репортаж и комментарий относят к разным жанровым группам, в спортивном дискурсе они настолько сблизились, что стали фактически синонимами. В нынешнее время это произошло вследствие так называемой жанровой диффузии. В наши дни автора, освещающего спортивное мероприятие, стали называть комментатором, а сам комментарий с места соревнований подчас считают репортажем.

Такое смешение прослеживается и в словаре С. А. Кузнецова, который трактует репортаж как:

- сообщение или рассказ о текущих событиях;
- **комментарий** к происходящему в печати, по телевидению, радио [1, 856].

Само понятие «репортаж» произошло от лат. *reportare* («передать», «сообщать»). Изначально он существовал как жанр в печатных средствах массовой информации. Репортаж плотно вошел в систему ведущих жанров электронных СМИ только с появлением и становлением ТВ и радио.

Репортаж имеет свои специфические черты в спортивном дискурсе, в том числе связанные с комментарием:

- автор спортивного репортажа — комментатор — представляет собой субъект восприятия действительности и служит носителем определенного эмоционального состояния;
 - основным методом ведения спортивного репортажа является комментирование того или иного события, его анализ, толкование и описание, установление причинно-следственных связей между отдельными фактами, дальнейший прогноз событий и их последствий;
 - при создании репортажа комментатор присутствует лично на спортивном мероприятии.
- В связи с этим Е. Е. Пронина выделяет и другие

особенности данного жанра: достоверность, документальность, оперативность, следование хронологии события, присутствие четко выраженного авторского начала в материалах [9, 80].

В спортивном репортаже определяющим фактором является последовательность событий и фактов во время того или иного соревнования. Это применимо к прямым эфирам, когда режиссер ведет трансляцию, только меняя планы и ракурсы операторской съемки. Таким способом внимание зрителей акцентируется на том, что действительно важно. Это в большей степени свойственно информационному репортажу [10, 15].

В классическом же варианте спортивный репортаж (так же, как и репортаж другого вида) строится на динамичном рассказе о том или ином событии, как правило в хронологическом порядке. Репортер раскрывает различные факты, связанные с тем или иным событием или явлением, в степени их общественной значимости.

Проанализировав 50 репортажей, которые вышли в эфир программы «Все на Матч» и в новостных выпусках на телеканале «Матч ТВ» с хоккейных и футбольных игр, а также собственных репортажей на телеканале «Россия 1», мы заметили, что материалы этого жанра имеют следующие структурные элементы:

- синхроны (врезки из фраз опрошенных людей, экспертов);
- стендапы (работа самого журналиста в кадре);
- лайфы («живая» картинка без накладывания эффектов монтажа);
- закадровый текст (начитка материала его автором).

На радио «Спорт FM» репортаж строится по такой же схеме, только с добавлением таких структурных элементов, как шумы и музыка, — при необходимости.

В газетах и журналах («Спорт Экспресс», «Советский спорт») репортажи строятся из слов журналиста, цитат спикеров, фотографий различного плана для визуализации материала; ведь главный вопрос, на который должен отвечать текст репортажа — КАК произошло то или иное событие.

В отличие от спортивного комментария, репортаж представляет собой более «строгий» жанр по своей специфике с точки зрения языкового воплощения речи автора. Репортер пишет текст (и озвучивает его, если мы говорим о ТВ и радио) уже постфактум — он тщательно подбирает слова, у него есть больше времени, чтобы создать материал, который строится уже на основе случившегося события, тогда как комментарий чаще всего ведется в прямом эфире и описывает то, что происходит здесь и сейчас.

Предметом спортивного репортажа является событие, которое сочетает в себе визуальную форму и речевой элемент. Футбольные и хоккейные матчи отвечают этим требованиям, поскольку они вклю-

чают в себя наглядный компонент и прямую речь участников события.

Например, в репортаже с матча курского «Авангарда» и «Краснодара-2», который вышел в эфир телеканала «Россия 1», автор материала, Дмитрий Амелин, говорит о происходящих событиях в игре на поле стадиона «Трудовые резервы» в Курске: «В 3-м туре первенства ФНЛ курскому «Авангарду» противостоял «Краснодар-2». Как и куряне, южане проиграли стартовые встречи чемпионата. Поэтому борьба велась за первые очки в сезоне. В начале поединка обе команды показывали игру в атаку, но в действиях игроков была видна сумбурность, отсюда обилие «стандартов». Самый опасный момент хозяева создали как раз со штрафного — удар Кубышкина пришелся выше цели». На эти слова «накладывался» видеоряд с игры, а после данных фраз следовал показ самого штрафного удара от игрока курской команды. Также в материал включен комментарий главного тренера «Авангарда» Мурата Исакова: «Хачим Машуков и Максим Григорьев были нашими джокерами, потому что, выйдя на замену, они усилили игру и давление на соперника. С их появлением на поле мы перешли на игру в двух нападающих».

В конце материала автор появился в кадре и сообщил, что матч завершился со счетом 1:1. «На 88-й минуте курский клуб пропустил гол, однако вышедший на замену Хачим Машуков уже в добавленное время сравнял счет. «Авангард» набрал первое очко в сезоне и поднялся с последнего места турнирной таблицы. Следующую встречу подопечные Мурата Исакова проведут в Томске против «Томи».

Стоит отметить, что приведенные примеры иллюстрируют структурные составляющие спортивного репортажа, о которых шла речь выше: вводные слова репортера являются «закадровым текстом», высказывание тренера команды — «синхронном», видеозапись штрафного удара — «лайфмом», финальная речь автора — «стендапом», поскольку он работал в этот момент непосредственно в кадре.

Автор добился эффекта «присутствия» зрителей на месте событий, так как он сам был на трибуне и следил за ходом игры. Кроме того, позволил услышать голоса ее участников, а также раскрыл детали и подробности, которые помогли ему «нарисовать» картину спортивной действительности.

Таким образом, подвергнув анализу комментарий и репортаж, мы пришли к выводу об их сближе-

нии в спортивном дискурсе. Несмотря на свои специфические особенности и различия, они дополняют друг друга в современном медийном пространстве, формируя у зрителей/читателей/слушателей четкую спортивную картину дня/недели/месяца/года, в том числе благодаря своей «гибкой» структуре и языковому воплощению спортивного комментатора и репортера. Сама аудитория также стала активным участником этой коммуникации после того, как СМИ стали «входить» в онлайн-платформы, где появилась возможность пользоваться не только мультимедийностью, но и интерактивностью, которая позволила адресату информации активно обсуждать ее в Сети, самому комментировать те или иные процессы и явления. Развитию этого процесса способствует такая тенденция, как конвергенция средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — М., СПб.: Рипол-Норинт, 2008. — 959 с.
2. Кузнецов Г. В. Телевизионная журналистика / Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. — М.: МГУ, Высшая школа, 2005. — 299 с.
3. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров / В. И. Коньков. — СПб.: Роза мира, 2004. — 219 с.
4. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе / А. А. Грабельников. — М.: Рип-Холдинг, 2004. — 274 с.
5. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стеклова // Жанры речи. — 2014. — № 1-2 (9-10). — С. 81-88.
6. Балясникова О. В. Психосемантика конфликта в интернет-текстах / О. В. Балясникова // Материалы X Междунар. конгресса международного общества по прикладной психолингвистике. — М., 2013.
7. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие для вузов / А. А. Тертычный. — 6-е изд. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 320 с.
8. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / Л. Е. Кройчик. — СПб., 2000. — С. 125-168.
9. Пронина Е. Е. Психология спорта / Е. Е. Пронина // Спорт в зеркале журналистики (о мастерстве спортивного журналиста). — М.: Мысль, 1989. — С. 70-91.
10. Боровикова К. В. Журналист как наблюдатель: когнитивно-дискурсивная деятельность спортивного комментатора / К. В. Боровикова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2007. — № 1. — С. 13-17.

*Воронежский государственный университет
Амелин Д. В., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: dimoncov@mail.ru*

*Voronezh State University
Amelin D. V., Postgraduate Student of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: dimoncov@mail.ru*

ОЦЕНКА УРОВНЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МЕИАЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ЖУРНАЛИСТА

В. В. Гаврилов

Сургутский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать ряд аспектов профессиональной идентичности обучающихся. В теоретической части статьи констатируется отсутствие в настоящее время единых критериев, по которым медиаобразование должно формировать «идеального журналиста». Далее приводятся данные психологической диагностики студентов-журналистов первого курса СурГПУ.

Ключевые слова: СМИ, медиарынок, цифровизация, конвергентная журналистика, профессиональные компетенции, самоидентификация, коммерциализация СМИ, медиaprостранство.

Abstract: the article attempts to analyze a number of aspects of students' professional identity. In the theoretical part of the article, it is stated that there are currently no uniform criteria by which media education should form an "ideal journalist". The following are the data of the psychological diagnosis of the first-year journalism students of SurGPU.

Keywords: media, media market, digitalization, convergent journalism, professional competencies, self-identification, media commercialization, media space.

В настоящее время российское общество переживает ряд значительных социокультурных трансформаций, которые не могли не оказать влияния и на медиaprостранство. Такие процессы, как коммерциализация, виртуализация, цифровизация СМИ, конвергенция жанров все более активно определяют вектор дальнейшего развития отечественных медиа.

В одном из своих исследований Л. П. Шестеркина перечисляет те необходимые специальные компетенции, которые медиаобразование должно формировать у студентов-журналистов в эпоху цифровизации СМИ [10]. Исследователь концентрирует наше внимание на умении начинающих журналистов грамотно и уверенно использовать цифровые инструменты при сборе и обработке информации. При этом журналист не должен вставать на путь безответственного манипулирования сознанием аудитории, ему необходимо сохранять верность высшим идеалам журналистской профессии. Об этом убедительно говорит, в частности, Б. Я. Мисонжников: «Образовательный процесс одновременно един и очень мозаичен по своей сути. Он включает множество компонентов, каждый из которых имеет исключительно важное значение. С одной стороны, недопустимо урезать академический компонент образования, но, с другой стороны, духовная и нравственная часть воспитания обязательно должна быть в числе приоритетов, поскольку из стен учебного заведения должен выходить гармонично развитый человек, не просто обладающий знани-

ем, но и высокой гуманитарной культурой» [3, 458].

Возвращаясь к вопросу качества подготовки журналистов, уместно вспомнить статью А. Тимофеевского с характерным названием «Факультет ненужных вещей» [9]. А также мнения некоторых практикующих журналистов, экспертов в области медиа (А. Друзенко, Г. Карапетян, А. Плутник, В. Портников, В. Познер, А. Волин и ряд других), оценивающих трансформации СМИ в эпоху их цифровизации, говорящих о том, что скоро журналистика как профессия перестанет быть актуальной, все задачи будет решать искусственный интеллект (ИИ).

В этой связи нам ближе точка зрения известного ученого, медиапедагога, декана факультета журналистики ВГУ В. В. Тулупова, который убежден: журналистика — это «исторически востребованный вид духовно-практической деятельности с набором функций и принципов; корпус специфических социальных и правовых норм (этические кодексы, законодательство); мощная инфраструктура (совокупность СМИ, общественно-профессиональных организаций, редакционно-издательских комплексов и т. д.); система специальных знаний (учебная дисциплина, отрасль науки); профессиональная деятельность и элемент политической системы» [7, 170]; «журналиста отличает способность к скрупулезному и оригинальному анализу — неперменной составляющей публицистического мастерства» [7, 170]. Индивидуальность, аналитика, творчество — вот те ключевые составляющие, которые, по мнению автора, создают уникальность профессии журналиста. Мы полагаем,

что ИИ в том виде, в котором он сейчас используется в СМИ, еще долгое время не сможет конкурировать с журналистом-профессионалом.

Исследователи В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко, говоря, прежде всего, о профессиональной идентичности журналиста, пишут следующее: «...достаточно четкими «маркерами» могут являться нормативные, профессионально-коммуникативные и социально-личностные характеристики журналиста цифровой эпохи, которые можно определить также как более или менее успешную модель реализации человека в профессии» [4, 138]. Итак, перед теоретиками, медиапедагогами в настоящее время стоит задача определения базовых критериев, по которым будет оцениваться уровень сформированности медиальности журналиста, его профессиональной идентификации в условиях цифровизации медиапространства. И здесь у исследователей нет единства во мнениях.

Так, исследователь Е. Е. Пронина в одной из своих работ пишет о том, что «под влиянием современных электронных медиа ускоренно складывается новый психотип личности, характерной чертой которого является стремление к независимости. Наибольший эволюционный эффект вызывает сочетание альтруистических ценностей и сетевой коммуникативной активности. Соединение бескорыстной просоциальной мотивации и коммуникативной направленности по существу соответствует профессиональной идентичности журналиста в ее чистом, «генотипическом» виде. В этой связи широкое распространение «народной журналистики» является одновременно неотъемлемой чертой информационного общества и основным средством эволюции личности в массовой коммуникации» [6, 73]. Автор, по сути, говорит об альтруистическом стремлении нынешних молодых журналистов изменить текущее положение вещей средствами медиакоммуникаций на основе собственного миропонимания.

Исследователь В. В. Тулупов более пессимистичен в оценках. По его мнению, молодые люди в большинстве своем отнюдь не намерены решать социальные проблемы через СМИ, постепенно меняется «мировосприятие вчерашних романтически настроенных студентов. К сожалению, и в молодежной среде наступила какая-то апатия: юные уже не митингуют, не дискутируют по поводу судеб страны, предпочитая пресс-клубам клубы ночные; некоторые из них большие консерваторы и прагматики, чем преподаватели, сформировавшиеся в далекие шестидесятые и семидесятые...» [8, 9].

Говоря о проблемах, возникающих при изучении различных аспектов идентичности студента-журналиста, В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко, О. С. Мухина отмечают, что «наряду с традиционной экономической, социальной, мировоззренческой проблематикой, всегда свойственной возрастному становлению личности, нынешний этап отличается высоким уровнем

критического и протестного потенциала цифрового поколения, а поведенческая стратегия его все чаще предопределяется мобилизационными эффектами социальных медиа» [5, 137–138]. Безусловно, нельзя недооценивать влияние медиа на акторов медиапространства, точнее, технологий манипуляций их сознанием в условиях цифровизации СМИ. При этом изучение различных типов идентичности студентов-журналистов, способов ее формирования позволит, на наш взгляд, определить актуальные направления в развитии отечественного медиаобразования.

На сложности при изучении «медийной личности», на ее многоаспектность указывает и М. М. Гукасова. Она предлагает структурировать понятие следующим образом: «Ядро ее организует информационная составляющая или, можно сказать, информационный образ. В рамках этой доминанты осуществляются следующие медийные процессы: фиксация, обозначение, описание, определение и объяснение информационных данных в рамках существующей парадигмы. <...> Коммуникативная составляющая медийного образа определяется оценкой степени готовности, способности и возможности самой аудитории взаимодействовать с определенной суммой информации, то есть подготовленностью аудитории» [2, 105–106]. Как видим, базовыми составляющими медийной личности, по мнению автора, являются умение работать с информацией, налаживать процесс коммуникации и при этом оставаться в границах социокультурной нормы.

С целью определения ключевых проблем, которые возникают у студентов-журналистов в процессе учебной деятельности в СурГПУ и мешают раскрытию их способностей (прежде всего аналитических и творческих) при обучении по направлению «Журналистика», в указанной группе (13 респондентов) в марте 2022 г. нами было проведено анкетирование на тему «Я учусь журналистике».

Прежде всего студентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 10 собственное отношение к вузу, в котором они обучаются. Так, 69,23% поставили 7 баллов, 15,38% оценили на 10 баллов, по одному студенту оценили на 5 и 8 баллов. Как видим, за полгода обучения динамика практически не изменилась. Как известно, на первом курсе мало специальных учебных предметов. Возможно, обучающиеся еще не успели погрузиться в атмосферу творчества и открытий в рамках специальных дисциплин. В любом случае очевидно, что ожидания студентов на первом курсе пока не оправдались.

Не слишком отличается от предыдущей оценка филологического факультета, на котором реализуется направление 42.03.02 «Журналистика»: лишь 3 студента оценили факультет на 10 баллов (23,08%), два студента — на 8 баллов (15,38%), два — на 5 (15,38%), шестеро — на 7 баллов (46,15%). Эти данные коррелируют с оценкой уровня преподавания

в вузе. Лишь двое поставили максимальные баллы. Полученные данные, безусловно, являются важным сигналом для администрации и педагогического состава коллектива, стали предметом обсуждения на заседании совета факультета. Были обсуждены причины таких низких оценок первокурсниками организации образовательного процесса в вузе в целом и на факультете в частности (малое количество профильных предметов, смена обстановки (новые требования и, как следствие, трудности в адаптации), увеличение учебной нагрузки и т.д.). Очевидно, что ожидания обучающихся не совпали с реалиями образовательного процесса, а существующие проблемы мешают успешному освоению профессии, формированию личностной и профессиональной идентификации. Педагогический коллектив прекрасно отдавал себе отчет в том, что подобное отношение студентов говорит о низкой мотивации к обучению и, безусловно, скажется на оценках во время первой (зимней) сессии. В связи с этим на заседании были намечены пути и способы решения существующих проблем по адаптации первокурсников. Остановимся подробнее на проблемах, которые были выявлены в ходе анкетирования (вопрос был сформулирован следующим образом: «Отметьте те проблемы, которые мешают вам в адаптации к учебной деятельности в СурГПУ при обучении по направлению «Журналистика» (количество выборов не ограничено)»). Студенты отмечали варианты из предложенных.

Обучающиеся указывают на «неумение распределять собственное время» (76,92%); на «нежелание выполнять домашнее задание» (не видят в нем смысла) (69,23%). Также отмечено «неумение распределять усилия в рамках образовательного процесса» (неспособность расставить приоритеты) (84,62%). Десять выборов (76,92%) выпали на пункт «Непопран набор предметов (не все имеют отношение к журналистике)». Очевидно, что разъяснения и комментарии, которые даются в рамках дисциплины «Введение в профессию», недостаточны для понимания студентами роли и значимости некоторых дисциплин учебного плана, особенно тех, которые не имеют прямого отношения к журналистике. Также отметим, что многие студенты не владеют навыками тайм-менеджмента, что, конечно, не может не отразиться на качестве обучения.

Незначительное количество выборов получили такие пункты анкеты, как «Боязнь публичного выступления», «Большое количество предметов», «Неприятие корпоративных ценностей, традиций СурГПУ», «Незнание правил, устава СурГПУ, законодательства РФ», «Не устраивает качество преподавания», «Нет погружения в практику журналистской деятельности (много теории)», «Не хватает консультаций, учебных занятий с журналистами-практиками, будущими работодателями». Трое студентов выбрали пункты «Неудачные, необъективные виды

контроля знаний обучающихся» и «Несправедливая, необъективная оценка преподавателем ваших учебных результатов», что является важным сигналом для педагогов, работающих с данными группами. Один человек отметил, что разочарован в выбранной профессии. Не были выбраны такие варианты, как «Незнакомы с материально-технической базой СурГПУ»; «Недостаточная материально-техническая база СурГПУ (отсутствие необходимой техники, оборудования, кабинетов и т.д.); «Отсутствие методических рекомендаций, учебных пособий по дисциплинам»; «Конфликт в группе»; «Не хватает погружения в научную деятельность (подготовка статей, проведение экспериментов, выступление на конференциях, участие в работе научных кружков и т.д.); «Конфликт с преподавателем»; «Отсутствие наставничества со стороны куратора, педагогов, старших товарищей»; «Нет возможности реализовать творческие способности на учебных занятиях»; «Недостаточная цифровизация обучения».

Как видим, большинство студентов устраивает материально-техническая база, учебный коллектив, методическое и материальное обеспечение учебного процесса. Обучающиеся готовы овладеть профессией, а большинство возникающих проблем связано с неумением распределять свои усилия и время. Проблемы эти хотя и существенны, но не критичны, они могут быть устранены в рамках специальных тренингов.

Также для нас были важны ответы на вопрос «С какими учебными дисциплинами вам тяжелее всего справиться?» Студенты назвали следующие предметы: «Основы теории литературы», «Основы правовых знаний», «Основы кросс-культурного взаимодействия», «История зарубежной литературы», «Русский язык и культура речи», «Физическая культура». Как позитивный момент отметим, что в данном перечне нет дисциплин, имеющих непосредственное отношение к журналистике. Однако, к сожалению, не все студенты считают значимыми для себя знания по литературе (русской и зарубежной), правовые знания, а также уместное и грамотное использование средств русского языка (в том числе и выразительных). Но без этих знаний, вне всяких сомнений, невозможна успешная профессионализация и социализация: начинающий журналист, имеющий слабое представление о культуре, литературе, языковых нормах будет проигрывать в конкурентной борьбе в медиапространстве.

Приходится констатировать, что студенты на первом курсе не в полной мере осознают значимость ряда учебных дисциплин, часто не понимают своей роли в учебном процессе и не видят собственных перспектив для творческого и профессионального развития, воспринимая себя объектами (школьная позиция), а не субъектами образовательного процесса. В этой связи перед педагогическим коллек-

тивом вуза была поставлена задача по устранению указанных затруднений обучающихся.

С целью отслеживания процесса в динамике в следующем учебном году (в марте 2023 г.) обучающимся группы Б-2211 (уже второкурсникам) было предложено написать по предложенному плану сочинение на тему «Легко ли быть молодым журналистом?».

Педагогом был предложен следующий опорный план творческой работы:

Введение

Основная часть

1. Современные изменения, произошедшие в журналистике

2. Основные трудности, с которыми сталкивается журналист

3. Какими компетенциями должен владеть начинающий журналист? (Образ идеального журналиста)

Вывод. (Легко ли быть молодым журналистом?)

Полученные данные анкетирования и материалы эссе дают нам возможность сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, нельзя не отметить на втором курсе положительной динамики, связанной с повышением мотивации обучающихся, их вовлеченностью в образовательный процесс, готовностью осваивать новые компетенции, чтобы быть конкурентоспособными на рынке медиаслужб. Однако, во-вторых, восприятие обучающимися медиаобразования остается традиционным. В рамках образовательного процесса (по крайней мере, пока) педагоги не ставят перед обучающимися ключевые вопросы, связанные с трансформациями последних лет в СМИ. В-третьих, у многих студентов сформировано идеальное представление о роли журналиста в обществе, они не видят угроз и базовых проблем, с которыми сталкиваются журналисты на практике.

Итак, те характеристики, которые молодые журналисты закладывают в образ «идеального журналиста», должны быть учтены в образовательном процессе вуза. Однако к ним следует добавить навыки использования цифровых технологий, умения работать в условиях конвергентной редакции, способности противостоять угрозам цифровизации СМИ.

Выводы. Мы полагаем, что анализ результатов рефлексии студентов-журналистов в рамках эссе по заявленной теме дает материал для корректировки молодежной политики, определения наиболее эффективных управленческих стратегий социальных институтов нашей страны по работе с молодежью, но, прежде всего, позволит педагогам скорректиро-

вать направления, методы и формы работы в рамках медиаобразования, сделать эту работу по формированию профессиональной идентификации студентов-журналистов более эффективной и целенаправленной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов В. В. Медиантеллект как характеристика целостной медиаличности / В. В. Гаврилов // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29. — № 2. — С. 50–62.

2. Гукасова М. М. Медийная личность и персональная сфера: пределы расширения в социокультурной ситуации / М. М. Гукасова // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. — Том 8. — № 3/1. — С. 101–107.

3. Мисонжников Б. Я. Журналистика: из alma mater — в профессию / Б. Я. Мисонжников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 456–459.

4. Олешко В. Ф. Особенности профессиональной культуры журналиста цифровой эпохи / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. № 2 (32). — С. 134–141.

5. Олешко В. Ф. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко, О. С. Мухина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 135–157.

6. Пронина Е. Е. Профессиональная идентичность журналиста в условиях трансформации СМИ / Е. Е. Пронина // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 46–74.

7. Тулупов В. В. Журналистика и журналистское образование для XXI века / В. В. Тулупов // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г.: Доклады и материалы. Круглый стол. Профессиональная подготовка в сфере масс-медиа. Ч. 1 / отв. ред. О. Е. Коханая. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. — 2016. — С. 167–179.

8. Тулупов В. В. О вузовском журналистском образовании / В. В. Тулупов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — Т. 22. — № 3 (153). — С. 7–13.

9. Факультет ненужных вещей. Журфак МГУ готовит журналистов, решительно не пригодных для работы. — Режим доступа: <https://4ege.ru/vuz/4373-fakultet-nenuzhnyh-veschey.html> (дата обращения: 11.05.2024).

10. Шестеркина Л. П. Подготовка журналиста универсального типа в условиях конвергенции СМИ / Л. П. Шестеркина. — Режим доступа: <http://presslife.ru/content/view/535> (дата обращения: 05.05.2024).

Сургутский государственный педагогический университет

*Гаврилов В. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики
E-mail: victorg12@mail.ru*

*Surgut State Pedagogical University
Gavrilov V. V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Philological Education and Journalism Department
E-mail: victorg12@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА Г. ТАГАНРОГА В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

А. Г. Донских

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 3 июля 2024 г.

Аннотация: автор статьи анализирует трансформацию образа Таганрога в публикациях региональных СМИ за период 2021–2023 гг. В информационном пространстве сформирован новый образ Таганрога — города перемен, из провинциального «захолустья» с массой нерешенных проблем трансформировавшегося в туристический центр всероссийского масштаба, динамично развивающийся город, где удобно не только отдыхать, но работать и жить.

Ключевые слова: образ Таганрога, образ, медиаобраз, медиаимидж, имидж территории, развитие туризма.

Abstract: the author of the article analyzes transformation of the image of Taganrog in publications of regional mass media for the period 2021–2023. As a result, a new image of Taganrog — a city of change, from a provincial «backwater» with a lot of unresolved problems, transformed into a tourist center of the all-Russian scale, dynamically developing city, where it is convenient not only to rest, but work and live.

Keywords: image of Taganrog, image, media image, image of the territory, tourism development.

Таганрог — город, расположенный на юге России на берегу Таганрогского залива Азовского моря, большинству известен преимущественно как родина великого русского писателя, А. П. Чехова. Со своей малой родиной Чехов никогда не терял связей, а значительная часть произведений писателя отображает особенности культурно-бытовой жизни его земляков-современников. Таганрог пронизан памятью об А. П. Чехове. В городе проходят специальные мероприятия: Чеховский книжный фестиваль, Международный театральный фестиваль «На родине А. П. Чехова», научно-практические конференции, появляются новые экскурсионные маршруты, работает Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, включающий Мемориальный музей «Домик Чехова», Музей «Лавка Чеховых», Литературный музей А. П. Чехова, Южно-Российский научно-культурный центр А. П. Чехова, а также весь комплекс чеховских памятных мест в городе.

В информационной повестке СМИ город традиционно появлялся в первую очередь благодаря юбилейным датам и событиям, связанным с именем А. П. Чехова. Между тем в произведениях писателя Таганрог запечатлен провинциальным «захолустьем» [1, 95–100] со всеми атрибутами патриархальной жизни [2, 273–292], что могло сформировать соответствующий стереотип о городе в сознании массового читателя. Полагаем, данный стереотип долгие годы поддерживал всеобщий устойчивый интерес к чеховским местам в Таганроге, но не к самому городу.

Тенденция развития внутреннего туризма в России открыла новые возможности для Таганрога. В сен-

тябре 2021 г. город посетила глава Совета Федерации В. Матвиенко, пообещав поддержку [3]. В том же году Таганрог был включен в программу развития туристических кластеров, благодаря чему поступило финансирование из федерального бюджета, местные власти активно занялись благоустройством города, ремонтом и реставрацией социальных и культурных объектов. Процессы модернизации городской инфраструктуры получили широкое освещение в региональных СМИ, в материалах которых отразились не только внешнее преобразование города, но и трансформация устоявшихся стереотипов о нем.

В своем исследовании мы анализируем особенности репрезентации образа Таганрога в СМИ Ростовской области, освещавших процессы развития города в течение 2021–2023 гг. В науке понятие образ часто используется в качестве иллюстрации и примера типичных характеристик того или иного явления [4, 138]. Репрезентация каких-либо явлений в СМИ находит свое отражение также в терминах «медиаобраз» и «медиаимидж».

В исследованиях существует множество теоретических подходов и дефиниций, выделяющих не только сходство и различие в понятиях «медиаобраз» и «медиаимидж», но и взаимосвязь данных терминов в контексте информационно-коммуникативной деятельности. Медиаобраз — это картина мира, конструируемая и преподносимая массовой аудитории СМИ [5, 136]. По мнению Т. С. Глушковой и О. И. Зайцевой, медиаобраз может стать одной из составляющей в структурной композиции имиджа; например, его можно использовать в качестве инструмента формирования имиджа территориально-государственного субъекта, что обусловлено содержательной близо-

стью понятий «медиаобраз» и «медиаимидж» [6, 51–52]. И. В. Сидорская считает, что медиаобраз и медиаимидж — совокупность представлений об объекте, но не в сознании общества, а в репрезентации СМИ, и в отношении территориальных образований исследователь предлагает рассматривать данные термины как близкие по своему основному значению («система представлений о территории»), но различные с точки зрения особенностей функционирования и акцентирования стихийного либо целенаправленного характера формирования данных представлений [7, 184].

Публикации в СМИ неизбежно влияют на создание и изменение имиджевых характеристик, в частности в отношении конкретных территорий. Территориальный имидж — это образ, представление, стереотип о социокультурных, исторических, социально-экономических, политических и других особенностях данной территории (страны, города и т.д.) в массовом сознании [6, 50]. Образ конкретной территории может наделяться положительными и отрицательными коннотациями, ее имидж может меняться во временном измерении под воздействием публикаций в СМИ [8, 336].

Такие закономерности можно наблюдать в формировании и трансформации образа Таганрога в региональном информационном пространстве. Несмотря на то, что город занимает второе место по численности населения в Ростовской области, являясь крупным индустриальным центром и одним из ведущих морских портов на юге России [9, 67], в информационном поле региона в течение продолжительного времени доминировал образ неухоженного, заброшенного, «уходящего под землю» города, постепенно утрачивающего свое бесценное культурное наследие. В публикациях местных СМИ разных лет преобладали материалы, посвященные длительным процессам разрушения памятников культуры («Здесь был Чехов. Вместо ремонта памятника культуры на нем повесили табличку» («АиФ на Дону» от 21.01.2015); «Горькая доля родового гнезда. Дом Чехова разрушается» («АиФ на Дону» от 24.02.2016); «“Прямо как бразильские фавелы!” Почему умирает душа Таганрога» («АиФ на Дону» от 30.08.2017); «Туризм на картонке. Почему маяк под Таганрогом доживает последние дни» («АиФ на Дону» от 11.07.2018)); нерешенным проблемам городского коммунального хозяйства и городской среды («Дневные фонари. Почему вечером в Таганроге темно, хоть глаз выколи» («АиФ на Дону» от 27.04.2016); «“Купание запрещено”. Почему загажены пляжи Таганрога» («АиФ на Дону» от 26.04.2017); «Стыд за бурьян. Почему разрушен центр Таганрога, задуманный еще Петром I» («АиФ на Дону» от 24.05.2017); регулярным чрезвычайным происшествиям («Царь-яма: огромный провал асфальта образовался на одной из улиц Таганрога» («КП-на-Дону» от 14.03.2018); «Провал грунта на территории

детсада ликвидируют в Таганроге» («АиФ на Дону» от 02.04.2018); «Город проваливается. Почему в Таганроге объявлена чрезвычайная ситуация» («АиФ на Дону» от 4.04.2018); «Таганрог уходит под землю: новый провал грунта произошел возле травмпункта» («КП-на-Дону» от 03.04.2018); «“Дождь перед концом света”. Показываем последствия ливня в Таганроге» («161.ru» от 24.06.2018)) и т.д.

Тональность публикаций о Таганроге кардинально изменилась в 2021 г. после упомянутого визита В. Матвиенко и начавшейся модернизации всей городской инфраструктуры. Увеличилась интенсивность публикаций о городе, в редакционной повестке региональных СМИ Таганрог занял одну из лидирующих позиций, по сравнению с предшествующими годами значительно сократилась доля критических материалов, посвященных бытовым проблемам города. Несмотря на то, что повседневные происшествия не ушли из редакционной повестки, их доля в общем количестве журналистских материалов уменьшилась.

Мы проанализировали посвященные Таганрогу публикации в наиболее популярных региональных СМИ: «161.ru», «Безформата», rostovgazeta.ru, 1rnd.ru, «Наше время», региональные выпуски федеральных изданий «Российская газета», «Комсомольская правда на Дону», «Аргументы и факты на Дону», «Эксперт ЮГ», выходившие в течение 2021–2023 гг. Такой выбор СМИ объясняется изначальным поисковым запросом «Таганрог» и «образ Таганрога», в результате которого были отобраны выше перечисленные СМИ, сайты которых содержали наибольшее количество журналистских материалов о городе. Далее в каждом СМИ методом сплошной и случайной выборки были отобраны публикации о Таганроге за каждый год по отдельности. В общей сложности было изучено 300 материалов. Полагаем, что такое типологическое разнообразие представленных СМИ в контексте нашего исследования позволит прийти к более достоверным результатам.

В материалах анализируемого периода отображается динамика развития города, наблюдается увеличение количества инфоповодов, расширение проблемно-тематического спектра и устойчивая позитивная тональность публикаций о Таганроге. Так, публикации 2021 г. анонсировали крупные перемены, ожидаемые в городе, авторы обратились к культурно-исторической самобытности города, перспективам реализации грандиозных планов и решению проблем городской среды, в общей тональности доминировала тема обновления, «перегрузки». rostovgazeta.ru: «Власти Ростовской области заявили о масштабном обновлении Таганрога» (от 19.03.2021); «Эксперт ЮГ»: «Таганрог превратится в туристический центр до 2030 года за 66 млрд рублей» (от 01.07.2021), «“Перегрузка” Таганрога набирает обороты» (от 31.08.2021), «Вдоль по Петровской: как расцвел Таганрог при Валентине Мат-

виенко» (от 13.09.2021); **«Наше время»:** «Таганрог: город перемен» (от 22.12.2021); **«АиФ на Дону»:** «Как жить провинции у моря? Что нужно Таганрогу для привлечения туристов» (от 28.09.2021); **«Российская газета»:** «В Таганроге к реконструкции трамвайный путей привлекут частную компанию» (от 13.04.2021), «Чем Таганрог может ответить на растущий поток туристов» (от 28.09.2021) и т.д.

В материалах 2022 г. доминируют темы, связанные с развитием туризма в городе, новыми экскурсионными программами, известными именами и выдающимися земляками, уникальностью историко-культурного наследия. **«Российская газета»:** «В Таганроге есть места силы, свой “Ла скала” и “Старая кляча на обед”» (от 17.06.2022); **«Наше время»:** «В Таганроге стартует Международный театральный фестиваль “На Родине А. П. Чехова”» (от 16.09.2022); **«АиФ на Дону»:** «Остановка на станции Морская. Как бизнес помогает развивать туризм на Дону» (от 23.03.2022), «В Таганроге прошел круглый стол по развитию туризма» (от 23.05.2022), «Стартап Петра I. Станет ли Таганрог туристической меккой России» (от 01.06.2022); **«Эксперт ЮГ»:** «История про Петра I на Дону привлекала туроператоров» (от 11.07.2022), «Как реконструкция Пушкинской набережной перезапустит Таганрог» (от 17.05.2022), «Не пытайтесь покинуть Таганрог: как будущее города изменит туристский код» (от 10.08.2022) и т.д.

Количество публикаций о Таганроге в 2023 г. увеличилось вдвое, тематика стала еще более разнообразной, интерес к Таганрогу вышел за пределы региона, освещались проходившие в городе крупные мероприятия всероссийского масштаба, город стал кинематографической площадкой для двух сериалов, появились первые результаты модернизации города, для которого разработали свой логотип. Освещались также конфликтные ситуации, вызванные в том числе процессами модернизации. **161.ru:** «В Таганроге забуксовала реконструкция дома Фаины Раневской» (от 31.01.2023), «“Если в минусе — премии не будет”. Почему водители трамваев уезжают из Ростова в Таганрог» (от 01.02.2023); **«Комсомольская правда на Дону»:** «Таганрог может претендовать на звание IT-столицы: в Ростовской области проходит Всероссийский форум разработчиков “ФИЧА”» (от 25.08.2023), «Морской колорит, крабы и Цой: Как рыбацкий поселок Богудония в Таганроге облюбовали туристы» (от 07.10.2023); **rostovgazeta.ru:** «Таганрог вошел в топ-5 городов России в стиле модерн» (от 30.05.2023), «В Таганроге в День города по улицам проедет театральный трамвай» (от 29.08.2023); **«Эксперт ЮГ»:** «Турпоток в Таганрог в первом полугодии 2023 года вырос в 2,5 раза» (от 17.08.2023), «В Таганроге отремонтировали два старинных особняка на Петровской» (от 01.12.2023); **«Российская газета»:** «В Таганроге предложили новый маршрут для гастрономических путешествий» (от 04.10.2023),

«Ваше высочество Таганрог: город у моря признали идеальным для романтиков» (от 09.06.2023); **«Наше время»:** «“Почта России” отметила 325-летие Таганрога специальным штемпелем и дизайнерскими открытками» (от 13.09.2023); **1rnd.ru:** «Что не так с логотипом Таганрога? Объясняет эксперт в области шрифтового дизайна из Петербурга» (от 26.08.2023); **«АиФ на Дону»:** «Глава СКР Бастрыкин потребовал доклад о расселении жильцов “Дома Раневской”» (от 31.01.2023), «От Петра Великого до Чехова. Краевед написала книгу к юбилею Таганрога» (от 16.06.2023) и т.д.

Отметим также значительный рост материалов, нацеленных на привлечение внимания к Таганрогу массового туриста. В журналистских текстах чаще стали рассказывать о своем городе местные жители (кондитеры, рестораторы, экскурсоводы, историки, краеведы, спортсмены, просто равнодушные люди), появились материалы о популярных современниках-уроженцах Таганрога, в информационном пространстве заняли прочное место новые локации, обеспечивающие узнаваемость города. Публикации о праздновании 325-летия Таганрога переплетались с темой модернизации города. Интерес кинематографистов, снимавших в 2023 г. в Таганроге сериал о Фаине Раневской, и дальнейшее его обсуждение в СМИ, добавили привлекательности городу. Имя великой актрисы стало устойчивым компонентом образа Таганрога наряду с именами А. П. Чехова и Петра I.

Таким образом, в информационном пространстве региона за последние три года образ Таганрога значительно изменился. В материалах региональных СМИ Таганрог представлен как город перемен, курортный приморский город с мягким климатом, доброжелательным и гостеприимным местным населением, богатым историко-культурным и архитектурным наследием, уникальной самобытной культурой, подходящим как для размеренного семейного отдыха, так и активного досуга, город, где возможно совместить разные виды туризма: рекреационный, пляжный, спортивный, водный, гастрономический, культурно-познавательный, литературный, деловой.

В журналистских текстах, даже событийного характера, в том числе заголовках, были выявлены наиболее часто повторяющиеся речевые конструкции, маркеры, направленные на формирование устойчивых представлений о городе и его узнавание: «город Петра I и Чехова», «Родина Чехова и Раневской», «родина талантов», «город у Азовского моря», «приморский город», «уютный город», «старший брат Санкт-Петербурга», «Стартап Петра I», «музей под открытым небом», «IT-столица России». Историческая преемственность и культурные связи Таганрога и Санкт-Петербурга, основанные Петром I, стали таким же значимым компонентом образа города, как и его духовная связь с А. П. Чеховым.

Появление имиджевых маркеров в журналистских текстах позволяет нам сделать вывод о том, что в публикациях региональных СМИ образ Таганрога кардинально изменился под влиянием новых инфоповодов, позитивной тональности и содержания. Большая часть материалов была нацелена на освещение перемен и осмысление перспектив, связанных с включением города в государственную программу развития туристических кластеров, превращением Таганрога в туристический центр общероссийского масштаба, и тем самым, способствовала формированию нового имиджа города в сознании массовой аудитории.

Под воздействием социально-экономических и политических преобразований в региональном информационном пространстве сформировался новый образ Таганрога, сложенный из устойчивых ценностных доминант: географического, социально-экономического и культурно-исторического своеобразия. Образ Таганрога как города перемен приобрел новые имиджевые характеристики, направленные на формирование среди широкой аудитории устойчивых позитивных представлений о городе и привлечение туристов. Из провинциального «захолустья» с массой нерешенных городских проблем Таганрог в публикациях региональных СМИ трансформировался в претендующий на всероссийский масштаб туристический центр, динамично развивающийся город, где удобно не только отдыхать, но работать и жить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершова А. А. Провинция и критика: споры по поводу типичности образа «захолустья» в произведениях А. П. Чехова / А. А. Ершова. — Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. — 2014. — № 2 (82). — С. 95–100.

Южный федеральный университет
 Донских А. Г., кандидат филологических наук, доцент
 кафедры теории и практики массовой коммуникации
 E-mail: anna_kapustina@mail.ru

2. Трифонова З. А. Гениальные образы, рожденные на Дону: казаки М. А. Шолохова и мещане А. П. Чехова / З. А. Трифонова. — Вопросы географии. — 2020. — № 151. — С. 273–292.

3. Матвиенко: Мы никого не оставим в покое, пока не реализуем комплексный план модернизации Таганрога // Сетевое издание «СенатИнформ» — 2021. — 10 сент. — Режим доступа: https://senatinform.ru/news/matvienko_my_nikogo_ne_ostavim_v_pokoe_poka_ne_realizuem_kompleksnyy_plan_modernizatsii_taganroga/?ysclid=ly4kuhn54s534420232 (дата обращения: 02.07.2024).

4. Каримова К. Р. Понятие «образ» и «имидж» в практике СМИ и научных исследованиях / К. Р. Каримова. — Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 4 (34). — С. 138–144.

5. Малышева Е. Н. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) / Е. Н. Малышева, Н. А. Гриднев. — Научный диалог. — 2016. — № 12 (60). — С. 134–144.

6. Глушкова Т. С. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект / Т. С. Глушкова, О. И. Зайцева. — Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (29). — С. 50–57.

7. Сидорская И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий / И. В. Сидорская. — Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021 г. — № 3. — С. 173–197.

8. Бурганова Л. А. Город как «медийная реальность»: образ российского города в печатных СМИ (на примере г. Екатеринбурга) / Л. А. Бурганова, Л. Н. Везнер. — Вестник Казанского технологического университета. — 2013. — Т. 16. — В. 19. — С. 336–340.

9. Колоскова А. А. Роль города Таганрога в развитии ростовской агломерации / А. А. Колоскова. — Вестник экспертного совета. — 2021. — № 2 (25). — С. 64–69.

Southern Federal University
 Donskikh A. G., Candidate of Philology, Associate Professor
 of the Theory and Practices of Mass Communication Department
 E-mail: anna_kapustina@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ «ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ»

Ю. В. Ермилова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются коммуникативные стратегии молодого поколения, родившегося в эпоху интернета, постепенный отказ от просмотра телевидения, включая специализированные телеканалы и телепередачи, в пользу получения информации из интернета, а также симбиоз реального и виртуального информационного пространства в молодежной среде.

Ключевые слова: медиаиндустрия, цифровые технологии, трансформации, медиапотребление, «цифровая молодежь», конвергенция.

Abstract: the article examines the communication strategies of the younger generation, born in the age of the Internet, and their gradual shift away from watching television, including specialized channels and programs, in favor of obtaining information from the Internet. It also explores the symbiosis of real and virtual information spaces within the youth environment.

Keywords: media industry, digital technologies, transformations, media consumption, «digital youth», convergence.

Введение. Постановка проблемы. Сегодня эргономичные формы коммуникации доступны не только профессиональным медиакомпаниям, но и обычным пользователям, которые становятся «архитекторами смыслов» для себя и коммуникативных сообществ. В многочисленных исследованиях отмечены новые явления и тенденции развития медиакоммуникации, такие как атомизация контента, таргетированность телерадиопрограмм, точечное воздействие медиaproдукции на целевую аудиторию, селективный характер медиапотребления, фрагментация телевизионной аудитории и т.п. [1].

Наиболее существенные изменения в 2020–2023 гг. претерпел сегмент детских телепередач. Рост специализированного детского контента в интернете и возможность его быстрой генерации подвигает даже крупные телеканалы к более активной конвергенции. У digital-среды заимствуются форматы, способы взаимодействия с аудиторией и оформление продукта. Профессиональные СМИ в отказе от жестких телевизионных стандартов, использовании гибридных стратегий при создании детского контента видят возможный путь развития, направленный на удержание и омоложение аудитории. Но поскольку путь этот только нащупывается, разные каналы ищут собственные подходы, которые пока недостаточно изучены.

Коммуникативные стратегии для «поколения цифровых аборигенов». Стратегическое направление на удовлетворение интересов и потребностей молодежной аудитории определит развитие телевидения в ближайшие годы, поскольку аудитория

телеканалов сокращается и стремительно стареет: по данным компании «Медиаскоп» среднее время телесмотра снизилось с 3 ч. 50 мин. в 2020 г. до 3 ч. 33 мин. в 2023 г. [2]. Для сравнения: в 2017 г. Первый канал смотрели 35% телезрителей, пятилетие спустя этот показатель снизился до 24,9%. При этом наибольшее снижение времени просмотра телевидения в 2022 г. относительно 2021 г. произошло у аудитории в возрасте 18–24 л. — минус 10% [3]. Нелишне заметить, что детско-молодежная группа (0–18 лет) так называемого «поколения цифровых аборигенов» родилась и выросла в цифровой среде.

Первое десятилетие 2000-х гг. отмечено бурным развитием технологий в сфере медиакоммуникации и журналистики. Так, в этот период возникли и приобрели широкую известность смартфоны, мобильные платформы. Внедрение в коммуникативную практику богатого изобилия технологических новинок, повсеместное распространение интернета, развитие социальных сетей привели к взрывному росту казуальных игр для детской аудитории. Производители контента довольно быстро оценили новые площадки создания и продвижения своей продукции и переориентировались на сетевых потребителей. Не без влияния отмеченных здесь тенденций произошли изменения в сфере просвещения, образования, воспитания и развития ребенка. Изобилие фактов и легкость их получения привели к тому, что приоритетным для обучения становится не выявление сведений и установление причинно-следственных связей, а умение быстро найти нужную информацию и применить ее на практике. В свою очередь, отмеченная тенденция в способах приобретения новых знаний породила фундаментальную проблему для

телевидения, которая заключается в необходимости перехода от концепции потокового вещания к известной формуле «вещание по запросу».

Разумеется, для детей до 17 лет телевидение не является основным, приоритетным и продвинутым способом донесения информации. Однако терять свои позиции телевидение не хочет, поэтому продолжает бороться за аудиторию 4+. По данным «Медиаскопа», за первое полугодие 2023 г. 96% детей этой возрастной группы включали телевизор хотя бы раз в месяц, из них около 50% смотрели телепередачи по часу в день [2].

Однако само телевидение в современных реалиях не «привязано» к просмотру на телевизионном приемнике. Равно как и интернет-вещание доступно не только на компьютере и в смартфоне. Экран телевизора, особенно с функцией подключения к интернету, зачастую используется для трансляции интернет-контента. Но и в этом случае не возникает отказа от привычного способа медиапотребления. Вместе с тем можно включать трансляцию передач на компьютере, планшете, смартфоне. Конечно, есть жесткая привязка ко времени начала просмотра, однако многие блогеры начинают стримы тоже ровно по расписанию (это — один из пунктов заимствования интернета у телевидения). Отмеченные особенности медиапотребления обнаруживают предпосылки к просмотру телевизионного контента детьми в привычном им, близком к интернету формате. Удержанию аудитории способствует и то, что детский контент на телевидении изначально был познавательно-развлекательным. На подобный тип контента ориентируются и создатели детского сегмента интернета. Таким образом, отличие возникает не в содержании, а в способе доставки информации потребителю, целевой детской аудитории.

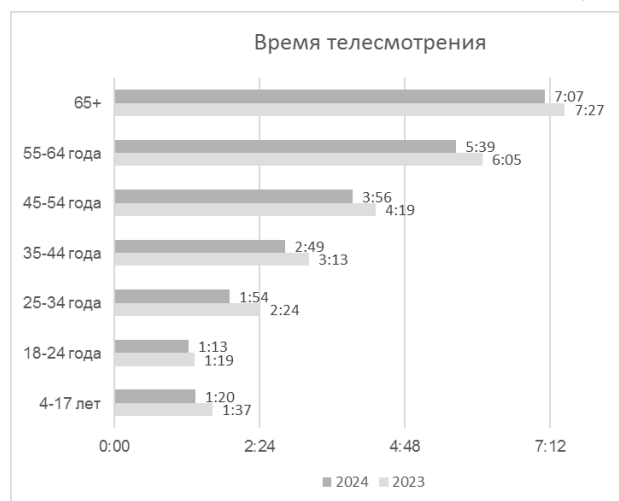
Влияние интернета на сегментирование контента и фрагментацию аудитории. Изначально телевидение было объединяющим фактором, предлагая общий для всех контент. Затем начался процесс сегментирования каналов: возникали нишевые, тематические площадки. Еще больше фрагментация аудитории усилилась под влиянием распространения интернета: соцсети, онлайн-площадки предлагают таргетированный контент, рассчитанный на узконаправленные вкусы и потребности аудитории, насчитывающей иногда несколько сотен потребителей. Хотя при этом наблюдаются и обратная тенденция: отдельные блогеры собирают многомиллионные аудитории, характерные для федерального телевидения с большим зрительским охватом, и начинают вести сетку из нескольких блогов, иногда совершенно разной направленности, фактически являясь интернет-аналогом телеканала.

В 2024 г. среднее время просмотра телевидения в сегменте от 4 до 17 лет составило 1 ч. 20 мин. Кажется, крайне мало. Однако это больше, чем в следую-

щей возрастной группе от 18 до 24 лет — 1 ч. 13 мин. Но при этом среднее время нахождения в интернете у обеих групп практически в два раза больше [4].

Время просмотра телевидения неуклонно сокращается, и это — устойчивая тенденция последних пяти лет. Но при этом увеличивается доля времени, отводимого на интернет. Для сравнения: в 2023 г. среднее время телевизионного просмотра составило 3 ч. 38 мин., а для пользователей интернета — 4 ч. 13 мин. Согласно данным исследований, дети от 4 до 6 лет проводят в интернете в среднем чуть более 2 ч. При этом видеоконтент составляет 60% от общего потребления (таблица 1).

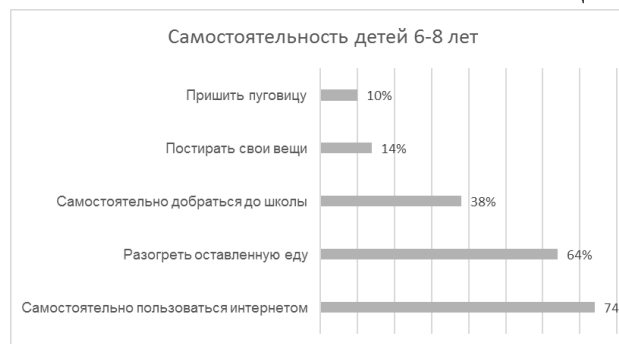
Таблица 1

Источник: составлено автором на основе результатов исследований [1, 2, 3].

В ряду ценностных ориентаций интернет занимает лидирующее место среди других навыков и умений детской аудитории. Так, если 74% детей от 6 до 8 лет умеют самостоятельно пользоваться интернетом, то, например, навыками самостоятельно разогреть еду обладают на десять процентов меньше, а доля тех, кто может сам добраться до школы, меньше почти в два раза (таблица 2).

Таблица 2

Источник: по данным «Медиаскопа» [4].

По данным компании «Мегафон», доля пользования мобильным интернетом среди детской аудитории

увеличилась на 26% по сравнению с 2022 г., однако содержательные предпочтения изменились. Около трети трафика дети по-прежнему тратят на просмотр видео, но теперь с ним сравнялись мессенджеры, чья доля выросла более чем в полтора раза [5].

Кросс-платформенность в конкурентной среде. Отмеченная здесь особенность — следствие цифровых трансформаций, благодаря которым аналогичный контент может одновременно появляться на телевизионном экране и в интернете. Чтобы выдержать конкуренцию, телевидению приходится создавать кросс-платформенный продукт.

На мировых интернет-площадках детский контент с 2020 г. входит стабильно в топ-3 по запросам. По данным «МТС Медиа», потребление детского контента на цифровых платформах выросло за первый квартал 2024 г. на 10–50% в зависимости от платформы. Суммарное время просмотра детского контента выросло на четверть [6].

Одна из главных типологических особенностей телевизионного вещания состоит в преобладании его информационной функции, которая приучает свою аудиторию к пассивной роли. В результате сам телевизионный канал останавливается в своем развитии как коммуникатор.

Интернет и новые медиа с присущими им возможностями интерактивного общения располагают более широкими способами взаимодействия с аудиторией, в результате которого выполняются дополнительные функции моделирования поведения, формирование привязанностей, создание условий для самореализации, творчества, причастности к коммуникативным сообществам и т.д. Иными словами, информационно-цифровые технологии способствуют социализации аудитории, изменению моделей социального поведения.

Медиакоммуникации в условиях цифрового индивидуального потребления. И в этом смысле — сама цифровая экосистема адаптирована к образу жизни детей, где все приспособлено под их привычки, запросы, культурные потребности, ценностные ориентации в условиях цифрового индивидуального потребления. Телевидение по природе своей предполагает пассивное потребление, поскольку у зрителя нет даже гипотетической возможности интерактивности — ответить на вопросы, пообщаться, высказаться. При этом пассивное потребление интернет-контента детьми при наличии возможности вступить во взаимодействие с контентодателем воспринимается ими как активное. Интернет-контент, в отличие от телевещания, предлагает иные функции коммуникации, иногда дистанционно, хотя и опосредованно, но все же служит средством социального общения. Согласно исследованиям, социальные сети становятся важным фактором социализации, способствуют адаптации ребенка к реальной действительности [7].

После того как для детей была выделена отдельная федеральная телеплощадка (канал «Карусель»), доля детского контента в эфире федеральных каналов снизилась. В настоящее время детский контент представлен в основном мультфильмами во время каникул на Первом и «России 1», а также познавательными передачами в выходные дни. На НТВ, например, детский контент вовсе отсутствует [8]. Что касается телеканала «Карусель», то он ориентирован преимущественно на младший возраст, до десяти лет. Подростки от 14 до 18 лет телеконтент для себя находят на каналах первого и второго мультиплекса в виде развлекательных программ и сериалов «Пятницы», ТНТ и СТС. Таким образом, аудитория от 10 до 14 лет — наиболее подходящего возраста для процессов социализации, фактически, лишена собственного телевизионного контента. В качестве предварительного вывода можно отметить, что коммуникативные стратегии современных классических СМИ недостаточно учитывают особенности детской аудитории.

Молодежь более старшей возрастной группы выбирает иную модель потребления, в соответствии со своими предпочтениями. Эфирное телевидение формирует сетку вещания, представляющую собой модель потребления контента. Как известно, оперативная сетка верстается на срок около месяца, эфиры к особым датам или спецпроекты формируются не менее чем за полгода, что существенно снижает оперативность реагирования на потребности зрителя. Кроме того, на структуру вещания оказывают существенное влияние рейтинги, личные вкусы и пристрастия медиаменеджеров, что сужает медиаменю (можно услышать «смотрю это, потому что больше ничего нет» про телеконтент, но к интернет-контенту такая фраза не применима).

Интернет предлагает максимально индивидуализированный продукт. Во-первых, благодаря тому, что выбор намного шире и разнообразнее, во-вторых, многие соцсети имеют алгоритмы подбора контента на основе предшествующих просмотров, формируя индивидуальное медиаменю для конкретного зрителя. Тем не менее не приходится говорить об отрыве зрителей друг от друга и неспособности соцсетей сформировать устойчивую аудиторию. Присущая человеческой природе потребность в формировании сообществ единомышленников находит выход в возможности оперативно реагировать на определенный тип информации, комментировать события, вступать в дискуссии, быть фанатом того или иного блогера, создавать собственный микроконтент по теме.

Заключение. В результате анализа обнаруживается устойчивая тенденция к снижению времени, проводимого детьми и подростками за просмотром телевизора, в пользу использования интернет-контента. Для этой возрастной группы интернет стал привычным и предпочтительным способом получе-

ния информации благодаря своей индивидуализированности и доступности в любое время. В результате телевидение утрачивает свою привлекательность для молодежи, поскольку не предлагает контент, соответствующий их интересам и требованиям.

Чтобы оставаться актуальным и конкурентоспособным, телевидению необходимо пересмотреть свои коммуникативные стратегии и адаптироваться к новым реалиям медиапотребления «цифровых аборигенов» молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасова К. Телепросмотр и телеизмерения / К. Ачкасова // Медиаскоп. — Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/4f0/ies9yvvhepsbbpsi0cjlbsjyn2fos2p/TeleMultiMedia_Forum%202024.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

2. Ачкасова К. CSTB-2024 / К. Ачкасова // Медиаскоп. — Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/fb5/b9kuwguwc85zse949uatkdqs2ay2fkdp/CSTB%202024.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

3. Ачкасова К. Медиапотребление 2023 / К. Ачкасова // Медиаскоп. — Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/226/e7lwh96qizxprwhf1rj2ttfzkwlle8vr8/медиапотребление%202023.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

4. Пикулева М. Kids&Teens: Большим о маленьких

/ М. Пикулева // Медиаскоп. — Режим доступа: https://conf.mediascope.net/media/2023/mediascopeconf_2023_m_pikuleva.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

5. Мегафон. Дети переключились с TikTok на мессенджеры. — Режим доступа: https://corp.megafon.ru/press/news/federalnye_novosti/federal/20231123-1001.html#:~:text=В%20целом%20дети%20стали%20тратить,на%201%2С3%20процентных%20пункта (дата обращения: 29.05.2024).

6. Бальмонт Е. В. «Исследование «МТС Медиа»: детско-родительский контент стал одной из самых растущих категорий в цифровых сервисах» / Е. В. Бальмонт // МТС Медиа. — Режим доступа: <https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-imire/2024-05-31/issledovanie-mts-media-detsko-roditelskij-kontent-stal-odnoj-iz-samyh-rastushhih-kategorij-v-cifrovyh-servisah> (дата обращения: 06.06.2024).

7. Дунас Д. В. Социализация и самореализация как ключевые мотивы медиапотребления (опыт исследования поколения Z в России) / Д. В. Дунас // Меди@льманах. — 2020. — № 5. — С. 25–34.

8. Долгова Ю. И. Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы / Ю. И. Долгова, Г. В. Перипечина, О. В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 61. — С. 237–255.

*Воронежский государственный университет
Ермилова Ю. В., соискатель
E-mail: u.v.ermilova@gmail.com*

*Voronezh State University
Ermilova Yu. V., Postgraduate Student
E-mail: u.v.ermilova@gmail.com*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАСРЕДЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

А. В. Землянский, Л. А. Кутнева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2024 г.

Аннотация: пандемия COVID-19, вызвавшая кризис здравоохранения во всем мире, сыграла ключевую роль в трансформации глобальной медиасистемы и поведенческих моделей медиапотребления. Так, в условиях неопределенности на первый план вышла потребность общества в достоверной и актуальной информации. Это привело, с одной стороны, к росту популярности традиционных СМИ, в особенности телевидения, а с другой — стимулировало активное развитие онлайн-медиа, мессенджеров и социальных сетей. В рамках данного исследования авторы проанализировали причины трансформации медиаиндустрии в период пандемии, провели статистический анализ предпочтений аудитории ключевых российских телеканалов, радиостанций и соцмедиа, выявили долгосрочные тренды в медиаотрасли, сохранившиеся и в постковидный период. В результате анализа авторы пришли к следующим выводам: пандемия COVID-19 ускорила процесс формирования гибридной медиасистемы, в которой гармонично сочетаются онлайн-инструменты цифровых СМИ и традиционные медиа; если на начальном этапе глобального медицинского кризиса аудитория обратилась к традиционным СМИ за верифицированной информацией, то в последующем, по мере развития инфодемии и роста недоверия к источникам информации, было зафиксировано «перетекание» пользователей в интернет, благодаря чему произошло быстрое расширение аудитории онлайн-площадок, что привело, в свою очередь, к изменениям в модели медиапотребления. Таким образом, можно утверждать, что пандемия коронавируса способствовала модернизации медиаиндустрии и интеграции передовых технологий в процесс производства и распространения медиаконтента.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, новые медиа, традиционные СМИ, социальные сети, подкастинг, медиасистема, медиапотребление.

Abstract: the COVID-19 pandemic, which triggered a global healthcare crisis, played a pivotal role in transforming the global media system and shifting media consumption patterns. In times of uncertainty, society's demand for accurate and timely information surged. This led, on the one hand, to a resurgence in the popularity of traditional media, especially television, and on the other hand, it spurred the rapid development of online media, messaging services, and social networks. In this study, the authors analyzed the underlying causes of the media industry's transformation during the pandemic, conducted a statistical analysis of audience preferences for key Russian television channels, radio stations, and social media, and identified long-term trends in the media sector that persisted into the post-COVID era. As a result of the analysis, the authors reached the following conclusions: the COVID-19 pandemic accelerated the formation of a hybrid media system, where digital media tools and traditional media coexist harmoniously. While the audience initially turned to traditional media for verified information at the onset of the global healthcare crisis, as the "infodemic" progressed and trust in information sources declined, a noticeable shift of users to the Internet occurred. This rapid expansion of online platforms' audiences subsequently led to significant changes in media consumption models. Thus, it can be argued that the coronavirus pandemic facilitated the modernization of the media industry and the integration of advanced technologies into the process of producing and distributing media content.

Keywords: coronavirus pandemic, new media, traditional media, social networks, podcasting, media system, media consumption.

Пандемия коронавируса выступила в роли катализатора трансформации медиасистемы, в результате сформировалась гибридная модель, соединяющая в себе новые медиа и традиционные СМИ. Такая диффузия привела к увеличению популярности определенных форматов и жанров, а также пользовательского контента. Границы между цифровыми медиа

и классическими оказались размыты, что позволило традиционным СМИ адаптироваться к новым постковидным реалиям. В результате медиа были вынуждены внедрять новые каналы распространения информации и инструменты подготовки контента. Так, например, новости стали транслироваться параллельно с телеэфиром в социальных сетях. Помимо прочего, возникла тенденция к коллаборациям, сотрудничеству традиционных СМИ с лидерами бло-

госферы, что позволило медиаорганизациям привлечь молодую аудиторию.

Телевидение. Введение карантина и других эпидемиологических ограничений способствовало повышению интереса к традиционным медиа, которые в последнее десятилетие постепенно теряли аудиторию [1]. В условиях инфодемии (профицита недостоверной информации о новом заболевании) общество сделало выбор именно в пользу классических поставщиков новостей. Так, самым популярным СМИ в период коронавируса стало телевидение: в среднем по миру общее время телесмотрения увеличилось на 10% [2]. По данным Nielsen, аудитория телевидения в США в сумме выросла на 60% за 2020 год, а аудитория конкретно еженедельных выпусков новостей — на 42% по сравнению с 2019 годом [3]. В России наблюдалась похожая тенденция: по данным Mediascore, во время карантина жители крупных городов проводили перед телевизором на 24% времени больше, чем до этого, а жители Москвы — на 30% [4].

Если до пандемии выход в прямой эфир корреспондента с помощью смартфона был скорее вынужденной мерой, то после неё, такой способ передачи информации стал обыденностью даже для мировых лидеров телевидения. Также журналисты всё чаще используют формат видеоконференций для того, чтобы взять комментарии у спикеров. Генеральный продюсер МТРК «Мир» Павел Корчагин считает форматы Zoom-конференций и скринлайф главными трендами, так как они «делают лица с телеэкрана ближе к аудитории, а сюжеты — более живыми и реальными» [5].

Начиная с 2022 года данный формат активно используется военными корреспондентами для освещения боевых действий на фронте и в прифронтовой зоне. Например, Первый канал в репортаже о ситуации в Донецкой Народной Республике использовал видео, снятое непосредственно бойцами Российской армии при их переходе через район Клещеевки с де-

монстрацией окружающего пейзажа и самого отряда (судя по всему, съёмка происходила с помощью камеры GoPro или ее аналога) [6]. Помимо прочего, новостные каналы активно интегрируют записи с телефонов и скринлайф как пользовательский контент для освещения кризисов и стихийных бедствий. Телеканал «МИР» в выпуске от 22.08.2024 г., часть которого была посвящена разрушительному тайфуну на территории Японии и Китая, использовал «картинку», запечатленную непосредственно жителями этих двух стран [7]. Канал DW использовал при монтаже репортажа о землетрясении в Японии видео, снятые и опубликованные пользователями интернета [8].

Тренд на использование онлайн-инструментов получил развитие не только в медиа, но и в журналистском образовании. Подобные подходы к проведению интервью включили в учебные пособия и программу обучения по журналистике некоторых университетов, например, Университета Орегона и Гарварда. Помимо этого, в таких изданиях, как National Geographic и The New Yorker, появились разделы, посвященные экспериментам в «Zoom-журналистике».

Радио и подкастинг. Пандемия коронавируса в 2020 году вызвала бурный рост IT-сервисов, но не поменяла кардинально отношение россиян к радио: 80% во время самоизоляции слушали его с той же частотой, что и раньше. Если обратиться к данным Mediascore, то можно заметить, что еженедельный охват на начальном этапе пандемии (первое полугодие 2020 года) в целом упал на 3–4% у всех радиостанций в сравнении с 2019 годом [9]. В период 2021–2023 гг. существенных изменений в радиопотреблении не наблюдалось (таблица 1). По словам Дмитрия Медникова, управляющего директора «Русской медиагруппы», «в период пандемии люди осуществили диффузию знаний о том, что слушать. Поэтому пандемия стала своеобразной „маркетинговой акцией“ в интересах радиостанций» [10].

Таблица 1

Радиостанция	Еженедельный охват аудитории			
	Октябрь 2018 — март 2019 г.	Январь — июнь 2020 г.	Октябрь 2020 — март 2021 г.	Октябрь 2022 — март 2023 г.
Европа Плюс	37%	34%	33%	31%
Авторадио	36%	33%	33%	33%
Дорожное радио	35%	31%	31%	32%
Русское радио	30%	28%	28%	28%
Ретро FM	30%	27%	27%	26%
Радио «Дача»	25%	24%	22%	23%
Радио «Шансон»	25%	22%	22%	21%
Радио Energy	17%	16%	16%	17%
Маяк	17%	16%	15,5%	17%
Вести FM	16%	15%	14,4%	18%

После пандемии, в 2023 году, серьезного оттока аудитории радиостанций в России не зафиксировано, но в 2024 году, по данным Mediascope, число слушателей снизилось на 0,7%, а продолжительность дневного прослушивания сократилась на 15 минут [11]. Еще один значимый тренд периода пандемии — колоссальный рост аудитории подкастов, что подтвердили совершённые сделки в сфере медиа. Яркими примерами стали покупка Amazon производителя подкастов Wonderly, покупка Facebook*¹ компании Vox, а также приобретение Spotify компаний Gimlet и Megaphone.

В период пандемии выросло количество подкастов и соответственно расширилась их аудитория. Так, CNN запустил бесплатный ежедневный подкаст Coronavirus: Fact vs. Fiction, его вел главный медицинский корреспондент издания Санджай Гупта. Согласно опросу международных издателей, в 2023 году 72% медиа планировали продолжать работу с подкастингом [12].

По данным на 2024 год, в мире насчитывается 505 млн. слушателей подкастов (на 8,6% больше, чем в прошлом году). Это составляет 23,5% всех пользователей интернета (график 1). За последние пять лет аудитория подкастинга выросла почти в два раза, в том числе быстрый рост отмечается и в России: уже в 2023 году активная аудитория подкастинга насчитывала около 10 млн. человек, а 10–12% слушали подкасты ежедневно [13]. Сегодня лидерами российского рынка подкастинга признаны Яндекс Музыка и Apple Podcasts (на них приходится порядка 60% аудитории), затем идут VK Музыка, «Звук», Google Подкасты и другие. При этом 41% россиян слушает подкасты по крайней мере несколько раз в неделю. Общее количество подкастов в России уже превышает 40 тыс.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

По данным глобальной системы анализа соцсетей DataReportal (2023 год), в России почти 90% населения пользуется интернетом [14]. Около 73% из них проводят время в соцсетях. 84% заходят в интернет в поисках информации, 68% удовлетворяют потребность в новостях. Таким образом, интерес к новостному контенту по-прежнему высок, исследователи связывают это прежде всего с насыщенными геополитическими событиями 2022–2024 гг. Согласно данным платформы по работе с блогерами Perfluence, в 2024 году ежедневно за новостями следят 20% пользователей, а 35% делают это раз в неделю [15]. При этом 17% опрошенных предпочитают традиционные СМИ, включая телевидение, в то время как 32% назвали основным источником информации новостные каналы в Telegram; на YouTube приходится

¹ Соцсеть запрещена на территории РФ и признана экстремистской.

13% россиян. Мессенджер и соцсети в качестве основного источника сегодня чаще всего выбирают молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. На вопрос о причинах популярности Telegram 24% из них ответили, что считают новости там наиболее объективными, 32% отметили интересный формат подачи, а 25% связали популярность новостной ниши Telegram с тем, что в принципе пользуются данным мессенджером для личных целей чаще, чем любой другой соцсетью (то есть это связано с удобством потребления информации).

В период первого года пандемии (2020 г.) мировая аудитория соцмедиа росла на 1,3 млн. новых пользователей ежедневно. Одним из основных факторов, способствующих росту популярности социальных сетей во время пандемии, является стремление реципиентов к просмотру развлекательного контента. Так, быстрый рост аудитории TikTok происходил за счет более «взрослых» пользователей социальных сетей, которые до пандемии не являлись ЦА платформы.

Последние данные показывают, что по состоянию на 2024 год социальными сетями пользуются 5,17 миллиарда человек, что эквивалентно 63,82% населения мира. Facebook* остается ведущей платформой социальных сетей с более чем 3,05 миллиарда пользователей [16]. Таким образом, за время пандемии аудитория соцмедиа выросла почти на 1 млрд. человек и продолжает расти.

По данным исследовательской компании Mediascope, в марте 2024 года мессенджер Telegram в русскоязычном сегменте насчитывал свыше 60 млн. среднесуточной аудитории, что является рекордным числом для социальных сетей в России. Соцсеть «ВКонтакте» заняла второе место с показателем в 56 млн. пользователей, а YouTube оказался на третьем со значением в 55,3 млн. человек. Эти данные подтверждают, что на Россию также распространяется общемировой тренд на расширение влияния социальных медиа, мессенджеров и других онлайн-платформ.

В период с 2020 по 2021 год по суммарному числу подписчиков в соцсетях (включая Instagram*², «ВКонтакте», Facebook* и X (бывший Twitter) газета «Комсомольская правда» обогнала другие издания с показателем в 2,8 млн. пользователей [17]. У «Ведомостей» — 2,4 млн. подписчиков, а у РБК — 2,37 млн. Активнее всего издания публиковали новости в X — суммарно 365 тыс. публикаций, из которых 33% приходилось на «Российскую газету» (график 2). Можно предположить, что такая популярность X у СМИ обусловлена низкими затратами на подготовку контента к публикации, поскольку размер поста там не может превышать 280 символов.

Второе место заняла «ВКонтакте» с показателем

² Соцсеть запрещена на территории РФ и признана экстремистской.

в 224 тыс. постов. Больше всего публикаций в данной соцсети (23% от общего числа) разместила газета «Московский комсомолец». На третьем месте оказались «Одноклассники» со 126 тыс. постов, где больше всего публикаций пришлось на долю «Известий» (27%).

На сегодняшний день для распространения контента российские СМИ используют в основном три соцсети: Telegram, «ВКонтакте» и «Одноклассники». В топ-3 самых цитируемых СМИ в социальных сетях за июль 2024 года, по данным «Медиалогии», вошли РИА «Новости» (226 800), ТАСС (203 580) и Regnum (13 217) [18]. Количество подписчиков (на 22.07.2024) у РИА «Новости» насчитывает 3,2 млн. в Telegram, 3,1 млн. в соцсети «ВКонтакте», 1,2 млн. в «Одноклассниках». У информационного агентства ТАСС — 248 тыс. в Telegram, 994 тыс. в соцсети «ВКонтакте» и 446 тыс. в «Одноклассниках». А у «Интерфакса» — 42 тыс. в Telegram, 78 тыс. в соцсети «ВКонтакте», 42 тыс. в «Одноклассниках».

Также среди актуальных тенденций медиапотребления оказались построение комьюнити, актуализация сторителлинга и формы привлечения внимания пользователей. У аудитории возрос интерес к так называемому «длинному чтению», созидательным и успокаивающим материалам, а также к достоверной аналитике, касающейся ситуации с коронавирусом; заметно усилился интерес к познавательному и образовательному контенту.

Среди трендов, обусловленных пандемией, можно также выделить возникновение нестандартных объединений-коллабораций для создания контента: блогеры всё чаще сотрудничают с профессиональными СМИ. Приведем примеры перехода российских телеведущих в блогинг и наоборот. Так, Анастасия Ивлеева, которая в период с 2017 по 2018 год была ведущей программы «Орел и решка. Перезагрузка» на телеканале «Пятница!», после ухода из шоу начала развивать YouTube-проект Agent Show, который в 2020 году транслировали по ТВ. Ивлеева также не раз работала телеведущей на «Муз-ТВ», принимала участие в проекте «Ивлеева vs Бедняков», в шоу «Тревел-батл» и в 2022 году стала участницей проекта «Сердце Ивлеевой» на «Пятнице!». Похожая ситуация наблюдалась и у блогера Иды Галич: в 2016 году она начала вести страницу в Instagram*, а потом активно развивать свой YouTube-канал (шоу «1-11», «Есть вопросы» «Я пережила»). Ведущая принимала участие в таких проектах, как «Закулисье шоу „Успех“» на СТС, «Орел и решка. Россия», «Ревизорро» на телеканале «Пятница!», «Аватар» на НТВ, «Богиня свиданий» и др. Тина Канделаки, в свою очередь, во время пандемии использовала личный бренд телеведущей, чтобы проводить прямые эфиры с известными людьми, такими как Сергей Минаев, Тимати, Лолита Милявская и т.д. Адаптация к новому медиформату в условиях самоизоляции для Канделаки

прошла в упрощенной форме благодаря уже созданному медиаобразу.

Еще одним примером диффузии новых и классических медиа является деятельность ведущей Ксении Собчак. До создания своего медиахолдинга «Осторожно Media» журналистка работала в таких телепрограммах, как «Дом-2» на ТНТ, «Блондинка в шоколаде» на «Муз-ТВ», вела ток-шоу «Госдеп с Ксенией Собчак», «Собчак живьем» на телеканале «Дождь»* и др. В 2020 году Собчак вела программу «Док-Ток» на Первом канале, параллельно с этим работая над своими мультимедийными проектами «Осторожно Media». В 2021 году команда Ксении Собчак официально зарегистрировала СМИ OSTOROZHNO. Стоит отметить еще одну коллаборацию: телеканала «Nickelodeon Россия» и блогерского дома XO Team. В феврале 2021 года канал анонсировал премьеру шоу собственного производства — «Герой дома». В марте 2021 года шоу посмотрело более 2 миллионов человек, а к апрелю оно вошло в топ-5 популярных передач на канале. Каждый эпизод шоу посвятили одному из участников блогерского дома XO Team, в котором ему нужно было пройти три испытания и заработать как можно больше баллов.

Таким образом, в период пандемии тренд на сотрудничество классических медиа с блогерами прочно закрепился в российской медиасреде. Приглашая блогеров в свои проекты, телеканалы смогли повысить узнаваемость контента среди новой, более молодой аудитории.

Также существенно увеличилась доля авторских медиа: свои блоги начали создавать не только профессиональные журналисты, но и представители самых разных творческих профессий, включая медиков. По данным агентства PRT Edelman Affiliate, в первом полугодии 2020 года резко возрос спрос на специализированную медицинскую информацию в социальных сетях [19]. Наибольший рост посещаемости был зафиксирован в аккаунтах гематологов (16%), неонатологов (10%) (Анна Левадная), кардиохирургов (Алексей Утин) (10%) [20]. Большую популярность в период пандемии получили Дарья Садовская (врач-нефролог), Олег Лоскутов (остеопат), Олег Абакумов (терапевт, пульмонолог), Светлана Ищенко (врач-инфекционист) и др. В целом в 2020 году число активных авторов (не только блогеров-врачей) существенно выросло — с 49 до 64 млн. [21]. Изменения произошли в первую очередь за счет заметного роста числа блогов в Instagram*, Youtube и Tiktok.

В 2024 году, по данным Perfluence, 25% россиян потребляют новостной контент именно через личные каналы блогеров [15]. А в Ассоциации блогеров и агентств (АБА) отметили значительный рост российского рынка инфлюенс-маркетинга на таких площадках, как «ВКонтакте», YouTube, Twitch, Telegram и Instagram*: в первой половине 2024 года

объем рынка составил 21,3 млрд. рублей по сравнению с 15,9 млрд. рублей в прошлом году [22], что также сопровождается увеличением доходов блогеров и сигнализирует о росте популярности пользовательского контента.

За время пандемии возросла популярность таких платформ, как «Яндекс.Дзен» («Дзен» с сентября 2022 года), специализирующихся на сторителлинге: у аудитории появилось время и возможность не только писать и читать истории, но и также активно их комментировать. Те же тенденции наблюдаются и в так называемой бренд-журналистике: на смену «сухой журналистике» пришли инструменты вовлечения аудитории в жизнь медиа. Так, бренды сегодня активно разрабатывают и продвигают свои собственные «социальные миссии», поскольку наблюдается общемировой тренд на этику и экологичность. Таким образом, на сцену вышла бренд-журналистика — стратегия, в рамках которой медиа не просто передают информацию, но еще и добавляют к ней «ценностную стоимость» [23].

ВЫВОДЫ

Пандемия COVID-19 ускорила глобальную трансформацию медиapotребления. Так, высокий уровень общественной тревоги, возникшей в результате эпидемиологических ограничений, стимулировал аудиторию обратиться к традиционным СМИ как к наиболее авторитетным и информированным источникам. В частности, существенно возросла популярность телевидения как главного поставщика достоверных новостей, о чем свидетельствуют исследования, проведенные как в России, так и за рубежом. Вместе с тем соцсети и онлайн-площадки также расширили свой охват и влияние, но преимущественно среди молодой аудитории. Причем если после первого года пандемии уровень популярности традиционных СМИ стал возвращаться к исходным показателям, то онлайн-ресурсы продолжает демонстрировать стабильный рост. Это связано прежде всего с их доступностью и скоростью подготовки и публикации контента, а также возможностью для реципиентов самостоятельно выбирать информационные каналы. Для традиционных медиа это стало серьезным вызовом; им пришлось адаптироваться к новым условиям рынка, например, внедрять онлайн-инструменты, такие как скринлайф и Zoom-конференции. Стоит также отметить, что данные форматы прижились на современном телевидении, так как способствуют привлечению новой, более молодой аудитории и позитивно сказываются на рейтингах новостных программ и ток-шоу.

Также благодаря пандемии резко выросла популярность подкастинга. Производители аудиоконтента быстро нарастили свои мощности, увеличив количество и качество подкастов. Аудитории также были предложены новые онлайн-платформы для

быстрого и удобного получения новостей, аналитики и интерактивного взаимодействия. По результатам исследований, тренд на развитие подкастинга сохраняется и в 2024 году.

Таким образом, пандемия коронавируса не просто запустила волну цифровизации и диверсификации медиapространства, но и породила тренд на гармоничное сосуществование новейших технологий с традиционными формами потребления информации. Такой симбиоз позволил и традиционным, и онлайн-СМИ удовлетворить весь спектр потребностей аудитории и создать наиболее эффективную и гибкую модель информирования общества. В результате инструменты и методы, которые традиционные медиа раньше рассматривали исключительно как вспомогательные, вышли на первый план и повысили качество освещения событий, начиная со скорости передачи информации и заканчивая уровнем вовлеченности пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Casero-Ripollés A. The Impact of Covid-19 on Journalism: A Set of Transformations in Five Domains // *Comunicação e sociedade*, 2021. — p. 53–69.
2. Schwab P. N. COVID-19: the impact on the future of the media industry // *Into The Minds*. — Режим доступа: <https://www.intotheminds.com/blog/en/impact-covid-media-industry/> (дата обращения: 05.09.2024).
3. COVID-19: Tracking the Impact on Media Consumption // Nielsen. — Режим доступа: <https://www.nielsen.com/insights/2020/covid-19-tracking-the-impact-on-media-consumption/> (дата обращения: 05.09.2024).
4. Болецкая К. Телеканалы готовятся к падению рекламы // *Ведомости*. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2020/04/08/827492-telekanali> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Медиарынок 2020: пандемия, e-commerce и трансформация контента // *Sostav.ru*. — Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/mediarynok-2020-46499.html> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Эксклюзивный репортаж Первого канала с передовой на Артёмовском направлении // *Первый канал*. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2023-08-31/460337-eksklyuzivnyy_reportazh_pervogo_kanala_s_peredovoy_na_artemovskom_napravlenii (дата обращения: 21.07.2024).
7. Новости 15:00 от 22.08.2024 // *YouTube*. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HlMzcuONx4E> (дата обращения: 21.07.2024).
8. Первые кадры землетрясения в Японии // *YouTube*. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Dj5D-9Zxqs> (дата обращения: 21.07.2024).
9. *Mediascope* // Режим доступа: <https://mediascope.net/data/archive/> (дата обращения: 10.08.2024).
10. Как пандемия изменила традиционные медиа // *к-ФОМ*. — Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/post/kak-pandemiya-izmenila-tradicionnye-media> (дата обращения: 12.07.2024).

11. Радио колонизируется // Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6552490> (дата обращения: 21.07.2024).
12. Newman N. Journalism, media, and technology trends and predictions 2023. — Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2023> (дата обращения 15.06.2024).
13. Подкасты слушают более 10 миллионов россиян // Российская газета. — Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/20/podkasty-slushaiut-bolee-10-millionov-rossiiian.html?ysclid=m03xgvmopp696551510> (дата обращения: 05.09.2024).
14. Digital 2023: The Russian Federation DIGITAL 2023: THE RUSSIAN FEDERATION // Datareportal. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 16.07.2024).
15. 57% россиян предпочитают узнавать новости из Telegram-каналов и от блогеров, а не от СМИ // Sostav. — Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/perfluence-statistika-issledovanie-novosti-smi-telegram-kanaly-67196.html?ysclid=m03wlyhq65325452827> (дата обращения: 21.07.2024).
16. Shubham Singh. How Many People Use Social Media. — Режим доступа: <https://www.demandsage.com/social-media-users/> (дата обращения: 21.07.2024).
17. Рейтинг печатных СМИ по суммарному количеству подписчиков во всех соцсетях // Livedune. — Режим доступа: <https://livedune.com/ru/blog/issledovaniya/pечатnyesmi2021> (дата обращения: 12.07.2024).
18. СМИ в соцмедиа: июль 2024 // Медиалогия. — Режим доступа: <https://www.ml.ru/ratings/media/socmedia/13322/> (дата обращения: 21.07.2024).
19. Воскобойникова А. П., Ушакова С. В., Рязанцев В. А. Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции. / А. П. Воскобойникова, С. В. Ушакова, В. А. Рязанцев // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 2022. — С. 179–192.
20. PRT Edelman Affiliate представил результаты исследования роста популярности медицинских блогеров в 2019–2020 годах // VC.RU. — Режим доступа: <https://vc.ru/u/37262-andrei-chervonskii/274856-kakih-meditsinskih-blogerov-smotreliv-pandemiyu> (дата обращения: 12.07.2024).
21. Чёрный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020 / В. Чёрный // Brand Analytics. — Режим доступа: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (дата обращения: 12.07.2024).
22. Тихонов П. Как блогеры становятся новым сегментом российской экономики / П. Тихонов // РБК. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/6526c1789a7947517dee134e?ysclid=m03xgj6q8e213494940> (дата обращения: 12.07.2024).
23. Корнев М., Нигматуллина К., Пуля В. 5 направлений в развитии новых медиа / М. Корнев, К. Нигматуллина, В. Пуля // Журналист.ru. — Режим доступа: <https://jrnlst.ru/5-trends> (дата обращения 15.06.2024).

Московский педагогический государственный университет

Землянский А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

Кутнева Л. А., студентка 3 курса Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: kutnevali04@mail.ru

Moscow Pedagogical State University
Zemlyanskii A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Journalism and Media Communications Department, Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

Kutneva L. A., a third-year student Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: kutnevali04@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ЧИСТЫХ ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М. Ю. Зулкифли

Университет Индонезии

Поступила в редакцию 19 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются пути научной коммуникации — способы сообщения результатов научных исследований через СМИ. Обосновывается необходимость изучения опыта эффективной коммуникации о преимуществах ядерной энергетики на примере работы «Росатома» индонезийскими специалистами из Национального агентства исследований и инноваций.

Ключевые слова: научная коммуникация, ядерная энергетика, просвещение, общественная роль СМИ, Индонезия.

Abstract: the article examines the ways of scientific communication — ways of communicating the results of scientific research through the media. It substantiates the need to study the experience of effective communication about the advantages of nuclear energy using the example of Rosatom by Indonesian specialists from the National Research and Innovation Agency.

Keywords: science communication, nuclear energy, education, public role of media, Indonesia.

В цифровую эпоху научная коммуникация крайне важна — ее отсутствие может стать причиной различных мистификаций [1], которые распространяются столь быстро, что приводят к дезинформации в обществе. Следует признать, что связь между наукой и обществом слаба — порой ученые коммуницируют лишь в узкой специализированной среде, не объясняя те или иные ситуации широкой общественности и не давая рекомендации правительству. На эффективность научной коммуникации также влияет культурный уровень общества в целом, сообществ, основанных на местных традициях (*local wisdom*) [2].

Ученые сосредотачиваются на сугубо научных аспектах, представляя результаты исследований на научных форумах, в то время как обычным людям нужны простые, понятные и интересные сообщения. Для преодоления этого разрыва абсолютно необходима стабильная научная коммуникация, задача которой заключается в том, что ученые должны объяснить последние достижения науки, а также убедить общественность в том, что они являются логичным и рациональным решением. При этом успех научной коммуникации также определяется уровнем общественного внимания к науке [3]. Для этого ученые должны иметь возможность популяризировать мир науки, ее достижения, в том числе через научно-популярную и художественную литературу [4].

Научная коммуникация с общественностью может осуществляться через три медиagrппы [5].

Традиционная журналистика. Преимущество классической журналистики заключается в том, что она охватывает широкую аудиторию качественной

информацией, производимой профессиональными журналистами. Традиционная журналистика часто также отвечает за определение повестки дня и влияние на политику правительства. Порой ученые бывают разочарованы тем, что журналисты слишком упрощают содержание материалов, со своей стороны журналисты считают, что с учеными трудно работать, поскольку они плохо подготовлены к тому, чтобы донести свою работу до широкой аудитории. Несмотря на эту потенциальную напряженность, сравнение деятельности ученых из разных стран показало, что многие из них довольны взаимодействием со СМИ и часто сотрудничают с ними.

Очные мероприятия. Вторая категория — это живые, или очные мероприятия, такие как публичные лекции в музеях или университетах, дебаты, выставки «научного искусства», научные кафе и фестивали науки. Гражданская наука, или краудсорсинговая наука (научные исследования, проводимые полностью или частично учеными-любителями или непрофессиональными учеными) могут проводиться лично, онлайн или в сочетании того и другого для участия в научной коммуникации. Исследования показали, что представители общественности ищут научную информацию, которая не только интересна, но и помогает гражданам критически участвовать в регулировании рисков и управлении наукой и технологиями. Поэтому важно помнить об этом аспекте при донесении научной информации до общественности, например, посредством мероприятий, сочетающих в себе научную коммуникацию и шоу, или во время научных дискуссий. Преимущество данного подхода в том, что он позволяет ученым непосредственно взаимодействовать с общественностью, обеспечивая

диалог с аудиторией. При этом ученые также могут лучше контролировать контент. Недостаток же метода заключается в том, что его охват ограничен, он требует много ресурсов и, как правило, является дорогим, поскольку интересен лишь аудитории, интересующейся наукой.

Онлайн-взаимодействие. В эту категорию могут входить веб-сайты, блоги, базы знаний и подкасты. Онлайн-методы распространения научных знаний потенциально способны охватить очень большую аудиторию, могут обеспечить прямое взаимодействие между учеными и общественностью, а их контент всегда доступен и контролируется учеными. Научное общение в интернете может помочь улучшить репутацию ученых за счет увеличения цитирования, лучшего распространения статей и налаживания нового сотрудничества. Онлайн-общение также допускает одностороннюю и двустороннюю связь, в зависимости от предпочтений аудитории и автора. Однако есть и обратная сторона: сложно контролировать, как контент воспринимается другими, и требуется регулярное внимание и обновление.

Помимо трех вышеупомянутых медиагрупп, назовем и **социальные сети** — современный двигатель научной коммуникации.

Остановимся и на трех фундаментальных проблемах, из-за которых ученый не может пропагандировать результаты своих исследований. Во-первых, языковая проблема. Ученым трудно перевести всю сложность науки на язык, понятный публике. Это связано с отличием научного и научно-популярного языков. Не каждый серьезный ученый способен быть хорошим популяризатором. Во-вторых, проблема восприятия. Ученые склонны представлять научные данные теоретически и отдают предпочтение точности, а не читабельности. Но обычные люди предпочитают узнавать о практической пользе науки. В-третьих, вопрос стоимости. СМИ по-прежнему считают, что наука не имеет особой новостной ценности. Оказывается, нелегко заинтересовать СМИ освещением событий с научной точки зрения.

Многие научные темы часто обсуждаются на различных медиаплатформах. Так, в середине 2006 г. международная общественность сомневалась в глобальном потеплении [6]. В связи с этим в настоящее время актуальна тема экологически чистых ядерных технологий, где энергетика представлена атомными электростанциями. Согласно энергетической дорожной карте, подготовленной Министерством энергетики и минеральных ресурсов Индонезии, известно, что новый целевой показатель спроса на ядерную энергию начнется в 2040 г. В контексте политики в законодательной сфере Совет народных представителей и Национальный энергетический совет должны реализовать обязательства правительства, изменив Национальную энергетическую политику, которая до сих пор считала ядерную энергетику последней

альтернативой, которая может стать высшим приоритетом энергетики. Кроме того, в процессе коммуникации и распространения информации для просвещения и общественной ответственности, конечно, правительству необходимо провести общественную кампанию по повышению уровня общественного признания атомных электростанций, как с положительной стороны в отношении преимуществ, так и в отношении рисков. Развитие атомных электростанций является необходимостью для Индонезии как крупнейшей страны-архипелага, поскольку это форма чистой энергии, которая соответствует энергетическому переходу для достижения цели нулевых выбросов углерода к 2060 г.

После проведения нескольких российско-индонезийских форумов создан план, который должен привести к заключению соглашений о сотрудничестве в области ядерных технологий. На встрече В. В. Путина и Джоко Видодо в 2022 г. был поднят вопрос о развитии индустрии ядерного огушения в Индонезии [7]. Госкорпорация «Росатом», обладающая опытом, компетенцией и передовыми технологиями, готова участвовать в совместных проектах по развитию атомной энергетики в Индонезии. Эти совместные проекты включают также проекты в медицине и сельском хозяйстве.

Кроме того, на пресс-конференции на международной выставке «Атом Экспо» в Сочи 22 ноября 2022 г. Индонезии было предложено немедленно построить атомную электростанцию, а не ждать до 2040 г. [7]. В отношении стихийных бедствий, таких как землетрясения и цунами, строительство атомных электростанций в Индонезии может осуществляться вполне безопасно, так как проводятся исследования по строительству АЭС в аварийно-опасных районах. Строительство АЭС также может стимулировать прогресс отечественного образования и науки. Это связано с тем, что в первую очередь необходимо подготовить человеческие ресурсы, которые будут эксплуатировать эту атомную электростанцию. Это даст огромный импульс развитию экономики повышения качества жизни. Если мы по-прежнему будем полагаться на электроэнергию, которая все еще основана на ископаемом топливе, это означает, что мы будем очень зависеть от цен на топливо, которые оспариваются во всем мире.

Хорошие отношения между Индонезией и Россией существовали на протяжении десятилетий, еще со времен Советского Союза. 31 июля 2024 г. президент Республики Индонезия, министр обороны Прабово Субианто встретился в Кремле с президентом РФ Владимиром Путиным в честь 75-летия установления дипломатических отношений между Индонезией и Россией. И эта встреча также открывает возможности для сотрудничества в атомной сфере, где обсуждения этого сотрудничества обсуждаются индонезийской стороной и Росатомом, вплоть до дис-

куссий относительно малых модульных реакторов и главных реакторов [8, 9, 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует большой потенциал сотрудничества «Росатома» и Индонезии. Как известно, в Индонезии в настоящее время имеются плавучие электростанции, которые размещаются на островах. Однако эти энергетические суда по-прежнему используют ископаемое топливо, такое как уголь и газ, которое не является полностью экологически чистым и, конечно, зависит от колебаний цен на мировом рынке. «Росатом» может предложить сотрудничество в строительстве плавучих электростанций с ядерными реакторами. Потому что атомная энергетика — это чистый и низкоуглеродистый источник энергии, который действительно безопасен для окружающей среды и обеспечивает преимущество высочайшей предсказуемости цен [11].

В Индонезии Национальное агентство исследований и инноваций является новым государственным агентством, образовавшимся в результате слияния нескольких неминистерских учреждений по исследованиям и технологиям: Министерства исследований и технологий, Национального агентства по ядерной энергии, Агентства по оценке и применению технологий, Национального института аэронавтики и космоса, Института индонезийской науки, а также Агентства исследований и разработок министерств и учреждений Индонезии. Национальное агентство исследований и инноваций продолжает то, что ранее было сделано Национальным агентством по ядерной энергии, включая информационно-просветительскую работу среди общественности.

На примере успешной научной коммуникации «Росатома» индонезийские СМИ могут более эффективно распространять информацию о ядерной энергетике среди общественности. Исследование опыта данной коммуникации [12, 13] ответит на один большой вопрос о том, как государственные СМИ в России доносят до общественности научную информацию об экологически чистых ядерных технологиях, представленных посредством атомной электростанции. Конечно, это будет значимым вкладом в работу ученых-ядерщиков Национального агентства исследований и инноваций и общественное просвещение в Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Supratman S. Permasalahan dalam Komunikasi Sains. *Global Komunika: Jurnal Ilmu Sosial Dan Ilmu Politik*. — 2020. — 3 (2). — P. 76–85.
2. Zulkifli M. Y. Isu Ekohidrologi Perdesaan dalam

Universitet Indonezia
Зулкифли Мухаммад Юнус, аспирант кафедры коммуникаций
E-mail: muhammad.yunus32@ui.ac.id

Komunikasi Sains: dari Masa Pandemi ke Tata Pemerintahan Desa menuju Indonesia Baru. In Sub Tema Kedaulatan Pangan: Merdeka Pangan, Sandang, dan Papan. — 2020. — P. 87–100.

3. Stilgoe J., Lock S. J., & Wilsdon, J. Why should we promote public engagement with science? *Public Understanding of Science*. — 2014. — 23 (1), 4–15.

4. Gregory J. & Miller S. *Science in public: Communication, culture, and credibility*. Plenum Press, 1998.

5. Bultitude K. The Why and How of Science Communication. In P. Rosulek (Ed.), *Science Communication*. Pilsen. — 2011. — P. 1–18.

6. Nisbet M. C. Framing science: A new paradigm in public engagement. In *Communicating science*. Routledge. — 2009. — P. 40–67.

7. Soal PLTN Indonesia, Perusahaan Energi Nuklir Rusia: Tak Perlu Tunggu 2040. *Tempo.Co*, 2022, November 29. — URL: <https://bisnis.tempco.co/read/1662231/soal-pltn-indonesia-perusahaan-energi-nuklir-rusia-tak-perlu-tunggu-2040>

8. Chaterine R. N. & Prabowo D. Bertemu Putin, Prabowo Ingin Buka Kerja Sama di Sektor Energi Nuklir. *Nasional.Kompas.Com*, 2024, July 31. — URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/07/31/23095031/bertemu-putin-prabowo-ingin-buka-kerja-sama-di-sektor-energi-nuklir>

9. Wiryono S. & Prabowo D. Prabowo Diterima Xi Jinping hingga Putin, Pakar: Beliau Urusan Internasional Beda dengan Jokowi. *Nasional.Kompas.Com*, 2024, August 1. — URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/08/01/16161591/prabowo-diterima-xi-jinping-hingga-putin-pakar-beliau-urusan-internasional>

10. Yahya A. N. Saat Putin dan Prabowo Saling Lempar Pujian dalam Pertemuan 4 Mata. *Nasional.Kompas.Com*, 2024, August 1. — URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/08/01/11590341/saat-putin-dan-prabowo-saling-lempar-pujian-dalam-pertemuan-4-mata?page=all>

11. Perusahaan Energi Nuklir Rusia Tawari Kerja Sama Bangun PLTN Terapung untuk Indonesia. *Tempo.Co*, 2022, November 29. — URL: <https://bisnis.tempco.co/read/1662213/perusahaan-energi-nuklir-rusia-tawari-kerja-sama-bangun-pltn-terapung-untuk-indonesia>

12. Меренков А. В. Взаимодействие с общественностью как условие развития ядерной энергетики / А. В. Меренков, Н. П. Дронишинец // *Социодинамика*. — 2022. — № 12. — Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39520 (дата обращения: 28.08.2024).

13. Горин Н. В. Проблемы управления: теория и практика / Н. В. Горин, Н. Л. Абрамова, С. В. Нечаева, О. Головицина // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2021. — № 87. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-u-naseleniya-vostrebovannogo-otnosheniya-k-atomnoy-energetike/viewer> (дата обращения: 28.08.2024).

Universitas Indonesia
Zulkifli M. Y., Postgraduate Student of the Department of Communication
E-mail: muhammad.yunus32@ui.ac.id

КОМИКСНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

И. Б. Игнатова

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2024 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию комикса как журналистского формата, предлагающего альтернативный подход к созданию и распространению разножанровых медийных материалов. Автор атрибутирует комиксную журналистику в качестве элемента медиакультуры, выполняющего роль посредника между замыслом автора и аудиторией. В работе на примере российских и зарубежных комиксных медиаматериалов исследуется роль комиксов в освещении сложных социально-политических вопросов.

Ключевые слова: комикс, медиакультура, комиксная журналистика, колумнистика, социальные проблемы.

Abstract: the article is devoted to the study of comics as a journalistic format, offering an alternative approach to the creation and distribution of media materials of different genres. The author attributes comic journalism as an element of media culture, acting as a mediator between the author's intention and the audience. The role of comics in covering complex socio-political issues is investigated in the work using Russian and foreign comic media.

Keywords: comic, media culture, comic journalism, columnists, social problems.

Как в отечественном, так и в зарубежном меди-апространстве комикс долгое время был на периферии, воспринимаясь как элемент субкультуры или развлечение для детей. Однако, начиная с 1990-х годов он постепенно проникает в сферу журналистики, благодаря чему возникают новые формы подачи информации, а также расширяются возможности взаимодействия медиа и аудитории.

В научном поле комикс определяют как креолизованный текст, состоящий из вербальных и невербальных компонентов, образующих единое визуальное, структурное и смысловое целое [1, 73; 2]. При этом для аудитории окончательный смысл комикса формируется под воздействием событийного контекста и фоновых знаний реципиента.

Комикс напрямую связан с другими формами искусства: литературой и живописью, поэтому ряд исследователей отмечают значительный нарративный потенциал комикса, обозначая его как рисованные истории или рассказы в картинках [3, 85–86]. При этом комикс сочетает в себе языковые и визуальные средства передачи информации, изображение и текст в нем выстраивают последовательную логику повествования.

Также для комикса характерна коммуникативная многоканальность, что является одним из свойств интермедийных систем повествования. Рассматривая комикс как особый интерязык, мы, с опо-

рой на основные постулаты семиотической традиции коммуникации как феномена культуры можем интерпретировать его в качестве особой знаковой системы, необходимой для понимания закодированного сообщения.

Автор книг по теории комиксов Скотт Макклауд определяет комикс как «иллюстративные и другие изображения, сопоставленные рядом в продуманной последовательности для передачи информации и / или получения эстетического отклика от зрителя» [4, 9].

Нам близко определение Яна Баэтенса, который рассматривает комикс как «постмодернистское медиа, форма повествования которого получает широкое распространение в рамках современной медиакультуры и коммуникации» [5, 27].

В целом в рамках журналистского дискурса мы можем рассматривать комикс в качестве поликодового текста, коммуникативная специфика которого основана на собственной многоканальности.

О. В. Онкович выделяет следующие разновидности комикса: графические новеллы, графические романы, рисованные истории, стрипы (газетный формат последней полосы) [3, 85].

В ряду этих форматов мы особенно выделяем графическую или комиксную журналистику, которую О. А. Коломиец определяет как форму журналистики, «при которой реальные события описываются в виде комикса, с использованием сочетания слов и визуального образа» [6, 92]. Сочетание вербальной

и пиктографической систем оказывает специфическое влияние на реципиента.

Комиксная журналистика часто рассматривается как жанр, однако мы полагаем, вслед за В. А. Бейненсон [7], что это все же формат, поскольку здесь встречаются и репортаж, и новость, и интервью, и отчасти графический роман, который сливается с репортажем.

Важно отметить, что в теории медиа и в журналистской практике остро стоит вопрос о разграничении понятий «жанр» и «формат». Популярным сегодня определением «формат» часто заменяют привычное определение «жанр». Однако жанр — категория более узкая, чем формат и гораздо более конкретная. Вопрос о том, как соотносятся и взаимодействуют категории жанра и формата — дискуссионный. В современной журналистике понятие «формат» довольно часто заменяет/подменяет категорию жанра.

Упомянутая выше В. А. Бейненсон определяет формат как «отражение формы, структуры, технологии. Он предполагает простор для экспериментов, имеет целью привлечь внимание, удивить» [7, 48]. Данное определение отражает специфику комиксных медиатекстов.

Тематика комиксной журналистики как правило остросоциальная: они посвящены социальным проблемам, военным конфликтам, геноциду, то есть темам, требующим особого осмысления. И в этом отношении комиксы, которые отличает коммуникативная многоканальность, представляются наиболее репрезентативным форматом.

В зарубежном медиаполе есть издания, полностью состоящие из стрипов, представляющих собой обзор последних или наиболее актуальных новостей. Среди них французское издание *La Revue Dessinée*, американские *The Nib* и *Symbolia*, где основной жанр — новостной комикс.

Однако для современного медиапространства чаще всего характерны не новостные комиксы, а репортажные. При этом они могут выходить отдельными изданиями, представляя собой что-то среднее между журналистским репортажем и графическим романом.

История современной зарубежной графической журналистики берет свое начало в 1990-х гг. с комиксов-репортажей Джо Сакко «Палестина», которые выходили с 1993 г. по 1995 г., а в 2016 г. были переведены на русский и изданы одной книгой. В 2005 г. в газете *The Guardian* Сакко опубликовал два восьмистраничных комикса «*Complicity kills*» («Самодовольство убивает»), посвященных событиям в Ираке, а в 2007 г. — историю «*Down! Up! You're in the Iraqi army now*» («Вниз! Вверх! Ты сейчас в иракской армии») в журнале *Harper's Magazine*.

В 2007 г. фотограф Дидье Лефевр вместе с художником Эммануэлем Гибером сделали комикс

«Фотография» на основе поездки первого в Афганистан с миссией «Врачей без границ». Их разговор о войне — это позиция наивного сочувствующего наблюдателя. В данном контексте вспоминаются книги Артема Боровика «Спрятанная война» и «Встретимся у трех журавлей», написанные им по следам командировок в Афганистан и рассказывающие о том, что человек делает на войне, и что война делает с ним. Их вполне можно было бы перевести в формат комикса, потому что тема и стиль автора дают для этого возможность.

В Индонезии в 2016 г. журналисты создали проект *Jurnaliskomik*, где основной способ подачи информации — комикс. По мнению создателя проекта Хасби Ильман Хакима подобная форма помогает аудитории лучше понять сложные события и темы. Комиксы *Jurnaliskomik* посвящены в том числе социальным проблемам. Например, авторы работы «Охрана морга» говоря о роли медработников в период пандемии COVID-19, комикс «Сострадание в Джакарте» посвящен жертвам домашнего насилия.

В 2016 г. в газете *The New York Times* вышла серия графических репортажей *Inside Death Row* («Внутри камеры смертников»), созданных карикатуристом Патриком Чаппаттом и его женой, журналисткой Анной-Фредерик Видманн. Материал рассказывает о том, как заключенные, приговоренные к смертной казни, борются с вопросами о справедливости, вине, наказании и искуплении.

В 2017 г. датские журналисты Торе Рёбер и Микель Соммер создали графический репортаж «Шангал», основанный на интервью с людьми, ставшими свидетелями геноцида в иракском городе Синджар в августе 2014 г. «Шангал» — это и комикс о войне, и репортаж, который балансирует на грани предмета искусства и журналистского материала. Он выполняет функцию медиатора, передающего информацию и требующего ее осмысления.

Отдельным блоком комиксной журналистики можно выделить медиапроекты о Холокосте, важной особенностью которых является то, что травматический опыт войн и репрессий переживался не только их очевидцами, но и поколением их потомков. Они «предлагают новый способ артикуляции травмы, присутствующей глобальному сообществу, расширяют потенциальные возможности визуального искусства для репрезентации трагических событий в целом» [8].

Отсчет комиксной журналистики о Холокосте можно вести с 1972 г., когда Арт Шпигельман нарисовал трехстраничный стрип для независимого журнала *Funny Animals*. В 1980 г. его комикс «Маус» был опубликован в андеграундном журнале *Pantheon Books*. В ряду комиксов, посвященных проживанию травмы геноцида, мы можем также выделить «Йосель: 19 апреля 1943» Дж. Куберта (2003), «Мы сами по себе» М. Катен (2006), «Второе поколение» М. Кичка (2016).

Таким образом, приоритетной задачей комикса в зарубежной медиакультурной практике является не развлечение, а информирование. Визуальная форма способствует более глубокому проникновению в трудные темы, эмоциональной включенности в историю.

В практике отечественной журналистики формат комикса представлен не так широко, как в зарубежной.

Например, в 2007–2011 гг. в общественно-политическом журнале «Русский репортер» каждый выпуск печаталась комиксная колонка — 5X20 см. Комикс был посвящен какой-либо анекдотичной новости из области политики или общественной жизни. В журнале «Деловой Петербург» публиковались комиксы «Городские зарисовки», которые рисовал комиксист Илья Обухов.

В качестве примера крупной комиксной формы мы можем привести графический репортаж «Странник», созданный русской писательницей Анной Рахманько и датским иллюстратором Миккелем Соммером. Проект основан на воспоминаниях и мечтах 46-летнего бездомного Вячеслава, легенды боёв без правил.

Однако встречаются и короткие комиксные формы-зарисовки. Например, постоянной рубрикой комиксы включены в содержание «Художественного журнала» — аналитического издания по теории искусства, обращенного к осмыслению актуальных художественных процессов и проблем. Через сатиру и иронию в комиксах журнала рассматриваются важные социальные проблемы. Например, материал «Слияние мокрого и коричневого» посвящен загрязнению рек сточными водами. При этом автор отсылает читателя к поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри»: «Ну вот, например, у Лермонтова сливаются Арагва и Кура. А дальше что?»¹.

Отдельный подвид комиксной журналистики — социальный комикс — визуальные истории, которые помогают привлечь внимание общества к стигматизированным темам и проблемам.

В России социальные комиксы появились около 15 лет назад. Авторы рассказывали о жизни с инвалидностью, о семейных трагедиях. Основные жанры социальной рисованной истории — комикс-дневник, путевые заметки, графический репортаж, комикс-биография.

Так, проект АНО «Семья детям» выпускает на своем сайте социальные комиксы для семейного чтения. Среди них «Никто не говорит об этом. А вы начните», посвященный проблемам насилия; «Без страха» — комикс о том, как ребенку бороться травлей и кибербуллингом.

Контент-бюро «Справочное бюро для медиа» запустил проект «Женский журнал», одним из форматов которого является социальный комикс, посвященный женскому здоровью.

В российском медиаполе комиксная журналистика не всегда обращена к острым социальным проблемам общества, она выполняет также образовательную функцию.

Так, в 2018 году главный редактор газеты «Якутск вечерний» В. Обедин запустил на страницах издания проект «История Якутии в комиксах». В качестве колумнистов, которые рассказывали историю региона с цитатами из архивных документов и летописей, выступали Господин Ондатра и Лось Сохатыч. Всего вышло 40 комиксов.

Издание о биологии и медицине «Биомолекула» создает комиксы на различные темы: биотехнология от лица молекулярного биолога Пробирочки, криминалистика (комикс, посвященный судебно-медицинской генеалогии), стволовые клетки и пр.

Образовательный проект «Вера и Фома» в 2021 г. и 2022 г. выпустил анимационную «Историю в комиксах» для детей.

Выше среди жанров комиксной журналистики мы выделили интервью. Подобных примеров в отечественном медиaprостранстве не так много. Мы выделим, например, интервью Артемия Лебедева изданию Look At Me, которое он дал в 2013 г. Разговор был посвящен городскому дизайну.

На основе приведенных примеров мы можем говорить о том, что лишенная остросоциального характера комиксная журналистика в отечественном медиадискурсе не становится менее интересной.

Изучение комиксной журналистики с точки зрения присущих ей свойств в современной медиакультуре позволяет сделать несколько выводов.

Прежде всего, подобный подход заставляет пересмотреть отношение к комиксу как к исключительно сатирическому формату в журналистике, имеющему сходные черты с карикатурой. Визуальная природа комикса, его внешняя атрибутика — сочетание графики с текстом — способ подчеркнуть проблему, дать иную точку зрения, разговаривать просто о серьезном.

Во-вторых, мы можем говорить о том, что комикс в медиа — полижанровый формат, где доминирующей основой кажется изображение, однако это не так. При этом он может быть воплощен как новость, репортаж, графический роман и пр. Пересекая границы жанров, комикс в журналистике позволяет иначе посмотреть на освещаемую тему.

В-третьих, комиксные медиатексты можно рассматривать как колумнистику, в том числе, потому что большая их часть посвящена остросоциальным вопросам. Авторская колонка всегда написана на «злобу дня» и предлагает нестандартные мнения и точки зрения, имеющие дискуссионную природу.

¹ Литический Г. Слияние мокрого и коричневого / Г. Литический — Режим доступа: <https://moscowartmagazine.com/issue/51>

Таким образом, будучи феноменом массовой культуры, комикс отражает картину мира, этические идеалы и ценности общества. В сочетании с задачами журналистики это приобретает особую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71–78.
2. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Высшая школа, 1990. — С. 180–186.
3. Онкович О. В. Комиксы как форма визуальной медиакоммуникации / О. В. Онкович // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. Сборник статей международной научно-практической конференции. — Казань: КФУ, 2015. — С. 85–92.
4. Макклауд С. Понимание комикса: невидимое искусство. авторская книга, первое издание / С. Макклауд — М.: Белое Яблоко. — 2016.
5. Baetens J. (2008) Stories and Storytelling in the Era of Graphic Narrative. Amsterdam: Amsterdam University Press. — Pp. 27–44.
6. Коломиец О. А. Комикс как инструмент журналиста (на примере комикса Джо Сакко «Палестина») / О. А. Коломиец // Век Информации. 2019. — № 7 (1) — С. 125–131.
7. Бейненсон В. А. Комикс как формат в отечественной мультимедийной журналистике / В. А. Бейненсон // Челябинский гуманитарий. — № 3 (52). — 2020. — С. 47–61.
8. Гущина А. Холокост в комиксах / А. Гущина // Батенька, да вы трансформер. — 2019. — Режим доступа: <https://batenka.ru/aesthetics/reading/holocaust-comics/> (дата обращения: 10.12.2024)

Московский педагогический государственный университет

Игнатова И. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University

Ignatova I. B., Candidate of Philology, Associate Professor, Journalism and media communications Department named after V. A. Slavina

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

МИШЕНИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

М. В. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Е. В. Тишина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Поступила в редакцию 30 октября 2024 г.

Аннотация: на материале текстов телеграм-канала «Новой газеты» выявляются те стороны и явления российской действительности, которые оказываются мишенями информационно-психологической войны (православная церковь, политический курс России, президент, принимаемые законы и т.д.), анализируются изобразительно-выразительные средства, применяемые журналистами с целью оказания воздействия на умонастроения читателей. Делается вывод о том, что изучение репрезентации мишеней информационно-психологической войны актуально и значимо для выработки мер противодействия внешней и внутренней агрессии в интересах России и безопасности российского социума и государства.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационно-психологическая война, мишень, языковые средства манипулирования, информационная безопасность, защита от манипуляции.

Abstract: based on the material of the texts of Novaya Gazeta telegram channel, those sides and phenomena of Russian reality that turn out to be targets of information and psychological warfare (the Orthodox Church, the political course of Russia, the president, the laws passed, etc.) are revealed, the visual and expressive means used by journalists to influence the mindset of readers are analyzed. It is concluded that the study of the representation of targets of information and psychological warfare is relevant and significant for developing measures to counter external and internal aggression in the interests of Russia and the security of Russian society and the state.

Keywords: mass media language, verbal manipulation, information security, target, protection against manipulation.

Изучение новых способов ведения информационно-психологической войны (далее ИПВ) представляет большой интерес не только для политологов, военных и экспертов по национальной безопасности, но и для филологов, так как «именно язык служит неотъемлемой составляющей реализации военных стратегий и тактик информационно-психологического противоборства» [1, 47]. Объектом информационно-психологического воздействия является сознание человека и общества в целом, а мишенями — понятия и представления о таких связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются односторонней негативной оценке и, соответственно, дискредитации [2, 172]. Понимание важности защиты национальных интересов в информационной сфере стимулирует реакцию филологического сообщества на вызовы времени и обуславливает рост соответствующих научных публикаций [3–7 и др.].

В данной статье при помощи анализа текстов «Новой газеты» (далее НГ) мы попытались отметить те стороны и явления российской действительности,

которые оказываются мишенями информационно-психологической войны, подвергаются дискредитации с целью манипулятивного воздействия на сознание читателя.

Материалом для нашего исследования стал исследовательский корпус, состоящий из 20 текстов НГ, объектом критики в которых становится РПЦ, политический курс России, ее лидер, принимаемые законы и т.д. Выбор газеты обусловлен ее статусом иностранного агента и повышенным вниманием к вопросам внутренней и международной политики. Критерий наличия в тексте дискурсивной практики ИПВ — специфическая тональность, связанная с внедрением в общественное сознание чувства неуверенности и страха, общий негативный вектор оценки того, что происходит в России.

В «мишени пропагандистского воздействия может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта информационно-психологической войны» [8, 23]. Так, центральными мишенями информационных атак журналистов «Новой газеты» становится внутренняя политика российского государства, аппарат

президента и сам президент В. Путин. Приведем некоторые примеры: *Сейчас же речь о государстве, дающем установки на жестокость, культивирующем худшие черты, что, похоже, происходит уже на конвейере, автоматически. ...судя по тому, что они говорят и куда ведут страну... До сих пор он* (речь о В. Путине) *хотел бы остаться в истории «воссоединителем русского мира», а не тем государем, который вернул в Россию эшафот: символ «вышки» способен заслонить более мутное и все еще не достигнутое «воссоединение»* (Л. Никитинский. Суд клинча. Еженедельный обзор перспективных способов смертной казни в РФ, 02.04.24); *Представляя себе будущее России, Путин видит ее именно такой: гомогенной и лишенной за ненадобностью людей колеблющихся, то есть в первую очередь гуманитарной интеллигенции, а заодно и технической, хотя второе уже «издержки»* (Л. Никитинский. Диктатура культуры. Пропаганда и насилие — две стороны одной медали, отчеканенной в РФ, 20.02.24). Россия представлена страной, которая идет в противоположном направлении от культурно-цивилизационного развития Запада (*существенна борьба с западным миром, борьба систем ценностей. Традиционной этики, из варварства растущей, против этики, восходящей к европейскому гуманизму...*). Воплощением авторитарного режима, установившегося в России, по мнению автора, оказывается президент России. Журналист использует такие наименования, как «государь», «воссоединитель русского мира». Последнее словосочетание отсылает читателя к образу московского князя Ивана III, активно объединявшего в период своего правления русские земли вокруг Москвы, что придает высказыванию обвинительно-ироническую тональность. Подчеркивается агрессивная политика В. В. Путина и Кремля по отношению к интеллигенции, Россия представлена в виде авторитарного государства, выбравшего курс на жестокость и уничтожение всех несогласных.

Информационной атаке в НГ подвергается тема принятия законов и тема судебных разбирательств. Цель — создать негативный информационный фон за счет повышения социальной напряженности и недовольства политикой властей среди россиян. Так, в статье А. Тарасова о законе, разрешающем эвтаназию дворняг на Чукотке, журналист подчеркивает только выгодные ему моменты, говоря, что жестокость к собакам — это узаконенное властью средство сплочения людей: *Это стимуляция низменного. У Андрея Платонова есть об этом традиционном занятии: «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства»* (20.02.24). Особенностью данного текста является высокая степень обобщения: отрицательная реакция проявляется не в оценке определенной ситуации, как это бывает в аналитических текстах,

а в оценке предмета речи в целом — всей ситуации, всей деятельности российских властей.

Согласимся с мнением В. И. Шаховского, говорящего о том, что «СМИ, несомненно, через провокативные эмоции управляют разумом человека, т.е. вынуждают его, не всегда сразу заметно, подчиняться себе и думать, а также поступать в том направлении, в котором было запланировано» [9, 212]. Составной частью ИПВ является манипуляция. Она может проявляться в использовании слов, содержащих в своей семантической структуре компонент негативной оценки или отрицательной эмоции (*ненависть, деградация, репрессии в общественном пространстве, режим отжима* и др.): *И дело, в котором теперь появился мотив политической ненависти, слушают по новой. А свидетели — старые* (Т. Брицкая «Против действующей власти», 21.02.24). *Итак, КС принял позу «ждуна», гарант годит. Политические фигуры второго ряда несут пургу* (Л. Никитинский. Суд клинча. Еженедельный обзор перспективных способов смертной казни в РФ, 05.04.24). В статье «Суд клинча» автор при помощи жаргонных, просторечных слов (*мент, батька, круче нашего*), авторских новообразований и сравнений (*«всенароду» время от времени надо кидать, как кролика в клетку удаву, какую-то жертву на растерзание*) формирует эмотивное пространство текста и усиливает давление на читателя.

Мишенью ИПВ в рассматриваемых текстах НГ оказывается православная церковь и духовные ценности русского народа, которые журналистами политизируются: *Афины и Ватикан «впали в экстремизм»: Православная Греция легализовала однополые браки, а РПЦ нацупала точку для раскола христианства — сексуальную* (А. Солдатов, 22.02.24); *РПЦ задумала построить в Териберке православный туркокомплекс* (Т. Брицкая, 24.05.24); *Ну, а если не отягощенный русский человек что-то подумает, то это и зовется «народной правдой». Когда же «народная правда» с государственным интересом в согласие приходит, то это зовется «соборностью»* (Р. Шамолин «Кони бледные». На философском соборе обсудили «духовный» переход к военному сознанию, стремление к смерти и лозунг «все дозволено», 01.04.24). Дискредитация духовных ценностей происходит при помощи постановки слова «соборность» в один ряд с такими понятиями, как «народная правда», «государственный интерес». Автор статьи в них сомневается, поэтому они закавычиваются. Очень часто в публикациях НГ преобладает эмоциональная оценка, иногда анализ подменяется яркими сатирическими картинками: *Народ России смотрит куда-то не туда. Народу России предложили смотреть на святое, на милосердие, на память о героях, на умных деточек и благодарных мамочек. А народ тарасился на виляющие задницы. Мамочки и деточки говорили важные высокие слова. А виляющие задницы*

пomalкивали в тряпочки (точнее — в стринги). И вот эти практически беззвучные безмолвные попы одержали победу над попами с разгромным счетом. Родина, мы скорбим (А. Минкин о рождественской встрече Путина с женами и детьми погибших героев СВО, 13.02.24). Для усиления воздействия автор применяет эпитеты в сочетании с уменьшительно-ласкательными именами существительными, разговорные слова, фразеологизмы (*пomalкивали в тряпочки*), омонимы (*попы — попы*), прибегает к иронии. Все это формирует экспрессивный подтекст, создающий эмоционально-оценочный фон.

Активно журналисты НГ откликаются на ситуации, которые могут привести к дальнейшему столкновению власти и народа. Так, статья, посвященная ликвидации стихийного мемориала возле концертного зала «Крокус Сити Холл», подогревает эмоции людей, журналист негативно оценивает всю ситуацию в целом, всю деятельность властей, а не только действия конкретных людей, приказавших убрать мемориал. Приведем небольшую выдержку из публикации: *Огромный, многометровый, стихийный, созданный руками людей, переживающих горе, мемориал у «Крокус Сити Холла» убрали спустя три недели после трагедии. Это событие, как и любое другое, невыгодное властям, в теленовостях решили не замечать, но люди не могли его не заметить* (Н. Петлянова. Осталась маленькая клумба и мусорные баки с цветами и игрушками, 22.05.24). Темой статьи Т. Брицкой «Культ небоскреба» тоже является противостояние народа и власти. Публикация посвящена требованию жителей Мурманска остановить строительство собора и музея, посвященного СВО: *людей никто не спросил. Слушания проходили онлайн, их результаты не опубликованы. ...у митрополита руки ловкие: возглавить кафедру, будучи разведенным и второбрачным (эта опция вообще исключает священство), — не всякий сможет. Клирик и царедворец* (речь о губернаторе Мурманска) *вряд ли опасается разоблачения, он нынче в фаворе: Митрофан Баданин — один из главных церковных пропагандистов СВО. Обе бывшие жены Баданина живут и здравствуют, многочисленные родственники трудоустроены в РПЦ* (22.05.24). Журналист использует уничижительные обращения (*клирик и царедворец*), ярлыки (*главный церковный пропагандист СВО*), намекает на нечестное поведение представителей светской и церковной власти, чем вызывает у адресата состояние подозрения, формирует эмоциональную составляющую для восприятия текста.

Одним из самых частотных средств ИПВ в анализируемых текстах НГ выступает ирония — «вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [10, 227]. Подтверждением отмеченной особенности могут слу-

жить следующие текстовые фрагменты, в которых реализован прием иронии: *Этот год станет рекордным по числу осужденных «госизменников» и «шпионов». По данным судебного департамента, за весь 2022 год осудили 17 человек по статьям «государственная измена» и «шпионаж». В 2023-м этот норматив суды выполнили шустрее: в первой половине года за «госизмену» реальные сроки получили 15 человек, двое — за «шпионаж». Про оправдание и говорить не приходится. На прошлой неделе реальный срок за «госизмену» получил ученый Анатолий Губанов (кстати, глава Совбеза Патрушев удивляется, что ученых резко стало меньше — к чему бы это?)* (А. Карев, 04.11.23); *К вечеру 24 февраля журналистам в пункте отбора на военную службу говорили, что контракты подписали уже около тысячи человек. Если это так, то на военную службу решил отправиться чуть ли не каждый шестой гость фестиваля: по итогам мероприятия руководство «Экспофорума» отчиталось о шести тысячах посетителей* (Н. Петлянова. Мир с винтовкой, 26.02.24); *29 марта на юрфаке МГУ представители Следственного комитета и компания маститых правоведов провели лекцию-конференцию на тему — «Геноцид: вызовы современности». Присутствовали и обрабатывали студентов правильными мыслями: зампред Госдумы Яровая, министр юстиции Чуйченко, уполномоченный по правам человека в России Татьяна Москалькова, режиссер Михалков и другие* (М. Ситкин, 30.03.24).

Рассмотренные примеры содержат признаки ИПВ, объектом воздействия которых является массовое сознание россиян, а мишенью — РПЦ, политический курс России, президент В. В. Путин, государственные и судебные решения. Думается, что дальнейшее изучение репрезентации мишеней ИПВ в целях информационно-психологического противоборства своевременно и необходимо для выработки мер противодействия внешней и внутренней агрессии в интересах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнерук С. Л. Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов) / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4 (70). — С. 47–54.
2. Копнина Г. А. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, А. П. Сквородников // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 1. — С. 170–180. [tsionno](#)
3. Бернацкая А. А. Русский язык в контексте проблем национальной безопасности / А. А. Бернацкая // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 2. — С. 196–218.
4. Бернацкая А. А. Признаки информационно-психологической войны в переводной художественной литера-

туре / А. А. Бернацкая // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4–1. — С. 92–104.

5. Копнина Г. А. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, Е. В. Еремина // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. — 2023. — № 16 (6). — С. 895–910.

6. Коцюбинская Л. В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования / Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 53–59.

7. Сковородников А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагма-

тический аспект / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 31–40.

8. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с.

9. Шаховский В. И. «Медиароддом» эмоциональных рефлексом / В. И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса. — 2017. — № 19. — С. 212–220.

10. Сковородников А. П. Ирония / А. П. Сковородников // Культура русской речи: энцикл. слов.-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Наука, 2003. — С. 227–229.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Калинина М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Тишина Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
E-mail: lena-tishina@yandex.ru

Volgograd State Institute of Arts and Culture
Kalinina M. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»
Tishina E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Philology Department
E-mail: lena-tishina@yandex.ru

КОНТЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ЧАСТНЫХ ГОРОДСКИХ НОВОСТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ Г. СОЧИ)

А. О. Канайлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 июня 2024 г.

Аннотация: в статье выявляются базовые характеристики контентных моделей пяти частных новостных СМИ г. Сочи, а также предпринимается попытка определить их роль в городском новостном дискурсе. Полученные результаты показывают, что, делая акцент на событиях определённой локализации и тематики и формате подачи материала, каждое издание вносит свой вклад в формирование единого новостного дискурса в достаточно насыщенной городской медиасистеме.

Ключевые слова: контент-модели, региональные СМИ, частные новостные СМИ.

Abstract: this article identifies the main characteristics of the content models of five Sochi's private news media and seeks to determine their role in the city news discourse. The work shows that the information space of Sochi is characterized by significant media saturation. Focusing on a specific topic and presentation form, each media contributes to the formation of a single urban news discourse, thus justifying its existence in the city's media system.

Keywords: private local media, regional media, content models.

Введение. Многоуровневый характер российской медиасистемы [1] обуславливает важность в ней региональных новостных ресурсов, которые лучше соответствуют информационным запросам локальной аудитории, нежели федеральные [2]. Это, в свою очередь, способствует устойчивому интересу к медиа данного типа со стороны научного сообщества. При этом исследования 2010-х гг. обычно включали либо анализ одного издания какого-либо региона, либо сопоставление СМИ (чаще всего традиционных городских газет) из разных городов [3]. Таким образом, картина того, о чем и как пишут локальные медиа формировалась на основе одного и чаще всего классического газетного издания города / региона. Однако увеличение доступности цифровых технологий и развитие рыночных механизмов привело к появлению во многих городских медиасистемах достаточно большого количества частных новостных ресурсов, что способствовало становлению более разнообразной с точки зрения типологии и форматов системы СМИ [4].

Помимо этого, цифровизация стала одной из причин того, что в начале 2020-х гг. внимание исследователей всё больше сосредотачивается на новых медиа, существующих на социальных платформах и оказывающих заметное влияние на городские медиасистемы [5]. Однако перенимая часть функционала традиционных средств массовой информации, новые медиа существуют с ними в тесном взаимодействии и создают в городском новостном про-

странстве единый медиапоток [6]. Представление об отличительных характеристиках новых городских медиа в первой половине 2020-х гг. станет более полным, если мы будем понимать, какая база уже была создана в городском медиaprостранстве традиционными СМИ к концу 2010-х гг. В связи с этим представляется актуальным выделение характеристик частных городских новостных изданий и определение их контентных моделей. И в первую очередь речь идёт об онлайн-изданиях, которые во второй половине 2010-х гг. стали выступать в роли одного из главных источников информации [1].

Активное участие власти в финансировании региональных СМИ приводит к тому, что издания становятся монологичны, а реальная повестка заменяется надуманной [7–8]. В случае же наличия в городской медиасистеме достаточно большого количества именно частных новостных ресурсов можно предположить, что у них больше шансов быть менее зависимыми от местной администрации. Это позволяет им функционировать как политематические и полифункциональные ресурсы [9], а также создавать в той или иной степени отличную от официальной новостную повестку, по-разному распределяя новостные потоки и расставляя акценты.

Чтобы понять, как реализуется данный принцип в случае с изданиями одного города, необходимо провести сопоставление нескольких новостных ресурсов и выявить характеристики их контентных моделей и типологические отличия, определить степень вовлечённости изданий в городскую новостную дискурс. Обращение к СМИ Сочи в данном исследовании обу-

словлено тем, что они ранее не включались в исследование, однако при этом, будучи частью достаточно насыщенной медиасистемы активно развивающегося города, могут служить показательным кейсом.

Методика. Среди отличительных черт медиасистемы Сочи в конце 2010-х гг. можно обозначить большое для города такого масштаба количество официально зарегистрированных СМИ (более 50 по состоянию на ноябрь 2019 г.), отсутствие крупных онлайн-СМИ, игравших к этому времени важную роль в системах новостных медиа многих крупнейших городов страны (например, городских онлайн-медиа Shkulev Media Holding), «соседство» крупных акторов (медиахолдинга «Макс Медиа Групп», филиала ВГТРК) с множеством небольших СМИ, прежде всего онлайн-новых. Многие из них создавались в то время, когда активно говорили о тяжёлом положении региональных изданий — в 2014–2017 гг. И в силу своей многочисленности эти медиа «второго эшелона» выделялись важными для городской медиасистемы в конце 2010-х гг.

Получалось, что на первый взгляд очень схожих между собой акторов, вовлечённых в городскую систему распространения новостного контента, было много, однако оставалось неясным, привнесли ли они в дискурс что-то новое и насколько оправдано их совместное присутствие в медиасистеме. Чтобы найти ответы на данные вопросы, мы включили в выборку три новостных онлайн-СМИ, основанных в 2016–2017 гг.: «Сочи Экспресс», «Диалог — Сочи» и «Сочи-новости», а также возобновившую в 2016 г. выход газету «Черноморская здравница» и интернет-версию «Народной газеты Сочи», которая, в эти годы преимущественно уйдя в онлайн, изменила стиль.

Таким образом, объектом исследования стали контент-модели пяти частных сочинских СМИ, предметом — основные характеристики материалов, отражающие специфику их контентных моделей. Общее количество закодированных текстов — 908, которые распределились по изданиям следующим образом: «Черноморская здравница» — 238, «Народная газета Сочи» — 285, «Диалог — Сочи» — 119, «Сочи Экспресс» — 228, «Сочи — новости» — 44.

В качестве основного метода в работе был выбран контент-анализ. Материалы были проанализированы по следующим параметрам: локализация объекта публикации, жанры и тематика. В основу нашего кодификатора легли матрица, разработанная Л. Г. Свитич, О. В. Смирновой, А. А. Ширяевой, М. В. Шкондиным и др. [5], и предложенная А. В. Колесниченко система жанров, используемых в онлайн-СМИ [10]. В ходе работы мы дополнили список тем и разделили их на два крупных тематических блока: «Социально значимая тематика» и «Криминал, происшествия, лайфстайл», чтобы по возможности подробно охарактеризовать контент изданий и их модели.

Рамки данного исследования обозначены ноябрем 2019 г. — данный период выбран по нескольким причинам. Во-первых, это время до пандемии COVID-19, которая существенным образом повлияла на работу СМИ и медиа в цифровом пространстве. Во-вторых, это переходный период между курортными сезонами, что позволяет изданиям уделить достаточное количество внимания тому, что не связано с курортной жизнью города и его рекреационной направленностью.

Результаты исследования. Проведенный анализ дал нам возможность отметить, что всем изданиям свойственны сосредоточенность на происходящем в черте города, доминирование новостных материалов, слабый интерес к использованию разных жанровых форм и политематичность. Исследуемые СМИ практически не затрагивали политику, публикации о деятельности местной и краевой администраций были крайне малочисленны. При этом у каждого из них можно выделить ведущую тематическую «специализацию», и в целом их подходы к работе с местной повесткой различны.

Обозначим сначала общие тенденции, отмеченные при работе со СМИ, а после — дадим краткую характеристику каждому из них, выделяя наиболее характерные особенности их контентных моделей.

Локализация объекта публикации

Несмотря на приоритет местной новостной повестки («Народная газета Сочи» — 89,1%, «Диалог — Сочи» — 83,2%, «Сочи Экспресс» — 76,3%, «Сочи — новости» — 85,4%), онлайн-издания — в силу существенно различающихся объёмов публикуемых материалов — могут быть разделены на два типа: в общем сосредоточенные на освещении городских событий и количественно производящие большой объём материалов о происходящем в городе. Отдельно выделяется печатная «Черноморская здравница», демонстрируя наибольшее разнообразие освещаемых событий — лишь в 55,5% случаев речь идёт о Сочи. Анализ представленности в текстах СМИ событий с иной локализацией также указывает на разные способы расстановки ими акцентов, что позволяет говорить о разных моделях. На это же указывает и выбор ими жанровых форм для работы с инфоповодами.

Жанровая палитра

Отмечается, что возможность поставить на поток процесс создания новостей при минимальных затратах приводит к доминированию в информационном потоке новостных заметок [10–11]. Полученные в ходе текущего исследования данные подтверждают факт преобладания в городских СМИ короткой и расширенной новостей (ведущий тип новостей издания определяют по-разному). Остальные журналистские жанры используются редко. При этом у каждого издания можно выделить свой «набор» жанров, однако представлены они крайне слабо: от 1 до 9 материалов в месяц — в онлайн-СМИ, и до 15 — в газете.

В силу значительной разницы в объёме информации, которую возможно передать в коротких новостях и материалах иных жанров, при определении тем публикаций материалы были разделены на два блока: короткие новости и остальные жанры.

Тематика публикаций

Анализ тематических предпочтений в обоих блоках и сопоставление данных между собой дали основание предположить, что и в рамках социально значимых тем, и в рамках лайфстайла у каждого издания есть своя «специализация». Так, в рамках социально значимых тем преобладают у «Черноморской здравницы» — экология и образование, у «Народной газеты Сочи» — экология, у «Диалога — Сочи» — работа городских органов власти и деятельность общественных организаций, социальная тематика, у «Сочи Экспресса» — работа органов правопорядка, экология, недвижимость, у «Сочи-новостей» — недвижимость и ЖКХ.

Также было отмечено, что издания отличаются не только общим количеством освещаемых тем, но и тем, сколько внимания уделяется каждой из них. Возможно, так СМИ, формируя общий городской новостной дискурс, некоторым образом разделяют «сферы влияния» на городском информационном поле и дополняют друг друга. Объединяет все СМИ интерес к теме досуга, отдыха и туризма, что объясняется рекреационной направленностью самого города Сочи.

Контентные модели изданий. Обобщая полученные данные о базовых характеристиках новостных СМИ, мы можем дать краткое описание контент-модели каждого из них.

«Черноморская здравница» — традиционное печатное СМИ, освещающее наиболее разнообразные по локализации события и использующее при этом наибольшее количество жанровых форм. Социально значимая тематика оказывается лучше раскрытой в коротких новостях, в то время как лайфстайл-темы шире представлены в материалах иных жанров. Будучи изданием, ориентированным, скорее, на возрастную аудиторию, газета выбирает и соответствующие её интересам стороны жизни города.

«Народная газета Сочи» — информационный портал, работающий преимущественно в жанре короткой новости и в наибольшей степени сосредоточенный на внутригородской повестке. Издание охватывает широкий спектр тем, не вдаваясь в подробности. Примечательна значимость спортивной тематики, которая слабо представлена в других СМИ. Иногда выбор событий для освещения может быть обусловлен присутствием на них учредителя — Татьяна Черноваловой.

«Диалог — Сочи» — новостное медиа, анализ материалов которого позволяет предположить, что одна из наиболее значимых для издания — коммуникативная функция. Проявляя довольно слабый интерес

к сфере лайфстайла, СМИ сосредотачивает внимание на социальной тематике, а также наиболее активно пишет о деятельности местной администрации.

«Сочи Экспресс» — издание, фокус внимания которого очевидно смещён в сторону отработки инфоповодов в рамках тем «правопорядок» и «чрезвычайные ситуации». Также издание обращается преимущественно к жанру расширенной новости, уделяя отдельное внимание подкреплению материала комментариями компетентных лиц.

«Сочи-новости» — наименее активное СМИ, которое практически не работает с короткими новостями. В публикациях освещаются в основном наиболее характерные для города-курорта темы. Выделяется издание за счёт более интенсивной работы с темой недвижимости, что может быть обусловлено предполагаемым информационным партнёрством медиа с сетью агентств недвижимости Домиан.гу.

Заключение. Мы увидели, что, по-своему представляя акценты и более глубоко прорабатывая определённые темы в наиболее подходящих, по мнению редакций, жанровых формах, СМИ по возможности балансировали общую картину. Однако в то же время в ходе исследования стало понятно, что большой популярностью данные ресурсы не пользуются: тираж «Черноморской здравницы» не превышал 3 500 экз., а счётчики просмотров каждого материала на сайтах онлайн-СМИ не достигали 1 000 просмотров, что в масштабах Сочи совсем незначительно.

По сути, в рамках сочинской медиасистемы традиционные новостные СМИ количественно составили видимый новый сегмент с достаточно разнообразным контентом. Однако влиятельными и востребованными широкой аудиторией в конце 2010-х гг. они не были. Становилось очевидно, что на данное место постепенно начинало претендовать множество игроков из сферы новых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медиасистема России: Учебник для студентов вузов / Под ред. Е. Л. Вартаковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
2. Свитич Л. Г. Методологические предпосылки системного исследования городских газет / Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова, А. А. Ширяева, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. — 2013. — Т. 4. — № 1. — С. 5–19.
3. Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. Контент-аналитическое исследование. Коллективная монография / Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова, А. А. Ширяева и др. — Факультет журналистики МГУ, Москва. — 2016.
4. Лизунова И. В. Современный региональный рынок печатных СМИ: медианасыщенность и перспективы развития / И. В. Лизунова // Труды ГПНТБ СО РАН. — № 2. — 2011. — С. 134.
5. Dovbysh O. Do digital technologies matter? How hyperlocal media is re-configuring the media landscape of a

Russian province / O. Dovbysh // Journalism. 2020,— Volume 22.— Issue 12.— P. 2895–3103.

6. Nygren G. Local media ecologies: Social media taking the lead / G. Nygren // Nordicom Review.— 40 (Special Issue 2).— 2019.— P. 51–67.

7. Довбыш О. С. Специфика взаимодействия СМИ и властей в российских регионах / О. С. Довбыш // Журналистский ежегодник.— № 4.— 2015.— С. 158–163.

8. Соломин В. Е. Роль региональных сетевых СМИ в отражении общественных событий: автореф. дис. кандидата политических наук.— Спб.— 2013.

9. Лободенко Л. К., Заикова О. Н. Региональные интернет-СМИ: особенности и этапы становления /

Л. К. Лободенко, О. Н. Заикова // Научное мнение.— 2015.— № 7–1.— С. 131–135.

10. Колесниченко А. В. Востребованность жанров журналистских текстов в онлайн-СМИ. / А. В. Колесниченко // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика.— 2018.— № 1.— С. 26–42.

11. Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю., Образцова А. Ю., Вартанов С. А. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура. / А. В. Колесниченко, А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. Ю. Образцова, С. А. Вартанов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика.— 2017.— № 5.— С. 51–71.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Канайлова А. О., соискатель кафедры теории и экономики цифровых медиа

E-mail: anna-kanailova@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Kanailova A. O., Candidate of the Department of Theory and Economics of Digital Media

E-mail: anna-kanailova@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

М. Е. Кудрявцева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. Ульянова (Ленина)

Поступила в редакцию 19 февраля 2025 г.

Аннотация: *учитывая рост значимости профессии коммуникатора в современную эпоху необходимо пересмотреть подходы к его образованию. Наиболее продуктивными подходами, помимо компетентностного, представляются ценностный, холистский и субъектно-деятельностный. Продуктивность данных подходов обеспечивается соответствующими педагогическими стратегиями, в число которых входит стратегия создания контекста и стратегия максимальной проблематизации содержания образования.*

Ключевые слова: *образование, педагогические стратегии, профессиональный коммуникатор, ценностный, холистский, субъектно-деятельностный подходы.*

Abstract: *given the growing importance of the profession of a communicator in the modern era, it is necessary to reconsider approaches to its education. The most productive approaches, in addition to the competency-based approach, are value-based, holistic and subject-activity-based. The productivity of these approaches is ensured by appropriate pedagogical strategies, which include the strategy of creating a context and the strategy of maximum problematization of the content of education.*

Keywords: *education, pedagogical strategies, professional communicator, value, holistic, subject-activity approaches.*

Профессия коммуникатора в настоящее время становится все более универсальной, сейчас мир является свидетелем того, как специалисты по связям с общественностью успешно управляют человеческим сознанием для решения самых разных своих задач — от благородных и социально важных до откровенно человеконенавистнических. И этот факт уже находится как в поле научной рефлексии теоретиков, так и в поле размышления практиков. Так, отмечается размытие границ между PR, SMM, маркетингом и рекламой, персонализация коммуникаций, использование VR и других новейших технологий, а также появление таких профессий, как продюсер смыслового поля, редактор агрегаторов контента и менеджер кросс-культурной коммуникации [1].

Примечательно, что в качестве одной из актуальных в коммуникационной индустрии называют еще и такую форму профессиональной деятельности, как «евангелистическое» направление. Современные евангелисты коммуникационных профессий несут знания в общество, рассказывая о перспективах новых технологий: это IT-сфера, блокчейн, криптовалюта, а также новейшие достижения медицины и технологической сферы» [2, 108]. Коммуникационных

евангелистов часто называют «технологическими пиарщиками»: они предлагают обществу идею — определенную инновацию — поддерживают и продвигают ее, внедряют на рынок и делают общепринятым стандартом [3].

Все это свидетельствует о росте значимости профессии коммуникатора как интерпретатора информации, способного организовать смысловое поле, определить стратегические направления продуктивной коммуникации и в идеале действительно способствовать гармонизации социальных отношений. Поэтому самое время озадачиться тем, какими будут профессиональные коммуникаторы, ответственные за выполнение указанной социальной миссии. Несомненно, что они должны обладать определенными качествами, такими как развитое мышление, гражданская ответственность, готовность к служению обществу и включенность в широкий культурный контекст. Однако, например, положение дел с мышлением студентов, с их культурным кругозором, с их ориентацией на гражданское служение обстоит не так, как хотелось бы. С нашей точки зрения, если трезво взглянуть на положение дел, то можно отметить, что с каждым годом оно медленно, но верно ухудшается.

Отметим некоторые особенности мышления современного студента (хотя, конечно, всегда есть те,

кто резко и в лучшую сторону отличается от общей массы). Современный студент в лучшем случае обладает рассудочным, прагматическим мышлением, однако совершенно не расположен к теоретическому обобщению, неспособен мыслить в перспективе и ретроспективе, учитывать контекст и подтекст, неспособен к панорамному мышлению. Ухудшилась и способность к метафорическому мышлению, необходимому для творческих решений, совершенно не задействовано так называемое «периферийное» мышление, ориентированное на кажущиеся мало-значительными явления.

Студенты перестали быть восприимчивыми ко всем разновидностям комического, кроме откровенно примитивных, а понимание такого опасного социально-эстетического феномена, как пошлость, затрагивающая все сферы социальной жизни, в понимании молодежи полностью сводится к понятию непристойного. Понятие же благопристойной пошлости для многих из них полностью недоступно. В целом можно сказать, что мышление студентов становится все более плоским, одномерным и ориентированным на однозначные стереотипные оценки фронтального здесь-и-сейчас существования.

Одной из причин такого положения дел является *цифровой фактор*. Развитие цифровых технологий ведет к тому, что аналоговое мышление человека постепенно вытесняется цифровым, ориентация на восприятие текста сменяется ориентацией на визуальное восприятие. Однако прогресс остановить невозможно, и на эту реальность вряд ли уже удастся как-то существенно повлиять. Второй фактор — общая *потребительская установка* молодого человека, входящего в жизнь. Установка на потребление и инициируемый им гедонизм не способствуют развитию подлинного мышления, которое, наоборот, рассматривается как мешающее радостям жизни. Эту установку изжить гораздо сложнее, чем сформировать. И все же у общества пока еще остались возможности влияния на данную ситуацию: образовательная реальность находится в наших руках, причем не столько в руках чиновников министерства образования, сколько в руках самих педагогов.

Нам представляется, что еще одна серьезная причина нынешнего положения дел с мышлением студентов связана с проблемами *методологии современного профессионального образования*. Господствующим подходом в образовании продолжает оставаться компетентностный подход (КП), преимущество которого по сравнению с предыдущим, знаниевым, заключается в том, что он в большей степени ориентирует на запросы работодателя и в целом на успешность профессиональной деятельности. Не ставя в целом под сомнение обоснованность данного подхода, отметим некоторые его недостатки, которые, в частности, и привели к нынешним проблемам с мышлением современного студенчества.

Во-первых, уже с самого начала внедрения данного подхода в образование появилась тенденция к умножению компетенций. Сложилось впечатление, что адепты его стремятся представить личность профессионала как сумму компетенций, тогда как личность вообще не может быть сведена к сумме чего-либо. Стало очевидно и то, что проверить уровень сформированности отдельных компетенций, особенно в количественных показателях (а иных современный мир не признает), практически невозможно, поскольку отдельных компетенций нет и не может быть, а есть личность, в той или иной степени компетентная в своей профессиональной области. Еще А. С. Макаренко отмечал, что невозможно сформировать отдельное качество личности в отрыве от всех остальных, не задев их [4]. Отдельно можно формировать только функциональные навыки.

Недостаток КП заключается даже не в опасности доведения его до абсурда, сколько в самой его природе. Так, исследователи отмечают, что противоречие было заложено в реализации КП в образовательном процессе вузов «в результате смешения в новых образовательных стандартах двух изначально принципиально разных подходов: «определения компетенции как оценки уровня социализации и компетенции как стандартизации профессиональной подготовки»» [5]. Отмечается также и другое противоречие, состоящее в предположении, что можно оценить результаты формирования и развития общекультурных компетенций у обучающихся здесь и сейчас.

Самая же главная претензия к КП связана с его позитивистской направленностью. Так, Е. Н. Захарова отмечает, что «ключевым принципом КП к образованию является ориентация на результаты, значимые для сферы труда» [6]. Между тем ключевым принципом профессионального образования должна быть его фундаментальность, которая по сути обеспечивается в том случае, «если человек обучен тому, что лежит в основе, в фундаменте его профессии» [7, 44]. Фундамент любой профессии строится на основе принципа междисциплинарности, через обращение к самым разным областям знания, не имеющим непосредственного соприкосновения с осваиваемой профессией. КП этого не предполагает. Приведем убедительную точку зрения относительно принципов КП: «...Основополагающей в нем является... скорее, идея исключения из содержания образования всего того, что не имеет непосредственного отношения к его будущей профессии. Эта идея реализуется путем представления содержания образования в виде набора компетенций, необходимых для выполнения профессиональных функций» [8, 35]. Представляется, что такая редукция профессионального образования к обучению профессиональным функциям непродуктивна, даже если смотреть на профессиональную подготовку с чисто экономической точки зрения, поскольку решение экономических проблем

всегда должно учитывать определенные политические, социальные и культурные контексты. К сожалению, как отмечает А. А. Поляруш, «центральную догму о предназначении профессионального образования лишь для формирования чисто профессиональных навыков, заключающихся в овладении чисто практическим действием, трудно не только разрушить, но даже расшатать» [9].

Обращает на себя внимание тот неприятный факт, что студенты уже привыкли к тому, что главная задача высшего образования не готовить их к серьезной и осмысленной профессиональной деятельности, поднимая их мышление на более высокий уровень, а учить их конкретным методам и приемам ее осуществления. Поэтому они часто отмечают, что теории им дают слишком много, а практики им не хватает. Теорию же они воспринимают чаще всего отдельно, без всякой связи с практикой. Этот факт симптоматичен и свидетельствует об утрате в обществе понимания самого смысла высшего образования, который не может быть прагматическим. Можно сказать так: если мы поставим цель подготовки фундаментально образованного специалиста, способного к теоретическим обобщениям и включенного в широкий культурный контекст, то получим хорошего практика. Если поставим цель подготовить хорошего практика — получим в лучшем случае исполнителя поставленных кем-то конкретных задач. В дополнение к эмоциональному высказыванию А. А. Поляруш относительно трудноразрешимой догмы о профессиональном образовании хотелось бы добавить, что именно широкий фундаментальный подход к нему в высшей школе отличает его от среднего специального профессионального образования.

Отдельно следует поднять вопрос и о методических приемах, инициированных компетентностным подходом. Сейчас много работ посвящено геймификации образования, в частности деловым играм, призванным воспроизводить профессиональную обстановку [10]. Не отрицая обучающего потенциала деловой игры, позволим себе усомниться в том, что в ее процессе возможно воссоздание реальной деловой ситуации, которая всегда является на порядок сложнее и проблематичнее, чем это представляется в игре. А равно и субъекты реальной ситуации многомернее и сложнее. В итоге мы зачастую имеем дело не более чем с квазипрофессиональной деятельностью.

Как представляется, образование в широком смысле слова — это умение видеть проблему и правильно ставить вопросы, умение искать на них ответы, а также умение делать выводы с помощью логики (как формальной, так и диалектической) на основе минимальной осевшей в памяти информации. Профессиональное образование коммуникатора — это умение видеть свою профессию в широком и очень проблематичном политическом, экономическом и со-

циокультурном контексте, умение выбирать продуктивную в данных контекстах в данное время коммуникационную стратегию и способность выбирать оптимальные пути и инструменты ее реализации.

Высшее профессиональное образование, по нашему глубокому убеждению, призвано в первую очередь формировать идеальный образ профессии и только на основе этого идеального образа ориентировать на освоение практических умений и навыков. У студента должна быть возможность сопоставлять конкретные профессиональные ситуации с тем, какими они должны быть в идеале. Если такую возможность не предоставить будущему профессионалу, в его сознании не сможет сложиться разграничения должного и насущного аспектов его будущей профессии, кроме того и сама профессия утрачивает в таком случае возможный импульс к дальнейшему развитию. Трудно не согласиться с таким утверждением: «Образовательный процесс призван формировать способ мышления, способный схватывать всеобщее, т.е. идеальное. Практическая же деятельность, к которой призывают адепты компетентностного подхода, может охватить лишь некоторые факты бесконечной действительности» [11, 232].

Попробуем представить идеальный образ профессионального коммуникатора. Можно было бы определить его так: это посредник между многообразными социальными субъектами, организующий смысловое поле, способствующее сохранению общества от распада и сохранению человека как многомерного существа. Для того, чтобы двигаться к этой цели, необходимо наличие определенных ценностных, мотивационно-волевых и когнитивных компонентов.

Ценностные компоненты предполагают использование ценностных критериев, соблюдение которых далеко не исчерпывается ориентацией на общественное мнение и страхом потерять репутацию. Необходимо понимание феномена цивилизационных ценностей, определяющих культурную идентичность человека. Для профессии коммуникатора, учитывая, что на российскую почву она попала к нам из США, этот вопрос цивилизационных ценностей особенно актуален. Дело в том, что вместе с моделями новой для России профессиональной деятельности пришли новые ценностные модели, внедрявшиеся в сознание молодежи последовательнее и интенсивнее, чем ценностные модели отечественной культуры.

Но даже наличие у профессионального коммуникатора «правильных» цивилизационных ценностей не будет продуктивным, если в его сознании нет места диалектическому мышлению. Взаимодействие со сложным миром общественного сознания, влияние на него, создание смыслов начинается, говоря словами Э. В. Ильенкова, «с трезвой и острой фиксации реальных противоречий жизни, мира, внутри которого живет человек — существо, наделенное, в отличие

от окружающего его мира, сознанием и волей. Сознанием противоречий и волей с ними справиться» [12, 69]. Диалектическое мышление и волевая установка на преодоление коммуникационных противоречий окружающего мира и обеспечивают необходимые мотивационно-волевые и когнитивные компоненты профессионала в области коммуникаций.

Любая социальная наука, в том числе и коммунология, также стоит перед выбором метода исследования своего объекта (общественного сознания). Профессиональный коммуникатор должен быть способным осуществлять многочисленные эмпирические исследования мнений своих целевых аудиторий, интерпретировать результаты и на их основе разрабатывать и реализовывать коммуникационные стратегии, программы и кампании. Если задача заключается только в поиске эмпирических закономерностей, можно вполне успешно применять в качестве обобщения индуктивный метод (неполную расширяющуюся индукцию).

Однако в реальной деятельности коммуникатора чаще всего этого оказывается недостаточным. Имея дело с общественным сознанием, профессиональный коммуникатор должен быть способен понимать и интерпретировать мотивы человеческого поведения. Поэтому он должен владеть прагматическим (герменевтическим) методом исследования. При котором «... смысл реализуется как истолкование (интерпретация), совершаемое посредством знания предпочтений (ценностей) людей, различного рода чувств, эмоций, мыслей, идеалов, верований, мотивов, устремлений, целей, интересов и экзистенциалов» [13].

И все-таки конечной целью деятельности профессионального коммуникатора является изменение человеческих мнений, оценок и в конечном итоге изменение поведения. И здесь прагматический метод уже оказывается недостаточным. И в этом случае необходимым оказывается владение также и гипотетико-дедуктивным методом (несмотря на то, что этот метод традиционно считается малопродуктивным для социально-гуманитарных наук), который «не ограничивается объяснением уже известных явлений, но позволяет предсказать еще не обнаруженные феномены» [14]. Именно для использования этого метода необходимо владение широкими теоретическими знаниями, относящимся к разным, в том числе не только гуманитарным областям, которые позволяют устанавливать функциональные связи между социальными действиями. Отметим также, что для того, чтобы успешно применять как герменевтический, так и гипотетико-дедуктивный метод, необходим определенный личностный контекст или фон. Для профессии коммуникатора, профессии гуманитарной, таким контекстом является пласт культурных ассоциаций, складывающийся в процессе общекультурного образования.

Какие же методологические подходы, не отрицая продуктивности компетентностного, можно было бы использовать в образовании профессиональных коммуникаторов, исходя из сказанного выше?

Необходимо отметить, что в последние годы наметилась тенденция к расширению общекультурной подготовки специалистов, появилась ориентация образования на междисциплинарность. Но представление о том, как междисциплинарность должна реализовываться в системе профессионального образования, пока не сложилось, пока это выступает только в виде фрагментарных инициатив. Для полноценной же реализации необходимы соответствующие подходы к профессиональному образованию в целом.

С нашей точки зрения, первым таким общим подходом должен стать *ценностный*, предполагающий формирование в образовательном процессе определенных ценностных критериев, с помощью которых может даваться оценка продуктивности профессиональной деятельности коммуникатора для человека и общества. По сути дела, реализуя ценностный подход, профессиональное образование реализует свою воспитательную функцию (ведь образование — это не только обучение, это еще и воспитание). Ценностный подход также призван обеспечить гражданские и уже упоминавшиеся выше цивилизационные ценности.

В качестве второго общего подхода можно предложить *холистский* подход, предусматривающий целостный взгляд на объект, которым является идеальный образ профессиональной деятельности. В образовании коммуникатора холизм реализуется как единство теории и практики, единство общегуманитарного и профессионально-технологического компонентов, как целостность и взаимосвязь всех сфер, где реализуется коммуникационная деятельность: государственной, политической, экономической и культурной.

И третьим общим подходом должен быть *субъектно-деятельностный* подход. Становление профессионала должно осуществляться через деятельность. Но, во-первых, через деятельность, понимаемую максимально широко, не только как практическую, но и мыслительную, предполагающую установку на непрерывное осмысление материала. Во-вторых, это должна быть именно субъектная деятельность, не отделимая от субъекта, в том смысле, который вкладывал в нее С. Л. Рубинштейн. Особенно это актуально сейчас, в эпоху активно разрабатывающихся нейросетей. Интерпретатором информации не может и не должен стать ИИ, хотя бы по той причине, что его смоделированная «субъектность» — это субъектность его анонимных разработчиков со всеми присущими им ценностями.

Другие же подходы к образованию профессиональных коммуникаторов (подходы второго поряд-

ка) определяются социальным заказом, и их можно определить, как *социально-политический, социально-экономический и социокультурный*, причем в русле каждого из них необходимо соблюдать единство технологического и гуманитарного угла зрения, что предполагает осмысление любой технологической инновации в широком и социогуманитарном контексте.

Предложенные подходы к профессиональному образованию коммуникатора наиболее продуктивны в том случае, если использовать соответствующие им педагогические стратегии. Одной из таких стратегий видится *стратегия создания контекста*. Контексты (исторический, культурный, политический, экономический и другие) остаются в памяти дольше, чем те частные профессиональные ситуации, в которые студенты погружались в процессе обучения. Такие контексты призваны обеспечивать не только общекультурные дисциплины, но и профессиональные. Контекст должен создаваться на протяжении всего курса обучения, именно так реализуется целостность общегуманитарного и профессионального блока дисциплин.

Еще одна важная педагогическая стратегия, *стратегия максимальной проблематизации содержания образования*. В отличие от распространенного проблемного подхода, максимальная проблематизация ориентируется не на чувство удовлетворения от преодоления возможной профессиональной проблемы. Речь идет об «отягощении» сознания студентов грузом сложности и проблемности окружающего мира в целом. По нашему убеждению, именно такое «отягощение» является мощным стимулом развития сознания, которое в поисках преодоления противоречия вынуждено подниматься на диалектический уровень мышления. И это, в свою очередь, может стать фактором интеллектуального удовольствия высшего уровня. Кроме того, следует иметь в виду, что неразрешимые проблемы утверждаются в сознании прочнее, чем разрешимые (эффект Зейгарник).

Очертим круг таких возможных проблем. Отметим, что ставиться они могут на любых дисциплинах лекционного уровня. По сути дела сама такая возможность постановки неразрешимой проблемы свидетельствует о лекционном статусе дисциплины. Если правильно ставить проблемы, то они начнут перекликаться на разных дисциплинах, на таких дисциплинах, между которыми, казалось бы нет ничего общего. Для профессионального коммуникатора основными профессиональными аспектами являются: *человек, общество, текст, технологии*, каждый из них в образовательном процессе должен быть максимально проблематизирован. Постановка неразрешимых вопросов, отягощение ими сознания студентов ведет к созданию той самой ситуации неопределенности, устойчивость к которой, является важным фактором творческого развития. Именно

проблематизация всех важных аспектов профессии является путем к профессиональному творчеству.

Остается вопрос о том, что необходимо для того, чтобы сориентировать образование профессионального коммуникатора на все то, о чем было сказано выше. С нашей точки зрения, реализации всех указанных выше подходов и стратегий происходит в первую очередь на уровне конкретной педагогической деятельности преподавателя. Конечно, определенную роль играет учебный план, набор дисциплин, соотношение в нем профессиональных и общекультурных дисциплин, соотношение лекций и практических занятий. Но все это не главные факторы, и связанные с ними возможные трудности вполне преодолимы. Главное — личность преподавателя, его педагогический профессионализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация менеджеров обсудила коммуникационные профессии будущего. — Режим доступа: <https://am.ru/press/publications/11737/> (дата обращения: 14.12.2024).
2. Зубко Д. В. Профессиональная коммуникация в эпоху цифровизации: компетенции, навыки, критерии / Д. В. Зубко, Ю. В. Клюев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — № 4. — 2022. — С. 106–112.
3. Евангелисты. Чем занимаются современные проповедники // РБК. Тренды. — Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6135d70f9a794713ced4429d> (дата обращения: 14.12.2024).
4. Макаренко А. С. Собрание сочинений в 7 т. / А. С. Макаренко. — М., 1958. — Т. 5.
5. Кисин К. А. Проблемы реализации компетентностного подхода в высшем образовании и пути их решения / К. А. Кисин. — Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/05PDMN315.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).
6. Захарова Е. Н. О компетентностном подходе в образовательной деятельности / Е. Н. Захарова. — Режим доступа: <Users/macbookair/Downloads/o-kompetentnostnom-podhode-v-obrazovatelnoy-deyatelnosti.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).
7. Карлов Н. В. О фундаментальном и прикладном в науке и образовании, или «Не возводи дом свой на песке» / Н. В. Карлов // Вопросы философии. — 1995. — № 11. — С. 35–46.
8. Гаврилюк В. В. Компетентностный подход в профессиональном образовании / В. В. Гаврилюк, Г. Г. Сорокин // Образование и общество. — 2006. — № 3. — С. 46–52.
9. Поляруш А. А. Формирование диалектического мышления как необходимое условие профессионального образования / А. А. Поляруш. — Режим доступа: <https://emc21.ru/wp-content/uploads/2019/07/Statya-Polyarush.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).
10. Черникова С. М. Деловая игра как метод обучения профессиональной деятельности студентов. / С. М. Черникова. — Режим доступа: <file:///Users/macbookair/Downloads/delovaya-igra-kak-metod-obucheniya-professionalnoy-deyatelnosti.pdf>

deyatelnosti-studentov.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

11. Поляруш А. А. Причины несовершенства компетентностного подхода в образовании / А. А. Поляруш // Эпоха науки. — 2021. — № 24. — С. 232–235.

12. Ильенков Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. — М., 1991.

13. Бершадский М. Е. Научный метод в педагогике / М. Е. Бершадский. — Режим доступа: http://bershadskiy.ru/_ld/0/5____.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

14. Дорожкин А. М. Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация / А. М. Дорожкин, С. В. Шибаршина // Вестник Вятского государственного университета. Философские науки. — 2017. — С. 11–17. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipotetiko-deduktivnyy-metod-nauchnogo-issledovaniya-oblast-primeneniya-i-osnovnaya-interpretatsiya/viewer> (дата обращения: 14.12.2024).

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

*Кудрявцева М. Е., доктор педагогических наук, профессор
E-mail: mashutka331@yandex.ru*

St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

*Kudryavtseva M. E., Doctor of Pedagogic, Professor
E-mail: mashutka331@yandex.ru*

ФЕЙКНЬЮЗ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Л. Е. Малыгина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

А. С. Гурова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности дискурса в телеграм-каналах после вторжения ВСУ на территорию Курской области 6 августа 2024 г. Автор акцентирует внимание на фейковых новостях, оценивает степень их влияния на аудиторию и выявляет основные манипулятивные инструменты, используемые для информационной атаки на жителей приграничных районов.

Ключевые слова: фейкньюз, фейк, дискурс, манипуляция, медиабезопасность.

Abstract: the article examines the features of discourse in telegram channels after the invasion of the Ukrainian Armed Forces into the territory of the Kursk region on August 6, 2024. The author focuses on fake news, assesses the degree of their influence on the audience and identifies the main manipulative tools used for information attacks on residents of border areas.

Keywords: fake news, fake news, discourse, manipulation, media security.

С момента вторжения ВСУ на территорию Курской области 6 августа 2024 г. украинские спецслужбы стали активно распространять в медиапространстве тематические фейковые новости, связанные с геополитической ситуацией и направленные на жителей приграничных регионов, в частности Курской области [1]. Их влияние на целевую аудиторию обуславливается способами как лингвистического, так и аудиовизуального воздействия (создание дипфейков). Особое распространение фейковые сведения получили в телеграм-каналах. Определение и фильтрация ложного контента сейчас являются существенными потребностями информационной гигиены общества, необходимыми для поддержания медиабезопасности.

Информационные заметки, распространяемые ЦИПСО, можно выявить, проанализировав материал на наличие основных маркеров фейковой новости, выявленных И. А. Стерниным и А. М. Шестериной [2, 8–22]. Как правило, такие сообщения включают особо актуальную военную, политическую, социальную информацию, предполагающую яркий эмоциональный отклик у реципиента (как в случае публикации фейковой информации об отказе Правительства Курской области в помощи жителям, пострадавшим от мародерства ВС РФ [3]); предполагают анонимную атрибуцию информации (к примеру, новость в телеграм-канале «Труха Украина» о том, что г. Суджа полностью перешла под контроль ВСУ со ссылкой на неизвестных украинских военных

[4]); придают огласке неподтвержденные или полностью ложные сведения (например, то, что Ким Чен Ын отправил воевать в Курскую область военнослужащих — уроженок Северной Кореи [5]). Рассмотрим еще несколько основных тенденций, используемых ЦИПСО при составлении фейковых новостей. Как правило, в заголовке раскрывается актуальная и значимая для аудитории информация. Так, в телеграм-канале «Операция Z» было опубликовано ложное сообщение о том, что жителям Курской области в случае утраты жилого помещения из-за обстрелов полагается компенсация в размере 7 тысяч рублей за квадратный метр. Затем в публикации следует экспрессивное сравнение с толикой манипулятивной семантики, включающей в себя эпитеты и метафору: «Это копейки — в 10 раз ниже рыночной стоимости. За квартиру в 50 квадратных метров, например, семья получит жалкие 350 тысяч рублей» [6]. На самом же деле источник информации — телеграм-канал «Операция Z» — был создан гражданами Украины, а денежная компенсация в размере 7 тысяч рублей направляется собственникам, чье жилье было испорчено в ходе преступных действий укронацистов, но подлежит восстановлению. В качестве площадок для публикации и распространения фейковой информации в медиапространстве используются в том числе телеграм-каналы с «народной» и новостной повесткой. Одним из подобных источников является телеграм-канал «Курск сейчас». Как утверждают администраторы неополитического телеграм-канала «Война с фейками», владелицей

«Курск сейчас» является иноагент Карина Орлова, проживающая в США [7]. Одной из ключевых характеристик выстраивания коммуникации с реципиентами и формирования у аудитории доверительного отношения служит чередование публикаций, соответствующих новостной повестке официальных источников, — с постами, дискредитирующими правительство страны и Вооруженные силы России.

Среди основных маркеров фейковой новости можно также выделить наличие манипулятивной семантики, способствующей созданию яркого деструктивного эмоционального окраса в сознании реципиента. В числе основных воздействующих приемов с лингвистической точки зрения могут быть использованы фасцинация, суггестия и аттракция, оценочный потенциал, средства выразительности, а также комплекс мер визуального воздействия — фотопшоп и видеомонтаж. 6 августа, в первый день вторжения ВСУ в Курскую область, в телеграм-канале «От TV» было опубликовано сообщение: «Отряд кадывровцев, прикрывавшийся мирными, ликвидирован во время обстрела города Суджа в Курской области. Также ранения получили фсб-шники и пво-шники. Люди не пострадали! Из этого места запускали шахеды и искандеры по Киеву. Когда прилетела ответка, были слышны протяжные вопли: «Хахлыыыыыы!» [8]. С целью реализации контактоустанавливающей функции используется разговорный стиль речи: «ответка», «хахлы». Для упрощения восприятия текста и более глубокого эмоционального воздействия на словообразовательном уровне применяется языковая игра: «фсб-шники», «пво-шники» [9, 10]. В условиях сложившейся геополитической обстановки эти слова становятся словами-символами, приковывающими особое внимание представителей аудитории.

С целью дискредитации Вооруженных сил России и действий российской власти ЦИПСО внедряют различные фейковые новости, в том числе представляющие собой заведомо ложные сведения о деятельности членов правительства Курской области в гражданских сферах. Так, украинские агенты специально подделывают личные страницы госслужащих и переписки в социальных сетях, используя в диалоге разговорный язык и экспрессивную речь с суггестивным потенциалом от имени руководителей администрации Курской области. В поддельном скриншоте интернет-диалога с заместителем губернатора Андреем Белостоцким собеседник в оскорбительной форме утверждает, что сын чиновника совершил преступление: «Ваш огрызок угрожал... Я этого так не оставляю... Вы ответите за все!» [11]. В поддельной переписке от имени заместителя губернатора наблюдаются сообщения без соблюдения пунктуационных и грамматических норм: «Женщина вы вообще кто? Кто такая эта ваша Марина Иванова?» Данные фейковые фрагменты не могут колоссаль-

но повлиять на изменения вектора общественной коннотации в ракурсе геополитической ситуации, но российской стороной подобные информационные атаки расцениваются как попытки дестабилизировать народное настроение и снизить уровень доверия к действующей власти.

Особое распространение приобрели дипфейки — специально созданные видео на основе уже имеющегося (иногда дополнительно смонтированного) видеоряда в сочетании с аудиодорожкой, подготовленной искусственным интеллектом, копирующей природный голос спикера. В так называемых «народных» телеграм-каналах, не относящихся к зарегистрированным СМИ, распространяются ролики с псевдовыступлениями госслужащих. Например, перед стартом учебного года было опубликовано видео врио министра науки и образования Курской области Наталии Бастриковой, в котором идет речь о специальных буклетах для школьников, рассказывающих о правилах коммуникации и поведения детей с военнослужащими [12]. Фейк опровергли в правительстве Курской области: в реальности в видеообращении была представлена информация о процессе обучения школьников в дистанционном формате. Необходимо отметить, что специально подделанная речь в звуковых дорожках имеет суггестивный потенциал, зачастую он проявляется посредством таких невербальных средств коммуникации, как темп речи и ее интонация [9, 102]. Это служит почвой для потенциальной манипуляции, воздействующей на сознание реципиента. Аллитерация (в данном примере — повтор звукосочетаний с «с» и «р») применяется в дипфейке с участием губернатора Курской области Алексея Смирнова, в котором глава региона якобы обращается к президенту Российской Федерации Владимиру Путину: «Сохраняется риск захвата области в целом. Поэтому прошу президента Российской Федерации вывести боеспособные войска с Херсонской области, так как область в надежных руках курсантов и срочников. Целью этого всего есть: обеспечение надлежащей обороны области и недопущение дальнейшего продвижения противника»... [13]. В данном видео наблюдаются грамматические и орфоэпические ошибки, в том числе в именах собственных: «По состоянию на вчера подразделения ВСУ имели успех в продвижении по территории Курской области, а именно в Глушковском и Корнеевском районе».

Таким образом, украинская сторона для дестабилизации общества и дискредитации ВС РФ и российской власти использует матрицу современных подходов к созданию фейковой информации, но зачастую, не изучив детально сведения, допускает множество ошибок. Кроме того, применяются ярко выраженные манипулятивные лингвистические приемы, что способствует выстраиванию коммуникационного барьера у представителей российской аудитории. В то же время мы наблюдаем репрезентацию скрытых при-

емов языкового воздействия, которые неподготовленному реципиенту почти невозможно обнаружить и проанализировать. Влиянию деструктивной информации в большей степени подвержены пожилые люди, имеющие более низкую способность к анализу и критической оценке. Поэтому для сохранения медиабезопасности необходимо масштабировать развенчивание фейковой информации в телеграм-пространстве, публично указывать на инструменты создания фейкньюз и механизмы их обнаружения, которые могут использовать реципиенты при ежедневном потреблении информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лента.ру. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/08/07/v-seti-rasprostranilsya-dipfeyk-s-vriokurskoj-oblasti/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Стернин И. А. Маркеры фейка в медиатекстах / И. А. Стернин, А. М. Шестерина. — Воронеж: РИТМ, 2020. — 34 с.
3. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/25570?single> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/23907?single> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/26017?single> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/25671?single> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/24456?single> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/warfakes/23749?single> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Василькова Н. Н. Современная медиаречь: лингвостилистический аспект / Н. Н. Василькова, Н. Н. Вольская. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. — 164 с.
10. Иссерс О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. — М.: Флинта; Наука, 2009. — 224 с.
11. Телеграм-канал. — Режим доступа: <https://t.me/kurskadm/76283> (дата обращения: 20.01.2025).
12. Телеграм-канал. — Режим доступа: https://t.me/kursk_russia/16947 (дата обращения: 20.01.2025).
13. Телеграм-канал. — Режим доступа: URL: <https://t.me/kurskadm/75316> (дата обращения: 20.01.2025).

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Малыгина Л. Е., зав. кафедрой медиаобеспечения государственных интересов и национальной безопасности
E-mail: admlikbez@gmail.com*

*Воронежский государственный университет
Гурова А. С., аспирант
E-mail: likazaka9898@gmail.com*

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Malygina L. E., Head of the Media Support of State Interests and National Security Department
E-mail: admlikbez@gmail.com*

*Voronezh State University
Gurova A. S., Postgraduate Student
E-mail: likazaka9898@gmail.com*

О МЕСТЕ СЛОВ — СПОРТИВНЫХ НАЗВАНИЙ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. Е. Новичихина, А. А. Минакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2024 г.

Аннотация: работа посвящена выявлению роли и места спортивного названия в ономастическом пространстве. Предлагается трактовать спортивное название как квазисобственное или условное имя. Демонстрируются недостаточная корректность использования термина «спортоним» как способного ввести в заблуждение относительно положения спортивных названий в общей системе имен собственных.

Ключевые слова: спортивное название, спортоним, имя собственное, квазисобственное имя, ономастическое пространство.

Abstract: the paper is devoted to the identification of the role and place of a sports name in onomastic space. It is proposed to interpret a sports name as a quasi-subordinate or conventional name. The paper demonstrates the insufficient correctness of the use of the term "sportonym" as capable of misleading about the position of sports names in the general system of proper names.

Keywords: sports name, sportsonym, proper name, quasi-proprietary name, onomastic space.

Объектом исследования в данной работе является феномен так называемой спортивной номинации. Под спортивной номинацией будем понимать номинацию объектов действительности, имеющих то или иное отношение к сфере спорта. О различных аспектах спортивной номинации пишут А. А. Миронова [1], А. В. Пивцайкина [2] и многие другие. Понятие спортивной номинации весьма обширно и охватывает принципиально отличающиеся процессы. С одной стороны, это номинация любого спортивного предмета или явления (например, *шайба, биатлон, коньки* и т.п.). С другой стороны, это номинация команд, стадионов, спортивных марок и др. Результатом такого вида спортивной номинации становятся, например: «Спартак» — название московского футбольного клуба, «Лужники» — название спортивного комплекса в Москве, PumaFuture — название футбольных ботс от спортивного бренда PUMA.

Для обозначения результатов последнего обсуждаемого вида номинирования используются различные термины, среди них: спортивное название (спортивное имя), спортоним и другие.

Например, в ряде публикаций обозначенный предмет исследования номинируется как спортивное название (см. подробнее в: [3, 122]), при этом в упомянутой работе спортивные названия исследуются на примере названий футбольных клубов.

Часть авторов рассматривает фантазийные спортивные названия как часть так называемой спортивной неологии (о спортивной неологии см., например, в [4]).

Н. Н. Бобырева пишет о так называемой спортивной номенклатуре [5, 7] и соглашается с выводом

Б. А. Зильберта о том, что «названия спортивных федераций, обществ, команд, марок и видов спортивного инвентаря и средств передвижения (например, ФИФА, «Спартак»)» следует отнести к полутерминологической лексике [6, 92–93].

А. П. Седых, И. А. Котенева и Л. В. Смирнова используют термин «спортоним», трактуют его как результат так называемой спортивной номинации и отмечают, что «спортивная номинация в языковой культуре выполняет ряд функций, связанных со способами идентификации, топологическими моделями отражения действительности, институциональными и аксиологическими характеристиками» [7, 273]. О спортонимах пишет также В. И. Мозговой, ставя их в один ряд с другими онимами [8, 25].

Несмотря на то, что термин «спортоним» сравнительно недавно появился в научной литературе, он начинает активно использоваться и, с одной стороны, вполне имеет право на существование.

Между тем нами усматривается определенная неточность этого термина, что мы и попытаемся обосновать в данном исследовании.

Итак, обращает на себя внимание тот факт, что использование применительно к изучаемому объекту термина «спортоним» свидетельствует об отнесении этого вида названий к так называемым онимам, или именам собственным.

Насколько правомочно трактовать спортивные названия как имена собственные?

Конечно, решение проблемы места спортонимов в ономастическом пространстве заметно усугубляется относительностью границы онимов и апеллятивов, о чем в том или ином аспекте неоднократно писали, например, Н. П. Бутенко [9, 34–35], Н. Б. Гар-

бовская [10, 5], Ю. Н. Мельникова и Е. С. Шигорева [11, 183], В. А. Никонов [12, 28], Е. А. Нахимова [13, 27], А. Х. Гузиева [14, 11] и многие другие.

Совершенно не случайно некоторые исследователи отмечают обособленность ряда названий [15, 89] или их принадлежность к «особому разряду имен» [16, 110].

С нашей точки зрения, спортивные названия, несмотря на целый ряд черт имен собственных, одновременно обладают и значимыми специфическими особенностями.

Рассмотрим и эти особенности, и в целом положение современного спортивного названия в общем пространстве имен. Для этого, признав, что «различие между собственными и нарицательными именами заключается не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании, функции обоих лексических классов...» [17, 167], обратим внимание на одну из функций спортивного названия — информативную функцию. В отличие от имен других видов, предназначенных для номинирования того или иного объекта, дифференцирования от других однородных объектов, но не предназначенных сообщать никакую информацию об этом объекте, спортивное название изначально нацелено на подобное информирование. Более того, функция информирования в случае со спортивным названием может быть по праву отнесена к категории основных. Спортивное название по своей сути призвано сформировать определенное представление о номинируемом объекте, дать ему как можно более развернутую характеристику; иными словами, можно утверждать, что спортивное название однозначно выходит за пределы одного лишь номинирования и дифференцирования. Например, название футбольного клуба «Краснодар» призвано информировать адресата о том, что это краснодарская команда; название футбольной команды «Арсенал» свидетельствует о том, что она создана на оружейном заводе (г. Тула).

Далее следует вспомнить о постулируемой рядом авторов случайности (произвольности) имен собственных [18, 72; 19, 21; 11, 185]. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что, в отличие от имен других видов, спортивное название никогда не является случайным. К примеру, футбольная академия «Хет-Трик» названа так по следующей причине: хетт-трик — это три гола, который забил один и тот же игрок в одном матче.

Спортивное название, в отличие от многих других видов имен, может быть представлено лексемой, принадлежащей к разным частям речи, более того — быть как однословным, так и многословным (например: «Крылья Советов» — название футбольного клуба Самары; «Быстрый дельфин» — школа плавания в Зеленограде и т.п.). Этот факт также заметно дифференцирует коммерческие названия и другие элементы ономастического пространства. Тезис же А. В. Суперанской о том, что «предметность как ос-

новное свойство категории собственных имен требует от слов, относящихся к ней, субстантивности. Поэтому при широких возможностях различных частей речи быть собственным именем лучшие «кандидаты» в имена собственные — существительные. А не-существительные ... стремятся к субстантивации» [18, 105–109], применительно к спортивным названиям по меньшей мере неточен.

Стоит обратить внимание и на графическую задачу спортивных названий. В. М. Пахомов, обсуждая проблему использования кавычек в названии, со ссылкой на А. В. Суперанскую подразделяет все имена на реальные (не являющиеся условными) и условные [20]. Условные имена, как пишет В. М. Пахомов, отличаются графически от реальных использованием кавычек на письме. Приведенные автором примеры (газета «Комсомольская правда», вино «Исповедь грешницы», автомобиль «Тойота-Королла» и т.п.) иллюстрируют сформулированный им вывод.

Как известно, использование кавычек становится принципиальным для русского спортивного названия. Такая графическая подача является важнейшей внешней особенностью, которая также ставит спортивные названия в особое положение в системе имен. Исключение составляют лишь названия-аббревиатуры (например, ЦСКА).

В связи со статусом спортивного названия имеет смысл затронуть и такой дискуссионный вопрос, как вопрос о значении имени собственного. С нашей точки зрения, удачный обзор взглядов на эту проблему представлен в работах И. И. Гришиной [21] и О. З. Книжниковой [22]. Конечно, стоит согласиться с В. Д. Бондалетовым в том, что «эта проблема не столько лингвистическая, сколько логическая и философская» [23, 11].

Известный тезис Дж. Милля о том, что «у собственного имени нет решительно никакого значения» [24] может выглядеть спорным применительно к спортивному названию, особенно с учетом описанного выше факта о способности спортивного названия донести до адресата некую информацию.

В целом же можно утверждать, что у спортивного названия — совершенно особое место в системе имен собственных. Наиболее логичным представляется его отнесение к квазисобственным или к условным именам собственным.

Все перечисленные причины становятся основанием для вывода о том, что термин «спортоним» является не вполне точным, поскольку способен ввести в заблуждение относительно положения спортивных названий в общей системе имен собственных. Используемый же нами термин «спортивное название» этого недостатка лишен.

Спортивные названия можно рассматривать как результат так называемой спортивной номинации, а также как заметную часть спортивной лексики и, наконец, как часть спортивного дискурса.

В целом же следует согласиться с наблюдением А. В. Суперанской о том, что «введение в научный оборот массы новых категорий имен рушит прежние теории имени собственного» [26, 91]. Спортивные названия — показательный пример имен такого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова А. А. Особенности номинации предметов экипировки для занятия спортом в китайском рекламном тексте / А. А. Миронова // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 3. — С. 383–385.
2. Пивцайкина А. В. Номинация футбольных команд в английском языке / А. В. Пивцайкина // Огарёв-Online. — 2020. — № 12. — Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/nominaciya-futbolnyhkomand-v-anglijskom-yazyke> (дата обращения: 14.10.2024).
3. Минакова А. А. О некоторых результатах исследования коммуникативной эффективности результатов нейминга в спорте / А. А. Минакова // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. — Воронеж, 2023. — С. 122–123.
4. Машуш А. А. Проблема определения корпуса спортивной неологии / А. А. Машуш, И. С. Климас // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 3 (27). — С. 183–189. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-korpusa-sportivnoy-neologii> (дата обращения: 21.10.2024).
5. Бобырева Н. Н. Термины, номены и прагматонимы в специальном языке спорта / Н. Н. Бобырева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2021. — № 3. — С. 5–10.
6. Зильберт Б. А. К вопросу о составе специальной лексики физической культуры и спорта и ее месте в лексической системе современного русского языка / Б. А. Зильберт // Язык и общество. Социолингвистические проблемы лексикологии: межвуз. науч. сб. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. — 1982. — № 6. — С. 76–93.
7. Седых А. П. Спортивная номинация: универсальные и национально-культурные аспекты / А. П. Седых, И. А. Котенева, Л. В. Смирнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 7. — С. 271–278.
8. Мозговой В. И. Социально-правовой статус имени собственного: дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Мозговой. — Донецк, 2021.
9. Бутенко Н. П. К вопросу о «семантике» собственных имен / Н. П. Бутенко // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции. — Минск: Изд-во БГУ. — 1970. — С. 34–35.
10. Гарбовская Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных массмедийных текстах: дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Гарбовская. — Майкоп, 2006.
11. Мельникова Ю. Н. Статус имен собственных в лексической системе: в сопоставлении с именами нарицательными / Ю. Н. Мельникова, Е. С. Шигорева // Лексикография и коммуникация — 2015: материалы I междунар. науч. конф. / под ред. А. П. Седых. — Белгород, 2015. — С. 181–188.
12. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — М.: Наука. — 1965.
13. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007.
14. Гузиева А. Х. Статус имени собственного в составе ФЕ в прецедентных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Х. Гузиева. — Нальчик, 2003.
15. Pels J. Studies in Functional Logical Semiotics of Natural Language / J. Pels. — The Hague. Paris, 1971.
16. Глухова О. В. Словесный товарный знак: апеллатив или онома / О. В. Глухова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 76–1. — С. 106–110.
17. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А. А. Белецкий. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972.
18. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973.
19. Габдуллина И. Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / И. Ф. Габдуллина. — Казань, 2003.
20. Пахомов В. М. Кавычки и смежные орфографические явления в сфере номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. М. Пахомов. — М., 2008.
21. Гришина И. И. О двух подходах к интерпретации имени собственного / И. И. Гришина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1 (5). Ч. 2. — С. 77–80.
22. Книжникова О. З. О семантике имени собственного / О. З. Книжникова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — Вып. 2. — С. 237–243.
23. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983.
24. Mill J. St. Of names. Theory of meaning / J. St. Mill. — Prentice Hall, 1970. — 90 p.

*Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна,
E-mail: novichihiname@mail.ru*

*Минакова А. А., студентка факультета журналистики
E-mail: alya.minakova.02@inbox.ru*

*Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: novichihiname@mail.ru*

*Minakova A. A., Student of the Faculty of Journalism
E-mail: alya.minakova.02@inbox.ru*

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПЕРИОД УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

А. Н. Соломатин

Академия медиаиндустрии

Д. А. Мириманов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 31 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы комплексной информационно-технологической агрессии против интересов России в контексте российско-украинского конфликта. Исследование направлено на репрезентацию основных аспектов информационного противоборства, которое включает системную международную кампанию с неприкрытыми формами давления в области журналистских материалов, кибератаками на ресурсы российских СМИ, лексическими приемами и санкционными ограничениями.

Ключевые слова: информационная агрессия, глобальные СМИ, конфликт на Украине, медиавойны, телеканал RT.

Abstract: the article examines the problems of complex information and technological aggression against the interests of Russia in the context of the Russian-Ukrainian conflict. The study is aimed at representing the main aspects of the information confrontation, which includes a systemic international campaign with overt forms of pressure in the field of journalistic materials, cyberattacks on the resources of Russian media, lexical techniques and sanctions restrictions.

Keywords: information aggression, global media, conflict in Ukraine, media wars, RT TV channel.

Постановка вопроса. В условиях глобализации и цифровизации информационная агрессия стала неотъемлемой частью политического и экономического противостояния между государствами, потому как с развитием интернета, социальных сетей, искусственного интеллекта информация приобрела вид масштабного «оружия» для манипулирования общественным сознанием, что создает неограниченные возможности при распространении дезинформации, пропагандистских материалов и политических манипуляций.

Сегодня против России ведется война широким фронтом, и непосредственное вооруженное столкновение в зоне специальной военной операции (СВО) — лишь ее часть. Западное сообщество уже не скрывает, что его главной целью является нанесение России стратегического поражения. Не должно быть иллюзий: поражение России жизненно необходимо для Запада. В их проекте будущего нет суверенной России — вместо нее предусмотрена лишь ресурсная база для их развития. Поэтому это противостояние носит для России экзистенциальный характер: «быть или не быть». На Западе понимают, что победить Рос-

сию через прямое военное столкновение невозможно, но нанести поражение через погружение страны в перманентный социальный дискомфорт или даже во внутреннюю смуту вполне реально.

Противостояние в информационной и цифровой сферах, давно всестороннее разработанное и осуществляемое западными идеологами, направлено на формирование образа России и руководства страны как мирового агрессора. В одном из своих выступлений в 2023 году Президент России В. В. Путин говорил о том, что информационная агрессия против России используется: «для дестабилизации и раскола нашего многонационального и многоконфессионального общества. Для этого применяют самые разные средства — как мы видим, и ложь, и провокации, и изощренные технологии психологической и информационной агрессии» [1]. Представитель МИД России М. Захаров также подчеркивает, что против России используются различные методы: «... уже перешли наши недруги к использованию информационно-психологического воздействия, когда используются стыковые, гибридные технологии, сочетание задействования современных информационных коммуникативных технологий и персональных данных, фейков, все вместе» [2].

Глобальные средства массовой информации и коммуникации, в основном англо-саксонские, продолжают оставаться наиболее влиятельным источником информирования общества, а потому неизбежно вовлекаются в механизм противостояния. Основная функция — трансляция аудиториям определенных идей и ценностей, формирование нужной информационной повестки и соответствующее освещение событий в той или иной стране и мире. В информационных войнах такие медиа, как правило, выступают как апологеты государств. Данное утверждение справедливо в отношении СМИ, финансируемых из государственного бюджета. Известно, что через правительственное Агентство США по глобальным медиа (U. S. Agency for Global Media, USAGM) напрямую осуществляется финансирование и координация таких медиа, как «Голос Америки»¹, «Радио Свободная Европа/Радио Свобода»* и ряд других американских СМИ. Британская медиакорпорация BBC финансируется из госбюджета Великобритании через МИД и находится под его патронажем. Немецкая медиакомпания Deutsche Welle («Немецкая волна»)*, как государственное предприятие, финансируется правительством ФРГ из госбюджета.

Если рассматривать иные мейнстримные медиа, которые находятся в частной и других формах собственности, то они обладают более высокой степенью самостоятельности, и, во многом, их действия определяются позицией владельцев. Однако наблюдается четкая синхронизация деятельности ведущих мировых медиа в глобальном масштабе при освещении политически значимых конфликтов (Югославия, Афганистан, Ирак, Южная Осетия, Сирия, Украина, Израиль и др.), где прослеживается политический интерес США и европейских стран. И это не случайность, а свидетельство координации их работы из единой управляющей сети.

Как указывает профессор В. В. Тулупов, в информационных противостояниях истина не важна — важно впечатление; эмоции находятся в приоритете над фактами в оценке новостей, апелляция не к логике, а к эмоциям и рефлексам, отсутствие доказательной базы и сознательный отказ от факт-чекинга [3].

¹ * 5 декабря 2017 г. указанные СМИ вместе с их подразделениями решениями Минюста России были признаны иностранными СМИ, выполняющими функции иностранного агента.

4 марта 2022 года Роскомнадзор заблокировал доступ к сайту издания BBC на русском из-за внесения его в реестр интернет-ресурсов, «содержащих призывы к массовым беспорядкам, экстремизму и участию в незаконных массовых акциях».

Вещание Deutsche Welle с февраля 2022 года запрещено на территории России, а 28 марта 2022 года Минюст РФ включил Deutsche Welle в реестр «иностранцев».

Авторы данной статьи предприняли попытку обобщить некоторые аспекты информационного противостояния России и «коллективного Запада», превратившегося в период обострения российско-украинских отношений в открытую информационно-технологическую агрессию.

Некоторые тенденции активности западных медиа. Несмотря на то, что образ России, как идущая в европейской цивилизации, в глазах западных стран и правительств не прекращается со времен царя Ивана IV (Грозного), анализ сложившейся ситуации на информационном поле показывает, что процесс конструирования образа врага существенно активизировался со второй половины 2014 г. после начала общественно-политических событий на Украине [4].

Изначально западные СМИ и другие медиа привлекали аудиторию только в контексте событий на Украине, а основной стратегией были обвинения России в нагнетании атмосферы сепаратизма и подготовке к вооруженному столкновению. Весной же 2014 г., когда началась «Крымская весна» и на полуострове состоялся референдум о воссоединении с Россией, многие ведущие издания и телеканалы США и Европы однобоко представляли ситуацию, обвиняя во всем Россию и замалчивая важные факты. Стали широко тиражироваться утверждения, что Россия «аннексировала» Крым. Например, статья Russian Forces Complete Takeover of Crimea («Российские войска завершили захват Крыма») в газете The New York Times от 2 марта, Crimea votes to join Russia; Ukrainians prepare for war («Крым голосует за присоединение к России; украинцы готовятся к войне») и USA Today от 17 марта, Ukraine crisis: 'Illegal' Crimean referendum condemned («Украинский кризис: «Незаконный» крымский референдум осужден») на портале BBC News и подобные публикации других зарубежных СМИ создавали впечатление, что Россия силой захватила Крым, игнорируя волю местного населения. Важно отметить, что решение о проведении референдума принималось законным путем, в соответствии с Конституцией Автономной Республики Крым и нормами международного права. Жители Крыма реализовали свое право на самоопределение, которое закреплено в Уставе ООН и других международных документах. Таким образом, термин «аннексия» в данном контексте является некорректным и не отражает истинную суть произошедших событий, т.е. не является насильственным присоединением территории какого-либо государства к другому [5].

Следующий пик дезинформации пришелся на формирование мифа о вмешательстве России во внутреннюю политику других стран через хакерские атаки в 2016 г. Тезисы с бездоказательными обвинениями России во вмешательстве в дела иностранных государств постоянно присутствуют

в иностранной информационной повестке вплоть до сегодняшнего дня. Так, телеканал CNN сообщал, что для того, чтобы повлиять на итоги президентских выборов в США, Кремль использует не только хакерские атаки, но и подключил к этому процессу интернет-троллей, которые влияют на общественное мнение не только в России, но и в США [6]. Тогда же газета The New York Times опубликовала статью под заголовком Russian Hackers Acted to Aid Trump in Election, U. S. Says [7], где утверждалось, что российские хакеры взломали серверы Демократической партии США с целью помочь Д. Трампу победить на выборах. Телеканал CNBC, ссылаясь на директора Федерального бюро расследований (ФБР) Дж. Коми, выдвинул обвинения против России в осуществлении кибератак с целью вмешательства в избирательный процесс. Чиновник подтвердил выводы разведсообщества о том, что за действиями хакеров стояло иностранное государство, однако выступил против обнародования этой информации до проведения выборов. Позиция Дж. Коми заключалась в том, что если подобное заявление и должно быть сделано, то оно не должно исходить от ФБР. В конечном итоге, официальное заявление было выпущено другими ведомствами, а не Федеральным бюро расследований [8].

Избирательная кампания и дальнейшая деятельность на посту президента Д. Трампа регулярно сопровождалась обвинениями в сотрудничестве с Россией. Так, в феврале 2017 г. The New York Times сообщила о контактах членов избирательного штаба и переходной команды Д. Трампа с широким кругом российских граждан, включая «сотрудников разведки и членов правительства» [9]. В 2019 г. Департамент юстиции США опубликовал доклад спецпрокурора Р. Мюллера о расследовании российского вмешательства, подтвердивший факт вмешательства, но не нашедший доказательств «сговора» Д. Трампа с Россией.

В связи с распространением коронавирусной инфекции в мире резко снижается число публикаций и сообщений с обвинениями России в кибератаках, агрессивной внешней политике и по другим традиционным поводам. Однако с приближением выборов президента США в ноябре 2020 г. и деятельностью России по стабилизации отношений на внешнеполитической арене активность иностранных авторов вновь растет. Так, британский Национальный центр кибербезопасности (NCSC) заявил, что российские хакеры пытались украсть данные исследователей коронавируса и разработчиков вакцин из западных стран [10]. Поводами к обсуждению являются обвинения России в фальсификации статистики по коронавирусу, сообщения о взломе почты высших чиновников ФРГ российскими хакерами, публикации об атаках в Великобритании, Чехии, Польше и Грузии.

Начало СВО на Украине придало разнонаправленное развитие информационной агрессии в сто-

рону России. Всего с 2017 г. МИД России опровергло 325 публикации, тиражирующие недостоверную информацию о России. Для этого ведомство даже создало специальную страницу на своем официальном сайте [11].

Спорт и спортивные мероприятия также стали неотъемлемым компонентом в данном противостоянии: недружественные действия в отношении российских спортсменов со стороны МОК и международных спортивных федераций, допинговые скандалы, отказы в аккредитации на соревнованиях журналистам из России. Западные СМИ используют всю палитру пропагандистских приемов и в освещении футбольных матчей на Евро-2024. Британское издание The Sun, комментируя возможность получения аккредитации российскими СМИ на чемпионате, подчеркивала: *«Сербия является публичным союзником России, и ее сторонники размахивали красно-бело-синим флагом управляемого Москвой государства. Это можно было бы расценить как «провокацию», учитывая чувства не только Украины, но также Польши и стран Балтии, которые боятся стать следующими жертвами «российской территориальной агрессии»* [12]. Журналисты ирландской газеты The Irish Mirror утверждают, что «Путин запретил трансляцию в России игр с Украиной. Запрещены и матчи Украины против Словакии и Бельгии для российского телевидения» [13]. Конечно, такие или аналогичные публикации не могли оказать влияние на российских болельщиков, поскольку все матчи чемпионата Европы, в том числе с участием команды Украины, в прямом эфире показывал федеральный спортивный телеканал «Матч ТВ» и стриминговый сервис Okko.

XXXIII Олимпийские игры в Париже еще до своего открытия оказались в центре информационных скандалов. В июне этого года во всемирной сети появился документальный фильм «Падение Олимпиады». В нем использован сгенерированный аватар голливудского актера Тома Круза, с имитирующим голосом. По сценарию герой разоблачает коррупцию в МОК. «Смотреть на то, как коррумпированные чиновники, захватившие спортивный Олимп, постепенно превращают одно из самых больших увлечений моей жизни в инструмент для выкачивания денег, невыносимо», — говорит фейковый Том Круз. Видео сопровождается логотип онлайн-кинотеатра Netflix. Компания Microsoft связала фильм с российской кибергруппой Storm-1679 и заявила, что «это операция влияния со стороны России и преследуют цели очернить репутацию Международного олимпийского комитета и создать предпосылки для вспышки насилия в Париже во время летних Олимпийских игр 2024 года» [14]. А накануне открытия Оргкомитет Олимпиады отказал в аккредитации ряду журналистов России и Белоруссии, сославшись на решение французских властей в связи с угрозой шпионажа и кибератак.

Спецоперация на Украине. Наряду с кибероперациями Украины и западных стран против России, современные методы информационно-психологического воздействия активно используются в медийном поле для распространения деструктивного контента о спецоперации на Украине. Натовские военные специалисты уже давно активно привлекаются для проведения такого рода операций против России, о чем они сами неоднократно заявляли. Так, глава американского киберкомандования Пол Накасоне, в июне 2022 г. в рамках конференции натовского Центра киберобороны в Таллине впервые официально признал, что США проводили наступательные операции в поддержку Украины: «Мы провели серию операций по всему спектру; наступательные, оборонительные, [и] информационные операции» [15].

По данным американского аналитического центра «Фонд Карнеги за международный мир» (признан в России иностранным агентом) за 2022 г., примерно с 2017 г. США расширили многочисленные инициативы по укреплению кибербезопасности правительства и критической инфраструктуры Украины. Кроме того, «многочисленные другие иностранные правительства и компании, занимающиеся кибербезопасностью, инвестировали в укрепление киберпотенциала Украины в течение нескольких лет» [16]. Именно это и является одним из подтверждений прямого участия США в украинском конфликте на стороне Киева, а также ставит их в условия, когда столкновение может распространиться на территорию всей Европы.

Исследователь СМИ Д. Неренц, ссылаясь на анализ Telegram-канала «Война с фейками» за период октябрь 2022 — январь 2023 г., отмечает, что наиболее распространенными фейками стали посты с эмоциональным содержанием касательно жертв российской агрессии, нападения российских солдат на невинных мирных жителей, грубое обращение российских солдат с украинским населением [17]. В таких публикациях нет конкретных данных о жертвах, не названы источники информации, нередко даже отсутствуют отсылки к географии происходящего.

Одной из целей западных медиа на украинском векторе является конструирование параллельной реальности. Когда массовая аудитория на Западе лишается возможности получить правдивую информацию как от своих СМИ, так и из альтернативных источников, и как итог — знать правду о предпосылках и целях СВО, и что реально происходит на Донбассе и на Украине. Необходимо убедить западного обывателя в агрессивности России и в безвинности Украины, а также ее внешних кураторов. Например, в 2022 г. западные и украинские СМИ стали активно распространять сообщения о якобы нанесенных российскими войсками авиаударах по родильному дому и детской больнице № 3 в центре

Мариуполя, что подкреплялось фото- и видеоотчетами. На самом деле бомбежка роддома оказалась инсценировкой по примеру «белых касок» в Сирии. Украинцы использовали для самых громких кадров модель и блогера Марианну Подгурскую из Мариуполя. Она играет сразу двух разных беременных: ей пришлось даже переодеться и перекраситься. Девушка действительно беременна, но в роддоме она не находилась: учреждение уже несколько дней использовалось боевиками «Азова» (организация признана экстремистской и запрещена в России) в качестве военного объекта и не функционировало как медучреждение. И этот фейк разоблачила сама «героиня» съемки [18].

В 2023 г. российские правоохранительные органы столкнулись со множеством операций в социальных сетях, организованных украинскими спецслужбами против жителей страны. Суть их заключается в том, чтобы привлечь к экстремистской деятельности (пожог, взрывы, передача данных о передвижениях техники ВС России и пр.) граждан в российском тылу за вознаграждения. Особое внимание уделялось психологической обработке подростков и пожилых людей, которые наиболее подвержены деструктивному воздействию. Как отмечал профессор МГУ имени М. В. Ломоносов Андрей Манойло, «это никак не влияет на ход боевых действий, и материальный ущерб ничтожен, но с точки зрения пропаганды подобного рода выходки дают хороший материал для антироссийской кампании [19].

Кибератаки на российский медиа. Кибератаки на СМИ стали одной из главных угроз для свободы слова и безопасности информации, поскольку, наряду с органами государственной власти, объектами стратегической инфраструктуры, финансовыми учреждениями, они находятся на переднем крае киберфронта. Управляющим директор «Лаборатории Касперского» в Казахстане, Средней Азии и Монголии В. Зубанов сообщил, что «СМИ — одна из наиболее атакуемых отраслей 2023 г. Как и любой бизнес, интегрирующий в рабочие процессы современные технологии, сфера медиа является потенциальной мишенью для киберпреступников. Ландшафт угроз для СМИ обширен и разнообразен: DDoS-атаки, программы-вымогатели, различные вредоносные программы, целевые атаки. Причем не всегда в своих атаках злоумышленники стремятся извлечь выгоду, иногда их цель — нанести максимальный ущерб компании, например, чтобы показать свою позицию («хактивизм»)» [20]. Мишенью хактивистов также могут стать госструктуры или публичные лица, чьи действия противоречат идеологии хактивистов. Например, атака может быть направлена против организации, которая якобы нарушает права человека или свободу распространения информации. Преследуя цель привлечь к своей деятельности максимальное внимание, жертвами

хактивистов часто становятся СМИ, а поводом для атак — политические или религиозные конфликты, массовые беспорядки, войны. Эксперты, атакующие организации с целью привлечь внимание общественности к уязвимостям, также могут считаться хактивистами.

Помимо этого, другой не менее серьезной опасностью становятся финансово-мотивированные хакеры, которые следуют за деньгами, а их целями могут стать как владельцы медийных ресурсов, так и обычные пользователи. Злоумышленники часто создают фишинговые (мошеннические) сайты-копии реальных ресурсов СМИ, чтобы похищать деньги, данные банковских карт и персональные данные посетителей [21].

События на Украине стали отправной точкой многочисленных кибератак, отражающих обострение геополитического конфликта. В январе 2014 г. в результате DDoS-атаки был недоступен сайт газеты «Ведомости», а в марте хакеры взломали сайт телеканала RT и добавили слово Nazi (нацист, нацистский) к заголовкам всех англоязычных материалов канала. В результате заголовки стали выглядеть, например, так: «Российские сенаторы проголосовали за отправку стабилизационных нацистских войск на украинскую территорию» или «Путин: Нацистские граждане и войска подвергаются угрозе на Украине и нуждаются в защите вооруженных сил» [22]. В апреле 2015 года из-за DDoS-атаки приостановил работу сайт газеты «Московский комсомолец». По словам представителя газеты, атака велась с украинских IP-адресов. Однако у издания была и другая версия, где не исключалась версия «коммерческого заказа» атаки [23]. В списке «атакованных» российских медиа портал life.ru медиахолдинга News Media. По данным «Лаборатории Касперского», в хакерской атаке участвовало более 1,5 миллиона машин с мощностью атаки до 270 тысяч запросов в секунду [24].

После начала СВО, уже 25 февраля 2022 г., группа Anonymous объявила о кибервойне против российского правительства и вскоре устроила масштабную DDoS-атаку на сайты RT, «Коммерсантъ», «Известия», ТАСС, «Фонтанка», «Мел», Forbes. В течение нескольких дней хакеры атаковали серверы «Лента.ру», «Газеты.Ru» и Rambler, а также федеральных ведомств, включая Роскомнадзор, Пенсионный фонд и Федеральную антимонопольную службу [25]. По данным компании StormWall, большинство кибератак, совершенных в первые недели после начала СВО, выполнялись с территории США (29%) и Евросоюза (47%) [26].

В день Победы, 9 мая 2022 года, хакеры взломали электронные программы передач некоторых операторов платного телевидения, с проблемой столкнулись жители разных регионов России. Взлому подвергся «Сервис-ТВ», который передает электронный телегид (EPG) операторам платного

телевидения; речь идет об операторах МТС, НТВ+, Ростелеком, Wink. Пользователи в ряде регионов сообщили, что по телевизору «бегущей строкой» транслировали антивоенные надписи, в том числе на детских телеканалах [27].

Для достижения своих целей хакеры выбирают не только федеральные или государственные порталы. Так, в июле 2023 г. в Красноярском крае и Екатеринбурге были взломаны местные вещательные телецентры. Ролик в поддержку украинских военных показали сразу по нескольким каналам: «Первый», «СТС», «Звезда», «Вопросы и ответы», «РЕН ТВ» — в Красноярском крае, «Дом кино» — в Екатеринбурге [28]. В апреле 2024 г. сетевое СМИ «Друг для друга Курск Онлайн» — лидер информационного рынка Курской области, также подвергается масштабной DDoS-атаке, общее число электронных попыток заходов на сайт за два часа превысило 12 миллионов [29].

Лексические особенности информационной агрессии. Одной из главных особенностей языка информационных кампаний является использование эмоционально окрашенной лексики. СМИ часто прибегают к словам и выражениям, вызывающим у аудитории определенные эмоции, такие как страх, гнев, сочувствие или энтузиазм. Например, в политических кампаниях могут использоваться такие слова, как «угроза», «агрессия», «тоталитаризм» «надежда» или «перемены», чтобы привлечь внимание и вызвать эмоциональный отклик у аудитории. Эксперт в области информационных войн И. Панарин пишет, что в конце XX в. широкое распространение получил «метод семантического манипулирования», который состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (наш человек — разведчик, их — шпион и т.д.)» [30].

В качестве примеров рассмотрим статьи западных СМИ:

Журнал Time поместил на обложку возвышающегося над земным шаром Путина. Основной материал апрельского выпуска журнала посвящен тому, как Россия якобы выстроила «сеть влияния» в других государствах (см. рис. 1).

Например, на обложке литовского политического и экономического журнала Valstube в 2014 г. были изображены улыбающиеся профили Путина и Сталина. Подзаголовок гласил: «Власть, основанная на танках, меняет власть, основанную на деньгах» (см. рис. 2).

Позже, в марте 2014 г., польский журнал UwazamRze Historia выпустил журнал, на обложке которого был изображен Путин с вампирскими клыками в виде патронов. Заглавная тема номера называется «Империя контратакует». Надпись на обложке «Владимир Грозный» сопровождается

словами: «С кем и за что воевала Россия последние сто лет» (См. рис. 3).

Рис. 1. Фото обложки журнала Time от 15 апреля 2019 г., художник Brian Stauffer. Источник: <https://time.com/magazine/south-pacific/5564285/april-15th-2019-vol-193-no-14-asia-europe-middle-east-and-africa-south-pacific/>

Рис. 2. Фото обложки литовского журнала Valstube от января 2014 г. Источник: <https://www.forbes.ru/novosti-photogallery/79611-evolyuciya-putina-zhurnalnye-oblozhki-s-rossiyskim-prezidentom?image=391683>

В статье журнала Time от 25 февраля 2022 г., озглавленной Here's What We Know So Far About Russia's Assault on Ukraine («Вот Что Нам Известно На Данный Момент О Нападении России на Украину») [31], слово «assault» (нападение) также используется вместо нейтрального слова «operation» (операция), что указывает на более агрессивный и негативный образ действий России.

Деловая газета The Wall Street Journal от 2 марта 2014 г. в статье под названием Putin Takes Economic Gamble With Ukraine Intervention («Путин затевает Экономическую авантюру с вмешательством на Украину») [32] использует слово gamble (авантюра, рискованная игра), подчеркивает безрассудство и опасность действий российского лидера.

Рис. 3. Фото обложки польского журнала Uważam Rze Historia от 21 марта 2014 г. Источник: <https://www.forbes.ru/novosti-photogallery/79611-evolyuciya-putina-zhurnalnye-oblozhki-s-rossiyskim-prezidentom?image=391683>

Газета The New York Times от 24 февраля 2022 г. в статье Putin's War of Choice in Ukraine («Путинская война по выбору на Украине») [33], использует слово war (война) вместо более нейтральных терминов, таких как conflict (конфликт) или crisis (кризис).

Автор статьи в издании The Guardian от 26 февраля 2022 г. под названием Russia's invasion of Ukraine: what we know so far («Вторжение России в Украину: что мы знаем на данный момент») [34] применяет слово «invasion» (вторжение). Это является деэфемизмом, который создает более негативный образ действий России, чем реальное название действий на территории Украины — специальная военная операция.

Использование таких слов, как «война», «вторжение», «нападение» и «авантюра», вместо официального термина «специальная военная операция», призвано подчеркнуть агрессивный и безрассудный характер действий России. С другой стороны, эвфемизация, то есть замена негативных терминов на более нейтральные или положительные, в данных примерах не наблюдается. Это может свидетельствовать о том, что западные СМИ намеренно стремятся представить действия России в негативном свете, не прибегая к смягчению или нейтрализации используемой лексики.

Помимо этого, СМИ часто прибегают к сознательному опущению и не упоминанию отдельных фактов при переводе, особенно когда речь идет о создании негативного образа России. Этот метод позволяет манипулировать общественным мнением, представляя события в выгодном для определенных политических сил свете. Например, статья в The Guardian от 14 марта 2014 г. о присоединении Крыма к России «Ukraine crisis: Putin signs Russia-Crimea treaty — live updates» [35]. В оригинальном заявлении В. Путина говорилось о праве народа Крыма на самоопреде-

ление в соответствии с Уставом ООН, но в переводе издания эта часть была опущена, что создало впечатление, будто Россия просто аннексировала Крым без учета мнения его жителей.

Актуальности настоящему исследованию придает не спадающее, а порой, критически нарастающее число заблокированных российских ресурсов. Еще в 2016 г. [Европарламент](#) принял резолюцию, в которой говорится о необходимости противодействия российским СМИ, а главными угрозами называются Sputnik и RT. Многие зарубежные политики, в том числе американские сенаторы и конгрессмены, обвиняли эти издания во вмешательстве в выборы в [США](#) и Франции, но не приводили никаких доказательств.

Также в последнее время ЕС ввел санкции против крупнейших российских СМИ, при этом такое решение принималось без обращения в суд или к национальным регуляторам членов союза, отвечающих за медиарынки внутри своих стран. По данным Роскомнадзора, в 2024 г. YouTube заблокировал 83 российских ресурса. Для сравнения: в 2023 г. видеохостинг ограничил доступ к 27 российским каналам, в 2022 г. количество заблокированных отечественных YouTube-каналов составило 63. Среди ресурсов, заблокированных YouTube с 2020 г., Роскомнадзор называет «Соловьёв LIVE», «Крым 24», RT, «РБК», «НТВ», Официальный канал Совета Федерации, Федерального собрания РФ и другие [36].

Анализ публикаций из различных иноязычных источников не оставляет сомнений, что цель большинства из них — донести до аудитории образ России, как агрессивной страны, а ее действия в решении международных проблем несут негативную окраску.

С учетом неординарных событий 2024 г. в отношении некоторых лидеров европейских стран и США (террористические акты) и имеющегося опыта объявления России виновной в причастности к аналогичным преступлениям, нельзя исключить, что информационная активность в этом направлении усилится, особенно с приближением выборов президента США в ноябре этого года.

Российские контрмеры. С началом СВО, уже имея накопленный после 2014 г. опыт по противодействию зарубежным организациям в информационном и киберпространстве, Россия сразу же начала выстраивать стратегии противодействия (ответные меры) и применять их на практике. В мае 2022 г. Президент России В. В. Путин на заседании Совета безопасности РФ указал на значительное увеличение числа кибератак против российских органов власти, объектов критической информационной инфраструктуры, средств массовой информации, финансовых учреждений, массовых социально-значимых порталов и сетей, а также заявил, что «... с началом специальной военной операции в Донбассе, на Украине вызовы в этой сфере стали еще более острыми

и серьезными, более масштабными. По сути, против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве» [37].

Ограничение деятельности российских СМИ за рубежом нарушает нормы свободы слова и распространения информации. Россия долгое время надеялась на благоразумный и уважительный подход со стороны чиновников ЕС, но это не привело к ожидаемому результату. В качестве ответных мер на принятые европейцами в мае 2024 г. ограничения и запрете «любой вещательной активности» российских СМИ, российская сторона ввела встречные ограничения доступа с территории РФ к вещательным ресурсам ряда СМИ государств-членов Евросоюза и общесовских медиаоператоров, которые систематически распространяют недостоверную информацию о ходе СВО. Речь идет о 81 европейском издании, в частности австрийской государственной телерадиокомпании «ORF», бельгийских журналах Le Vif, Knack, германских изданиях Der Spiegel, Die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung, испанских El Mundo, El Pais, итальянский телеканал RAI, французские газеты Le Monde, La Croix, Liberation, информационное агентство Agence France-Presse и мн. др. [38].

Несмотря на блокировку в Европе и США российских информресурсов RT и Sputnik, призванных освещать мировые события за рубежом, эти СМИ используют все возможности по доведению правдивой информации до иностранной общественности. В начале июня 2024 г. европейский проект по противодействию «российской пропаганде» EUvsDisinfo называл RT «самым плодовитым СМИ» и возмущался по поводу информационной кампании России в Африке и Латинской Америке (канал вещает в Африке на английском, арабском и французском языках, имеет 7 бюро, а также более 30 африканских телеканалов размещают в своем эфире и на интернет-ресурсах контент RT). Естественно, что трансляция телеканала на ведущих мировых языках предполагает в дальнейшем распространение информации по всему миру через различные зарубежные медиа.

В свою очередь, Королевский объединенный институт оборонных исследований (RUSI) заявил об обеспокоенности из-за очевидных успехов России в информационной войне на Ближнем Востоке и отметил, что «Россия без лишнего шума активизировала свои усилия в странах Глобального Юга, вкладывая в эту деятельность большие ресурсы и достигая на этом направлении пугающих успехов». В качестве примера приводился телеканал RT Arabic. Американский таблоид New York Post тоже писал об эффективной работе RT и агентства Sputnik на Глобальном Юге [39].

Кроме того, глава европейской дипломатии Ж. Боррель на саммите НАТО в Вашингтоне в июле 2024 г. выразил обеспокоенность поддержкой политики президента России В. В. Путина в странах Африки из-за работы «российской пропаганды».

В информационном пространстве в рамках противостояния с Россией, где основным смыслом и результатом является подмена правды, центральной задачей по-прежнему остается своевременное и качественное информирование. Причем информирование и российской, и зарубежной аудитории, где определяющим актуальным фактором остается преодоление юридических и технологических преград. И в этих условиях Россия объективно не демонстрирует глобальные успехи. Надо признать, что пока технологические, юридические и финансовые западные инструменты будут ограничивать производство и доставку «российской информации», Россия будет проигрывать на этом поле.

Ограничение действий недружественных СМИ на территории России — вынужденная и давно назревшая ответная мера, но не исчерпывающая. Важно продолжать формировать неординарные подходы в преодолении возникающих трудностей, совершенствовать методику и приемы продвижения выгодной для России информации, реализацию трансформации жанров и различных выразительных средств международного вещания для достижения единственной цели — донести российскую точку зрения глобальной аудитории. И, исходя из данной концепции, осуществлять наступательные информационные операции с подмножеством опций, определяющих совокупность сбалансированных государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин заявил, что против России ведется война в киберпространстве // Газета.ru [сайт].— Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml> (дата обращения: 07.03.2024).
 2. Захарова рассказала об информационной агрессии против России // РИА Новости [сайт].— Режим доступа: <https://ria.ru/20221102/rossiya-1828587959.html> (дата обращения: 07.03.2024).
 3. Тулупов В. В. Фейки в эпоху информационных войн / В. В. Тулупов // Современные медиа в условиях информационного противостояния.— Воронеж, 2022.— С. 23.
 4. Лемэр Л. Г. Информационная война против России. Часть 1. Конструирование образа врага / Л. Г. Лемэр, А. Н. Курицын, К. О. Семеновых, Э. Э. Меликов — М., 2020.
 5. Аннексия // Грамота.ру — Режим доступа: <https://gramota.ru/meta/anneksiya> (дата обращения: 29.07.2024).
 6. CNN: После хакеров Кремль подключил к американским выборам троллей // новости ИноТВ [сайт].— Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2016-10-27/CNN-Posle-hakerov-Kreml-podklyuchil> (дата обращения: 16.02.2024).
 7. Russian Hackers Acted to Aid Trump in Election, U. S. Says // The New York Times [сайт].— Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/12/09/us/obama-russia-election-hack.html> (дата обращения: 16.02.2024).
 8. Мещерякова В. Г. Информационная война, раз-
- вернутая в иностранных СМИ против России на примере «участия» РФ в хакерских атаках во время выборов президента США в 2016 году / В. Г. Мещерякова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 11 (368). С. 2149–2161.
9. NYT: помощники Трампа контактировали с разведкой РФ до выборов в США // ТАСС [сайт].— Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4023127> (дата обращения: 24.02.2024).
 10. Лондон обвинил российских хакеров в попытках украсть данные о вакцинах от COVID-19 // Forbes. [сайт].— Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/405213-london-obvinil-rossijskih-hakerov-v-popytkah-ukrast-dannye-o-vakcinah-ot> (дата обращения: 13.02.2024).
 11. Рубрика «Недостоверные публикации» // МИД РФ. [сайт].— Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-opроверzenia/opроверzenia1/nedostovernie-publikacii/?PAGEN_1=35 (дата обращения: 24.07.2024).
 12. SERBIA face a heavy Uefa fine for fan taunts during their opening Euro 2024 defeat by England // The Sun [сайт]. <https://www.thesun.co.uk/sport/28555771/serbia-face-uefa-punishment-flags-euro-2024-england/> (дата обращения 25.06.2024)
 13. Romania break UEFA rule at Euro 2024 as fans taunt Ukraine with Vladimir Putin chants — The Irish Mirror [сайт]. <https://www.irishmirror.ie/sport/soccer/romania-vladimir-putin-chants-ukraine-33050899> (дата обращения 25.06.2024).
 14. How Russia is trying to disrupt the 2024 Paris Olympic Games Command // Microsoft [сайт] — Режим доступа: <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2024/06/02/russia-cyber-bots-disinformation-2024-paris-olympics/> (дата обращения: 22.07.2024).
 15. US military hackers conducting offensive operations in support of Ukraine, says head of Cyber Command // Sky News. [сайт]. <https://news.sky.com/story/us-military-hackers-conducting-offensive-operations-in-support-of-ukraine-says-head-of-cyber-command-12625139> (дата обращения: 22.07.2024).
 16. Кибероперации России в ходе специальной военной операции на Украине: боевое применение, итоги и результаты. Доклад // Фонд Карнеги за международный мир.— Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/research/2022/12/cyber-operations-in-ukraine-russias-unmet-expectations?lang=en> (дата обращения: 22.07.2024).
 17. Неренц Д. В. Актуальные угрозы медиабезопасности в российском информационном поле / Д. В. Неренц // Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.).— Екатеринбург, 2023.— С. 60–64.
 18. Фейк о бомбежке роддома в Мариуполе разоблачила сама «героиня» съемки // Комсомольская правда.— Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/> (дата обращения: 13.02.2024).

19. Украинские спецслужбы обманывают россиян и толкают их на преступления // Лента.Ру — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2024/01/11/cyberwar/> (дата обращения: 13.02.2024).

20. Эксперт: СМИ — одна из наиболее атакуемых отраслей 2023 года // inbusiness.kz — Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/news/ekspert-smi-odna-iz-naibolee-atakuemyh-otraslej-2023-goda> (дата обращения: 20.03.2024).

21. Информационная безопасность и свобода слова: точки взаимодействия // МедиаТренды. — № 4 (67) — 30 мая 2019. — С. 1–8.

22. Хакеры добавили слово «nazi» к заголовкам сайта Russia Today // Лента.Ру — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/03/02/rtdeface/> (дата обращения: 20.03.2024).

23. Сайт «Московского комсомольца» подвергся атаке. Мстители или конкуренты? // МК-Поволжье. — Режим доступа: <https://kazan.mk.ru/articles/2015/04/01/sayt-moskovskogo-komsomolca-podvergsya-atake-mstiteli-ili-konkurenty.html> (дата обращения: 25.03.2024).

24. Портал Life.ru в день запуска подвергся хакерской атаке // РИА. — Режим доступа: <https://ria.ru/20160418/1414547237.html> (дата обращения: 25.03.2024).

25. «Анонимous, иди учи уроки». Как самых могущественных хакеров мира, объявивших войну России, перестали воспринимать всерьез России // Лента.Ру [сайт]. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2022/04/03/anonimous/> (дата обращения: 13.02.2024).

26. Стали известны подробности нападения хакеров на крупнейшие российские компании // Лента.Ру — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/03/01/hackers/> (дата обращения: 25.03.2024).

27. Хакеры атаковали Rutube, платное ТВ и телепрограмму «Яндекса» // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/05/2022/6278ce689a79476147db8edb (дата обращения: 25.03.2024).

28. Хакеры взломали телевидение в Красноярске и Екатеринбурге // Советская Россия. — Режим доступа: <https://sovross.ru/2023/07/13/hakery-vzломali-televidenie-v-krasnoyarske-i-ekaterinburge/> (дата обращения: 25.03.2024).

29. Сайт «Друг для друга» подвергается массовой DDoS-атаке // Друг для друга Курск онлайн [сайт]. — Режим доступа: <https://dddkursk.ru/lenta/2024/04/09/107571/>

(дата обращения: 09.04.2024).

30. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Н. Панарин. — М., 2012.

31. Here's What We Know So Far About Russia's Assault on Ukraine // The New York Times. — Режим доступа: <https://time.com/6150708/russia-ukraine-invasion-war/> (дата обращения: 27.07.2024).

32. Putin Takes Economic Gamble With Ukraine Intervention // The New York Times. — Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/putin-takes-economic-gamble-with-ukraine-intervention-1393788831?tesla=y> (дата обращения: 27.07.2024).

33. Putin's War of Choice in Ukraine // The New York Times. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/02/24/world/europe/putin-ukraine-war.html> (дата обращения: 27.03.2024).

34. Russia's invasion of Ukraine: what we know so far // The Guardian. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/russia-has-invaded-ukraine-what-we-know-so-far> (дата обращения: 27.03.2024).

35. Ukraine crisis: Putin signs Russia-Crimea treaty — live updates // The Guardian [сайт]. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/18/ukraine-crisis-putin-plan-crimea-annex-speech-russia-live> (дата обращения: 27.03.2024).

36. РКН назвал число заблокированных в 2024 году российских YouTube-каналов // РБК [сайт]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/668e9ff89a7947bef947ac76> (дата обращения 11.07.2024).

37. О повышении устойчивости и безопасности функционирования информационной инфраструктуры государства // СБ РФ [сайт]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/3241/> (дата обращения: 13.02.2024).

38. Заявление МИД России в связи с ответными мерами на рестрикции ЕС в отношении российских СМИ // МИД РФ [сайт]. — Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1959391/ (дата обращения 11.07.2024).

39. В Великобритании признали эффективность и популярность RT на Ближнем Востоке и в странах Глобального Юга СМИ // RT на русском [сайт]. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/1313563-rt-arabic-onlain-prisutstvie> (дата обращения 11.07.2024).

Академии медиаиндустрии

Соломатин А. Н., кандидат филологических наук, профессор кафедры телевидения и радиовещания

E-mail: alexns17@rambler.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мириманов Д. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики

E-mail: mirimanov@gmail.com

Media Industry Academies

Solomatina A. N., Candidate of Philology, Professor of the Department of Television and Radio Broadcasting

E-mail: alexns17@rambler.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Mirimanov D. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism,

E-mail: mirimanov@gmail.com

СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ В СМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОБЛЕМЫ (2010-Е — 2020-Е ГГ.)

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июня 2024 г.

Аннотация: проблема анализа медийных текстов и дискурсов связана с амбивалентностью смыслов политических дискурсов, с цензурными соображениями авторов. Теория журналистики и массмедиа, сотрудничая с другими дисциплинами, даёт ответы на ряд каверзных вопросов современности. В то же время диалектика герменевтических штудий требует большего внимания к проблематике пограничья, к демаркации видов текстов, жанров и различных методологических направлений. В статье сделан вывод о наличии кризиса в науке о СМИ, о необходимости большего плюрализма в дискуссиях.

Ключевые слова: медиатекст, методология, событийность, смысл, граница.

Annotation: the problem of analyzing media texts and discourses is connected with the ambivalence of the meanings of political discourses, with the censorship considerations of the authors. The theory of journalism and mass media, in collaboration with other disciplines, provides answers to a number of tricky questions of our time. At the same time, the dialectic of hermeneutical studies requires more attention to the problems of the frontier, to the demarcation of types of texts, genres and various methodological directions. The article concludes that there is a crisis in media science and the need for greater pluralism in discussions.

Keywords: media text, methodology, eventfulness, meaning, boundary.

Введение. Говорить о злободневности темы в условиях тотального кризиса профессии и легко, и трудно. Во многом проблема методологических ориентиров стара, как мир. Но каждый поворот истории чреват неожиданными вопросами, о которых и пойдёт речь ниже. Многообразие методов и подходов к медийным дискурсам (МД) диктует, как хорошо известно, неизбежность их одновременного синтеза и разграничения, что связано с магистральной теоретической проблемой демаркации жанров, стилей, видов текстов и дискурсов в пространстве культуры. Важность выявления границ и природы медийного текста (МТ) в системе иных, «немедийных» текстов давно стала очевидной для исследователей [1–4]. МТ в сфере социальных отношений считается одним из самых мощных рычагов воздействия на аудиторию с целью политической агитации и пропаганды [5, 46–57]. В связи с этим обстоятельством в науке о СМИ активно используются социологический, политологический, политэкономический и другие аналогичные подходы, связанные с проблемой объективности-субъективности самого текста и позиции исследователя. Инструментальный подход, практикуемый в официальных мировых СМИ, напрямую связан с изучением политического мегадискурса как инструмента удержания и укрепления власти, что по определению не может не быть амбивалент-

ным феноменом в науке [5–6]. Укрепление позиций массмедиа в политической жизни общества предопределяет неохладевающую актуальность споров на вечные темы [7, 101–115; 8]. Вместе с тем, думается, логика смыслообразования в МД, как и во всех случаях проявления «медийности», отличается последовательной тягой к убеждению аудитории, к медиаэффектам, к прагматической результативности, в частности, тягой к целенаправленному распространению определённых политических убеждений, ценностей, идей и идеалов. Непрерывная переоценка ценностей, как и появление новых идей в коммуникативистике и теории журналистики, постоянно возвращают ученых к истокам человеческого общения в сфере массмедиа и с помощью медиа. Всё это говорит в пользу обсуждения уже известных проблем, к пересмотру «общих мест», возможно банальных. Всё сказанное выше говорит в пользу новых аксиоматических генерализаций, переоценок уже известного, даже набившего оскомину.

Целью данной статьи является конкретизация таких понятий в журналистике, как «умолчание», «политический дискурс», «самоцензура», а также «контролируемая демократия» в политическом журнализме, в теории массовых коммуникаций, в медиакритике, связанной с культурософской проблематикой в СМИ. **Эмпирической базой** стали работы российских и западных теоретиков последнего десятилетия, а также некоторые журналистские и на-

учно-популярные тексты. **Гипотезой работы** стала мысль о неизбежном междисциплинарном синтезе методологий при очевидной необходимости соблюдения принципа неслиянности базовых отраслей науки, а также соблюдения нерушимости их границ, чего, кстати, требует и философия науки, и политология, говоря о своём предмете [9]. Общие методологические универсалии и «магистралы» при разговоре о методах изучения СМИ и журналистики как профессии, на наш взгляд, должны соответствовать логическому закону преобладающей субъективности в структуре журналистского творчества, не исключаяющей, естественно, объективного потенциала МТ и МД, но требующего большей свободы выражения мнения, плюрализма взглядов, независимой позиции автора, «фантазийности», большей ассоциативности понятий и терминов, чем это наблюдается, например, в дискурсах госслужбы. К сожалению, ситуация в СМИ РФ не даёт оснований для оптимизма. Также, раскрывая избранную тему, нам, теоретикам-«журналистиковедом», следует отличать стратегию в достижении прогресса в данной сфере науки от тактических методов и приемов анализа МТ в ситуации невозможности достижения даже относительного идеала, в ситуациях юридического нигилизма, регресса науки и т.п.

О терминах и концепциях науки о СМИ в условиях интернетизации журналистики. Признаком динамичного развития СМИ и «нормальности» современного этапа теоретического осмысления работы исследователей в области массовых коммуникаций стало резкое увеличение («возрастание») числа научных понятий и категорий, «разбухание» терминосистем, причем неизбежное дублирование терминов, неология, поиски своего, окказионального обозначения новых явлений, превратились в моду. Это явления также связано с полисемией и появлением новых, ранее не предусмотренных, ответвлений в науке о СМИ, что в свою очередь связано с необходимостью обсуждения абсолютно новых реалий в жизни и в науке. Для нас, теоретиков журналистики и коммуникативистики (коммуникологии), при рассмотрении смыслового вектора политической журналистики, в данной «неравновесной» ситуации, важен сам термин «политический дискурс» (ПД), понимаемый в просторечье как разговор о политике, как обозначение коммуникативных процессов (медиатизации) в данной области человеческой деятельности. Справедливо разделяют ПД в узком смысле слова (коммуникации самих политиков), и в широком смысле, более близком к массам, в том числе массам журналистов, политологов, блогеров и т.д. Это широкое толкование целесообразно разделить на три сферы: а) научное строгое толкование термина, зафиксированное в словарях и в научных трудах; б) профессиональный жаргон журналистов, превращающий термин в терминойд, метафоризи-

рующий и мифологизирующий политические реалии; в) коллоквиальное словоупотребление, бытование термина, тяготеющее к «де-терминоизации» и имеющее простую цель: снизить пафос «высоких слов» (власть, демократия, выборы, оппозиция, парламент, президент, народ, либерализм и т.п., и т.д.), снизить эмоциональный регистр дискуссий при обсуждении ряда закрытых и полужакрытых тем (тема иноагентства, инакомыслия, войны и т.п.), преодолеть барьеры гласной и негласной цензуры. Третий подтип употребления и смыслообразования термина «ПД» порождён обыденной жизнью обычных носителей национального языка.

Термин «медийность» становится на наших глазах «зонтичным», универсальным и ключевым для целого ряда гуманитарных дисциплин. Признаком «медийности» служит убедительная и доказанная истинность МД, самоочевидность адекватного и правдивого сообщения о первичных событиях и атомарных фактах в социуме. Если этого нет — нет и журналистики как социально востребованной профессии [10–11]. Роль категории «медийность» возрастает в дигитальную эру, что влечет за собой новый всплеск внимания к понятию «событийности», в частности, как части сюжетного фундамента сетевых МТ, основе трактовки газетно-журнальной «публицистичности», важнейшего элемента медиаэстетики, особой «журналистской художественности», которая, конечно же, имманентна медийной информации). В этой зоне пересечения разных наук взаимодействуют различные методологические принципы и стратегии, например, принцип делинации (разграничения) терминов и правил описания объекта.

Бытование категории «событийность» как фабульной основы междисциплинарного понятия «медийности», т.е. понятия, ассоциируемого с принципами актуальности, документальности, достоверности, массовой доступности, лапидарности, технической опосредованности и т.д. (что характерно для большинства журналистских текстов, функционирующих в традиционных СМИ и в «новых медиа»), представляется особо важным в контексте обсуждения методологического тупика современной гуманитаристики [12–13], устремившейся навстречу строгости «точных» наук. Анализ массмедийной событийности с точки зрения универсальной субъективности МТ, думается, необходимо считать ядром логико-семантического анализа МД и ПД как части медийного пространства. Статистика нужна, мода на подсчёты в сфере медиапотребления соответствуют требованию момента, но часто цифра подтверждает самоочевидные истины, выводы авторов работ по журналистике уходят в соседние сферы, пересекая чужие границы. Математические методы в гуманитарной сфере пока не стали нормой, что не должно нас печалить [14, 149–154], хотя тенденция к победе рационального начала с примесью выпячиваемого

(точного?) объективизма и политической нейтральности очевидна.

Ещё один штрих. Аудитория массмедиа, гетерогенная совокупность потребителей, стала энергичнее «соучаствовать» в производстве медиаконтента, что также повлияло на характер и функционирование МД. Публика стала частью любительской медиакритики и сетевой «гражданской» (civic) журналистики, что не могло не повлиять на логику реконструкции чужого смысла в трудах исследователей медиа. Интерактивность, интенсификация диалога и полилога ускорили демократизацию мировых СМИ. Медиаглобализация создала иной язык медийного общения, о чем справедливо писали за рубежом и у нас (Т. Ван Дейк, М. Холидей, А. Макинтош, Н. Фэарклоу, Е. И. Шейгал, В. З. Демьянков и др.) [15, 16, 17]. Волна исследований в сфере медиапотребления — это долговременная тенденция, её активно поддерживают ученые Москвы и Санкт-Петербурга [10, 18, 19]. Но и здесь есть проблема качества потребления, связанная с политическими и юридическими условиями, о чем надо сказать подробнее.

Методология и методика анализа политических МТ: углубление неуглубляемого. Вопрос о специфике распространения и осмысления политических медийных дискурсов связан не только с политическими процессами, хотя ПД и МД, на наш взгляд, «взаимо-содействуют» двояко: с одной стороны, понимание чужого слова требует всё больших потребительских компетенций и политологических знаний, что опирается в проблему общей грамотности медиаобразования. Психологи пишут о готовности реципиента понять другого коммуникатора, а с другой стороны, в мире обостряется информационный «конфликт интересов» элит и гражданского общества, четче проявляется противостояние дискурса власти и смыслового поля рядовых потребителей медиапродукта. Интересен (с точки зрения заявленной темы) конфликт высшего эшелона власти и журналистики как цеха в системе государственных институтов, обостряющийся в бифуркационных условиях тотальных политических конфликтов, что можно проиллюстрировать разразившимся скандалом вокруг дела замминистра обороны Т. Иванова. Хотя дело только в самом начале и говорить о выводах никак нельзя, но вопросы появились, и арест высокопоставленного чиновника уже стал фактом, повлиявшим на ПД.

Познавательный (или логико-герменевтический) метод исследования СМИ, метод интерпретации МТ, в основе которого лежат гносеологические потенции контекстов МД, обусловил позитивистские штудии начала и середины XX в. (Г. Тард, У. Липпман, П. Лазарфельд, Ги Дебор, многие исследователи-марксисты). Историко-культурный метод, продолжающий традиции мировой культурософской герменевтики (М. Бахтин, Р. Мертон, Г. Иннис, С. Московичи), также

неизбежен при анализе границ толкования смысла высказывания в условиях «суверенной» (контролируемой) демократии. Смысловый вектор дискурса власти хорошо известен: его невольно сформулировал в нашем случае пресс-секретарь президента РФ Д. Песков, и выразить мысли официальных СМИ можно короткой фразой: «доверяйте только официальным источникам информации». Журналисты между тем привыкли анализировать не только текст, но и подтексты, затексты и контексты. Стратегия верхов понятна: умолчание и спин-докторинг во всех странах помогали и помогают правящим элитам формировать нужное общественное мнение. Идёт очищение верхних эшелонов, организации избавляются от зарвавшихся любителей красивой жизни, ведь неприкосновенных нет, закон строг, но Закон! Всё так. Вместе с тем, ряд вопросов не получил подробного официального ответа от министра обороны С. Шойгу, от Президента, от следователей, которым закон позволяет молчать, дело должно быть секретным во многих отношениях. Увы, не всякое молчание — золото.

Возникли у «сетевиков» вопросы к «силовикам». Самые простые были связаны с непозволительной роскошью семьи Т. Иванова, о которой окружающие, тот же Д. Песков, не могли не знать. Сумма доходов в семье была солидной, более 130 млн. рублей в год. Но речь в докладе следователей шла не о высоких зарплатах, а о баснословных взятках. О роскоши, противоречащей не только морали, но и законам РФ. Ведь такой образ жизни чиновника дискредитирует армию, а по новым законам — это отдельное преступление. Будет ли должное наказание. Молчит юридическая наука. Является ли обсуждение этого вопроса незаконным? Вряд ли, но ...молчит и наука о СМИ. Умолчание стало нормой работы и журналистов.

Официальная «Российская газета» увидела в событии ареста Тимура Иванова знак очищения армии и госаппарата от коррупции, ограничившись описанием подробностей задержания и официальными данными следствия. Опора на цифры и высказывания надёжных «источников информации» делает дискурс официальных СМИ убедительным, его тиражировала вся пропагандистская машина, что не вызывает вопросов у медиакритиков. Но возможны и другие подходы к проблеме коррупции, о которых рядовой потребитель не всегда задумывается. «Независимая газета», «Собеседник» и т.п. упомянули о связях Т. Иванова, о друзьях, имеющих значительные успехи в бизнесе и на госслужбе. В Интернете замелькали имена бывшего министра обороны Сердюкова и его женщины, бывшего руководителя ВЧК «Вагнер» Пригожина и др. В видеоблоге Дм. Борисенко («Дзен») сообщалось о беседе с неким источником, реально знающим некоторые детали расследования преступления. По словам Дм. Борисенко, указание на задержание «друга С. Шойгу» исходило от Н. Па-

трушева в рамках подготовки к обновлению состава правительства [20]. Возможно слухи, но это тоже хлеб журналистики. Характерна реакция аудитории: «Нашли миллиарды дома, счета, виллы, квартиры!!! Был в разработке несколько лет последних, а взяли за миллион??? До этого он все заработал???» [20]. Эзопов язык профессиональных комментаторов дополняется в соцсетях нескрываемыми интонациями тотального недоверия к слову Власти. В условиях жесткой цензуры такая картина медийного мира, создаваемая в условиях расцвета иммерсивной журналистики, на наш взгляд, должна быть принята учеными как демократическая, свободно-либертарианская и, естественно, безответственная. Закон позволяет журналисту ошибаться, о чем говорили Дж. Мильтон в «Ареопагитике» и К. Маркс в «Оправдании мозельского корреспондента». Логико-информационные и строго научные стратегии рассмотрения МТ дают шанс избежать редукционистских методик анализа событий в мире.

О чем свидетельствуют официально подтвержденные факты и мнения теоретиков по делу Т. Иванова? О чем надо говорить в СМИ? Во-первых, о конфликте в верхах. Новости в сети, при всей их безответственности, приобретают в эти дни не только поточно-конвейерный характер, что в той или иной мере присуще и традиционным СМИ, но и эмерджентную, калейдоскопическую и виртуальную природу, напоминающую логику броуновского движения в физике. Это меняет методы анализа и косвенно воздействует на стратегии герменевтики. Во-вторых, укрепляется атмосфера непредсказуемости, эмерджентности событий и резкое усиление релятивизации истины в СМИ. Именно соучастие потребителей в создании гипертекста, в котором эпицентром является амальгама мотивов коррупции, борьбы за власть, подковерной конкуренции кланов и т.п., делает нарративно-стилевые регистры более политических ПД открытыми и парадоксально-достоверными. Официоз проигрывает борьбу за социально-политическое пространство «любителям от журналистики», блогерам, графоманам и отдельным нездоровым личностям. Синтез подходов встречается в работах о СМИ постоянно, что вполне логично, но подчас приводит к смешению разных принципов и понятий, что и заставляет говорить о границах в журналистском поиске. Углубление смысла интерпретации при анализе МТ в таком случае тоже должно иметь свои границы, а отличие от художественных текстов.

Заключение. Смысловые границы и эволюционные векторы в науке о СМИ есть, поэтому полезно проводить демаркационные линии при определении конкретных путей исследования МД. Анализ массмедийной событийности, думается, можно считать ядром логико-семантического анализа МД, доминантой аналитических приёмов. Умолчание как приём создания нарратива далеко не всегда логично и по-

лезно: всё тайное становится явным, хотя и не скоро. Авторитет власти зависит от доверия масс, которое надо изучать с опорой на робастную статистику. Текущий новостной поток свидетельствует о кризисном состоянии журналистики, что влечёт за собой и кризис науки о ПД и МД. Поиск смысла нарративов говорит о неизбежности открытости и гласности в политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Steensen S, Ahva L: Deconstructing Digital Journalism Studies // Franklin, Eldridge II. The Routledge Companion to Digital Journalism Studies. L.: Routledge, 2017. — Pp. 25–34.
2. Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. — С. 100–108.
3. От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России / под ред. Е. Л. Варгановой. М.: МГУ, 2019. — 208 с.
4. Хорольский В. В. Медийность текстов в средствах массовой коммуникации. Монография. Воронеж, Изд-во ВГУ. — 2016. — 254 с.
5. Усмонов Р. А. Политический дискурс в языке культуры: содержание и функции // Язык. Словесность. Культура. — 2017. — Т. 7. — № 1–2. — С. 46–57.
6. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. М.: Флинта-Наука, 2012. — 256 с.
7. Медиаисследования 2016 / Под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. — Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2016. — 228 с.
8. Гранин Ю. Д. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» либерал-патриотов // Журналист. Социальные коммуникации. М.: 2023. — № 3 (51). — С. 101–115.
9. Голосов Г. В. Сравнительная политология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 462 с.
10. Варганова Е. Л., Выходский А. В., Макеенко М. И., Смирнов С. С. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир, 2017. — 160 с.
11. Хорольский В. В. Коммуникативистика и теория журналистики // Современная коммуникативистика. — М., 2016. — № 2. — С. 8–17.
12. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. — С. 71–85.
13. Fairclough N. Critical Discourse Analysis in Researching Language in the New Capitalism: Overdetermination, Transdisciplinarity and Textual Analysis. In: Harrison C. & Young L., eds. Systemic Linguistics and Critical Discourse Analysis. London: Continuum, 2004. — 688 p.
14. Попкова Е. Г., Морозова И. А., Литвинова Т. Н. Трансформационные процессы в системе СМИ в условиях индустриальной революции

стрии 4.0: будущие очертания и перспективы (размышления над статьей А. П. Суходолова и И. А. Кузнецовой «Конструирование СМИ как гомеостатической системы средствами автоматки: базовые понятия, структура, компоненты»)// Вопросы теории и практики журналистики. 2018.— Т. 7.— № 1.— С. 149–154.

15. Halliday, M. A. K., McIntosh, A. and Stevens, P. The users and uses of language//J. Webster (ed.) //The Collected Works of M. A. K. Halliday. 2007.

16. Teun A. van Dijk Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European Countries. With Ruth Wodak. Klagenfurt: Drava Verlag, 2000.

17. Шейгал Е. И. Структура и границы политическо-

го дискурса // Филология-Philologica. Краснодар, 1998.— № 14.— С. 24–30.

18. Демьянков В. З. Политическая наука //Политический дискурс: История и современные исследования. 2002.— № 3.— С. 43–49.

19. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики.— 2016.— Т. 5, № 4.— С. 536–545.

20. Стал известен второй фигурант дела о взятке замминистра обороны Иванова. Режим доступа: https://dzen.ru/video/watch/6628eebc303420733c73a386?rid=1008817379.59.1714389294010.92537&encoded_pulse_user_info.

Воронежский государственный университет

Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы

E-mail: khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Khorolsky V. V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Literature

E-mail: khorolbox@mail.ru

РАЗВИТИЕ КЛЮЧЕВОГО ЖАНРОВОГО ПРОФИЛЯ ДЕЛОВОГО ЖУРНАЛА «ЭКСПЕРТ»

А. А. Черкашина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.

Аннотация: в настоящее время деловая периодика выступает одним из актуальных объектов журналистских исследований. Прежде всего потому что качественные деловые издания стремятся освещать максимальный диапазон тем. Вместе с тем, основным ориентиром остается освещение и анализ экономических явлений и процессов, которые отражаются не только в тематическом поле, но и в жанровом оформлении медиатекстов. Эмпирический материал позволил выявить и подробно описать развитие ключевых жанров. За весь период очевидно увеличение аналитической составляющей контента журнала, а также трансформация подачи новостной информации, «усиление» репортажа графическим контентом и анализом ситуации, а также включение в интервью элементов прогноза.

Ключевые слова: деловая журналистика, деловой журнал, Эксперт, жанр, рейтинг.

Abstract: nowadays business periodicals are one of the topical objects of journalistic research. Business media cover the wide range of topics but the key focus remains on the analysis of current business and economic affairs which are reflected both in the thematic field and in the genre choice of media texts. The content of the analyzed publication made it possible to identify and describe the development of key groups of genres in detail. Over the entire period the number of opinion articles was increased. News became more chronological and the reportages can also contain graphic content and tend both to depict and analyze the current situation.

Keywords: business journalism, business media, business magazine, Expert, genre, rating.

Введение. Деловые СМИ занимают особое место в системе современных отечественных медиа. Прежде всего, это связано с развитием предпринимательской деятельности в России в конце XX века, что в свою очередь способствовало формированию бизнес-сообщества, заинтересованного в получении деловой информации. Уже в конце XX — начале XXI века в диссертационных исследованиях [1–3] активно начала изучаться история становления, типология и модели отечественных деловых СМИ, определяться возможности дальнейшего их развития в том числе и на региональном уровне. Первый номер деловой журнал «Эксперт» вышел в 1995 г. как событие знаковое, открывающее второй этап развития российской деловой журналистики, как альтернатива изданиям ИД «Коммерсант». Уже начало деятельности журнала связано с декларацией о продвижении отнюдь не новых, но подзабытых принципов журналистики, имеющей дело с экономикой: «неангажированность, работа на целевую аудиторию, максимальная беспристрастность и точность в подаче фактов» [4, 14]. Сейчас еженедельник занимает одну из лидирующих позиций в системе отечественных деловых медиа, о чем свидетельствует достаточное количество исследовательских работ, посвященных разным аспектам

функционирования этого издания. Исследователи [5–6] проводят сравнительный анализ «Эксперта» с мировыми деловыми изданиями — Forbes, Fortune, Business Week и др.

В журналистском научном дискурсе вышел также ряд работ, посвященных изучению конкретной темы в журнале, которая непосредственно связана с особенностями функционирования экономической среды. Ф. А. Ветров говорит о том, что «кризисное содержание» «Эксперта» (2008–2009 гг.) представлено «авторскими и редакционными оценками <...> Широкое поле прогностических материалов связано как с приглашенными экспертами и публичными анализируемыми мнениями экспертов, так и с выстраиванием собственных оценок кризисной ситуации» [7, 45]. Как отдельная тема освещение санкций представлено в статье «Освещение антироссийских санкций деловым печатным изданием “Эксперт”», где авторы выявляют разные периоды тематической активности издания и используемый жанровый спектр в санкционном дискурсе в первый год после введения санкционных мер в 2014 г. [8]. Вопросу жанров в «Эксперте» посвящена работа «Проблема синкретизма жанров новостных и репортажных текстов» [9], где авторы рассматривают подробно архитектуру разных типов репортажа (дидактический, психологический, ретроспективный и др.), выявляя смысловые акценты. Инфографика

также выступает одним из ключевых составляющих делового издания.

Таким образом, актуальность исследования прежде всего обусловлена недостаточностью проработанности выбранного нами аспекта — жанровой эволюции журнала. Из приведенного обзора исследований очевидно, что «Эксперт» изучался авторами с различных ракурсов: типологии, проблематики, жанров, способов визуализации контента, сравнения с другими мировыми и отечественными деловыми изданиями по ряду параметров. Однако, вопрос жанровой трансформации не попал в поле зрения исследователей до настоящего момента.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает отечественная деловая периодика. Основным в исследовании выступает метод научного описания, а также контент-анализ, который позволил нам изучить жанровые особенности текстов анализируемого журнала. Автор предприняла попытку анализа развития жанрового оформления контента журнала «Эксперт». Ввиду однотипности эмпирический материал был отобран методом квотной выборки и составил 96 номеров в период с 2000–2023 гг. (4 выпуска каждый год). Отметим, что именно с 2000 года архив выпусков издания представлен на официальном сайте журнала expert.ru постатейно. С 2007 года — в pdf-формате.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим подробнее основные жанры «Эксперта», а также те ключевые трансформации, которые произошли жанровом поле издания за последние два десятилетия.

1. Новость. Новостные подборки появляются в «Эксперте» на первых страницах номера. Обычно это около шести новостей из разных сфер бизнеса и размещается подборка в рубрике «Повестка дня. Коротко». Новости скорее структурированы в жанре хроники — факт без подробностей, «небольшие, часто состоящие из одной — двух фраз сообщения, не имеющие заголовка. Часто ее принимают за краткую форму заметки» [10, 47]. Тексты, помимо ответа на вопросы: что? где? когда? также могут содержать небольшой бэкграунд события или краткий вывод как, например, в новости о создании нового бренда одежды для взрослых компанией Gulliver Group:

Выход в новую категорию логичен: спрос на детские товары упал, а ниша после ухода зарубежных компаний освободилась, считают эксперты (27.02.2023).

Лид и прямая речь отсутствуют в этих текстах, поэтому можем говорить о том, что структура новостного сообщения содержит как элементы хроники, так и заметки. Преимущественно хроникальное оформление новости началось в «Эксперте» с 2009 г., когда появился раздел «Коротко». С 2017 г. новостной блок начинается с «Главной новости», в которой может быть описана, к примеру, динамика курса рубля либо сообщение о создании предприятия в области солнечной энергетики. Эта информация обычно за-

нимает половину полосы и может включать комментарий эксперта, статистику и инфографику.

2. Комментарий — это прежде всего оценка и личное отношение к происходящему, выявление достоинств и недостатков, «расширение новости с целью ее разъяснения или оценки <...> эксперты разъясняют суть новости и оценивают событие <...> журналист или приглашенный эксперт разъясняют суть новости и оценивают событие по каким-либо критериям» [11]. В тексте «Русский след в британском списке вузов» рассказывается о международном рейтинге вузов в британском предметном рейтинге — *Times Higher Education (THE)*, в список которого вошли 13 российских вузов. В материале приведено мнение директора Аналитического центра «Эксперт», который занимается разработкой предметного рейтинга российских вузов:

«Высокая планка “отсечки” фактически лишала многие российские вузы возможности сопоставить себя с мировыми лидерами. Теперь эта проблема отчасти решена...» (19.11.2017).

Ещё один пример — материал под названием «Промышленность в мае: фронтальный рост в обрабатывающих отраслях» речь идет о динамике промышленного производства в России. Экспертом выступил Владимир Бессонов, начальник отдела анализа отраслей реального сектора и внешней торговли института «Центр развития» НИУ ВШЭ:

«На протяжении четырех месяцев, с февраля по май, наша оценка индекса промышленного производства с поправкой на календарный и сезонный факторы демонстрирует уверенный восстановительный подъем <...> Некоторая заминка в мае не означает замедления роста, поскольку обусловлена особенностями календарной корректировки» (03.07.23).

Комментарий обязательно заканчивается выводом. Автор, опираясь на мнение эксперта, делает собственное заключение, акцентируя внимание на корреляции обрабатывающих производств с производством автотранспортных средств:

«Потенциал дальнейшего восстановления в обрабатывающих производствах имеется в первую очередь в производстве автотранспортных средств. Здесь спад оказался особенно глубоким, после чего длительное время не наблюдалось признаков начала восстановления. Наконец, в апреле – мае явные признаки оживления появились и в автотроме» (03.07.23).

Комментарий в издании может быть представлен и в виде блиц-интервью, когда эксперту задаются несколько вопросов относительно обсуждаемой ситуации. Такие материалы встречаются в «Повестке дня», то есть полноценными интервью их нельзя назвать, скорее — расширенный комментарий. Так, в материале «Текущая инфляция — 5% годовых, и она не растет» приводятся статистические данные, затем идет «знакомство» с экспертом и сами вопросы: *«Эксперт» попросил оценить и прокомментиро-*

вать текущую инфляционную ситуацию Владимира Бессонова, начальника отдела анализа отраслей реального сектора и внешней торговли института «Центр развития» НИУ ВШЭ»

«– Каков на самом деле текущий уровень инфляции на потребительском рынке?»

«– Можно ли выявить какую-то долгосрочную инфляционную тенденцию?»

«– Каковы лидеры инфляционного процесса?» (19.06.2023).

В настоящее время комментариев часто появляется в информационно-новостном контенте журнала по сравнению с выпусками начала 2000-х гг. Ранее в издании новости упаковывались скорее в расширенные информационные сообщения со статистическими данными. Сейчас же чаще новости и комментариев публикуются вместе.

3. Интервью. Тексты в жанре интервью встречаются во многих рубриках издания: «Русский бизнес», «Общество», «Наука и технологии», «Политика», «Экономика и финансы», «Культура». В каждом выпуске журнала встречается обычно 1–2 интервью объемом 3–4 полосы. Интервью в «Эксперте» обычно начинаются с бэкграунда, который знакомит читателя со сферой деятельности героя или кратко описывает жизненный путь собеседника:

«За исканиями молодого философа Андрея Коробова-Латынцева интересно было наблюдать и до его переезда в Донецк. Тогда с фотографий в соцсетях смотрел типичный русский интеллигент с бородкой, с некоторой чеховской грустинкой. Коробов-Латынцев увлекался рэпом и автостопом и неспешно делал академическую карьеру — забайкалец родом (Чита), он учился в Липецке на филфаке, затем в Воронеже в аспирантуре философского факультета...» (12.09.2022).

Интервьюер интересуется мнением собеседника по актуальным вопросам социального, политического и экономического характера. Подобные изменения хорошо заметны в 2010 г., когда в интервью журналисты стали активно включать вопросы прогностического содержания: *И все-таки, возможна ли либеральная революция в Иране? Возможно ли, что внутриэлитный конфликт выльется на иранскую улицу?* — вопросы из интервью с Адланом Марговым, научным сотрудником Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО (24.10.22). Еще одним примером вопросов из текстов рассматриваемого жанра, которые содержат прогноз, может служить интервью с Леонидом Можейко, с генеральным директором «Русской механики»: *Что происходит с российским рынком снегоходов? Восстановится ли он? Что будет с дорогим сегментом, спортивным и околоспортивным?* (16.04.23).

4. Репортаж. Жанр репортажа «диктует» динамично описание событий, где сам автор мате-

рила является обязательно очевидцем того, о чем говорит, создавая тем самым известный «эффект присутствия». В «Эксперте» репортаж появляется в рубриках «Политика», «Русский бизнес» и «Общество». До 2023 года основным автором репортажей была М. Ахмедова, обозреватель журнала, с 2023 года — Б. Корк. Репортажи «Эксперта» — это объемные (7–10 полос) и подробные материалы. Обычно в рамках выбранной тематики приводятся несколько личных историй с обязательным описанием обстановки, чувств, эмоций и переживаний героев:

«Толпа в человек двадцать идет от метро «Прокшино». Впереди высокий мужчина с проседью в бороде. За ним — двое рыжих. Еще один — невысокий, худощавый. Рядом с ним — человек в глубоком черном капюшоне, из-под которого видны только темные глаза и длинная, как у Деда Мороза, только черная, борода. За ними тянутся женщины — в куртках и шапках с помпонами» (15.11.2021).

Действительно, в репортажах «Эксперта» одна из важных характеристик — активное включение диалога между участниками/очевидцами события. Прежде всего для «оживления картинки» описываемой журналистом ситуации или события в сознании читателя, но и нельзя не согласиться с тем, что «прямая речь в репортаже важна для употребления в качестве одного из способов смены планов, что в конечном итоге делает репортаж более динамичным» [12, 235–236]. Если целесообразно, текст обязательно подкрепляется инфографикой. Например, в репортаже о мигрантах «Международный расчет» (15.11.2021) приводятся графики с расчетами о пребывании иностранных граждан из СНГ на территории Российской Федерации; сводные таблицы, которые отражают статистику по оформлению разрешительных документов для работы мигрантов в России. В репортаже «Вакцинальный синдром: почему человечество испугалось прививки» (27.09.2021) приводится статистика по росту заболеваемости Covid-19 в России и приводятся сравнение с мировыми темпами. Репортажи появляются не в каждом номере журнала, с 2014 года они стали объемнее и не только передают «с места события», но и включают исследование ситуации в целом.

5. Статья. В этом жанре автор анализирует процесс и явление, рассматривая отдельные моменты, выстраивая свою позицию, выявляя закономерности развития и приводя факты в доказательство своих суждений. Обязательно должны быть выводы и зачастую автор ведет свой диалог с читателем от первого лица. Статьи встречаются в нескольких рубриках издания: «Разное», «Русский бизнес», «Экономика и финансы», «Политика» и др. Особое место в каждом выпуске занимает редакционная статья. Ее можно рассматривать как начальную часть газет, которые используются для начала коммуника-

ции между автором и читателем. Это впечатляющие, аргументированные тексты, представляющие культурные и идеологические аспекты [13]. В «Эксперте» редакционные статьи отражают как внутреннюю, так и внешнюю повестку. Например, «Отлично спланированный удар» (08.12.2008) — о терактах, совершённых в индийском городе Мумбаи с 26 по 29 ноября 2008 г.; «Кризис в Германии открывает двери деловому союзу с Россией» — о внутривосточном кризисе в Германии (27.11.2017); «"Лагерь мира" становится сильнее» — о международных отношениях (22.05.2023). Редакционная статья обычно открывает постоянную рубрику «Тема недели», ее объем — около одной полосы. За ней обычно стоит объемный аналитический материал (4–6 полос с фотоиллюстрациями и инфографикой), который развивает тему, затронутую в редакционной статье.

Второй материал в «Теме недели» — это статья, которая поэтапно анализирует затронутую в редакционной статье тему с нескольких ракурсов, выделяя тематические доминанты посредством подзаголовков. Например, после редакционной статьи «"Лагерь мира" становится сильнее» (22.05.2023) в «Теме недели» размещен материал под названием «Китайский "лагерь мира"» (22.05.2023), где представлены следующие подзаголовки: «Личная» дипломатия Китая, Пассажиры на тонущем корабле, Венгерский реверанс, Украинский выбор, Поиск консенсуса. Публикация посвящена отношениям между Китаем и странами Европейского союза. Авторы подробно анализируют все встречи «на высшем уровне» за последнее время. Таким образом, в рубрике «Тема недели» в нескольких аналитических материалах подробно и поэтапно рассматривается одна макротема с аргументацией и элементами прогноза (предсказать развитие события или ситуации прежде всего в сфере экономики и бизнеса). Основная тематика — внешняя политика и ее корреляция с Россией, а также влияние на мировую финансово-экономическую ситуацию.

До 2015 г. в журнале присутствовала рубрика «На улице правды», которая обычно завершала выпуск «Эксперта». С 2004 г. постоянным автором стал Максим Соколов. Можно говорить о том, что «На улице правды» — пример жанра авторской колонки, где автор дает свою эмоциональную и образную оценку анализируемому социально-экономическому или политическому явлению. Действительно тексты М. Соколова начинают привлекать уже метафоричностью заголовков «Суверенная прелесть» (17.09.2007), «Они видели рождение нового мира» (02.11.2009), «Байроны на судне» (10.11.2012), а его «публикации рассчитаны на вдумчивого и владеющего информацией читателя <...> тексты чаще носят скептический характер. Во всех без исключения публикациях он критикует сложившуюся социально-экономическую ситуацию, защищает интересы «рядовых граждан»

[14, 47]. В последнее время одной из постоянных закрывающих рубрик выступают «Индикаторы». Содержание раздела — числовая бизнес-информация, которая отражает макроэкономические индикаторы экономики России за определённый период времени (уровень инфляции, ключевая ставка ЦБ, уровень безработицы и др.).

Заключение. Таким образом, в деловом еженедельнике «Эксперт» бизнес-информация представлена преимущественно в аналитическом контенте, вместе с тем, издание стремится максимально знакомить читателей с деловым опытом прежде всего в России. Журнал изобилует статистическими данными, которые визуализируют, подкрепляют и делают более убедительным аналитический контент. Очевидная аналитическая жанровая доминанта говорит об профессиональном авторском составе, привлечения большего количества экспертов, повышения внимания к оценке финансовой надежности потенциальных партнеров посредством рейтингов и прогнозов. В «Эксперте» наблюдается рост использования жанра хроники, что выигрышно для еженедельника — дать новости компактно, выстраивая ленту из кратких сообщений в зависимости от их актуальности и приоритета аудитории. Новостной контент все чаще начал подкрепляться комментарием.

Репортажи в «Эксперте» — это объемные публикации, которые не только делают читателя очевидцем происходящего, но усиливают текст анализом ситуации, подкрепляя качественной инфографикой. В интервью используются вопросы прогностического содержания. Рейтинги выступают одним из ключевых жанров деловой журналистики. В анализируемом издании. Ежегодно публикуется новые рейтинги по одной и той же тематике. В «Эксперте» рейтинг может быть «подкреплен» рядом других публикаций (статья, интервью), которые обязательно соответствуют его тематике. Таким образом, жанровые преобразования контента издания за исследуемый период указывают на очевидное развитие «Эксперта» именно как делового издания, а также его стремление предоставлять читателю объективный, визуально грамотно упакованный новостной и аналитический контент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордовская Е. И. Деловое издание в системе периодической печати: типобразующие факторы, характер становления и развития: автореф. дисс. канд. филол. наук / Е. И. Мордовская. — Москва, 1998. — 27 с.
2. Сергачев В. Я. Деловая пресса региона: состояние и перспективы развития: дисс. ... канд. филол. наук / В. Я. Сергачев. — СПб., 2000. — 148 с.
3. Еременко А. В. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий: дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Еременко. — Ростов-на-Дону, 2006. — 170 с.

4. Ветров Ф.А. Дискурсивные характеристики репрезентации финансово-экономического кризиса в деловой прессе России (на примере журнала «Эксперт»): автореф. дисс. канд. филол. наук / Ф.А. Ветров. — Москва, 2013. — 27 с.
5. Вырковский А. В. Сравнительный анализ моделей деловых журналов США и России (на примере «Форчуна», «Форбса», «Бизнес уика», «Эксперта», «Денег», «Смарт Мани»): автореф. дисс. канд. филол. наук / А. В. Вырковский. — Москва, 2007. — 24 с.
6. Бельтюков А. А. Типологическая и маркетинговая модели деловых изданий (на примере «Коммерсант власть», «Эксперт», «Forbes», «РБК») / А. А. Бельтюков // Медийные стратегии современного мира. Материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции. — Сочи: Кубанский государственный университет, 2017. — С. 34–37.
7. Ветров Ф. А. Кризисный дискурс в деловых изданиях (на материале журнала «Эксперт») / Ф. А. Ветров // Вестник Череповецкого государственного университета. — Вып. 1–1(36). — 2012. — С. 43–46.
8. Черкашина А. А. Освещение антироссийских санкций деловым печатным изданием «Эксперт» / А. А. Черкашина, Д. А. Багирова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — Вып. 26. — № 12(209). — 2015. — С. 144–149.
9. Кудряшова И. А. Проблема синкретизма новостных и репортажных текстов / И. А. Кудряшова, А. А. Бурьянова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Вып. 3. — 2022. — С. 117–130.
10. Сеитмететова С. А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман» / С. А. Сеитмететова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: История. — Т. 21 (60). — № 1. — 2008. — С. 43–51.
11. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата обращения: 09.02.2024).
12. Несын Е. Н. Проблемы изучения истории и теории жанра репортажа / Е. Н. Несын // Вестник Ставропольского государственного университета. — Вып. 1. — 2010. — С. 233–240.
13. Alipour M. A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorials / M. Alipour, P. Jahanbin // Russian Journal of Linguistics. — Vol. 24. — No. 4. — 2020. — P. 796–815.
14. Жиркова О. В. Авторский стиль колумниста Максима Соколова на страницах журнала «Эксперт» / О. В. Жиркова // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 8: Литературоведение. Журналистика. — № 1(18). — 2019. — С. 46–52.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Черкашина А. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций

E-mail: cherkashina@bsuedu.ru

*Belgorod National Research University
Cherkashina A. A., Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of
Social Sciences and Mass Communications
E-mail: cherkashina@bsuedu.ru*

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНОИСКУССТВЕ)

Чжу Пэнсяо

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 июня 2024 г.

Аннотация: в задачи работы входит характеристика массовой культуры как части социокультурного ландшафта, анализ противоречий массового и элитарного искусства наших дней, а также выработка рекомендаций по повышению уровня китайской журналистики, связанной с репрезентацией проблем литературы и кино последнего десятилетия. Сделаны выводы о необходимости либерализации массмедийных дискурсов о культуре и искусстве.

Ключевые слова: Китай, массмедиа, особенности социокультурного ландшафта, литература, кино, ТВ, Неофициальные беседы, Черно-белая планета.

Abstract: the objectives of the work include the characterization of mass culture as part of the socio-cultural landscape, the analysis of the contradictions of mass and elite art of our days, as well as the development of recommendations for improving the level of Chinese journalism related to the representation of the problems of literature and cinema of the last decade. Conclusions are drawn about the need to liberalize mass media discourses about culture and art.

Keywords: China, mass media, features of the socio-cultural landscape, literature, cinema, TV, Informal conversations, Black and white planet.

Введение. Изучение диалектики взаимовлияния, взаимного содействия культуры и СМИ сегодня актуально в условиях распространения сетевых коммуникаций и активного участия деятелей культуры в дебатах о путях развития национального искусства. Для Китая вопрос о развитии искусства в медиaprостранстве «открытого общества» не является простым. Во-первых, остро стоит вопрос цензуры и самоцензуры художников, во-вторых, коммерциализация культуры требует сохранения партийного контроля за содержанием произведений искусства, так как массовое искусство в условиях глобализации неоднозначно влияет на сознание потребителей. Противоречиво и развитие журналистики, освещающей жизнь литераторов и кинематографистов.

Метод исследования — историко-культурный, с элементами сопоставительно-культурологического рассмотрения текстов. Эмпирическая база: дискурсы и явления современной китайской медиакультуры, сравниваемой с текстами традиционной медиаккультуры XX в. В частности, это фильмы Чжана Имоу по романам Мо Яня и других писателей, а также культурологические ток-шоу «Неофициальные беседы» и «Черно-белая планета».

Репрезентация литературного развития в медиаккоммуникативном пространстве КНР последних десятилетий. Идеиной полемики сто-

ронников традиционных ценностей и новаций в духе западного авангарда было немало в Китае до эпохи «культурной революции», но потом на многие годы искусство стало лишь пропагандистом идей социализма. В конце прошлого века в Китае появились писатели-новаторы: Цань Сюэ (настоящее имя Дэн Сяохуэ), Мо Янь, Чжан Юэжань, Юй Хуа, Гао Син-цзянь, Дай Сы-цзе, Цзян Жун, Лю Биньянь и др. Многие из произведений названных авторов экранизированы, что подчеркивает важность темы «Литература и кино сквозь призму медиакритики». Не секрет, что экранная культура по влиянию обогнала «бумажную» культуру чтения во многих странах.

Цань Сюэ, дочь журналиста и редактора газеты «Новая Хунань», лауреата Нобелевской премии, автора сборника рассказов «Я живу в трущобах», создательницу нашумевших романов «Любовь в новом тысячелетии» (2018 г.) и «Последний любовник» (2015 г.), считают ученицей Ф. Кафки и З. Фрейда [1, 7]. Ее стиль также напоминает о Дж. Джойсе и М. Прусте. О фрейдизме в китайском искусстве с сатирической улыбкой писал и уехавший во Францию писатель-диссидент Дай Сы-цзе, отбывший в ссылке суровое наказание в годы маоизма. Герой романа Дай Сы-цзе «Комплекс Ди» (2003) — неудачливый психоаналитик Мо, начитавшийся на Западе новомодных книг. Сексуальные страдания Мо, гротескно показанные в истории нового Дон-Кихота, косвенно пародируют попытки многих авторов Китая совместить но-

вое и старое, Запад и Восток. Либерализация и мода на развлечения стала не только стимулом новых веяний, но и источником споров о сохранении наследия Конфуция, Лао-цзы, Мо Ди, Дэн Си, Инь Си, Сунь Ятсена, Ли Бо, Лу Синя и других философов, писателей и мастеров слова. Писатели в целом осудили жестокость «культурной революции» и расправы над инакомыслящими интеллигентами. Об этом много писал популярный на Западе деятель культуры и блогер Ай Вэй Вэй, сын знаменитого поэта Ай Цина (Цзян Чжэн-ханя) [2, 22].

Наиболее авторитетные авторы, например, лауреат Нобелевской премии Мо Янь или уехавший в Европу лауреат Нобелевской премии Гао Синцзянь, указали на вопиющий социальный разрыв между богатством и бедностью в Китае, на экологические проблемы, на уход молодежи от общественной работы, на проблемы алкоголизма, воровства, коррупции. По романам Мо Яня «Красный гаолян» и «Сорок одна хлопущка» в Китае сняты фильмы, вызвавшие широкие дебаты в Сети. Несмотря на цензуру, которая порой напоминает о Северной Корее, деятели культуры, протестуя против жесткого контроля КПК, отмечали, что «Великая мечта осталась мечтой, еще не стала реальностью» [3, 109–120]. Особенно острой была критика КПК в Сети, на сайтах европейской и американской диаспор. В 1987 году Чжан Имоу снял работу Мо Яня «Красное сорго». В романе «Красное сорго» Мо Янь использует метод повествования в виде ретроспективных кадров, чтобы распределить историю между разными моментами времени и перспективами, позволяя читателям почувствовать хаос времени и пространства и шаткие скачки истории. Этот стиль повествования усложняет чтение и придает роману неповторимое очарование. В фильме «Красное сорго» режиссер Чжан Имоу применил другую стратегию. Он представляет историю в хронологическом порядке посредством линейного повествования, сосредотачиваясь на основных сюжетных моментах.

Широкое освещение в прессе получил роман Чжан Юэжань «Кокон» (2020, пер. на рус. яз. — 2021 г.), напоминающий о последствиях эпохи волюнтаризма и тоталитаризма. Его герои — Цзяци и Чэн Гун — девочка Цзяци, внучка академика, и ее друг, выходец из бедной семьи Чэн Гун. Из-за давних ссор врач, дед Цзяци, в приступе ненависти вогнал в голову деда Чэн Гуна гвоздь, тот не умер, но впал в кому. Чэн Гун узнает тайну и покидает свою Джульетту, но она через 18 лет его находит. Увы, старые обиды не дают друзьям соединить тела и души. В формате детективного сериала скрыта семейная тайна, этот роман по жанру мифологизированная сага, данная в контексте социальных перемен, о чем писали авторы колонки об искусстве на сайте «Жэньминь жибао онлайн». О философском подтексте романа автор романа пишет так: ««Мы бездумно бредем по сотканному из тайн туману, не видя дороги, не зная цели.

Быть может, повзрослев, мы наконец вышли из тумана и увидели мир таким, какой он есть? Ничего подобного. Мы просто оделись в этот туман, замotalись в него как в кокон» [4, 189].

Писатель-экспериментатор Юй Хуа родился в 1960 г. Роман «Жить» считается его главным произведением. Сюжет романа-притчи напоминает о легендах древнего Китая, сочетая в своей основе реальность, в которой бедность соседствует с несправедливым богатством, и фантастику, связанную с вечными темами любви, труда и медитации о смысле жизни. В романе «Жить» два главных персонажа, крестьянин Фугуй, рассказывающий свою необычную биографию и сам рассказчик, собиратель народных преданий, легенд и мифов. История Фугуя связана с историей страны, но эту связь надо назвать непрямой. Важным направлением в китайской литературе считается проза о молодежи. В произведениях «Волчий тотем» Цзян Жуна, «Гляжу на заросли тростника» Хань Шаогуна, «Пробуждение» Цинь Чжаояна, «Радость» Хэ Шигуана, «Горький родник» Чжан Сяньляна и др. проблемы молодежи вызвали полемическую бурю в Интернете. Прозаика Цзян Жуна, написавшего в начале этого века традиционный реалистический роман «Волчий тотем» («Тотем волка»), критики посчитали поборником элитаризма, «либералом», зовущим к политической реформе, что в Китае наказуемо. Думается, польза от многообразия мнений больше значит, чем партийная дисциплина.

Литература, кино и ТВ как ферменты обновления национальной культуры. Для китайского кинематографа характерно слияние серьезного, даже элитарного, философского, подхода, с одной стороны, и развлекательного, гедонистического подхода, с другой. Характерно, что развлекательные фильмы тоже несут заряд воспитания и идейной закалки. Фильм «Стоянка Саньсиндуй», снятый китайскими режиссерами под руководством английского режиссера и постановщика известных мюзиклов Тома Саутерленда, расширяет кругозор, хотя и покоится на законах коммерции [3].

Другой стороной связи СМИ и кинематографа является опора кино на литературу. «Цветы войны», китайский военно-исторический фильм, снятый в 2011 г. режиссером Чжан Имоу, как экранизация романа Янь Гэлин «13 цветов Нанкина», может служить наглядным примером. Сюжет фильма основан на Нанкинской резне во время антияпонской войны. Это трогательная история проститутки и раненого солдата, стоящего перед жизнью и смертью. В 1937 г., начиная вторую японо-китайскую войну, японская имперская армия захватывает столицу Китая Нанкин и устраивает систематическую и жестокую Нанкинскую резню. Когда вторгнувшиеся японцы одолевают китайскую армию, отчаянные школьницы бегут к монастырю Католической церкви. Здесь к группе невинных школьниц присоединяется американский гробовщик Джон Миллер,

который должен похоронить главного священника. В церкви Миллер находит мальчика Джорджа Чена, сироту, которого воспитал умерший священник. Вскоре в поисках убежища в собор прибывает группа местных проституток. В собор врываются японские солдаты и начинают наводить ужас на школьниц, желая их поймать и изнасиловать. От рук японцев умирают две девочки. Переодевшись в священника, Миллер пытается спасти школьниц, но получает прикладом по голове и теряет сознание. Всех спасает китайский снайпер, который расправляется с жестокими японцами и гибнет в финале. Проститутка Ю Мо, убеждая свою группу защитить школьниц, заняв их место на японской вечеринке. Поскольку в соборе только 12 проституток, мальчик Джордж, приемный сын умершего священника, также соглашается стать добровольцем. Проститутки делают ножи из разбитых окон и прячут их в свои плащи. Судьба 13 цветов, которые принесли себя в жертву, остается неизвестной.

На телевидении Китая отразилась тотальная медиатизация культуры, повсеместное влияние сетевых коммуникаций. Доказательство тому — жанр ток-шоу о культуре, например, «Неофициальные беседы» и программа дебатов «Черная и белая планета», основными формами которых являются разговоры интересных людей. «Неофициальные беседы» — это программа, основанная на жанре интервью, в которой четыре постоянных гостя: Да Цзо, Ян Ди, Чэнь Мин и Чэнь Чао. Первые четыре сезона были произведены Hubei Satellite TV, а начиная с пятого сезона — совместно Bilibili и Hubei Satellite TV. Программа в основном имеет форму ток-шоу, в котором представители разных стран обсуждают несколько тем в каждом выпуске. Представители молодежи из разных стран приглашаются к общению и обсуждению актуальных тем и культурных различий, предлагая разнообразные точки зрения. В каждом выпуске представители «Друзей» высказывают мнения (предрассудки) друг друга и разыгрывают драму «взаимного вреда». Благодаря личному опыту и взглядам гостей зрители смогут узнать о культуре и образе жизни разных стран. В процессе взаимного общения мы разрушаем когнитивные барьеры между разными странами и открываем путь в новый мир. Самым большим направлением этой качественной отечественной программы является культурный обмен между странами. Она ориентирована в первую очередь на молодую аудиторию, тех, у кого есть чувство международной культуры и разные точки зрения. Темы в основном легкие и интересные, подходят для повседневного просмотра. Формат программы легкий и юмористический,

часто включает забавные ссылки и интерактивные игры. «Черно-белая планета» — это развлекательное шоу собственного производства, созданное совместно Youku и Miwei Media. В программе вы можете свободно выбирать свою позицию по горячим социальным темам и участвовать в ожесточенных конфронтациях и дебатах. «Неофициальные беседы» фокусируются на непринужденных и приятных беседах об искусстве и культурных обменах. «Черно-белая планета» фокусируется на более серьезных политических дебатах. «Неофициальные беседы» очень интерактивны и вызывают отклик у аудитории посредством игр и непринужденных диалогов. «Черно-белая планета» пробуждает мышление аудитории посредством дискуссий. Интерактивный метод названных ток-шоу больше ориентирован не на гедонизм, а на ответ критического мышления коммуникаторов, на анализ сложных вопросов культуры и на диалектический спор [5].

Заключение. Знакомство с медиакulturой и массовым искусством Китая позволяет сделать вывод о противоречивом соединении в пространстве медиа обилия достижений искусства и его репрезентацией в массмедиа. С одной стороны, дискуссии в Сети убеждают в динамичном количественном росте и энергичном продвижении эстетических товаров на рынке информационных услуг. Но, с другой стороны, противоречия массового производства и потребления эстетических ценностей, породившие бурные дискуссии в СМИ последних лет, свидетельствуют о недостаточном качественном уровне духовных товаров, в том числе и медийных текстов, критических статей и отзывов, что требует от медиакритиков и журналистов более откровенного разговора о недостатках литературы и кино, об уровне художественных дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chinese author Can Xue favourite to win 2023 Nobel prize in literature // The Guardian. — 2023 г.
2. Черкасский Л. Е. Ай Цин — подданный Солнца / Л. Е. Черкасский. — М., 1993.
3. Исаев А. С. Художественное кино в Китае: текущее состояние, тенденции и перспективы / А. С. Исаев // Современные востоковедческие исследования. — Т. 5 (3). — 2023. — С. 109–120.
4. Чжун Дафэн. Китай на киноэкране / Чжун Дафэн, Ли Эрчжуан. — СПб., 2021.
5. People's Daily Online: The cybersecurity act and the national security review system. — Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0622/c40531-28469973> (дата обращения: 12.06.2024).

Воронежский государственный университет
Чжу Пэнсяо, аспирант
E-mail: zhupengxiao2@gmail.com

Voronezh State University
Zhu Pengxiao, Postgraduate Student
E-mail: zhupengxiao2@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К РАЗВЛЕЧЕНИЮ

Е. В. Шашкова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 21 августа 2024 г.

Аннотация: в статье на примере передач телеканала «Культура» рассматривается содержательное, типологическое, жанровое и функциональное своеобразие отечественной телевизионной исторической журналистики. Эмпирическим материалом исследования стали выпуски телевизионных проектов канала «Культура». Хронологические рамки исследования — с 2010 по 2024 г.

Ключевые слова: историческая журналистика, телевизионный исторический проект, новый историзм, медийный образ исторического прошлого.

Abstract: the article examines the substantive, typological, genre and functional uniqueness of Russian television historical journalism using the example of the Kultura TV channel broadcasts. The empirical research material was the releases of the television projects of the Kultura channel. The chronological framework of the study is from 2010 to 2024.

Keywords: historical journalism, television historical project, new historicism, media image of the historical past.

Постановка проблемы. Для разговора об исторической журналистике необходимо сделать терминологический комментарий. В исследовательской литературе можно встретить узкий и широкий смысл данного определения. Узкое толкование объясняет историческую журналистику как специализированные периодические издания или аудиовизуальные программы в электронных СМИ, сосредоточенные на исторической тематике и предназначенные для широкой аудитории. Широкое же определение предполагает, что историческая журналистика включает любые журналистские материалы об истории, представленные в любых типах СМИ [1, 120].

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие *исследовательские задачи*: изучить историю становления отечественной исторической журналистики; исследовать опыт становления исторической журналистики на отечественном телевидении; провести мониторинг современного телевизионного пространства, включающего исторические проекты; в ходе контент-анализа сформировать представления о тематическом спектре отечественной исторической журналистики; исторической памяти и историческом мифе как феноменах медиасферы; определить типологическую, жанровую специфику данных медиатекстов; обозначить основные этапы трансформации исторической тематики на отечественном телевидении от просветительского направления к развлекательному; выявить особенности реконструкции исторического прошлого на отече-

ственном телевидении и причины популяризации истории в медиа. *Методы исследования, использованные в работе:* методы наблюдения и описания, метод мониторинга, использованный при отборе эмпирического материала исследования; исторический метод, метод классификации; метод контент-анализа, методика жанрового анализа.

Становление исторической журналистики в России. Первые специальные исторические издания в России появляются в последней четверти XVIII в. в связи с журнально-издательской деятельностью Н. И. Новикова («Древняя российская вивлиофика» (1773). С этого момента положено начало обнародованию и популяризации исторических материалов в формате периодического издания. В 1792 г. появляется первый отечественный исторический журнал «Российский магазин» Ф. О. Туманского. Развитие исторической журналистики в нашей стране продолжается в первой половине XIX в., что было связано с необходимостью осознания Россией себя как нового европейского государства (приложение к первой российской газете «Ведомости» — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания» [2, 170]). Препятствием для полноценного развития исторической журналистики была ограниченная читательская аудитория, так как Россия не могла еще похвастать большим количеством образованных людей и ученых. В 1820 г. П. П. Свиньин предлагает читающей публике журнал «Отечественные записки», за которым закрепилась характеристика «дедушки» русских исторических журналов. В 1830–1840 гг. в России популярностью пользовались исто-

рические альманахи и альбомы («Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного» А. О. Корниловича, 1824). Знаменательным событием стал выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В начале XIX в. историческая тематика распространяется в общественно-литературных журналах («Москвитянин» М. П. Погодина). Во второй половине XIX в. развивается новое направление исторической периодики — «историко-литературное» («Русский архив» П. И. Бартенева); исторические материалы публикуют общественно-политические журналы («Сын отечества»); издаются узкоспециализированные издания («Древний мир», 1902). В период с 1861 по 1917 г. в России выделялось несколько направлений развития исторической периодики: историко-литературное для широкого круга читателей («Русская старина» М. И. Семевского); научно-академическое («Научный исторический журнал» Н. И. Кареева); узкоспециализированное («Христианские древности»). На рубеже XIX–XX вв. в России сложилась система исторической периодики. Наиболее распространенными типами являлись: периодические сборники различных исторических обществ, ежегодные труды губернских археографических комиссий. Катастрофические события начала XX в. прекратили деятельность исторических обществ и их изданий. Государство создавало новую систему «пролетарской исторической периодики», опирающейся на общие принципы партийности и классовости («Пролетарская революция», 1921–1941). Период с 1941 г. до 1980-х гг. отличался отсутствием разнообразия в исторической периодике, представленной почти исключительно научными академическими изданиями. Демократизация общественной жизни и гласность 1980-х гг. привлекли острое внимание прессы к вопросам истории [2, 180]. Журналистика стала разрабатывать те темы, на которых ранее было табу («Правдинские пятницы»). Второй этап перестройки (1989–1991 гг.) ознаменовался «информационной революцией». Историческая проблематика становится достоянием отраслевой специализированной журналистики, рассчитанной на широкие круги общественности («Наше наследие»). Происходит типологическая дифференциация изданий: по содержательной специфике, по целевой аудитории, по формам подачи материала и пр. [3, 100]. Сегодня популярностью пользуются исторические издания с «облегченным» информационным содержанием («История в подробностях») [4, 96–97]. Внушительную группу представляют историко-краеведческие издания («Московский журнал»). По-прежнему востребована военно-историческая тематика («Военно-исторический журнал»).

На отечественном телевидении исторические проекты появились в 1960-е гг. Они были посвящены судьбоносным событиям недавней истории страны («В. И. Ленин. Страницы жизни»). В 1968 г.

к 50-летию ВЛКСМ был приурочен выход документального цикла «Твои ордена, комсомол», посвященного созданию и развитию данной организации. Уже в данном проекте активно использовались фрагменты архивных документов, кинохроника. В 1971 г. на экраны вышел историко-познавательный документальный цикл «Зима и весна сорок пятого», отразивший ключевые события 1945 г. В 1984 г. появился очередной цикл документальных фильмов, приуроченный к 40-летию победы над гитлеровской Германией, — «Стратегия Победы». Встречаем мы на отечественном телевидении и проекты, посвященные историческим истокам нашей страны («По следам великих открытий», 1979 г.). Особое место занимали телевизионные проекты, обращенные к истории культуры нашего государства («Чуден град Москов», 1989 г.). Первые отечественные телевизионные исторические проекты не забывали и о роли личности в истории («Наша биография», 1977 г.).

Уже в данный период мы наблюдаем и формирование жанрового своеобразия телевизионных проектов: от исторических экскурсий до воспоминаний. В 1974 г. на экранах появилась передача «Победители», представлявшая собой встречу фронтовых друзей, предающихся воспоминаниям). В 1990-е гг. ключевую роль в трансляции и интерпретации исторических знаний играло телевидение, активно осваивавшее исторический материал («Российская империя» Л. Г. Парфенова («НТВ») и пр.). Начало 2000-х гг. ознаменовалось появлением первых телевизионных исторических ток-шоу («Суд времени»).

Как никогда ранее, сегодня интерес к прошлому страны очень высок. Центральные и периферийные каналы отечественного телевидения предлагают многочисленные художественные исторические сериалы, документальные фильмы, исторические расследования, хроники и пр. Мы проанализировали эфирную сетку центральных и нишевых телеканалов на наличие в ней проектов, посвященных истории. Первый канал предлагает документальные фильмы («Великие династии. Юсуповы»), фильмы-расследования («Наркотики Третьего рейха»), сериалы-интерпретации исторических событий и личностей («Рюриковичи») и пр. На телеканале «Мир» выходит телевизионная программа «Исторический детектив», в которой Н. Валуев раскрывает громкие исторические преступления. На телеканале ТВ-3 представлен проект «Интервью» в жанре интервью с историческими личностями. Существуют и нишевые телевизионные каналы, предназначенные для аудитории, заинтересованной в получении дополнительных исторических знаний («История»).

В ходе анализа телевизионных проектов были выявлены основные направления обращения к истории: академическая история, история как сенсация, история как политический аргумент, история как развлечение. В основе концепции лежит стремление

возвратить читателям работы забытых философов, литераторов, художников; представить мемуары, письма, архивные материалы по истории России и ее культуры, рассказы о частных коллекциях произведений искусства, архитектурных памятниках и пр.

В ходе проведенного контент-анализа (анализ содержания, специальных тематических выпусков) был выявлен чрезвычайно широкий тематический спектр исторических телевизионных проектов: эпоха и лица, история цивилизаций и народов, теоретические проблемы истории, драматические страницы истории, история военного дела, армии, история Великой Отечественной войны, реформы и революции, власть и общество, история внешней и национальной политики государства, история российской дипломатии, история военного строительства и пр. Подбор содержания каждого выпуска ведется в соответствии с актуальной исторической темой. Чаще всего аудитории предлагают масштабный материал, соединяющий несколько сюжетов в рамках одного исторического вопроса.

Представленные на современном отечественном рынке периодики издания и телевизионные проекты демонстрируют функциональное своеобразие. Отметим ведущие функции исторической журналистики: информационная; образовательная (популяризация исторической тематики для широкой аудитории); адаптивная (проявляется в ключевой теме, связанной с актуальными проблемами современности), коммуникативная (переход от исторического монолога к диалогу с аудиторией). Однако сегодня большинство функций связано с явлением конструктивного инфотейнмента: рекреационная (даже сложная историческая информация предлагается в интересном и «облегченном» формате), эскейпистская (медиатексты позволяют читателю на время перенестись в другой мир и в другое время, например, «Кем бы ты был во времена крепостного права»); аттрактивная (привлечение внимания аудитории с помощью использования броского дизайна, визуального сторителлинга) [5, 105–107].

Телеканал «Культура» на сегодняшний день является лидером по количеству представленных исторических проектов. Мы выделили типологию его телевизионных исторических проектов. *Историко-просветительские проекты* («Рассказы из русской истории. XVIII век»; «Кто мы?»). В данной группе можно выделить *проекты, посвященные историческим личностям*: основу концепции составляет стремление описывать на фоне исторических событий истории людей (передача «Невский ковчег. Теория невозможного», представляющая рассказ об исторических фигурах, чье наследие до сих пор является востребованным). *Историко-публицистические проекты* («Власть факта» — проект, в котором представлен взгляд на судьбы, явления, события сквозь время глазами историков наших дней).

Историко-документальные проекты представлены документальным сериалом «История русского быта», рассказывающим о формировании особого русского быта (например, о русских банных обычаях); циклами передач «Предки наших предков», «Дело №».

В ходе проведенного контент-анализа исторических телевизионных проектов телеканала «Культура» был выявлен специфический тематический спектр представленных в них медиатекстов: история России и начало российской государственности, особенности национального характера и менталитета, эпоха и лица, драматические страницы российской истории (войны, революции, государственные перевороты), военная политика Российского государства, исторические памятники и их судьбы и пр. И это далеко неполный список. Одна из ключевых тем — *история России: начало российской государственности* — раскрывается через целый спектр ключевых вопросов: богоданные черты русского характера; особенности природно-климатических условий и их влияние на формировании стихий русского народного характера; влияние Византийской империи на становление Русского государства и пр. В проекте ACADEMIA представлен целый цикл лекций, посвященный началу российской государственности (31 мая — 1 июня 2010 г. Юрий Пивоваров, «Традиции русской государственности и современность»: становление русского государства, история институтов власти, важнейшие документы и стоявшие за ними люди и пр.). Тема российской государственности «тянет» за собой тему национальных особенностей, специфического менталитета русского народа. Во второй части пилотного выпуска передачи «Кто мы?» (выпуск от 6 мая 2010 г. «Не в силе Бог, а в правде») сквозь повествование о партизанской войне 1812 г. прорываются рассуждения французских солдат, доведенных до отчаяния, о том, что якобы война ведется не по правилам, что это «азиатчина».

Проанализированные телевизионные проекты создают многочисленные образы прошлого, обозначающие ключевые представления об историческом прошлом, наследии. Образ прошлого мы можем определить как оформленный в нарратив, вербализованный опыт исторического прошлого. Именно поэтому телевизионные исторические проекты представляют собой своеобразный медийный продукт, развивающийся от картин прошлого к реальности и ее фактам. Историческая информация «перекладывается» на доступный самой широкой аудитории медийный язык. Данная тема имеет стратегическое значение, так как она отражает состояние сознания и памяти того или иного коллектива, которое в дальнейшем и определяет существование и функционирование общества в определенных исторических условиях.

На сегодняшний день отечественное телевидение представляет различные форматы и жанры исторических проектов. Жанровое своеобразие позволяет

показать исторические факты вполне определенным образом в соответствии с авторским замыслом. Жанры со свойственным им взглядом на действительность по-разному реконструируют историческую реальность. Жанровая специфика способствует формированию смыслового поля телевизионного исторического проекта и его восприятие аудиторией. Кроме того, подход к историческим материалам определяется задачей, стоящей перед авторами проекта, каналом и целевой аудиторией.

В ходе проведенного жанрового анализа мы выявили самые частотные жанры, отвечающие за реализацию просветительской функции в исторических телевизионных проектах. Это следующие жанры: историческое расследование, историческое путешествие, мемориальный жанр (воспоминания), телевизионная лекция.

Одним из частотных жанров оказался *жанр исторического журналистского расследования*. Особое значение исторического расследования для аудитории заключается в его познавательной ценности. Расследование на историческую тему дает журналисту возможность приоткрыть дверь в прошлое и посмотреть на него глазами современника, позволяет осветить ранее неизвестные подробности, познакомить с архивными документами, секретными материалами, ставшими доступными совсем недавно. Первые образцы исторических расследований в России появились еще в XIX в. (расследование А. С. Пушкина о восстании Пугачева) [6, 48]. Специфика исторических расследований состоит в том, что журналист исследует события «давно минувших дней». В результате — значительно ограничивается тот круг источников информации и методов, который позволит осуществить расследование. Источниками информации в историческом расследовании выступают: экспертное мнение, архивные документы (государственные и семейные архивы), рассекреченные данные [7, 213]. В жанре исторического расследования организован проект «Рассекреченная история» (2012–2022 гг.) — цикл, приподнимающий завесу малоизвестных страниц советской истории, впервые показывающий интереснейшие документы по истории XX в. («Штурм Зимнего. Опровержение» — выпуск, предлагающий новую трактовку важнейшего исторического события).

Историческое телевизионное путешествие — журналистский портал в прошлое. Жанр путешествия синтезирует документальное и беллетристическое начала, проявляющиеся в информативности и субъективном отношении журналиста, в авторском отборе реальных фактов. Тематическим и структурным стержнем в жанре путешествия является сам маршрут, выстроенная дорога, путь. В достоверности описываемого автор-путешественник убеждает с помощью реальных описываемых фактов. Жанр путешествия является синтетическим жанром. Это

проявляется в соединении элементов разных жанров: репортажа, дневника, анекдота, путевого очерка и пр. В жанре исторического путешествия представлена программа «Пешком» — программа, вместе с которой зритель может отправиться на прогулку по улицам Москвы и других городов России. Каждая точка на карте этого маршрута — возможность для путешествия во времени. И вот перед зрителем уже Москва парковая и Ярославль узорчатый, Тула железная и Москва дворцовая и пр. Автор и ведущий программы М. Жебрак — краевед.

Один из жанров, в котором находит отражение история, «живое» прошлое, оказывается *жанр воспоминаний (мемуарный жанр)*, позволяющий взглянуть на события прошлого, в которых участвовал сам автор. Важнейшая особенность данного жанра — ориентация на документальность, достоверность событий прошлого. В связи с этим возникают определенные требования к произведению: достоверность исторических фактов, соблюдение хронологии повествования, отказ от искажения сюжета, использование художественных приемов. Эти качества способствуют сближению воспоминания с бытовым жанром, например с дневником. Принципиальное отличие состоит в ретроспективности воспоминания, обращаясь к более отдаленным историческим периодам, позволяющего оценивать и переоценивать события [8, 803]. В качестве примера приведем авторскую программу Ю. Стоянова «Настоящая история» (2020 г.). Ностальгические воспоминания посвящены неполитической истории страны. «Когда история большой страны и личные истории сплетаются воедино — получается самая правдивая, субъективно-объективная, настоящая история в диалоге с днем сегодняшним» (https://smotrim.ru/brand/66606?utm_source=search&utm_campaign=autocomplete; дата обращения: 10.04.2024). Выпуски посвящены воспоминаниям различных годов с 1957 по 1980 г. Первый выпуск посвящен 1957 г. и его самым знаковым событиям: падение железного занавеса, первые рейсы самолетов АН-10 и ТУ-114 и пр. Отметим, что воспоминания представляют собой не только отражение истории, но и отражение души автора через историю.

Один из доминирующих жанров, представленных в телевизионных исторических проектах, — *телевизионная лекция*. Телеканал «Культура» предложил своим зрителям уникальный образовательный и познавательный проект ACADEMIA. Проект выходил с 2010 по 2014 г. В каждом выпуске новой программы известный ученый в течение 45 минут (так называемый академический час) излагает собственный взгляд на достижения, проблемы и перспективы своего научного направления. Благодаря данному проекту, была возобновлена традиция прямого обращения крупнейших ученых современности к широкой аудитории. Тематическая группа, представляющая интерес для нашего исследования, — история Рос-

сии. В проекте АСАDEMIА представлен целый цикл лекций, посвященный началу российской государственности (4 мая 2010 г. В. Янин, «Человек XIII века»: исследование берестяных грамот, открытие Новгорода XIII века и быт его жителей» и пр.).

Поскольку основное направление телеканала «Культура» — просветительская деятельность, развлекательных проектов, посвященных истории, представлено крайне мало. Это обусловлено как концепцией канала, так и спецификой целевой аудитории. Тем не менее в 2023 г. на онлайн-платформе «Смотрим» и ее площадке в сети «ВКонтакте» вышел видеокурс «Нескучно об истории», призванный в легкой и доступной форме на интересных примерах познакомить аудиторию с прошлым нашей страны и других государств, с историческими личностями как живыми персонажами. Таким образом, историческая телевизионная журналистика помимо информационной, просветительской и пропагандистской функций выполняет на сегодняшний день и рекреативную функцию, что отвечает запросам современной аудитории.

Выводы. В разные периоды развития нашей страны обращение к осмыслению российской истории являлось ведущей целью различных медиа, что объяснялось необходимостью «социализации» исторических знаний. При этом интерпретация истории (событий и судеб) зависела от господствовавших в данный период социальных, политических и идеологических факторов. Усиление интереса к отечественной истории и историческим личностям в последнее время в современном медиaprостранстве России обусловлено не только политическими событиями, нуждающимися в поддержке историческими аналогиями, но и потребностью аудитории в определении «смыслов». Исторический дискурс — неотъемлемый ресурс любой идеологической системы, поэтому роль медиа в актуализации исторической памяти невозможно переоценить. При всей разности подходов отметим, что все телевизионные историче-

ские проекты, безусловно, выполняют важнейшую просветительскую функцию. В центре их внимания оказываются политика, социум, культура, человек. Исторические проекты позволяют во многом ответить на жгучие вопросы современности. Кроме того, популяризация истории позволяет формировать мировоззрение, патриотизм, гражданственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колбасов С. А. Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении / С. А. Колбасов // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 120–122.
2. История российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте: учебное пособие / Под редакцией Л. П. Громовой и Ю. Б. Балашовой. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021.
3. Соловьева Д. Ю. Отражение принципов нового историзма в современных СМИ / Д. Ю. Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2016. — № 5. — С. 98–120.
4. Ущиповский С. И. Российская историческая журналистика: учебно-методическое пособие для студентов и магистрантов коммуникационных специальностей / С. И. Ущиповский, О. С. Кругликова. — Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
5. Маркасов М. Ю. Исторический медиадискурс в контексте рекреативной журналистики / М. Ю. Маркасов // Вестник НГУ. — Серия: История, филология. — 2016. — № 6. — С. 100–109.
6. Константинов А. Журналистское расследование: история метода и современная практика / А. Константинов. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
7. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие для студентов вузов / А. А. Тertyчный. — М.: Аспект Пресс, 2000.
8. Дамилова Н. Жанровые особенности мемориальных произведений / Н. Дамилова, Э. Баатырбекова, Б. Закирова // Бюллетень науки и практики. — 2022. — № 6. — С. 803–807.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Шашкова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики

E-mail: shaskova-lenochka@list.ru

*Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Shashkova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Media Linguistics Department
E-mail: shaskova-lenochka@list.ru*

ТЕМАТИЧЕСКИЕ, ЖАНРОВЫЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗДАНИЯ «КУЛЬТУРА» (1929–2023 ГГ.)

М. С. Шульга

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 29 июля 2024 г.

Аннотация: в статье представлены результаты исследования российского периодического издания «Культура» периода 1929–2023 гг. С помощью историко-типологического и контент-аналитического методов выявлены основные этапы развития и характеристики издания. В данной статье сделан акцент на тематические, жанровые, функциональные характеристики.

Ключевые слова: периодическая печать, издание «Культура», жанры, журналистика, контент.

Abstract: the article presents the results of a study of the Russian periodical “Kultura” of the period 1929–2023. Using historical-typological and content-analytical methods, the main stages of development and characteristics of the periodical are revealed. This article focuses on thematic, genre, and functional characteristics.

Keywords: periodical press, periodical “Kultura”, genres, journalism, content.

На данный момент газета «Культура» является одним из старейших периодических изданий в стране, которые выходят до сих пор. По этому параметру подобных ей совсем немного. Следует отметить, что в России есть немало различных периодических изданий, работающих в этой тематике, но в основном они затрагивают лишь один или несколько видов искусства. Среди них «Искусство», «Искусство кино», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Художественный журнал» и многие другие. «Культура» выпускает материалы о почти всех видах искусства, ещё об обществе и политике. В настоящий момент «Культура» относится к федеральным изданиям, подобный статус она носила и в советский период, когда была общесоюзной газетой. В разные периоды она меняла названия и организации, от имени которых выходила. Сперва называлась «Рабочим и искусством», первый выпуск вышел в 1929 г. В 1931 г. газета сменила название на «Советское искусство». С 1942 г. по 1943 г. временно слилась с «Литературной газетой» и выходила под названием «Литература и искусство». С 1944 г. по 1953 г. снова была «Советским искусством». В 1953 г. газета стала «Советской культурой», в 1991 г. сменила название на «Культуру». В данный момент у «Культуры» есть сайт, аккаунты в социальных сетях, приложение в виде журнала «Свой», что позволяет называть её конвергентным изданием.

Данное исследование носит многосторонний характер, применялись историко-типологический и контент-аналитический методы. Впервые издание «Культура» было исследовано так подробно более чем за 90 лет его истории. Целью исследования яв-

лялось изучение характера его развития. Для этого были выявлены периоды развития и типологические, тематические, жанровые, функциональные характеристики. В предыдущей статье даны типологические характеристики «Культуры», в этой представлены сведения о тематических, жанровых, функциональных характеристиках [1]. Важное внимание уделено функциям журналистики [2]. Исследование проводилось с учётом основных принципов социологии журналистики [3].

В основу исследования легли архивные выпуски «Культуры». Они находятся в свободном доступе на сайте издания. В историко-типологическом исследовании применялись подходы А. Аكوпова [4], А. Голикова [5]. В выборку попали все доступные выпуски, что составило в общей сложности более 7000 тысяч архивных номеров. Для контент-аналитического исследования был выбран интервал в семь лет начиная с 1929 г., в выборку попали первый апрельский и первый ноябрьский выпуски исследуемого года. В общей сложности с помощью контент-анализа исследовано 28 выпусков за 14 лет, что составило 1337 материалов.

Исследований на тему российской журналистики о культуре не так много по сравнению с другими направлениями журналистики [6]. Большинство из них представляют научные статьи о теоретических аспектах культуры и СМИ. В зарубежной науке СМИ этой тематики тоже уделено немного внимания. Большой вклад в журналистику о культуре внесла Т. Ф. Дедкова, которая изучала российскую периодическую печать о культуре и искусстве, её типологию и не только [7]. Она отмечала важность региональных литературно-художественных изданий и их экономические проблемы. Исследователь М. Л. Князева

подробно разрабатывает проблемы современной культуры и СМИ, в своих работах указывает на важность сохранения российской культуры [8].

В зарубежной практике есть исследования, которые проясняют многие теоретические и практические аспекты культурной журналистики. Если обобщать выводы этих научных статей, то в европейской журналистике о культуре, начиная с 1990-х гг., произошла легитимация художественных произведений массовой культуры, в ней гораздо больше стала проявляться тема развлечений и лайфстайла. В связи с цифровизацией в последнее десятилетие руководство от журналистов в сфере культуры стало требовать ещё большей кликабельности их материалов, что в немалой степени изменило подходы к работе. Сокращаются отделы по культуре в СМИ. Увеличиваются доли культурных новостей и популярной культуры, в то время как её ядро, обзор и критика, изменились по характеру или, возможно, потеряли позиции [9]. Дебаты о культуре всё более стали похожи на общественные дебаты. Одни исследователи видят в этом кризис журналистики о культуре, другие считают это просто новым этапом её развития. Все эти перемены привели к дискуссиям об изменении роли журналиста в журналистике о культуре.

Изданию «Культура» исследователи редко уделяют внимание, в основном оно изучалось вместе с другими СМИ с целью рассмотреть какую-либо проблему или же брались отдельные его аспекты.

Тематические, жанровые, функциональные характеристики «Культуры». В ходе исследования были выделены основные этапы развития «Культуры». Первый этап продлился до конца 1940-х, в тот период были заложены основные структурные особенности газеты, её сотрудникам порой не хватало профессионализма, сфера культуры и искусства развивалась в новых условиях, закреплялись идеологические принципы регулирования культуры и искусства, происходило многоэтапное переустройство управленческих организаций. Затем следующий основной по длительности советский этап продлился от начала 1950-х гг. по 1991 г., в начале этого периода газета перешла в новый формат, на фоне поступательного развития сферы культуры, в частности разных видов искусства, она всё сильнее встраивалась в систему управления этой сферой. В то время заработала репутацию, выпускала материалы о множестве культурных мероприятий, искусствоведческие и экспертные статьи, испытала ряд изменений, присущих качественной газете. Постсоветский период начинается с 1991 г., он во многом связан с новыми социальными и экономическими условиями, изменением формата «Культуры» и переходом на еженедельный выпуск. Современный с 2010-х гг., в тот период сменились главный редактор, авторский состав, учредитель, были приняты новые концепция и формат.

«Культура» была основана в 1929 г. и сперва на-

зывалась «Рабочим и искусством», тогда проводилась первая пятилетка. Этому предшествовали НЭП, частичная либерализация культурной жизни, тогда специализированных изданий о культуре было совсем немного, к ним относилась газета «Вестник работников искусства». Постепенно укреплялась сталинская модель социализма, проводились индустриализация и коллективизация. Участие руководителей предприятий и ведомств в крупных отраслевых совещаниях стало неотъемлемой частью пятилеток. Пятилетки стали определять не только развитие промышленности, но и культуры. С начала 1930-х гг. «Советское искусство» подчинялось Народному комиссариату просвещения, главной организации в области культуры в тот период.

Уже на тот момент газета занималась информационным сопровождением руководящих культурных учреждений. Как и другие советские газеты «Советской искусство» выпускало материалы о пленумах, съездах, постановлениях. На протяжении всего советского периода «Культуры» материалы о решениях партии и их исполнении занимали существенную часть содержания. В газете было мало постоянных рубрик, они регулярно менялись, в отдельные годы были эксперименты по более основательной структуризации газеты, как, например, в 1970-х гг. или в 1985 г. Определилась и тематика, в первую очередь культура и искусство, затем уже общество и политика, которые проявлялись во многом за счёт материалов о деятельности государства и в меньшей степени экономика. В начале 1930-х гг. проводилось укрупнение организаций в сфере культуры и искусства, стоит отметить решение 1932 г. партии по объединению художественно-литературных организаций. В дальнейшем создавались профессиональные союзы по тому или иному виду искусства, в том числе Союз писателей. В 1936 г. был создан Комитет по делам искусств при СНК СССР, которому было отдано много полномочий, «Советское искусство» перешло под его контроль. Содержание газеты тех лет строилось из крупных общественно-политических событий того времени, заметки о которых выходили на первых страницах, проводилась борьба с формализмом, пропагандировался социалистический реализм, партия требовала большего идейно-политического подхода в искусстве исходя из марксизма-ленинизма. Заметка, новость, статья были основными жанрами. Помимо информационной и культурно-просветительской функции у газеты выделялись организаторская и идеологическая функции, которые характерны для советской периодической печати первых десятилетий её существования. Одним из самых популярных видов искусства был театр, непререкаемым авторитетом в литературе являлся М. Горький. Уже в тот период определились основные виды искусства, которым авторы уделяли наибольшее внимание, — это литература,

театр, живопись, кинематограф, музыка. Несмотря на значительное увеличение количества культурных учреждений, в том числе библиотек, была сильная нехватка кадров в сфере культуры и искусства.

В военные годы в «Литературе и искусстве» печатались известные авторы, включая А. Толстого, И. Эренбурга и многих других. В этот период больше всего за историю газеты в её содержании было стихов. Она тогда стала более художественно-публицистической. Комитет по делам искусств руководил отправкой бригад артистов в тыл и на фронтовые территории, таким образом выполнив огромную работу. Между странами-союзниками налаждался культурный обмен. Огромное количество театров было уничтожено, их предстояло восстановить. В послевоенные годы «Советское искусство» в основном выпускало журналистские материалы о внутренней жизни страны, ближе к концу 1940-х годов снова развернулась борьба с формализмом, из-за которой пострадали театральные критики и бывший ответственный редактор «Советского искусства» И. Альтман. Набирал обороты кинематограф, Министерство кинематографии СССР какой-то период было ещё одним учредителем газеты. Качество журналистских статей в газете улучшалось постепенно, она в этом плане долгое время была неравномерной, но уже в 1939 г. стала более содержательной, прибавилось заметок и статей с подробным изучением проблем культуры и искусства.

В конце 1940-х гг. «Советское искусство» имела развитую корреспондентскую сеть, профессиональные авторы и деятели искусства печатались в ней, она сотрудничала с известными зарубежными персонами. Появилась совместная рубрика корреспондентов «Советского искусства» и ТАСС. В начале 1950-х гг. издание стало меняться в силу международной обстановки, появилось множество материалов о странах народной демократии, экономическом давлении США на сферу искусства европейских стран. Авторство специальных корреспондентов стало указываться чаще.

В 1953 г. газета была переименована в «Советскую культуру», её учредителем стало Министерство культуры, которое появилось в тот же период. Тогда проводилось укрупнение государственных учреждений и организаций, включая тех, что работали в сфере культуры. После прихода Н. Хрущёва на пост генерального секретаря появилось множество статей о сельском хозяйстве, принимались постановления о его развитии, в том числе предписывалось развивать культурное обслуживание населения в сёлах. Большое значение стал приобретать кинематограф, в дальнейшем развивалось телевидение. Развитие основных видов искусства стало приобретать индустриальные масштабы. В 1950-х гг. структура номеров сильно не изменилась, на первых страницах выходила важная общественно-политическая информация

и сведения о крупных культурных мероприятиях, далее шли содержательные статьи и очерки о культуре и искусстве, но уже добавилась в конце рубрика о международных темах. Важное место в жанровой структуре занимали статьи критиков. Такой подход в «Советской культуре» сохранялся и в дальнейшем. В 1960-х гг. издание стало более структурированным, выходило интервью на постоянной основе. Проводилась значительная работа с письмами читателей. В 1973 г. «Советская культура» стала газетой ЦК КПСС, она продолжила своё привычное развитие, но стала более официальной, перешла на объём в 8 страниц, её жанровая структура особо не изменилась. С ней стало сотрудничать ещё больше учёных и крупных чиновников. В 1975 г. тираж составлял 400 тысяч экземпляров, в 1990 г. 735 тысяч. В семидесятых проводились эксперименты по введению больших рубрик в том числе по видам искусства, в 1985 г. тоже. В тот период помимо основной тематики были статьи о науке, спорте. В поздней «Советской культуре» 1970-х гг. и 1980-х гг. существенное значение имели культурно-просветительская и идеологическая функции. В период «перестройки» в газете появились реклама и телепрограмма. В 1990 г. она перешла на еженедельный формат.

В 1991 г. газета сменила название на «Культуру». В дальнейшем значительно сократились тиражи, пропала цензура, её учредителем стал редакторский коллектив, изменилась экономическая модель, появилось ещё больше рекламы. Медиасистема страны развивалась уже в других социальных и экономических условиях, что повлияло и на характер формирования контента. Много материалов было об экономических проблемах учреждений культуры. Жанровая структура издания существенно не изменилась, но поменялось содержательное наполнение. Уделялось внимание другим направлениям и деятелям искусства, классика тоже иногда присутствовала. Порой было немало внимания зарубежным произведениям искусства посредственного качества, к примеру, сериалам. В 2000-х гг. в «Культуре» стало поменьше материалов о политике, поменялась экономическая и социальная ситуация в стране, сфера культуры и искусства постепенно восстанавливалась. Выходили постоянные рубрики по какому-либо виду искусства, использовались основные газетные жанры, в результате экономических проблем она оказалась под угрозой закрытия. В начале 2010-х гг. произошла смена главного редактора, учредителей, авторского коллектива «Культуры». Изменился дизайн, главным редактором стала Е. Ямпольская. Появились новые рубрики, приложение «Свой». Концепция изменилась, издание стало более качественным и экспертным при этом сохранив основную тематику. Культурно-просветительская функция осталась по-прежнему основной, не считая информационной. Постепенно новостных жанров стало меньше, жанровую структуру

составляли в основном статьи и интервью. В 2019 г. должность главного редактора занял Пётр Власов. В 2020 г. «Культура» перешла на 32 страницы и ежемесячный формат. В тематическом и жанровом плане продолжила развиваться тем же путём.

Заключение. Исследование издания «Культура» позволило получить объёмные сведения о его функциональных, тематических и жанровых особенностях. Оно прошло большой путь от массовой газеты до аналитической качественной газеты с богатой историей, профессиональным коллективом авторов и устоявшейся концепцией ещё в советский период. Больших изменений в тематической направленности заметить не удалось, менялся лишь набор тем в зависимости от исторических условий, профессиональных подходов, характера развития медиасистемы. В жанровом плане «Культура» не испытала сильных изменений, в самом начале её существования подбор жанров был более бедным, но в хрущёвское время расширился. Интервью стало одним из основных жанров уже позже. Важнейшую роль в «Культуре» всегда играла культурно-просветительская функция, в последние десятилетия увеличилась рекламная и справочная функция, что наглядно показывает переход «Культуры» на рыночные условия, при этом идеологическая снизилась. Акцент на популярные виды искусства доказывает, что формат «Культуры» привлекателен для вовлечения широкого круга читателей в вопросы культуры, искусства, общества.

Примечательно, что «Культура» сохраняла многие свои структурные особенности несмотря на смены названия, главных редакторов, социальный контекст разных исторических периодов. В современности немалые изменения произошли в 2010-х гг. в связи со сменой собственника, авторского коллекти-

ва и главного редактора, что привело к изменению концепции и постепенной убыли новостных жанров. Помимо этого, увеличилось количество больших статей об истории в её содержании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульга М. С. Типологические характеристики издания «Культура» (1929–2023) / М. С. Шульга // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3. 172–175 с.
2. Аникина М. Е. Институциональные роли российского журналиста в начале XXI века / М. Е. Аникина // Медиаскоп.— 2019. Вып. 4. (Дата обращения: 22.03.2024)
3. Свитич Л. Г. Социология журналистики: учебник для академического бакалавриата / Л. Г. Свитич.— М.: Издательство Юрайт, 2015.— 397 с.
4. Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов) / А. И. Акопов.— Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985.
5. Голиков А. Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова.— 5 изд., испр.— М.: Издательский центр «Академия», 2012.
6. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс / Е. Л. Вартанова.— М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.
7. Дедкова Т. Ф. Старые и новые журналы о культуре / Т. Ф. Дедкова.— М.: Ф-т журналистики, 2007.
8. Князева М. Л. Традиции как фактор развития: медийные аспекты / М. Л. Князева // Вопросы теории и практики журналистики.— 2015.— Т. 4, № 3. С. 280–298.
9. Verboord, M., Janssen, S. (2015). Arts Journalism and Its Packaging in France, Germany, The Netherlands and the United States, 1955–2005.— *Journalism Practice*,— 9(6),— 829–852.

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

Шульга М. С., аспирант кафедры теории и экономики СМИ.

E-mail: stateoze@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University
Shulga M. S., Postgraduate Student of the Department of
Digital Journalism.

E-mail: stateoze@yandex.ru

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через

запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии
E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска